

ЛИНГВИСТИКА И АКСИОЛОГИЯ

ЭТНОСЕМИОМЕТРИЯ ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ

Коллективная монография

**МОСКВА
ТЕЗАУРУС
2011**

УДК 81.0
ББК 81
Л55

Монография выполнена в соответствии с Тематическим планом научно-исследовательских работ ГОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки РФ, регистрационный номер 1.3.06. Руководитель проекта доктор филологических наук, профессор ИГЛУ Е.Ф. Серебrenникова

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Иркутского государственного лингвистического университета*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор А.М. Каплуненко
доктор филологических наук, профессор О.А. Сулейманова

Автор идеи и руководитель проекта:

доктор филологических наук, профессор Е.Ф. Серебrenникова

Коллектив авторов:

Е.Ф. Серебrenникова, Н.П. Антипов, Л.Г. Викулова, Ю.А. Ладыгин, Ю.М. Малинович,
С.Н. Плотникова, Е.Г. Тарева, С.А. Хахалова, Н.Н. Казыдуб, Т.Е. Литвиненко, Т.И. Семенова,
О.М. Готлиб, М.В. Малинович, А.И. Шарунов, О.А. Кулагина

Л55   Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов:
коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

ISBN 978-5-98421-117-8

Монография посвящена проблемам современного лингвистического аксиологического анализа и обоснованию этносемиотрии в качестве одного из возможных способов его реализации. В русле фундаментальной онтологической парадигмы «Человек-Язык-Культура-Мир (миры)» выделяется глубинное оценочное измерение, эпистемологически осмысляемое в ряду таких интегральных понятий, как «картина мира», «жизненный мир человека», «дискурс», «субъектность», «ценностная археология знания». Этносемиотрия определяется методологически как вид семантической интерпретации, выходящий на глубинный оценочный уровень текста / дискурса. Уточняются принципы, условия, контексты использования этносемиотрии, и на этой основе осуществляется многоаспектный аксиологический анализ в пространстве межкультурной коммуникации.

Предназначается специалистам в области лингвистики, философии, аксиологии, преподавателям-исследователям, аспирантам и магистрантам

УДК 81.0
ББК 81

ISBN 978-5-98421-117-8

© Авторы, 2011
© ТЕЗАУРУС, 2011

ВВЕДЕНИЕ

*Слова подобны монетам: они сперва имеют
собственную цену и лишь потом становятся
выражением самых различных ценностей.*

А. Ривароль

Категории, термины, связанные с аксиологией, во все большей степени присутствуют в новейших исследованиях по лингвистике, позволяя выйти на прояснение глубинных аспектов «человека в языке» — *homo lingualis*. При этом язык понимается не только как неотъемлемый атрибут и уникальное «орудие» человека, не только как некий определенным образом пре-структурированный и постоянно структурируемый «дом бытия» человека в координатах «картины мира». Язык – это и пространство энергейного (и, добавим, фрактального по своей сути) пересечения множества модусов переживания бытия человеком в его воздействующем диалоге с открывающимся познанию и освоению миром и самим собой в процессах жизни — выживания, вовлеченности, самовыражения, самоидентификации, попытках гармонизации, единения с этим миром и другими, подобными себе.

С развитием когнитивно-дискурсивного подхода становится все более очевидным, что структуры знания, мнения, верования, воображения, «стоящие» за реальной речью реального *homo verbo agens*, изъясняющегося на данном естественном языке, имманентно сопряжены с оцениванием и восходят к соотношению сознательного и бессознательного, устойчивого и креативного. Ясно, что продвижение информации зависит от способа ее представления, способного породить возможный интенциональный мир в поле «общения сознаний» (М.М. Бахтин); что вербально-семиотическое регулирование взаимоотношений в жизненном мире ценностно определено. Атомарный или уровневый подходы к семиотическим процессам, придающие ценностным параметрам смыслообразования роль одной из ситуативно-феноменологических «компонент» скорее эмоционального плана, не отвечает современному требованию

интегрального телеологического видения жизнедеятельности человека и общества.

Оценочность и ценностные характеристики, таким образом, осознаются в настоящее время как фундаментальные характеристики универсума бытия человека и общества, но, в то же время, остаются среди еще непознанных в своем единстве и одновременно в их вариативной представленности в языке человека.

В связи с поставленной в современном антропологическом знании задачей разработки общей теории аксиосферы, а также в связи с появлением в лингвистике множества новых, аксиологически ориентированных дисциплин, таких как этнолингвистика, эколингвистика, критический анализ дискурса, анализ социального дискурса, политическая дискурсивная лингвистика и других, проблематика аксиологического плана с необходимостью выходит на уровень определения своей методологической базы исследования. Значимым становится более четкое формулирование теоретических оснований, определение методов и совокупности адекватных им способов и приемов анализа, с опорой на изменения парадигмального характера в современной лингвистике и накопленный опыт в осмыслении человека и его языка.

Социально ориентированная лингвистика стоит перед необходимостью определения закономерностей и особенностей эволюции ценностных смыслов общества в их «вечной» антропологической, культурологической континуальности и феноменологической дискретности; значимости языковой культуры в процессах социализации личности, воздействующего потенциала дискурсивной, особенно медийной деятельности на информационное и духовно-нравственное состояние общества. Современное состояние «глобализирующегося» мира эпохи «постмодерна» делает особенно актуальным вопрос о соотношении слова и реальности, информирования и риторики, об эвристике множественной интерпретации, о коллизиях исходных, устойчивых концептов открытых друг другу этнокоммуникативных пространств и смыслов набирающей силу «интеркультуры». Лингвисты выдвигают вопросы владения дискурсивными технологиями и дискурсом как «информационным оружием» на важнейшее место в сосуществовании в межперсональном, межнациональном и наднациональном планах в непреодолимом аксиологическом векторе выживания — векторе достижения

«consensus omnium» (И. Кант) в параметрах игры интересов, целей, потребностей. В этой связи возрастает важность попыток комплексного осмысления аспектов и проблем аксиологического лингвистического анализа в целом и разработки адекватной методологии и методики такого рода анализа. **Актуальность** данного научного издания, таким образом, определяется необходимостью развития методологического обоснования современного аксиологического анализа в целях повышения прикладной, социально действенной значимости лингвистических исследований. **Цель** монографического исследования состоит в обосновании этносемиотрии как способа аксиологического лингвистического анализа, уточнении основных контекстов и условий его применения с точки зрения порождения, состояния и эволюции сущностных смыслов человека и общества. Областью семиотической тексто-дискурсивной разработки семиотрии является пространство межкультурной коммуникации.

Теоретически важным результатом исследования представляется разработка положения о глубинном оценочном измерении фундаментальной онтологической парадигмы «Человек — Язык — Культура — Мир (миры)». Такая парадигма содержательно осмыслится посредством интегральных эпистемологических понятий «картина мира», «универсум и модусы бытия человека», «жизненный мир», субъектность, формулируемых на основе принципа антропоцентричности современной лингвистики и понимания процессов освоения мира в связи с процессами переживания и субъектного присвоения, осуществляющегося человеком говорящим и мыслящим в смыслообразовании — в тексте/дискурсе.

Новизна исследования определяется тем, что анализ ценностных смыслов производится исходя не из априорно утверждаемых концептов, но на основе выведения их по совокупности интерпретации фрактальных данных репрезентативных контекстов, взятых в единстве их целеполагания, диалогичности и в координатах определенного хронотопа. Семиотрия основывается на положении о глубинном ценностном обосновании текста/дискурса, позволяющем рассматривать их как достаточное смысловое пространство для интерпретации закономерностей состояния и эволюции значимых смыслов человека и общества. Разработка семиотрии как способа аксиологического анализа позволяет использовать его для определе-

ния ценностных координат языковой картины мира, процессов и результатов означивания оценочной деятельности человека в языке и речи; установления элементов личностной и национальной аксиосферы, закономерностей эволюции сущностных смыслов в различных сферах жизни общества, в том числе в сфере общественного мнения, сфере народного образования, художественной литературе, художественного творчества, для реализации сравнительного анализа национальных ценностных миров.

Авторы стремились в своих исследованиях рассмотреть комплекс выделенных для обсуждения аспектов и проблем, сложность которых не вызывает сомнения в связи с глубинным характером аксиологического измерения языка и возможностью различных способов его моделирования. В то же время сохранялась свобода в изложении авторской позиции. Однако при этом в качестве общей установки важным представлялось отметить необходимость для современной лингвистики дальнейшей разработки методологии аксиологического анализа, адекватного современному состоянию общества, выработанным новейшим эпистемологическим понятиям, а также важность усиления прикладного значения лингвистических исследований на основе приемов и методов анализа реальных знаковых объектов в их соотношении.

Руководитель проекта проф. Е.Ф. Серебрянникова

ГЛАВА 1

ЭТНОСЕМИОМЕТРИЯ КАК СПОСОБ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АКСИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аспекты аксиологического лингвистического анализа

Антропоцентричность современной лингвистики полагает в качестве исходной инстанции рассмотрения человека говорящего (*homo verbo agens*), а язык как экзистенциальную сущность человека, с необходимостью вводя в исследовательское поле понятия эпистемологического междисциплинарного значения. К ряду ключевых понятий в этой парадигме относятся такие, как «универсум, универсум человека и универсум языка», «картина мира», «жизненный мир» человека, а также дискурс/текст и субъектность, обусловленные фундаментальной онтологической парадигмой «Человек — Язык — Культура — Мир (миры)». Поскольку данные интегральные понятия современной лингвистики исходят из их «человеческого» происхождения и имеют глубинное оценочное измерение, то они взяты в их концептуальном и языковом параметрах, а также в балансе соотношения статики и динамики [Скрелина 2009]. Отражая концепцию взаимообусловленности биологического, психологического, социокультурного, трансцендентного и экзистенциального способов бытия человека, они инициируют постановку вопроса о категориях в аксиологическом измерении человека и общества: аутентичности, идентичности и личности. Единственно человеческий истинный мир есть мир ценностный, кристаллизуемый на стыке — в зазоре оценивания, расщепления бытия на реальное и желаемое, сущее и должное, являющееся и кажущееся [Ильин 2005: 4; Барышков 2005: 160].

Оценочное измерение картины мира и дискурса определяется жизненным миром человека и общества, находящихся в процессе освоения/присвоения мира и, как следствие, непрерывном поиске своей идентичности, первооснов и смыслов бытия в «потоке жизни» в направлении от пережитого (актуального) к ожидаемому (потен-

циальному) и в экзистенциальной совмещенности данных векторов. В этом плане более «высокое» по своей человеческой духовной устремленности ценностное измерение отражает субъективацию человека в модусах¹ «сущее - должное», «сущее - желаемое», **что** основано на его потребностях² как «сущностном свойстве живого» (И.П. Павлов), интенциях и убеждениях, степени его личной пристрастности [Малинович 1989]. В результате, регулируется эмоционально-интеллектуально-речевая деятельность человека и, в конечном счете, его целостная система бытия.

Способ удовлетворения потребностей и характер мотиваций к деятельности относятся, безусловно, к числу определяющих факторов «ценностной ориентации» человека. В векторе потребности ценность рассматривается с точки зрения способности человека осознать необходимость и целесообразность чего-либо, а также способов достижения данного необходимого и желаемого, определяющего интересы, целевые установки и средства их достижения. В связи с этим решается вопрос о функциональной структуре ценностного сознания: от потребности в соразмерной человеку картине мира — к чувственно-оценочному восприятию-переживанию в рамках глубинных мотиваций и к интеллектуальному конструированию образа-понятия (ценности). Интегральной человеческой потребностью, ценностно обоснованной, признается потребность в соразмерном человеку образе мира как условию согласия с ним.

---

¹ Под «модусом» понимается субстанциональное атрибутивное явление способа бытия человека, выступающее в качестве механизма перевода одного способа бытия человека в другой способ. При этом ключевыми способами бытия являются биологический, психологический, социокультурный, трансцендентный и экзистенциальный, так как без жизни нет бытия как такового; без психологического способа бытия нет бытия человека, ибо оно индивидуально; без социокультурного способа бытия нет самого человека, а значит, и его бытия; без экзистенциального способа бытия нет развития человека в личность; без трансцендентного способа бытия человека нет познания и совершенствования бытия человека как целостной системы. В совокупности, они имеют определяющую детерминанту своей взаимообусловленности — такую подсистему жизненного мира, как «человек — общество». Социокультурный способ концентрированно «вбирает» в себя весь жизненный мир, поэтому подсистема «человек — общество» определяет его интеграционный характер в целостной системе бытия.

² Отметим в этой связи многообразие необходимых или потенциальных потребностей человека, в ряду которых выделяются витальные, нравственно-эстетические, социальные потребности в любви, общении, самоидентификации, свободе, справедливости, праве, достоинстве, чести, славе, а также потребности духовно-созидательные.

Два вектора жизненного мира, ретроспективность и проспективность, крепятся на одном остоле – оценочная деятельность человека. Человек, как существо самоутверждающееся, «вопросит не о том, что есть, а о том, что может быть» [Schelling 1856: 89; цит. по: Ильин 2005: 201]. Именно оценочность определяет жизненный спектр человека от наполненной верой в свои силы креативности до инерционности или пассивности в условиях изменяемого им мира, в способах существования человека. Два крайних состояния жизненного мира маркируют максимальную или минимальную оценочность, предполагающую градуированность в реальных воплощениях от безудержной вседозволенности, пассионарной креативности до обескураживающего равнодушия к своей судьбе и судьбе общества, явной бездуховности, выводимых по координатам прикладной нормы интерпретации.

В современной лингвистике все более утверждается представление о речемыслительной деятельности человека как способе переживания / освоения / оценивания опыта в определенных ситуациях жизненного мира и его материализации через дискурсивно/текстовые образования в их воздействующем качестве социальных практик через процессы формулирования значимых смыслов. При этом человек говорящий конституирует себя в качестве субъекта через язык, являясь существом мира, в едино-цельном проявлении своего самосознания, памяти, воли, эмоционально-психического состояния, интенционально и эпистемически. В ходе распремечивания мира происходит, наряду с возможной долей самоотстранения, **присвоение** осмысляемого мира субъектом и моделирование данного мира в дискурсе [Серебрянникова 2008: 6 – 11]. Ценностное отношение отличается от познания / освоения / понимания как такового именно установлением субъектно-объектного отношения [Каган 1999: 67]. Собственно ценностная оценка есть эмоционально-интеллектуальное выявление ценностного значения воспринимаемого / переживаемого / осмысляемого в виде суждения вкуса, приговора совести, символа веры, медитативного суждения. Проявляя себя не просто «наблюдателем» идентифицируемой и описываемой им ситуации опорного мира по вектору принятой точки зрения, субъект имманентно конструирует некоторые пропозитивные смысловые структуры в их социальной предназначенности и межперсональной реализации, что наделяет их такими качествами, как диалогичность, полифония и эмпатия.

Каждый раз языковые символичные структуры, в которых осуществляется мысль человека (Л.С. Выготский), одухотворены правдой, убежденностью, которые *homo verbo agens* пытается «моделировать», предъявить миру и самому себе в мире, изменяясь в процессе говорения как интеракции и трансакции, создавая свой социальный образ и ментальный мир воображения, знаний, верований, которые, по сути, составляют модусы его бытия. Модусы бытия, или «экзистенциалы» (Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер) – [я чувствую / я хочу / я могу / я знаю / я сделаю] – сопряжены с «энергетичной» природой человека, его эмоционально-интеллектуальными состояниями на стыке соотношения внутреннего и внешнего универсумов человека; они характеризуют определенным образом его речевое и социальное поведение.

Данные переживаемые состояния, синергетического плана, подлежат осмыслению в их принадлежности к ряду открытых концептуальных рядов, выражаемых посредством ценностных понятий, что позволяет аксиологически интерпретировать деятельность *homo verbo agens*. Элементами таких рядов можно считать те, которые определенным образом объективируются в речи человека как языковой / дискурсивной личности и в своей семантике отражают эмоционально-когнитивное состояние человека в его ценностном измерении. К данным элементам относятся такие понятия, как долг (следуя долгу, обязан, по долгу службы, как мать, я должна), воля (проявляя волю, по доброй воле, из добрых побуждений), искренность, самоутверждение, неприятие, сомнение, признательность, сострадание, целеустремленность и др.

То, чем человек живет в перспективе земного пути, – вкус к жизни, вера, надежда, мудрость (а также то, что опознается или декларируется в дискурсе как противоположное им) – пронизывают, организуют его существование и взаимоотношения между людьми. Счастье, любовь, ненависть, красота, свобода могут являться не только созерцательными, либо переживаемыми (часто инстинктивными) состояниями, либо умозрительными конструктами для человека, но и осознаваться в качестве «наивысшей личностной целесообразности» [Лосев 1991: 150]. При этом исследование проблем жизненного мира человека в его целостной природе многоликого Януса предполагает раскрытие его сущности и как возможно, осознанного или не осознанного разрушителя, способного унич-

тожить не только условия своего существования, но и себя как биологический вид.

Представления о жизни и смерти, сама жизнь в ее обновляющемся состоянии в ответ на необходимость осуществлять выбор, с ее достижениями, неудачами или конфликтами, рефлексивно и эмоционально отражается в совокупности того оформленного и находящегося в постоянном процессе оформления знания, которое можно, вслед за М. Фуко [2004], назвать оценочной археологией. Сущность этого процесса и, соответственно, именующего его понятия состоит в том, что возможно понять не только то, что говорится, но и почему это говорится или умалчивается, почему это позволено или не позволено говорить.

С одной стороны, современная аксиология ориентирована на разработку концепции подлинного человеческого бытия как основания философии универсального гуманизма. Она рассматривает бытие как непрерывный процесс духовно-практического производства, интенсивного воспроизводства человеческой жизни, самореализации личности. Телеологически данная концепция направлена на поиски путей решения вечных экзистенциальных вопросов, связанных с поиском путей спасения человека и человечества, сущностных смыслов жизни, возможностей достижения гармонии человека или его выхода за пределы данного мира, реализуемые в постоянном жизненном диалоге — дискурсе выражения себя как существа мира.

С другой стороны, наука о ценностях не может не обращаться к тому, что представляет ее антиномию — анти-гуманизм и а-гуманизм человека в возможности саморазрушающей и культуроразрушающей деятельности, столкновения ценностного как духовно-нравственного и анти-ценностного в ситуациях, когда *de facto* символом веры является анти-вера в ее социально-культурном обосновании (*нет ничего святого, совесть есть фикция*). Такого рода концепции практически закрывают путь к диалогу, учету взгляда Другого.

Современный человек, живущий в мире интенсивных преобразований, где важнейшая роль в формировании представлений принадлежит информации, с особой остротой сталкивается с проблемой уникальности существования индивида и национального мира, хрупкости персональной сферы, а также с проблемами зависимости формирования мнения от средств и каналов информации.

Это ведет к поиску опорных точек в жизни, что с необходимостью вызывает к обретению собственной жизненной позиции, либо, *in contrario*, приближает возможность антропологической катастрофы, суть которой часто определяется в превращении человека в «элемент массы».

Для новейшей истории человечества, которая определяется доступностью и всеохватностью информационного воздействия, свойственно такое масштабное явление, как развертывание «информационной войны» в случае прямых вооруженных конфликтов, которая неизбежно приобретает глобальный характер. В условиях информационного противостояния, вытекающего из абсолютной «праведности» своей позиции и категорического обвинения другой стороны, оказываются чрезвычайно затрудненными или практически невозможными правда об объективном положении дел и следование принципу справедливости как жизненно важным гуманитарным требованиям, поскольку информирование превращается в пропаганду: предъявление только нужной и дозированной информации, ее специальное структурирование. Создается ситуация, когда слово становится важнее реальности. Манипуляция общественным мнением происходит через дискурс присвоения безусловных (для коллективного бессознательного) ценностей. Под давлением активизированного таким образом общего мнения проявляется парадоксальный феномен необходимости доказывать очевидное, не раз становившийся предметом осмысления в литературе и кинематографе.

В этом плане обращение к процессам самовыражения человека в языке позволяет увидеть жизненную реальность радикальной оппозиции двух возможностей оценивания мира и самого себя в мире, категоризируемую в антиномии имен «Благо»/«Зло». Вместе с этим осознается нюансированный характер оценивания в дискурсивных пространствах по векторам априорности и апостериорности, субъектности и объектности. Это достигается при посредстве операторов речемыслительных процессов совмещения, сопоставления, подведения под известное и общее, сравнения, обобщения, столкновения смыслов при их формулировании и целенаправленном продвижении.

Для лингвиста, ставящего цели выведения смыслов на основе определения мотивирующей речемыслительную деятельность факторов, релевантным является субъективность и интенциональность

всякого акта разума и воли. Важно при этом учитывать сложность самого феномена «субъекта», лингвокультурологические факторы ограничения мыслимого и высказываемого, возможная противоречивость и неполнота высказываемого, неискренность или намеренное сокрытие истинного смысла — цели общения, а также возможность ситуации вынужденного высказывания. Важным является также положение о том, что в речи имеет место не само формулирование ценности как таковой, но выражение убежденностей или верований говорящего на основе его ценностного мотивационного отношения, в каком бы дискурсивном пространстве оно не реализовывалось.

Очевидно, что в попытке объяснить «сокровенные» смыслы личностного универсума и социальной реальности, образующей вариативные знаковые ориентиры человека в его соотношении с жизненным миром, необходимо как можно глубже постигать природу индивидуального и социального бытия человека и общества — задача, которая, безусловно, имеет междисциплинарное мировоззренческое звучание.

Оценочный характер приобретает современный общественный, политический и личностный дискурсы по поводу и при осознании факта уникальности и единства колыбели человечества, ограниченности жизненного пространства и связанной с этим проблемы глобальных изменений в мире, которые оцениваются как такие, которые неизбежно повлекут гибель жизни на земле, если не изменить к ним отношения. В ходе исторического процесса проблема ценностей приобретала особое социальное и нравственное значение в сложные, переломные моменты, когда прежние традиции и устои теряли свою актуальность и значимость. Социокультурной ситуации на рубеже тысячелетий свойственно мироощущение человека «на переломе», обостряющего проблему выбора целей и поиска смысла, когда проявляется синдром отставания духовного развития человечества от научно-технического прогресса, доминирует технократическое и прагматично-потребительское мироотношение. Отмечаются процессы личностного отчуждения и утраты культурной памяти, неустойчивость или агрессивность информационного поля культуры. Многообразны проявления деструктивных процессов в виде этно-региональных и социальных конфликтов, а также кризиса национального самосознания, сопровождающегося становлением «глобального мышления» в условиях «ин-

формационного общества». Имеет место (реальное или мнимое) разрушение традиционных национальных ценностей под давлением «новых» ценностей массовой потребительской культуры, в которой нормой становится сосуществование ценностей, антиценностей, псевдоценностей, имитаций (симулякров) социальных феноменов ценностного характера, своего рода инфляция ценностей. В этой связи на уровне семиотики культуры (Р. Барт, М. Бубер, Ж. Деррида и др.) продуктивен подход к изучению означивания мира в связи с социализацией человека и вывод о том, что практика означивания связана с идеологией. Как следствие, есть все основания выделить как особый объект исследования различного рода «контрязыки» и «контркультуры» [Гуревич 2000: 197].

Явно аксиологическим становится анализ общественно-политической и экономической ситуации в российском обществе, которое находится во времени перемен. По своей значимости этот период обозначается часто в параметрах «быть или не быть»³. Основным выводом такого рода оценочного аналитического дискурса является положение о способности человека и общества противостоять современным вызовам только при условии преодоления ситуации ценностного разброда, путем постепенного создания ситуации превалирования в обществе высших ценностей, восходящих к безусловным «суперконцептам». К ним относится прежде всего такой концепт, как «достойная жизнь», которая в ретроспективном оценочном векторе, очевидно, связана с концептами достатка, добра, труда, толерантности, библейских (общечеловеческих, по сути) заповедей. А в перспективном векторе этот концепт объективно определяется в направлении формирования ценностей нетрадиционного, непатриархального мышления вместе с формированием все более открытого и креативного сообщества, оптимальным способом регулирования социальных отношений в котором признается дискурсивный способ в форме межперсонального и социально-политического диалога.

---

³ В новейшей истории нашей страны произошел своего рода слом существовавшей ранее системы ценностей, как следствие, произошла «раскодировка» общественного сознания. Отмечается, что ранее российское, а затем советское общество отличалось особого рода «пассионарностью». В настоящее время общество ориентируется скорее на образ так называемого «нормального» общества, т.е. общества технологического и потребительского, которое, при этом, основывается на чувстве ответственности человека за свою собственную судьбу.

Вместе с осознанием ценностного кризиса актуальным становится вопрос об адекватных способах решения проблемы ценностной ориентации человека как гражданина. В общественном сознании и средствах массовой коммуникации возникают вопросы о том, необходима ли пропаганда ценностных установок; каковы оптимальные пути социализации человека: где та грань между индивидуальным и коллективным, которая знаменует переход общества в новое ценностное состояние.

Проблема ценностей в современном общественном мнении, отражающемся прежде всего в дискурсах критической и валоризирующей направленности, приобретает исключительную важность в своем прогнозирующем значении. Тематически проблема разрабатывается не столько в плане выявления некоторой совокупности присущих обществу или группе ценностей (что является предметом специальных, прежде всего, социологических исследований), сколько в плане дискурсивной разработки, обсуждения, направленного на выявление ценностных приоритетов современного человека. Часто данная проблематика формулируется в виде вопросов, отсылающих к социальному действию: «Что делать для улучшения положения дел в семье, в стране, в мире?». Констатация положения о том, что общество «потеряло или теряет» ценности, что сегодня явно превалирует способ жизни по принципу «каждый за себя», определяет особую актуальность изучения эволюции ценностного состояния человека и общества [Bréchon 2003: 15].

Следует отметить, что сама правомерность подобных вопросов приобретает дискуссионный характер. Согласно одной точке зрения, в «пост-модернистском» обществе человек объективно становится индивидуальным субъектом, своего рода атомом общества, нежели изначально членом некоторого коллектива. Как таковой, он решает «все за себя сам», руководствуясь, прежде всего, своими интересами и личными убеждениями, а не собственно ценностями, наличие которых связывается скорее с традиционным коллективистским сознанием. В этой связи считается, что определение некоторой системы устойчивых ценностей в обществе не представляется возможным, либо такая система ценностей имеет лишь декларативный характер. Согласно второй точке зрения, следует, прежде всего, исходить из факта множественности культур и существовании человека в его *condition humaine* как человека внутри культуры и субкультуры. При этом человек может либо разделять сущностные со-

циальные смыслы данной культуры, либо занимать маргинальную или явно анти-культурную позицию по вектору «Я (мы) – Они». Принцип культурологической относительности здесь также релевантен. Но он лишь подчеркивает факт разности ценностного отношения в различных культурах, не предполагая отсутствия в них ценностей как таковых.

Не менее важно при этом положение о том, что, наряду с условиями «нормальной» жизни, в которых человек руководствуется, прежде всего, своими интересами, возникают ситуации, которые ставят его перед собственно ценностным индивидуальным выбором. Такого типа диагностическая ценностная ситуация проще всего моделируется, например, рамками ситуации (фреймом) «солдат на поле боя», ставкой которой является его жизнь. «Солдат» может оставить поле боя, спасая свою жизнь. Но он может пойти в бой, наверняка рискуя жизнью, ведомый мыслью о долге, о близких, которых он тем самым защищает, мыслью о своей чести перед другими «солдатами». Очевидно, что утверждение о том, что «в жизни всегда есть место подвигу» отражает неизбежность для человека переживать в своей жизни ситуации нравственного выбора, хотя и не всегда сопряженного со смертельной опасностью.

Данный вопрос с трудом формулируется в позитивной формулировке той единственной цели, которой следует человек. Ответ на него может быть дан скорее апостериорно, после совершенного, пережитого. Формулирование смысла жизни само по себе представляет квинтэссенцию ценностного отношения, критерием которого может быть пережитое состояние ценностной ситуации, вербализуемое как «в этом и состоит (состоял) мой/ его/ их смысл жизни».

Языковая деятельность индивида немислима вне социума как естественной среды существования людей и, соответственно, вне сложившейся идеологической системы общественной морали, науки, искусства и религии. В свою очередь, язык-речь, объективирующий общественно значимые смыслы, обладает безусловной социальной властью [Слышкин 2001].

Следовательно, преобладающие социокультурные установки в форме оязыковленных стереотипов, норм объективно создают определенную шкалу ценностей, которая, будучи интериоризованной человеком, проявляется в выражении им ценностного отношения в выборе жизненных приоритетов и его бытийного горизонта

ожидания. В настоящее время следует считать общепринятым положение об аксиологичности человеческого сознания, его ориентации на выработанные обществом и принятые субъектом сознания ценности.

Среди ценностей человеческого опыта – природного и культурного – фигурируют ценности познавательные, утилитарные, этические, эстетические и др., а также ценности самой языковой системы – лингвистические. При посредстве языка говорящий субъект сам ориентируется в мире своих ценностей и ориентирует других субъектов, оказывая регулирующее влияние на их последующие состояния и действия.

Ценности соотносимы друг с другом и образуют иерархически структурированную систему. Согласно распространенному мнению, выделяются, прежде всего, так называемые базовые («вечные») ценности. Они означают то, что всего дороже для человека, то, за что он способен, в критической ситуации ценностного выбора, отдать все, что он имеет, даже свою жизнь.

Данному критерию в выведении базовых ценностей противостоит мнение, отрицающее иерархию ценностей. Подчеркивая культурологическую и индивидуально-личностную разницу в содержательной интерпретации ценностей, отметим и известную точку зрения, согласно которой жизнь человека сама по себе ничего не стоит. Таким образом, лингвистическая аксиологическая⁴ гипотеза формулируется в рамках онтологической парадигмы Человек – Язык – Общество – Культура – Мир. Такая парадигма предполагает исследование ценностных смыслов социального бытия, являющихся регуляторами и смысложизненными ориентирами деятельности человека культуры. Данные смыслы образуют конкретный социальный мир (М.Вебер) и объективируются, с одной стороны, в язы-

---

⁴ Аксиология – философское учение о природе ценностей, их месте в реальности, структуре ценностного мира, их связи, обусловленности социальными и культурными факторами, структурой личности. Аксиология занимается изучением положительной, нейтральной или отрицательной значимости любых объектов, отвлекаясь от их экзистенциальных и качественных характеристик. Среди типов ценностей, привлекающих наибольшее внимание общей аксиологии – моральные ценности, правовые ценности, ценности научного познания, ценности человеческой истории и социальных теорий, ценности, связанные с природой человека и смыслом его жизни [Ивин 2006: 3].

ке⁵ в виде конвенционализированных знаковых образований. С другой стороны, они предстают в речи, в виде дискурсивных образований / текстов, определяемых на когнитивно-дискурсивном уровне оценочным отношением участников общения к предмету речи. Рамки соотношения Я – Универсум – Другие в данных условиях семиозиса путем выраженного или не явно выраженного (но всегда имеющего глубинно-мотивационный характер) возводят мыслимое / высказываемое к некоторой взаимосвязанной совокупности представлений о всеобщем Благе, Красоте, Истине, Пользе. Выше отмечалось, что структура и содержательные доминанты аксиосферы – совокупности сущностных смыслов социального мира – представляют собой проблемное поле как в плане координат духовно-нравственного состояния общества, критериев оценки явлений современности, так и в плане его разработки в философии и в комплексе гуманитарных дисциплин, в том числе в лингвистике.

Исходя из многосоставности общей аксиологии, в принципе возможно выделение ее лингвистической составляющей, «лингвистической аксиологии». Однако данный термин имплицитно противоположен ему термин «не-аксиологической лингвистики». В этой связи, при обозначении соотношения аксиологии и лингвистики представляется целесообразным вести речь об «аксиологически ориентированной лингвистике», что коррелирует с понятием «аксиологическое измерение языка». Данный термин не закрывает возможности рассмотрения языка в других направлениях при многомерности языка как объекта лингвистики. Вместе с тем, он выявляет изначальную направленность на такое видение целостного объекта, которое находится на стыке гносеологических соотношений Человек – Язык – Мир (Миры), ставя во главу угла выражение сущностных смыслов бытия человека и общества в процессах их

---

⁵ Язык (Логос), наряду с искусством и философией, рассматривается как наиболее фундаментальная и важная система мировосприятия и миропонимания, отражающая способ «кодирования» сущностных смыслов, самосознания человека, общества и памяти культуры. Телеологические системы, способствующие социализации и аккультурации человека (образование, литература), а также системы, нормативно кодирующие жизнедеятельность человека (мораль, право, идеология) могут рассматриваться как, прежде всего, языковые, исходя из их характера «вторичных» кодовых систем, надстраивающихся над ним, существующих внутри и посредством языка/культуры. Философия же является «первичной» аксиологической системой в том смысле, что, имея языковой способ формулирования, напрямую и специально выходит на разработку и формулирование сущностных смыслов мировосприятия и миропонимания.

формирования, социальной и личностной диагностики. Безусловно, важнейшей исследовательской задачей аксиологически ориентированной лингвистики является определение методологии и технологии в изучении содержания внутреннего мира языковой (дискурсивной) личности, ценностных ориентаций личности и общества по данным языка, точнее – человека говорящего, создающего дискурсивный мир в соотношении с Миром, Другими и самим собой в этом мире.

Экспликативно-гносеологическое направление в аксиологии всегда связано с ее акциональным планом: раскрывая сущность ценностных смыслов бытия человека и общества, исследователь с необходимостью способствует поиску решений в кризисных духовных состояниях и ответа на мировоззренческий вопрос «Что делать?». Именно в этом состоит общественный интерес аксиологических исследований, в том числе лингвистических, позволяющих измерять социальный мир сущностных смыслов общества на определенном этапе его развития и жизни по реализованным языковым, дискурсивным образованиям в пресуппозиции их концептуальной обусловленности.

Для науки о языке социологическое направление имеет важнейшее значение. Размышляя об этом, Е.Д.Поливанов [1968: 178] писал: «Для того чтобы языкознание было адекватно своему объекту изучения, оно должно быть наукой социологической». Его программа социологического подхода к языку включала в себя определение языка как социально-исторического факта; оценочный анализ данного языка как орудия общения; изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями; оценочный анализ языка (и отдельных его сторон) как средства борьбы за существование; прикладные вопросы социальной лингвистики [Крючкова 2008: 8].

При социологической направленности в фокусе исследования оказываются не только отношения между языком и объективными социальными факторами, такими, как различные элементы социальной структуры, но и отражение в языке и речевой деятельности субъективных социальных факторов – социальные установки и социальные ценности [Швейцер 1976: 69]; социальный аспект межличностной коммуникации, взаимодействие языка и сфер социальной жизни (культуры, массовой коммуникации, идеологии и т.п.) в семиотическом и прагматическом аспектах [Крысин 2000: 24–

42]. Проблематика общественной функции языка и предметных сфер вербальной коммуникации рассматривается в аксиологическом плане, опираясь на понятия ценностных ориентиров в связи с ролевыми предписаниями, которые общество предъявляет к говорящему (пишущему). При общей ориентации социолингвистических исследований на анализ «языка в контексте» в решении задач социально значимого объяснения употребления языка и речевого поведения важны такие весомые социальные категории, как статус, социальная роль. Введение социальной проблематики в направления новейшей лингвистики, прежде всего, в анализ дискурса, позволяет глубже проникнуть в социальный контекст речемыслительной деятельности субъектов общения, выделяя по сути оценочные параметры социального взаимодействия, как межличностный, социоструктурный, модальный, идеологический и прагматический [Coupland 1988, Dijk 1988].

На первый план в социально и аксиологически ориентированной лингвистике выходит операциональный аспект языкового анализа, что подчеркивает Ю.С. Степанов [1995: 38]: «Дискурс – это первоначально особое использование языка <...> для выражения особой ментальности, <...> особой идеологии; особое использование влечет за собой активизацию некоторых черт и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики».

Оценочно и социально ориентированные исследования последних лет показали существенные изменения в общественно-политическом дискурсе, в котором отражаются значимые концептуальные сдвиги в следующих семантических процессах:

- *семантическая деривация* – появление новых базовых слоев в структуре концепта;
- *смысловая модификация* – перестройка набора признаков в составе когнитивного слоя;
- *реструктуризация* смысловой структуры концепта – изменение в концептуальной структуре слова, связанное с актуализацией / редукцией ряда когнитивных слоев, перемещением признаков из ядра на периферию и наоборот;
- *стихийный дрейф слова* – эволюция концептуального смысла в обыденном сознании, размывание этого смысла;
- *деидеологизация, или ресемантизация, смысловой структуры концепта;*

- идеологизация семантики неологизмов, относящихся к социальному миру [Беляков, Серебренникова 2005; Стернин: цит. по Трошина 2008: 110–111].

Изменения в концептосфере языка фиксируются сначала индивидуальным, а затем и коллективным языковым сознанием, маркируя зоны символического (Э. Кассирер), концептуального напряжения как центры общественного диалога, интенсивной оценочной символической деятельности актуальных феноменов особой значимости, что выражается в дискурсивных образованиях оценочного характера – «экспликаторах социальных и ментальных параметров текущей языковой жизни» [Вепрева 2002: 27].

Операциональный, действенный аспект социального речевого взаимодействия позволил выйти на формулирование идей, связанных с условиями и принципами реализации определенного вида «языковой игры» ценностного обоснования. Специфика интегральных способов воздействия на сознание проявляется в виде *манипулирования, фасцинации, моделирования образа-имиджа, продвижения идеи, эвфемизации речи, сублимации значимых смыслов, рациональной и эмоциональной персуазивности, стратегий и тактик воздействия*. Это, в свою очередь, повлияло на развитие *технологического подхода* к моделированию общения, опорным основанием которого является концептуальное аксиологическое измерение интеракции [Доценко 1996; Кузнецов, Цыкунов 2000] как необходимая основа для эффективности речевого воздействия и создания оптимального текстового произведения.

Дискурс в его качестве контекстуально порожденного языка для специальных целей образует пространство «поиска истины» путем моделирования и продвижения социально значимых смыслов, в том числе в общественном мнении средствами массовой коммуникации. Мир порождаемого смысла субъективен и субъективно упорядочен, он соотносится, прежде всего, с моментом отбора в самом вычленении значимых фрагментов мира, выдвигании их на фоне незначимых и, таким образом, умалчиваемых или замалчиваемых фрагментов. Мир смысла целесообразен, отражая естественную ориентацию человека на желаемое, должное, нужное. Мир смысла нелинеен, поэтому сжатие смысловой информации требует использования специальных «речевых» упаковок коммуникативного и интерпретационного плана [Баранов 2001: 18].

Дискурс и представляющие его в нашем сознании концепты являются культуурообусловленными феноменами. Картина мира включает в себя элементы действительности, оценочно осмысленные, отфильтрованные языковым сознанием [Карасик 2004]. В этом плане дискурс есть интегральное образование, структурированное субъектом высказывания по определенным нормам и правилам.

Проблема корреляции языка и культуры является сегодня одним из наиболее интенсивно разрабатываемых полей гуманитарных и лингвистических исследований. Отмечается, с одной стороны, что для дискурсов, реализуемых в пространствах различных национальных языков/миров, выводимые как относительно «универсальные», общечеловеческие на понятийном уровне, концепты и постулаты имеют различное значение, определяемое, прежде всего, по их оценочному и образному наполнению. Так, по наблюдениям М.Я. Гловинской, для русской культуры важнейшее значение имеет постулат искренности (*не говори неправды – говори правду*), а для англосаксонской, японской культур – постулат толерантности (*не говори неприятного для адресата – говори приятное для адресата*) [Гловинская 2003]. В то же время, смыслы, оформившиеся как ценностные в одной культуре, не всегда формулируются как таковые в других культурах. Иначе говоря, концепты, существенные для речевого общения на данном языке, являются ценностными признаками – ориентирами-символами и обладают качественной характеристикой феноменов культуры [Карасик 1998: 186; Карасик 2002: 211]. С другой стороны, каждая из лингвокультур порождает целостные национальные образы мира, которые, в своей особой комбинаторике вокруг этнокультурных доминант, образуют определенную концептосферу, уникальный характер которой обусловлен именно ее ценностным измерением.

В настоящее время особую актуальность для социально ориентированных исследований приобретает анализ соотношения национальных и индивидуально-личностных ценностей, определяющий подходы к решению проблем и перспектив межкультурного диалога. При этом происходит осознание неизбежности «ценностных» конфликтов в реальном пространстве межкультурной коммуникации, а также того, что современный уровень развития общества, часто характеризующийся через метафору «глобальной деревни», понятий «пост-модернизма» и «открытого общества», отличается именно цивилизационным состоянием человека как «субъекта»

[Субъект во времени социального бытия 2006; Кимилев 2006: 23]. Очевидно, что процессы глобализации сопряжены с усилением процессов самоидентификации стран и народов, что цивилизационные миры Запад, Восток, Россия составляют одновременно особые «ценностные миры» и что личностное начало играет основополагающую роль в созидании и распространении культурных ценностей. Это имеет место всякий раз, когда существует возможность определения некоторых общих черт, вводящих данные сущности в глобальный контекст изучения, как это с особой силой выражено, например, в теории В.И. Вернадского о био- и ноосфере. В условиях современного глобального мира жизненно важным для его будущего оказывается влияние именно «ноосферы» на «биосферу» при все более осознаваемой необходимости изменения ценностных ориентиров в данном соотношении для целей выживания человека и человечества.

Аксиология в целом выясняет отношение между сущим и должным, проясняет степень повышения объективности суждений о ценностях, исследует мыслительные операции, которые неразрывно связаны с ценностями, прослеживает историю формирования определенных ценностей, разрабатывает проблему существования, значимости ценностей, субъектно-объектной природы оценочного и ценностного отношений [Ивин 2006: 3]. Лингвистическая аксиология ориентирована на исследование способов предъявления миру данного типа переживания, рефлексии в их контекстуальной представленности и эффективности в межличностном / социальном планах в культуре, времени и пространстве. Лингвистический анализ призван внести не только *описательно-таксономический вклад*, вытекающий из анализа языковых структур и функций, не только *предписательно-регламентирующий вклад*, исходящий из логикориторических оснований языка и речи, не только *интерпретативно-классификационный вклад*, вытекающий из анализа установленных в философии, семиологии, культурологии или социальной психологии концептов, объективируемых словами и выражениями с особой коннотативно-оценочной семантикой. Но вносится и вклад *диагностирующий, измеряющий*, призванный выявить «ценностное» состояние человека и общества в целом в один из моментов их существования или в их развитии, опираясь на когнитивные и дискурсивные основания исследования.

Такого рода лингвистический аксиологический анализ должен, безусловно, исходить из *концептуального* подхода к анализу сущностных смыслов в процессе оценивания, поскольку данные смыслы:

- показывают / вводят человека в *этнохронотоп* определенного социального бытия, определенной культуры; концепт символизирует знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, но все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности, выводной от оценивания; открытый для человека; мир видится как своеобразная поляризованное культурное поле с фокусами притяжения и отталкивания;

- носят мировоззренческий характер, формирующийся в социальном дискурсивном мире в отношении Я – Универсум – Другие; отражают момент субъективации: освоения, присвоения и, таким образом, создания «своего» мира в высказывании и, в свою очередь, определяют на концептуальном уровне дискурс / текст и характер конкретного межличностного общения;

- формулируются на уровне дискурса как прямым способом посредством оценочных номинативных единиц⁶ или целостного ценностного суждения, так и, чаще всего, косвенным ассоциативным путем, в том числе посредством отсылки к устойчивым смысловым опорам, опознаваемым в данном обществе (группе) в качестве символов – носителей прецедентного знания.

Антропоцентричность лингвистики, в том числе лингвистического анализа ценностного измерения языка, определяет возможность использования как субъектного, так и объектного подходов к содержанию при допущении общего субъектноцентрического подхода к тексту / дискурсу в определенных условиях его порождения, в разрешительных рамках «общения сознаний» (М.М. Бахтин). Данный подход настаивает на идее порождения текста человеком, конституирующем себя в качестве субъекта (феноменологически

---

⁶ К ним мы отнесли бы, прежде всего, существительные, именующие «ценностные термины» (в русском языке это слова «значимость», «оценка», «добро», «зло», «душа», «правда», «воля» и другие), которые закрепляют в своей семантике означивание самого опыта осмысления оценочного отношения человека к миру, его элементов, процессов, результатов и могут поэтому выступать в качестве семантических слов-«зонтов», покрывающих «аксиологическую» предметную область в языке, в том числе, и так называемые «ключевые слова» культуры, составляющие ее ядро.

являющегося более точно субъекто-объектом) в момент «присвоения им языка» (Э. Бенвенист). Оценка, по определению Н.Д. Арутюновой, есть особый когнитивный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта [Арутюнова 1988]. Оценочная деятельность человека культуры, как правило, определяется философскими, обще- и частнонаучными установками, а также совокупностью субъективных и объективных факторов – уровнем образования, культуры, нравственными нормами, общественной практикой, ценностными ориентирами.

В этой связи выделяются более «объективные» типы текстов и тексты менее «объективные». В более информативных, «объективных», текстах происходит дискурсивное намеренное самоустранение Я говорящего в персонализации высказывания в пользу информационного воздействия, что само по себе указывает на значимость стирания первого лица, а также важность фактора сознательного отбора фактов для сообщения и жесткость жанровых ограничений данного типа дискурсивных практик. Субъектный подход предполагает изучение текста не столько как источника информации о предмете сообщения, сколько как своеобразного видения автором положения дел в мире. В ракурсе субъектного подхода в фокусе внимания оказываются «субъективемы» [Kerbrat-Orecchioni 1980], или «аксиологемы», которые, будучи явно или неявно выраженными, в конечном счете, позволяют создать впечатление и мнение как о создателе / интерпретаторе текста, так и о характере предмета текста.

Воздействующий потенциал текста в его дискурсивных параметрах основывается на принятой концептуальной позиции автора и его коммуникативной цели. Важно отметить в связи с этим прямую зависимость качества убедительности текста / дискурса от глубины интериоризации предмета речи создателем текста. Операциональным термином «аксиологема» можно назвать любое языковое выражение оценки в данном дискурсивном мире. Это, прежде всего, явные оценочные суждения, устойчивые сочетания, средства выражения эмфазы, номинативные средства квалификации. На уровне высказывания и целого дискурса оценочность передается всем его воздействующим потенциалом, его тематизацией, экспрессивностью, выражением таких «проникающих» категорий высказывания, как его персонализация (*Свой – Чужой*), модальности пред-

ложения / высказывания и модальности интеракциональные; ориентация высказывания, эмпатия, актантная структура высказывания, локализация во времени и пространстве.

Выражение оценивания особым образом связано с риторикой и аргументацией (Х. Перельман), так как убеждение Другого в оправданности высказываемого, т.е. кредитализация концептуальной позиции, находится в тесной зависимости от преследуемой цели, которая имеет ценностное обоснование для говорящего. Важен также тип аргументов, используемых для критики вкуса (прежде всего эстетического), либо для восхваления или осуждения поведения (этического аспекта жизни).

Именно ракурс анализа позволяет увидеть отличие аксиологической интерпретации от интерпретации вообще. Аксиологическая интерпретация направлена на выявление «фокусировки» высказывания на его «целевом» смысле, как отражении априорно принятой или актуально корректируемой позиции субъекта высказывания по двум возможным векторам в соотношении Я (мир я) ↔ Не-Я (внешний мир): *от мира к себе и от себя к миру*. Поскольку мир смысла нелинеен, то его интерпретация с необходимостью будет обращена к использованию герменевтических процедур выведения смыслов на основе, прежде всего, принципов релевантности и прикладной нормы аксиологической интерпретации. Аксиологическая интерпретация позволяет сосредоточиться как на глубинном плане содержания через понятия «ценностное отношение», «ценностные ориентиры», «идеалы», «символы веры», так и на плане выражения: многоуровневых языковых средствах «функциональной семантики оценки» (Е.М. Вольф).

Ключевые понятия аксиологического анализа

Ключевыми для аксиологического анализа являются понятия, в своей взаимообусловленности образующие данную исследовательскую парадигму: оценивание, оценка, ценность, ценностная ориентация, ценностный смысл.

С точки зрения значимости для истории разработки терминов, прежде всего, в философии, на первое место выдвигается понятие «ценность». Возведение понятия «ценность» в ранг философской категории принято связывать с философией Г. Лотце. «Ценностные определения» относятся к тому, что быть *должно*, т.е. к *миру должно*. Для дальнейшей разработки ценности было важно понятие «значимость», введенное Г. Лотце как особое *объективно-идеальное бытие*. Однако целостное учение о ценности сложилось не только как «философия ценности», но и как понимание «значащих ценностей» в качестве основного предмета самой философии в Баденской школе неокантианства. По мнению ее основателя В. Виндельбанда, философия может существовать «лишь как учение об общезначащих ценностях».

В общем плане ценности понимаются как то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно *стремиться*, созерцать, относиться с уважением или наоборот (П.Мюнцер). Ценности в этой перспективе суть *обобщенные цели и средства* их достижения, выполняющие роль *фундаментальных норм или идеальных достижений*. Важным является положение о том, что бытие какой-нибудь вещи как действительной ценности постигается (переживается) в эмоциональном, а не в интеллектуальном рациональном акте: «Эмоциональное в духе: чувствование, предпочтение, любовь, ненависть, воление — также обладает изначально априорным содержанием, которое оно не заимствует у мышления и которое определяется этикой совершенно независимо от логики. Имеется априорный *ordre du coeur*, или *logique du coeur*, как метко заметил Блез Паскаль» [М. Шелер; цит. по: Краткая философская энциклопедия, 1994: 547].

Назначение ценности — вводить регламенты конструирования бытия [Ильин 2005: 203]. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор поведения в жизненно значимых ситуациях. Система ценностей

образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей.

Генезис слова «ценность» показывает, что в нем соединились три значения: характеристика свойств *вещей (феноменов)*, выступающих как объект ценностного отношения, психологические *качества человека*, являющиеся субъектом этого отношения; *отношения между людьми, их общение*, благодаря которому ценности обретают общую значимость. Подчеркивается, что ценности производны от соотношения мира и человека, выражая то, что есть в мире, включая и то, что человечество создает в процессе истории как значимое для человека. Причем данная значимость имеет в ценности нравственный характер, поскольку выражает отношение к предметной действительности, которое основано на добре и зле. Суть понятия ценность одна: ценностью объявляется предмет некоторого интереса, желания, объект в общем смысле, значимый для человека (группы лиц) в его *целевой предназначенности*. Соотношение между ценностью и целью в том, что «генетически ценности отвлечены от целей. Операционально постановка целей осуществляется по ценностям. Цели в блоке с ценностями организуют поведение, сообщая ему генеральные интенции, связывая свободу, предопределяя движение на достижение с позиций идеалогичности» [Ильин 2005: 202]. В этом плане ценности рассматриваются как глубинная мотивационная база убеждений, поведения.

Позитивная ценность (добро) — это соответствие объекта мысли о нем. Г.П. Выжлецов рассматривает ценность как межсубъектное отношение, а М.С. Каган пишет о существовании ценностного отношения в системе объектно-субъектных отношений как выявления значения объекта для субъекта [Каган 1999]. Ценности характеризуются как: а) обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения; б) играющие роль фундаментальных норм; в) выражающие смыслы культуры; г) влияющие на интересы и мотивы действия людей; д) имеющие основания в индивиде и обществе. Таким образом, можно сделать вывод: ценности связаны с человеком так, что ценностей вне человека и общества нет, вне отношения к человеку предметы сами по себе ценностной классификации не подлежат, ценности формулируются человеком в его продуктивной деятельности.

Наряду с понятием «общей оценки», согласно которой всякий объект восприятия / рефлексии может быть оценен положительно

или отрицательно, т.е. мыслиться в аксиологическом статусе «ценности», традиционно выделяется пять более специальных областей бытования и выведения ценностей:

- область Истины, где ценность выводится в терминах (операторах) «истинно/ложно» и касается, во-первых, существования вещей, существ в их качествах идентичности; и, во-вторых, наличного знания, где выводится как единственный принцип объяснения феноменов мира;

- область Прекрасного – эстетическая область, где ценность определяется в терминах «прекрасное / уродливое» и касается сущностей природы, наблюдаемого мира и представлений, которые о них составляет человек, или вещей, которые человек создает сам;

- область Этики, где ценность определяется в терминах «хорошо / плохо», «добро / зло» по поводу поведения людей в зависимости от социальной морали данного сообщества, которая навязывает индивиду правила поведения в рамках установившегося «социального консенсуса», либо в зависимости от «внутренней» морали в случае, если индивид сам устанавливает для себя правила поведения;

- область Удовольствия - область гедонистическая, в которой ценность определяется в терминах «приятное / отвратительное»; касается сферы ощущений – источнике удовольствия при переживании состояний, контактирования с людьми, явлениями, вещами.

- область Практической пользы - область прагматическая, где ценность определяется в терминах «полезно / бесполезно / вредно» и выводится из некоторого «просчета» плюсов и минусов оцениваемого объекта.

Следует признать, что ни одна из приводимых типологий ценностей не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающей. С формальной точки зрения ценности подразделяются на позитивные и негативные, относительные и абсолютные, субъективные и объективные. По содержанию различаются вещные, этические, эстетические и логические ценности, соотносимые содержательно с терминопонятиями добра, прекрасного, истины.

По способу существования ценности определяются как материальные, духовные, духовно-материальные; по сферам бытия – ценности природы, культуры, социума; по значимости в жизни человека – бытийные ценности и ценности потребления. Ценности «общечеловеческие» есть ценности, обеспечивающие устойчивость

и воспроизводство культуры. Выделяются этнонациональные (национальная аксиосфера), социально-политические, индивидуально-личностные ценности (личностная аксиосфера) в их отношении к ценностям социальным и ценностям общечеловеческим. В антропологии и психологии ценности классифицируются на основе религиозных и эмоциональных факторов как позитивные, негативные, абсолютные, инструментальные. В зависимости от их важности для культуры выделяются первичные, вторичные и третичные ценности, каждая из которых может быть позитивной или негативной.

Представляется интересным привести, как одну из наиболее детализированных, типологию ценностей, предложенную Ю.Г. Вешнинским [Вешнинский 2005]. Данная типология имеет очевидный пространственный аспект, соотносимый с понятием «хронотопа», что обеспечивает ей системный характер. Согласно данной систематизации, могут быть выделены 13 типов ценностей, которые, при всей своей взаимосвязанности, могут быть с достаточно условной степенью условности подразделены:

- на государственно-политические, военно-силовые, гражданско-правовые ценности (сила, безопасность, справедливость, законность и т.д.);
- историко-культурные ценности (все то, что олицетворяет и символизирует «связь времен», культурную и историческую память, преемственность традиций, место человека и т.д.);
- «коммунитарные» ценности (ценности саморастворения в коллективе или общине);
- «натуральные», или природные, ценности, связываемые обычно с экологией (чистый воздух, чистая вода, здоровье, долголетие населения и т.д.);
- научно-когнитивные ценности (знания и образовательно-квалификационное «качество населения», системы образования и т.д.);
- персоналистские ценности (ценности личной самореализации);
- религиозно-конфессиональные ценности (нормы, символы, тексты, обряды, храмы, иконопись и т.д.);
- социально-стратификационные ценности (в оппозициях: «аристократизм»/ «народность», или, в ином контексте, «интеллигентность»/ «хамство» / «буржуазное»/ «маргинальное» и т.д.);
- художественно-эстетические ценности как таковые;

- ценности урбанистических локально-территориальных сообществ («душа Петербурга», «дух Арбата» и т.д.);
- экономические ценности (хозяйственные навыки, предметно-вещная среда, т.е. наследие как богатство в узком смысле слова);
- этические ценности как таковые;
- этнические ценности (язык, фольклор, обычаи, приписываемые этносам общественным мнением свойства – «французский шарм», «немецкая аккуратность», «русская широта», «загадочная русская душа» и т.д.).

Следуя принятой логике систематизации, данный список легко можно было бы дополнить другими типами, в частности, типами ценностей, характерных для определенного типа общества, группы или организации внутри общества. Так, например, в этой связи целесообразно выделить ценности общества потребления (новизна, комфорт, мода, диверсификация, доступность, роскошь и т.д.); ценности корпоративные и др.

О степени интенсивности и проблемности дискурсивной разработки понятия «ценность» свидетельствуют данные разового среза употреблений (всего 5379) слова *ценность* в одной из поисковых систем Интернета – Архивариус 3000 за 16.12.2005 г. Данные показывают, что *ценность* в настоящее время рассматривается в следующих основных аспектах:

- как элемент существующей культуры; важнейший элемент динамической мотивационной системы человека, играющий оценочно-нормативную роль (наряду с мировоззрением, традициями, индивидуальными убеждениями) в культуре. Коллективные ценности могут либо разделяться человеком, либо отвергаться им. Во втором случае человек занимает позицию маргинала по отношению к обществу как носителю целостной культуры по вектору «*Мы (Я) – Они*». Самое сильное воздействие на человека происходит на основе введения его в определенную систему ценностей (*ценности, идеология как регуляторы общественной жизни; диалог как ценность открытого общества; групповая нравственность и традиционные способы поведения как основа жизни общества; формирование через музыку, видеоряд депрессивной нарративной культуры*);
- как фундаментальное обоснование для деятельности (*потребности есть способности и стремление к потреблению ценностей, а интересы есть осознанные потребности*); оправдания любых политических решений, вплоть до войны на чужой территории (*защита ценностей*

свободного мира); составляя собой в этом качестве формально непреодолимый аргумент деятельности; ценность как путь спасения страны и народа (*Россию спасает инерция добра*);

- в постоянной эволюции, подверженности постоянному переосмыслению (*накопление, переоценка; тенденция к утрате ценностей без сверхусилий со стороны общества и государства. Существует иллюзия, что будто разрушили старые ценности. На самом же деле, разрушили все*);

- в столкновении (*вступление ценностей в конфликт*);

- при объединении людей, групп, стран, государств (*взаимодействие демократических стран, объединенных общими ценностями*);

- по феноменологии (*формы ценности; убеждения – матрицы ценностей; представлять некоторую ценность; истинные ценности*);

- в любом виде деятельности с точки зрения креативности и эффективности организации деятельности (*нужность, ценность и целесообразность затраченных усилий; позитивная ценность конфликта; аналитическая ценность модели; ценность сотрудника*);

- в позитивном способе осмысления, в том числе в основных концепциях маркетинга (*абсолютная ценность; демократическая ценность*);

- в принципиальной открытости квалификаций в сети максимально общих, категориальных представлений (*базисные, Б-ценности: бытийные, которые не могут быть сведены к чему-либо более ценному; присвоенные человеком Б-ценности получили наименование Д-ценностей – дефинитарных ценностей, переживаемых как потребности человека*);

- в пространстве и времени определенной культуры формирования (*корпоративные ценности игры; термин «общечеловеческие ценности» родился в эпоху ранней горбачевщины*);

- в профессиональной сфере жизни общества по критерию ее целеполагания (*ценность науки, образования, торговли; политическая ценность*);

- в субъектном способе определения ценности (*собственные ценности; человек субъективно лично сам определяет ценность благ*);

- в связи ценности с качеством «редкости» и уникальности «блага» как материального, так и духовного (*ценность приписывается только редко встречающимся благам*);

- в возможности выделения точного субъекта формирования ценностного отношения (*ценности с точки зрения держателей серверов; ценности, введенные и присущие данной корпорации*);
- ценности как объект активного действия, сохранения, формирования и использования (*ревностно охраняющие национальные культурные ценности французы; выгодное помещение ценностей; наибольшую ценность для дискредитации представляет «компромат»*);
- в связи с определением подхода к месту и роли человека (*абсолютная предельная ценность всякой формы жизни*).

Более операциональным значением по отношению к «ценности» являются понятия «ценностная ориентация», «ценностный ориентир» индивидуального или коллективного субъекта, внесенные в лингвистический анализ из психологии и социологии.

Появление понятия «ценностная ориентация» связано с разработкой теории ценностей в 50-60-х годах разработкой в психологической литературе теории мотивации. С.Л. Рубинштейн говорил о необходимости понятия, обозначающего устойчивое отношение личности к различным внешним ситуациям, в основном однородным. Ценностные ориентации рассматриваются как «важнейшие элементы структуры личности», закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и ограничивающие значимое, существенное для данного индивида от незначимого, несущественного [Рубинштейн 1973: 210].

По мнению социологов, включение ценностных ориентаций в структуру личности позволяет уловить наиболее общие социальные детерминанты мотивации поведения, истоки которой следует искать в социально-экономической природе общества, его морали, идеологии, культуре, в которой формировалась социальная индивидуальность. Б.Г. Ананьев характеризует аксиологические ориентации как направленность личности на те или иные ценности: связь с миром человеческих ценностей и принадлежность не просто к сознанию, а к поведению личности, важен практически действенный характер ценности как регулятива [Ананьев 1969: 53]. В связи с тем, что ценностные ориентации являются компонентом не только сознания, но и поведения, избирательность отнюдь не ограничивается рациональным предпочтением или выбором той или иной ценности. Ценностные ориентации человека динамичны, видоизменяясь с возрастом, по мере накопления опыта. По словам С.Л. Рубинштейна, «история становления личности может быть понята как

история актуализации одних ценностей и ниспровержения других» [Рубинштейн 1973: 370].

Иерархическая пирамида наивысших ценностей венчается «человеком», он - цель и мера всех вещей. Человек, наполняя смыслом окружающий его мир, осваивая его, всякий раз придает ему новое, ценностно-смысловое измерение. «Идеальные» ценностные отношения к жизни интегрируют в себе следующие характеристики: признание права на жизнь каждого человека; восприятие жизни во всех ее формах; содействие жизни по мере сил и способностей; осмысленная жизненная позиция. Выживание человека осознается через понятия «труд», «помощь», «чувство родины» и многие другие понятия данного ряда. Осознавая жизнь, человек одновременно выдвигает требования к ней, что отражено в таких ценностных понятиях, как «счастье», «свобода» и др.

Для лингвистической аксиологии представляется необходимым рассмотреть, прежде всего, понятие «оценивание» как наиболее общий процессуальный концепт в аксиологической парадигме. Оценивание в данном ряду рассматривается в его процессуальном качестве как специфическая форма познания, «когнитивный феномен» [ван Дейк 1989: 2]. Под *оцениванием* в общем смысле понимается освоение мира *homo verbo agens* как его освоение, присвоение и усвоение, т.е. такое вписывание воспринимаемого / осознаваемого в «сетку» опыта субъекта и его «жизненное пространство» (К. Левин), которое неотвратно влечет за собой его интерпретацию по шкале значимости в Я-системе человека. Таким образом, «предельное» понимание оценивания есть его понимание как концептуализации действительности [Гадамер 1988: 322; Бочкарев 2003: 12]. Без обращения к оценочным аспектам сегодня нельзя представить ни теорию истины, ни теорию и практику интерпретации, ибо во всяком суждении о мире содержится не только информация о существующих в мире объектах, но и мнение по поводу этих объектов. Релевантным, как следствие, является не сам по себе «факт», о котором идет речь, а отношение к этому факту. Не случайно, по замечанию Э. Гуссерля, вещи – то не просто вещи природы, а непосредственное «видение» – не просто чувственное, постигаемое опытным путем *смотрение*: «мир для меня – не просто мир вещей, но <...> и мир ценностей, мир благ, практический мир» [Гуссерль 1999: 52–53, 67]. Взятая в системно-классификационном виде лексического состава языка определенная картина мира в этой связи являет собой не

описание феноменальных областей, а совокупность доксистических структур [Растье 2001: 210-225]. В динамике дискурса оценивание обуславливает видение мира и, как следствие, делает возможным множественность концептуальных миров.

Именно оценка связывает человека не только с окружающей природной, социальной или иной реальностью, но и непосредственно с другими людьми, вводя его в мир ценностей [Нечепуренко 2005: 175]. Согласно положению А.Н. Баранова [1989], оценивание как естественный когнитивный процесс включает в себя следующие этапы: выбор объекта/предмета оценки; выбор признака-основания оценки; сопоставление предмета с признаком; выбор значения признака оценки; приписывание значения признака оцениваемому предмету; ориентация акта приписывания значения оцениваемого признака на возможность участия в процессе принятия решения.

При актуализации положительной или отрицательной оценки выявляется своего рода полемика дискурсивной личности, с одной стороны, с языковым сознанием социума, которая придерживается стереотипного представления о данном факте, с другой стороны, с языковым сознанием Другого в условиях данного дискурсивного мира. Неслучайно поэтому выражение оценки в дискурсе логично связывается с эмоционально-смысловой интенсификацией высказывания, особенно в плане экспрессивного его структурирования.

В настоящее время представляется затруднительным представить относительно цельную непротиворечивую классификацию видов оценок, поскольку их систематизация зависит от направления оценивания и способа его формулирования, и, в конечном счете, от «модусов» субъектного проявления человека говорящего. Так, в ряду возможных видов оценок по норме присутствия и характера эталона и условий оценивания выделяются, в частности, следующие оценки [Яковлева 1994: 334].

Общая оценка, положительная или отрицательная, связана с квалификацией чего-либо на основе пресуппозиций субъекта оценивания или феноменологии объекта.

Эпистемическая оценка связана со степенью достоверности в интерпретации/оценивании и отражает знания говорящего о предмете речи. Средствами ее выражения являются прежде всего «эпистемические артикуляторы» высказывания, модально-вводные слова, относимые традицией к разряду показателей достоверно-

сти/недостовренности содержания высказывания (*наверно, по-видимому, может быть, кажется, бесспорно, безусловно и нек. др.*). Оценивание в данном случае отражает условия восприятия / осмысления мира говорящим [Рассел 2001]. Наличие в высказывании специального модального показателя, свидетельствующего о коммуникативном намерении говорящего эксплицировать некоторую модель восприятия, задает «эпистемическую перспективу» оценивания высказывания.

Априорная оценка не поддается эмпирической объективированной проверке. Имеет место при таком оценивании, которое ориентировано не на установление некоторого соответствия содержания высказывания действительности, но выводит содержание из области фактов и направлено на субъективное видение положения дел, исключаящее какую-либо верификацию (*По всему видно, что это настоящий интеллигент, для меня это так*).

Апостериорная оценка основана на данных непосредственного восприятия/осмысления и поддается определенной эмпирической объективированной проверке (*Это компетентный специалист*).

Индивидуальная оценка объективируется в высказываниях при несоответствии эталону описания и явно выявляет семантику индивидуального авторства (*Волосы у нее поистине русалочки*).

Коллективная (в соотношении со стандартной и в оппозиции к индивидуальной, авторизированной) оценка есть оценка конвенциональная, предусматривающая эталон описания (*У нее поистине русалочки волосы*).

Нестандартная оценка близка к индивидуальной и предусматривает нестандартность оценочной процедуры — модификацию информации, лежащей в основании оценки, под индивидуальным авторским углом зрения.

Рациональная — выводимая логически по умозаключению (*Он очень умен, поскольку решает такие сложные задачи*).

Стереотипизированная — оценка по формальному употреблению конвенционального средства оценивания, отражающему лишь «следы» имевшей место ранее оценочной мотивации. Представляет стертое в оценочном плане языковое выражение, семантически относящееся к оцениванию, но потерявшее значение средства реального оценивания. Например, «стертая» оценка имеет место в случае, если средства пространственной локализации маркируют

лишь опосредованный способ описания наличия/отсутствия объекта вне реального оценивания пространственной локализации (*Хорошо, когда рядом есть друг*).

Функциональная оценка определяется по координатам функциональной релевантности в отличие от оценки, устанавливаемой по координатам абсолютной значимости. Функциональная оценка соотносится с абсолютной оценкой в том отношении, что первая градуируется и связана с функциональным бытием предмета осмысления (*Это близко, рядом, в двух шагах*); вторая исключает «бытийное» осмысление, не допускает дальнейшей спецификации, не градуируется и мыслится в принадлежности «полюсу» отсутствия и ирреальности (*Это далеко, очень далеко*).

Экспрессивная оценка переключает интерпретацию из области фактов и изложения фактов в область шкалы интенсивности оценивания.

Эмоциональная оценка имеет место, соответственно, при выражении оценивания, вызванного переживанием эмоционального состояния *радости, печали, негодования, страха, восхищения, удивления*.

Эталонная оценка устанавливается в контексте подтверждения соответствия содержания высказывания действительному положению вещей (*Это поистине товарищеские отношения*).

Обоснована типология оценок, основанная на специфике использования аксиологических шкал. Выделяется, соответственно, четыре типа оценок: количественные, прототипические, гомеостатические, общие [Баранов 1989], в градации выражения оценивания выделяется абсолютная (*порядочный, в высшей степени порядочный*) и сравнительная оценки: высшая (*очень порядочный*), срединная (*посредственный*), низшая (*непорядочный, презренный*).

Исходя из критерия типа субъекта оценочного отношения выделяется оценка, относящаяся к самому субъекту (*Это был самый счастливый день в моей жизни*) или к кому-либо или чему-либо другому (*Он считает себя самым умным*). По типу предиката оценочного отношения выделяются оценки с предикатом мнения, чувства, предположения, долженствования, волеизъявления, запрещения, совета; ассертивная оценка (*Это бессмыслица*). Различаются также оценки *de dicto* (*Хорошо, что ты меня понимаешь*) и *de re* (*Ты сегодня прекрасно выглядишь*). Исходя из способа квалификации оцениваемого в высказывании/дискурсе, выделяется дескриптивная оценка

(Здесь самое глубокое место на озере), общая оценка (Очень красивое озеро). Согласно критерию точки зрения на оценивание и оценочную область, различают этическую, эстетическую, гедонистическую, прагматическую и другие виды оценок.

На наш взгляд, оценивание, выходящее на оценку воспринимаемого/осознаваемого/ высказываемого как значимого и потенциально распространяющееся на все его возможные признаки (приобретающие вид паттернов в ходе оценивания), в общем плане может быть подразделено на два основных типа: *эвалюацию и аппрециацию*.

Эвалюация имеет место в высказывании тогда, когда оценивание исходит из манифестируемых признаков воспринимаемого/осмысляемого по вектору **от Мира к Я**, субъекту говорящему, например, из признаков пространственно-временной локализации, цвета, веса, важности в данном ряду, полезности и т.д.

Аппрециация же изначально исходит из устойчивого, в текущем семиозисе априорного, внутреннего представления субъекта, направленного на данное явление по вектору **от Я к Миру**. Например, аппрециацией является квалификация чего-либо важным не по его признакам в некотором положенном ряду (это тип эвалюации), а исходя из личностной идеи (или декларируемой как личностной), мысли, мнения – *пре-конструированного представления* говорящего о его роли и месте в данном ряду по особой значимости: как важного, ничтожного; прекрасного, уродливого, странного, полезного и т.д.

Языковым механизмом – маркером различия эвалюации и аппрециации – можно считать семантическое изменение некоторых качественных прилагательных в языках с фиксированным порядком слов, в которых позиция прилагательного до или после определяемого существительного имеет структурное значение. Сравним, например, изменение оценочного значения следующих прилагательных в испанском и французском языках в зависимости от их позиции:

- un país grande, un pays grand – большая страна (эвалюация); un gran país, un grand pays – великая страна (аппрециация);
- un hombre pobre, un homme pauvre – бедный человек (эвалюация); un pobre hombre, un pauvre homme – несчастный человек (аппрециация).

Собственно *ценностным* можно назвать оценочное отношение аппрециации, которое, во-первых, выражается в высказывании-оценке, интенционально направленном на оценочное отношение, в котором таковое приобретает особую важность в смыслообразовании; и, во-вторых, в ходе оценивания возводит значимость осмысляемого / переживаемого к сущностным смыслам духовного плана. Именно данного типа смыслы в лингвистическом аксиологическом анализе следует рассматривать как смыслы ценностные – мировоззренческие константы понятийного или образного характера, способствующие установлению и общему признанию ценностей.

Природа ценностных смыслов как мировоззренческих и духовных доминант человека и общества с необходимостью связана:

- с их *социокультурным потенциалом*. Социальное лежит между психологическим и материальным (М. Вебер) и конституируется взаимоотношениями между людьми в целостной общности, процессами коммуникации, в которых формируется мир социальных ценностных смыслов в согласии с существующими нормативными ориентирами, призванными обеспечить гармонизацию и, в конечном счете, выживание человека и общества. Мир социальных ценностных смыслов можно обозначить метафорой «воздуха», состоящего из обобщенных обыденных взглядов житейской мудрости (жизненно важный уровень мировоззрения), а также более обобщенной совокупности взглядов человека и общества на мир в целом, на свое собственное место в нем, понимание и оценку человеком смысла жизни и деятельности, судеб человечества; а также совокупность обобщенных научных, социально-политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических ценностных ориентаций, убеждений людей, определенных в своих пространственно-временных координатах;

- с их *мотивирующим, волевым и целевым ориентирующим потенциалом*, который раскрывают ценности как некоторый тип убежденности, ядро целостной системы убеждений человека о том, как он должен или не должен вести себя, или о конечных идеальных состояниях существования, которых стоит или не стоит достигать [Ситарам, Когделл 1992: 63];

- с *регулирующим потенциалом* соответствия сформулированного оценочного отношения «должному, желаемому»: нормативам, императивам. Субъект, оценивая нечто, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценивания, а, с другой стороны,

на социальные стереотипные представления о нем и соответствующей шкале оценок, по которой расположены присущие объекту признаки. Понятие «социальный стереотип» [Lippmann 1992: 22] подразумевает упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «образы мира» в сознании человека культуры, которые помогают ему в восприятии сложных социальных объектов.

Исследование ценностной сферы представляет, как следствие, ряд важных особенностей и характеристик, в ряду которых:

- Глубинный, ментальный характер оценивания, его психологическая и когнитивная онтология, имеющая сопряженную индивидуальную и коллективную феноменологию, дискретное функциональное проявление и одновременную континуальную укорененность в инерционных меморизованных структурах «жизненного пространства» человека и общества, что определяет необходимость *междисциплинарного* подхода к его анализу ⁷.

- Исследование сущностных смыслов, объективируемых в качестве ориентиров социального бытия в различного типа дискурсах/текстах, по своей сути имеет *семантический* характер, направленный на выявление значения тех символических форм, с помощью которых выражаются данные социально значимые смыслы.

- Сущность смыслов социального бытия, составляющих социальный мир и аксиосферу общества, может быть исследован путем интерпретации / измерения значимого корпуса дискурсов / текстов в виде *лингвистической семиометрии*.

---

⁷ Объектом лингвистического аксиологического анализа могут стать определения оценки и ценностей, представляющие квинтэссенцию гуманитарного антропологического знания. Так, в философии И. Канта формулируется фундаментальное положение об априорном статусе ценностей как сфере свободы (нравственности), противостоящей царству необходимости (природе); «бихевиористски» сформулированное определение гласит, что оценки есть предпочтения, как то, чего человек домогается, желает избежать или стремится уничтожить. Об объекте можно сказать, что он обладает ценностью, если к нему проявляют какой-то особый интерес. Для психолога ценность представляет собой базу для решений личности.

Семиметрия как способ аксиологического анализа

Термин «семиметрия» сформулирован в социолингвистике и употребляется по отношению к приему анализа выявленных фактов с целью выведения обобщенных сущностных смыслов, характерных для данной социальной группы или общества в целом. Иными словами, семиметрия есть интегральное измерение состояния социального мира на основе базы данных (опроса общественного мнения, статистических данных всякого рода) об исследуемых в определенное время, на определенной территории группе / обществе. Семиметрия состоит в последовательных процедурах, первичной из которых является установление значимой фактологии; последующей процедуры ее комментирования и, наконец, обобщения полученных данных в классификационных параметрах, позволяющих судить о предпочтениях и тенденциях в обществе. Данный прием анализа, таким образом, нацелен не столько на выявление фактуально-статистической картины состояния общества или оценки какого-либо отдельного факта, события, сколько, через посредство данной фактологии, на выявление ценностных предпочтений / ориентиров для определения социально значимых тенденций и диагностирования социальной эволюции. Так, данный прием широко используется во французской социолингвистике институтами опроса общественного мнения, такими, как *Sédodip*, *Sofres*. В результате применения этого приема составляются обобщающие социологические срезы общества в рамках таких, например, работ по социологии, как *Francoscopie*, отдельные части-выпуски которой называются «Ценности французов», «Кто такие французы: факты, цифры, сравнения, анализ, тенденции» [Mermet 2008].

Измерение, в отвлечении от понимания его как материального способа выполнения некоторой количественной операции, в общем виде представляет собой изучение версификаций, основанное на эталоне, некоторой принятой шкале отсчета по прикладной норме интерпретации, включающей определенные критерии анализа. Подобный способ изучения позволяет выявить некоторые за-

кономерности, касающиеся версификации (количественного или качественного содержания «версии», порции «данных», совпадений, доминант, вариантов) смыслов, соответствующих принятой опорной шкале измерения. Представляется, что измерение, как один из возможных способов семантического анализа, в большой степени адекватен аксиологическому анализу, ключевыми терминами которого являются оценочное измерение, шкала оценивания, система ценностей, бинарность оценивания по крайним точкам выявляемых значимостей (экстремумам) и вариативность внутри возможного спектра значимостей, зависимость квалификации оценки от изначальных критериев измерения.

В то же время, измерение позволяет в методическом плане (исходя из понимания метода как определенного пути к достижению цели в анализе выделенного объекта): отграничить совокупность данных, подлежащих анализу-измерению; уточнить критерии их измерения; применить ко всем данным одну и ту же шкалу оценивания; объективировать определенным образом предпринимаемый семантический анализ; соотнести данные анализа с этнокультурными параметрами установления оценочного отношения.

Такой способ лингвистического аксиологического анализа можно назвать *лингвистической этносемиометрией*. Данный термин, основываясь на понятии «измерение – метрия», включает два других специфицирующих компонента: «семио-» и «этно-». Первый из них отсылает к цели выявления значения, содержания исследуемой символической формы, приближаясь в этом плане к семантическому анализу; второй, исходя из гипотезы лингвистической относительности, помещает всякую цельную языковую символическую форму в контекст принадлежности определенному культурному хронотопу и культурогенному дейксису.

Этносемиометрия может использоваться для градуального выведения значимых смыслов данного текста/дискурса, который позволяет вывести в своей целостности некоторое представление о наполнении его содержания ценностным отношением автора. При этом конкретно отграниченный контекст, в виде цельнооформленного текста и условий-обстоятельств его порождения, рассматривается как первичная инстанция анализа, сходная с данными социологического опроса. Совокупность репрезентативных контекстов

позволит выявить некоторую тенденцию в разработке ценностных смыслов в данном временном срезе, либо некоторую эволюцию ценностных смыслов в течение некоторого периода или при смене периодов.

Следует подчеркнуть, что измеряющий способ анализа с необходимостью связан с *интерпретацией* [Искусствометрия 2007: 56]. Интерпретация понимается как такой способ выявления смысла, заложенного в данном тексте/дискурсе через определенный способ его оформления, который стремится к наиболее полному пониманию содержательного наполнения структур означивания с учетом сказанного, подразумеваемого, а также обстоятельств высказывания. Имея в виду, что построение общей теории аксиологии находится вне исключительной компетенции лингвистической семантики, именно интерпретации принадлежит незаменимая роль способа определения того, как порождение и формулирование смыслов зависят от оценочной телеологической деятельности, стратегии человека говорящего и как она соотносится с определенной аксиологической системой.

Такой способ семантического анализа позволяет, на наш взгляд, более объективно подойти к решению аксиологической лингвистической гипотезы, поскольку исходит не из априорно выделяемых конструкторов, которым заранее придается ценностная значимость в аксиосфере данной культуры, но из контекстов интерпретируемых с целью установления оценочного содержания смыслов, наделенных субъектом в данном контексте. Именно контекстуальное пространство смыслообразования дискурса / текста подвергается измерению для выведения той части смысла, которая выявляет оценочное отношение субъекта мысли и речи с опорой на языковые компоненты его структурирования.

Уточним основные принципы аксиологического лингвистического анализа способом семиметрии.

Принцип аксиологичности дискурса / текста. Всякий дискурс представляет собой не только определенный способ содержательного выражения образующего его дискурсивного концепта, но данный дискурсивный концепт рассматривается как аксиологически нагруженный.

Принцип явно или не явно декларируемого ценностного отношения. Любое высказывание, взятое в его соотношении с другими высказываниями данного дискурсивного поля, как и само дискурсивное поле, может быть охарактеризовано с точки зрения явного или не явного выражения некоторого ценностного отношения.

Принцип текстовой (внутри дискурсивной) аксиологической референции. Некоторое цельнооформленное вербальное, паравербальное или визуально-вербальное произведение (или его фрагмент) выделяется как достаточное пространство смыслообразования для целей определения (измерения) в нем интенционального актуализованного оценочного смысла.

Принцип герменевтичности в выведении значимых смыслов. Предусматривается анализ данных целостного смыслообразования в предикативных структурах высказывания, в соотношении высказываний, с опорой на положения интерпретативной семантики.

Принцип достаточной репрезентативности при выборе из некоторой совокупности источников такого, который может нести диагностическую значимость для данного хронотопа, обладая качествами статусности как источника, авторитетности и компетентности. Источник в этом смысле уподобляется «респонденту» при опросе общественного мнения;

Принцип фрактальности. Данные, полученные в одном срезе-измерении, составляют одну базу данных, которая входит в следующую, более общую базу данных. Измерение контекста реализации данного ценностного отношения может быть направленным, например, на установление происхождения «ценностного понятия», объяснение его «внутренней формы», на сопоставление / совмещение по хронологическому или общенациональному вектору семантической динамики или состояния полученных семантических данных из предыдущих контекстуальных измерений.

Исходя из принятого в данной разработке аксиологического лингвистического анализа положения о двойственной природе артикулирования речемыслительной деятельности человека, а также о возможности прямого или косвенного выражения оценочного от-

ношения, представляется целесообразным выделить, по крайней мере, три возможных направления анализа.

Первое направление ориентировано на анализ *языковой (системной)* идиоматики отдельных слов и выражений как потенциальных имен концептов, конвенционально относящихся к средствам номинации оценочного отношения, оценки и образующей аксиологическое лексико-семантическое поле языка. В аксиологическом ракурсе подобного типа анализ позволяет приоткрыть «потаянный смысл слов», их «внутренний свет» [Осипов 2006].

Аксиологическая лексика означает оценку типа личности, ее поведения, результатов деятельности, социальных контактов и различного рода феноменов. Вербальная оценка основана на общности межличностного опыта и закреплена в процессах коммуникации [Чернейко 1996: 42–53]. Идиоматическое аксиологическое поле включает в себя слова – оценочные термины-«зонты» (*ценность, норма, предвзятость* и др.), слова-операторы оценочного отношения (*плохо, хорошо*), предикаты *сравнивать, предпочитать, любить*, слова-квалификаторы оценочного отношения (*пристрастность, предубеждение*).

Особо значимое место занимают так называемые «ключевые слова» ценностного архива лингвокультуры – слова, в процессах номинации закрепляющие те ценности / антиценности, к которым возводит оценочное отношение в данной идео-/ этнокультуре (*правда / ложь, свобода / воля, жизнь / смерть*), всякого рода инвективные или аффективные языковые средства номинации (*братишка, глупец, гений*), а также идиоматические обороты, которые фактом своей конвенциональной устойчивости однозначно характеризуются в качестве языковых паремиологических аксиологем. В данном случае важным оказывается как собственно классификационный проект анализа оценочной номинации с целью измерения национальной или (меж-)личностной аксиосферы по данным идиоматики в зависимости от принятой сетки критериев, так и эволюционный диагностический проект, позволяющий выявить возможные сдвиги, наблюдаемые в конкретном дискурсивном проявлении устойчивого языкового выражения в связи с текущей концептуализацией оценки. Так, например, контекст дискурсивной трансформации устойчивого прецедентного выражения русской культуры

«Бедность не порок» → «Бедность – порок», даже при условии ироничного употребления, однозначно свидетельствует об изменениях в концептуализации выраженного оценочного смысла, оказывающегося в центре смыслообразования, в том числе по данным различного рода словарей.

Второе направление анализа ориентировано на тексты-источники, в которых в явной форме либо выражено собственно оценочное суждение, либо смыслообразование интенционально, тематически (маркировано оценочной лексикой) и аргументативно (логически и имплицитно) выстроено как структурирование оценочного отношения. К такого рода оценочным речевым актам следует отнести контекстуальные дефиниции ценностных понятий или аргументирования такой дефиниции (*Счастье – это когда тебя понимают*); контексты обобщения некоторого опыта или явного формулирования кредо говорящего (*Смысл жизни состоит в том, что...*); контекст предъявления напрямую своего отношения (*Я вас люблю*); контекст явного возведения наблюдаемого к ценностным понятиям (*Это просто безобразие*); оценочной квалификации поведения с явной импликацией порицания, одобрения / неодобрения, (*У вас нет чувства юмора; Болван!*); контекст предпочтения одной ценности другой, в том числе при авторефлексии или в ситуации конфликта ценностей, например, при разрешении проблемы «дозволенного / недозволенного» (*Любовь – это прекрасно, но это эгоистическое чувство, которое не должно заставлять страдать других*); контекст воззвания к безусловным ценностям путем экземплификации ценности в конкретном примере и контекст поучения, которые могут рассматриваться в качестве видов валоризирующего дискурса.

Помимо очевидных аксиологических номинативных средств и операторов типа «хорошо / плохо» оценка наглядно проявляется в том, как контекстуально структурируются семантические классы и какая между ними устанавливается иерархия, прежде всего по вектору уподобляемых и уподобляющих классов в коннекции элементов текста (*Природа – дивный храм*) [Арутюнова 1999: 184; Растье 2001: 225; Бочкарев 2003: 14].

Третье направление ориентировано на неявные оценочные тексты-источники при учете того, что «при своем употреблении

любое слово, сопряженное с каким-либо устоявшимся стандартом, способно вводить неявную оценку» [Ивин 2006: 53]. Более того, представляется справедливым утверждать, что выведение глубинного ценностного обоснования текста-источника как дискурсивного пространства валоризации возможно в принципе, если рассматривать высказывание через призму *смыслообразования* и составляющих его речемыслительных операций субъективации, в том числе персонализации, предикации и т.п. Само осмысление, в сущности, – подведение осмысляемой действительности под некоторые уже имеющиеся в опыте представления: единичное под более общее, менее важное с более важным⁸. Аксиологическое измерение в данном случае с необходимостью будет направлено как на самую логико-грамматическую организацию предикаций, аргументацию (как способ управления мыслительной деятельности с опорой на «пре-конструируемое»), так и на интерпретацию имеющихся в контексте специальных прагма-риторических структур. К такого рода структурам, в частности, относятся метафора, метонимия, сравнение, ирония, перифраз, повтор, цитация, основанные на концептуальном механизме ментальной отсылки к уже осмысленному, существующему в опыте и позволяющему тем самым реализацию оценочного отношения.

Таким образом, семиметрия может рассматриваться как один из способов лингвистического мониторинга функционирования языка в его аксиологическом измерении. Технология лингвистического мониторинга основывается на двух важнейших предпосылках: во-первых, на регулярности и периодичности анализируемых данных, и, во-вторых, на достаточно большом объеме привлекаемого материала. В данном отношении семиметрия сходна с методиками, используемыми для выявления структуры и состояния общественного сознания, например, контент-анализом. Ее особен-

---

⁸ Сошлемся здесь на определение Л. Блумфилда, которого часто несправедливо относят к явным «анти-менталистам» в лингвистике, но который дал одно из наиболее ярких в дискурсивном и аксиологическом отношении определений термина «смысл»: «Lorsqu'une chose apparemment sans importance se révèle être liée de près à des choses plus importantes, nous disons qu'après tout, elle a un 'sens' [meaning]; c'est à dire qu'elle 'signifie' [means] ces choses importantes. Ainsi, nous disons que l'émission du discours, insignifiante et sans importance en elle-même, est importante parce qu'elle a un sens» [Bloomfield 1933 : 33; цит. по: Tatsukawa 1989:101].

ностью в данном ряду следует считать субъектноцентрический и метрический характер семантического анализа, направленный на выведение смыслов концептуального ценностного содержания по данным интерпретации сущностных смыслов, выявляемых в ряду репрезентативных текстов / дискурсов. Для лингвистического мониторинга важно то, что при семиометрии высказываниям, образующим дискурс, придается концептуальное оценочное обоснование.

В целом, семиометрия представляет собой прием семантического анализа аксиологически ориентированной лингвистики, направленный на измерение ценностных параметров данного избранного цельного смыслового пространства в его конкретной авторизации, локализации во времени и пространстве и определенном целеполагании.

Ценность семиометрии видится в том, что выведенное по данным одного смыслового пространства (контекста) содержание может быть поставлено в такой когерентный ряд других выделенных таким же образом смыслов, который дает возможность обобщения: установления некоторой семантической закономерности, тенденции, линии развития смысла, выявления доминант для придания им характеристик общего и специфицирующего свойства. Целесообразность семиометрии как вида анализа состоит, на наш взгляд, в том, что он исходит не из априорного постулирования существования некоторых произвольно или интуитивно опознаваемых концептов в их языковой репрезентации, но из параметров конкретного знакового образования в пресуппозиции ценностной ориентации создавшего его автора. Вместе с тем он находится в полном соответствии с признанным положением о релятивной субъектно-идеоэтнической обусловленности оценивания и всякого формулирования оценки в дискурсе.

ГЛАВА II

ЭТНОСЕМИОМЕТРИЯ ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

Диахроническая семиометрия французского слова *la valeur*

В аксиологическом лексическом поле языка выделяются лексемы-термины, семантика которых конвенционально и нормативно связана с означиванием оценивающей деятельности человека. Такого рода аксиологические термины правомерно рассматривать в соотношении с концептуальными структурами, составляющими интеллектуальную и духовную культуру народа. Они отражают поступательный процесс ее развития, рассматриваемый в интеграле цельности, многообразия и возможности выводимости универсальных черт в кросс-культурном аспекте. Анализ эволюции слов, объективирующих в языке определенные концепты, в том числе имеющие социально-культурный характер, касается выявления их «внутренней формы», собственно лингвистических параметров существования в языке, ассоциативных возможностей, а также дискурсивного потенциала. Определение основных вех эволюции такого рода слов позволяет установить значительный фрагмент концептосферы данной культуры [Лихачев 1997] с учетом ее аксиологических параметров.

Предметом нашего диахронического анализа является концепт *valeur*, проводимый на основе семиометрии репрезентирующего его французского слова *la valeur* 'ценность', 'значимость', 'стоимость'. Выбор данного слова в качестве объекта семиометрии обусловливается его характером *ключевого*⁹ слова для аксиосферы чело-

---

⁹ Показателем статуса *ключевого слова* по отношению к слову *ценность* является его употребление в качестве центрального термина в философском дискурсе, т.е. в аксиологии (Г. Лотце, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Фуко, В. Соловьев, Н. Лосский, М.С. Каган и др.), социологии (М. Вебер), социальной психологии (А. Маслоу), ан-

века, для метафизического, критического и художественного дискурсов и, как следствие, его значимостью для понимания современного состояния общества и антропологической мысли в целом. В теоретическом, методологическом плане в настоящее время актуальной является задача «построить системную модель аксиосферы, важную для всего спектра гуманитарных наук» [Каган 1999: 41].

Лингвистический анализ в виде семиометрии ключевого слова аксиосферы позволяет установить основные вехи в осмыслении целой совокупности значимых явлений, связанных с интенциональностью в дискурсе, процессами и результатами оценивания человеком мира. При определении семиометрии французского слова *la valeur* мы опирались, прежде всего, на данные различных французских словарей: этимологического, толковых, энциклопедических, а также на тексты современных авторов.

Обратимся к первичному значению, определяющему «внутреннюю форму слова». Этимология французского слова *la valeur* получает двойственную интерпретацию по данным исторических словарей французского языка. По одним источникам, оно восходит к глагольному этимону, по другим данным, его исходной формой следует считать имя существительное. Согласно большинству словарей, слово произошло от латинского глагола *valère* [Шишмарев 1955; Littré 1958; DE 2001]. Отметим при этом, что, если словарь латинского языка показывает явную полисемию данного глагола, то французские словари по-разному акцентируют то одно значение, которое, по их мнению, имеет исходный глагол для старофранцузского языка. Так, словарь Littré возводит первое историческое значение слова к «ближайшему» значению латинского глагола *быть здоровым, сильным, крепким: Force, courage à la guerre, dans le combat (le sens propre du verbe latin valère étant être fort* [Littré 1958: 1520].

Это же значение как первичное указывает и этимологический словарь [DE 2001: 799]. Возводя этимологию рассматриваемого слова к глаголу классической латыни *valère*, авторы словаря отмечают существование уже в поздней латыни существительного *valor, valoris*.

тропологии (К. Леви-Стросс), в литературе (Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстой), его узуальность в обыденном языке, медийном, экономическом, политическом дискурсах, верифицируемая по данным поисковых систем Интернета.

Устанавливается, что первичным этимологическим значением исходного глагола-этимона является *être bien portant* 'быть здоровым, не быть больным, быть способным выполнять что-либо'.

Другую, не глагольную, но именную этимологию слова представляет один из новейших французских исторических словарей:

«*Valeur*» est issu (1080, aussi *valor*) de «*valorem*», accusatif du latin classique «*valor, valoris*» qui a donné l'italien «*valore*», espagnol «*valor*» et est dérivé de «*valere*» (> *valoir*) [DH 1992: 3993].

Иными словами, по мнению авторов Исторического словаря, старофранцузское *la valeur* происходит от уже существовавшего в классической латыни существительного в форме аккузатива, которое, в свою очередь, происходит от глагола. В данном случае в концептуальном плане важно то, что в основе означивания лежит, в конечном итоге, именно глагол, предикативная природа которого указывает на первичность установления отношения, атрибуции предмету мысли некоторого признака, результатом чего является выражение его значительности, важности.

Словари фиксируют как одно из наиболее ранних употребление слова *la valeur* в «Песни о Роланде» (примерно 1080 г.). В этимологическом словаре находим ответ на вопрос о том, в какой момент, в какой форме и на основе какой семы происходит изменение в значении латинского слова. Имеем в виду, что для выражения понятия «быть здоровым, не больным» в дальнейшие периоды эволюции французского языка формируются другие, отличные от данного, выражения (к ним относятся, в частности, *être bien portant, se sentir bien*).

Ответ, на наш взгляд, содержится в том, что, следующим шагом, согласно этимологическому словарю, в употреблении выражения на основе исходного латинского глагола был его дериват *être évalué* «быть оцененным». Следует полагать, что основной мотивации данного глагольного выражения послужили:

- идея атрибуции лицу «позитивного» личностного качества: здоровья, силы, способности к сильному самопроявлению;
- возможность градации, различной интенсивности проявления данного качества у самого его носителя – человека и, соответственно,
- возможности увидеть, убедиться в наличии этого качества, высказать свое отношение, т.е. оценку проявленного человеком качества.

Иными словами, следующим витком в семиометрии слова следует считать развитие на его основе понятия «значимости» по соотносительности с понятием «здоровье, сила».

Таким образом, существенный сдвиг в диахронической семиометрии рассматриваемого слова на этапе перехода от поздней латыни к старофранцузскому языку можно кратко выразить в формуле: *valère – être fort – être évalué*.

Свидетельства употребления слова в текстах старофранцузского языка показывают, что в данный период и глагол, и существительное, имевшие этимологом латинский глагол *valère*, развили многозначность. При этом в их семантике выделяется определенная иерархия. По данным «Словаря старофранцузского языка» В.Ф. Шишмарева [1955: 265], в рассматриваемый период глагол *valeir* (<*valère*) употребляется со следующей сеткой значений:

- стоить, иметь значение: *Ne li haubers rien ne li vaut* (Chrétien de Troyes);
- служить, помогать: *Ne rien ne m'i vaudroit complainte* (Chrétien de Troyes);
- проявлять доблесть: *Apreniez à valoir, ami* (Godfroid le Bâtard).

Существительное *la valeur* (в орфографических вариантах *valur*, *valour*), на данном синхронном срезе, употребляется в следующих значениях:

- значительность, доблесть, совершенство: *Que ja pur mei perdet sa valur France !* (Chanson de Rolland) ;
- добродетель: *Puis que je ai seigneur qui m'aimme et prise , bien doi estre de tel valour, que je ne doi penser folour* (Godfroid le Bâtard) ;
- сила: *Pantere at multes valurs* (Bestiarum).

К «антропологической» сетке следует присоединить другие значения, свидетельствующие о развитии в данный период «неантропологического», предметного употребления слова в выражении *avoir valur* [DH 1992: 3993], что свидетельствует о дальнейшем витке абстрагирующей спирали в эволюции слова, его семантической экстенсии. Таким образом, в общей семиометрии слова явно выделяются две группы значений.

Исторический словарь подчеркивает в этой связи, что с самых первых, дошедших до наших дней употреблений, слово проявляет **двойной семантизм**. С одной стороны, оно обозначает особую характеристику лица, признак, по которому лицо заслуживает уважения за свои проявленные признаки, которыми являются физиче-

ская сила и сила духа, достоинства, обусловленные однозначно позитивными личными признаками, проявленными по отношению к другим (доблесть, благодеяние): *une personne qui a de la valeur*. В этом значении оно употребляется по поводу общего «качества» лица: *une personne de qualité = une personne de valeur*. В своем референциально-антропологическом значении слово расширяет затем значение от «качества» лица до «значимости» личности.

С другой стороны, данное существительное используется для обозначения ценности предмета, того интереса, который оно собой представляет в определенном деле как некоторое благо, полезная, отвечающая цели использования, вещь (*avoir valeur = être propre à un certain usage*) 'соответствовать по своим признакам для использования в определенном деле' (DH 1992: 3993).

Наиболее репрезентативным в старофранцузском языке для понятия *une personne qui a de la valeur* является значение 'доблестный, овеянный славой, добытой в битве': *qui témoigne de la vaillance, brave* (DE 2001: 799). Исходя из критерия репрезентативности, следует считать такое значение доминантным для данного слова в первой половине старофранцузского периода. Позднее это употребление постепенно выходит из употребления в период XII–XVI вв., а в XVII веке относится к устаревшим [DH 1992: 3993].

Начиная с XIII в. слово развивает «неантропологическое» значение и употребляется (фиксируется с 1260 г.) в высказываниях, связанных с обозначением «измеряемого» характера полезного предмета в аспекте его возможности быть обмененным на другой полезный предмет. В этом употреблении слово соответствует выражению *l'équivalent de* [Estienne 1549; цит. по: DH 1992: 3993]: *la valeur d'un bijou, la valeur marchande*. В том же, XIII веке, фиксируется квалификативный дериват *valoureux*, который следует интерпретировать, согласно авторам Этимологического словаря, как *qui a du prix* 'имеющий значимость, цену' [DE 2001: 799], явно выявляя сему оценивания в процессах обмена.

Адъективация показывает, что существительное приобретает такой понятийный потенциал, который позволяет «снять» его субстанциональное содержание в виде признака, который может быть приложим к другим явлениям. Тем самым прослеживается продвижение значения от референциально закрепленного *in esse* за лицом-носителем «качества» в виду проявленной силы, значимости,

доблести, добродетели до референциально неопределенной *in fieri* атрибуции значимого признака лицу, предмету или явлению.

В семиометрии слова *la valeur* в среднефранцузском и новофранцузском периодах (XIV-XVIII вв.) отметим следующие моменты. В середине XV в. фиксируется антоним данного слова: *la non-valeur* [DE 2001: 799]. Развитие словообразовательной парадигмы с очевидностью свидетельствует об определенной устойчивости понятийной области, связанной, «покрываемой» словом *la valeur*.

Как видим, в следующие за старофранцузским периоды рассматриваемое слово остается в активном узусе. К этому времени образуется некое однородное семантическое пространство слова и образуемого им лексического гнезда. Данное семантическое пространство не прерывает следующих диахронически сквозных значений:

- быть сильным, здоровым, отличаться естественным позитивным качеством;
- быть доблестным, сильным, стойким в бою;
- служить, помогать;
- иметь заслуги, быть оцененным за доблесть в благородном деле.

Важно то, что *la valeur* ассоциативно употребляется в контексте со словами, связанными с оценкой позитивных личностных качеств человека: совершенство, уважение, любовь. Имплицитно в контексте представлено также восхищение доблестным человеком, как, например, в выше представленном примере из «Песни о Роланде», выраженном риторическим вопросом в восклицательном предложении. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данное слово относилось к личностной сфере человека, мужчины прежде всего, в случае оценивания его качеств, проявленных в открытом бою и, *par extention*, в служении благородному делу, а также по отношению к женщине.

В «неантропологическом» значении, начиная с конца XVII в., уже специализированном на выражении оценивания, измерения, по мнению авторов Исторического словаря, находит отражение более общий социолингвистический факт объективации в языке идеи «обмена», меры, связанный с развитием торгово-промышленных процессов в обществе [DH 1992: 3993]. Таким образом, в семиометрии данного слова следует отметить наращивание семантической нагрузки за счет наложения однородных, дополнительных друг к

другу понятий, позволяющих выражение идеи **оценивания – измерения – обмена – меры**. Именно данное оценочное значение, наслаивающееся на весь спектр других значений, придает ему знаковый потенциал, который нашел свое наиболее яркое выражение в том значении слова, которое использовано в работах Ф. де Соссюра и приобрело терминологическое лингвистическое значение, переводимое традиционно на русский язык как «**значимость**».

В XIX в. гнездо слова расширяется за счет появления выражения *la contre-valeur* [DE 2001: 799]. Отмеченный на предыдущих этапах эволюции языка дериват – антоним *la non-valeur* – на данном синхронном срезе не фиксируется. Обратим особое внимание на данную эволюционную парадигму: *la non-valeur – la valeur – la contre-valeur*. Различие в семантике отрицательных формантов, образовавших соответствующее сложное слово, позволяет считать, что для процессов концептуализации понятия особое значение приобретает не отсутствие качества как такового, а его противоположное проявление. Так как фокусируется проявление противоположного ему явления, то, соответственно, нейтральным, фоновым, считается его отсутствие: отсутствие в большинстве случаев, у многих людей. Именно на нейтральном фоне становится возможным выделение лица или предмета по его значению, приобретению им качества значимости.

В целом, в течение рассматриваемого периода, согласно Этимологическому словарю [DE 2001: 799], формируется целая группа дериватов от слова *la valeur*, мотивированных семой выведения значимости, обозначающей процесс и результат придания ценности предмету / явлению, либо обратный ему процесс – обесценивание предмета / явления: *valorisation, valorisant, valoriser, revaloriser*.

На основе семы «мера особого признака», слово *la valeur* входит в сферу искусства. В музыке (начиная с 1740 г.) данное слово используется для обозначения относительной длительности ноты. Далее, в живописи (начиная с 1792 г.), слово начинает употребляться для обозначения степени светлого или темного тона, свойственных каждому из цветов палитры и обуславливающего отличительный признак каждого из них, их качество для выполнения живописного произведения [DH 1992: 3993].

Согласно Историческому словарю, в период XVIII-XIX вв., эволюция семантики слова характеризуется усилением идеи цены: *l'idée du prix*. Данная тенденция проявилась в «абсолютном» упот-

реблении слова в выражении *la valeur élevée*. В XVIII в., в продолжение обозначенной тенденции, слово начинает употребляться как считаемое: *une valeur – des valeurs*, изменяя, варьируя свой языковой статус от изначально абстрактного существительного, обозначающего некоторое качество пригодной именно для данного дела вещи, до конкретно считаемого существительного, обозначающего средство обмена в своего рода метонимической структуре обозначения. В последующие периоды наблюдается закрепление слова в данном значении как термина в экономическом дискурсе: *La valeur désigne en économie la qualité d'une chose fondée sur son utilité objective ou subjective, d'où «valeur d'usage» 'ценность, потребительная стоимость', opposé à «valeur d'échange» 'меновая стоимость' и в финансовом дискурсе: on parle en finances de valeur ajoutée, d'où «taxe à la valeur ajoutée, appelée T.V.A.» 'добавочная стоимость' [DH 1992: 3993].*

В течение XIX в. происходит значительное расширение сферы употребления слова, в основном в направлении неантропологического направления его семантики. Оно продолжает активно употребляться в литературном и быденном дискурсах, становится ключевым понятием в экономическом, финансовом дискурсе; в сфере искусства, в частности, в музыке и живописи закрепляется как термин. Экстенсия слова, постоянное обогащение его семантики способствуют приобретению словом способности выражать объемное и, в то же время, сущностное, категориальное понятие, которое на русский язык переводится словом «ценность» – то, что признается истинным, прекрасным, благим, достойным '*ce qui est vrai, beau, bien, digne*'. Слово в данном значении входит в общее употребление, в том числе, в научные работы, на основе абстрагирования, снятия всех предшествующих значений. Ценности с необходимостью классифицируются от наиболее важных, укорененных в общественном сознании '*fortes*', до более слабых, менее устойчивых '*faibles*' [MR 1971: 1117]. Выделяются три основных типа ценностей в индивидуальном и общественном сознании: моральные, социальные и эстетические ценности '*les valeurs morales, sociales, esthétiques*' [Ibid]. Ценности определяются как устойчивые ориентиры в суждениях о мире и себе самом, а также ориентиры в поведении человека. Отсюда истоки таких выражений, как *l'échelle des valeurs* 'шкала ценностей' и *les systèmes de valeurs* 'системы ценностей'. Данный концепт является ключевым для социологии и, в целом, для комплексного

изучения человека и общества, связывая понятие ценности с ценностным отношением и нормой.

Таким образом, семиотрия французского слова *la valeur* показывает, что в своей семантике слово инкорпорирует следующие основные компоненты: идею позитивного, эффективного качества кого-либо или чего-либо в его целевой предназначенности; представление о самой сущности позитивного, благого, истинного, достойного. Данные компоненты выделяются на общем фоне определения значимости как результат оценивания существенного в отличие от несущественного.

Установление диахронической этносемиотрии слова *la valeur* позволяет сделать некоторые общие выводы.

- На основе слова *la valeur*, принадлежащего к исконному латинскому лексическому фонду французского языка, формируется понятийная область, по соотношенности с которой в речи устанавливалось на более ранних этапах и будет устанавливаться на более поздних этапах ценностное суждение субъектом оценивания.

- Ядерными смыслами этносемиотрии французского слова *la valeur* следует считать «здоровье, силу, доблесть, пригодность», напрямую связанных с гиперконцептом «жизнь».

- Двойной семантизм понятийной области слова, конституированный, соответственно, антропологическим значением личностных качеств человека и неантропологическим значением качества предмета, на основе которого он имеет свою стоимость и цену, развивается на основе общей семы значимости. Неантропологическое значение, усиленное значением меры, степени, развивается далее в специализированное терминологическое значение в экономике, искусстве (живописи, музыке).

Оба типа значимости устанавливаются через отношение оценки. С одной стороны, оценка может быть установлена по отношению к предмету оценивания с точки зрения его значимости для субъекта оценивания как личности. С другой стороны, ценность предмета может быть установлена по его целевому соответствию, «товарной», «доходной» значимости, которая определяет цену данного предмета в ряду положенных предметов. Основной тенденцией эволюции анализируемого слова, выявляемой путем семиотрии, является постепенное его превращение в слово категориальное и слово-термин.

Дискурсивное пространство как аксиологическая система

Поиск существенных механизмов, регулирующих социальное бытие и социальную деятельность, сопряжен с исчислением и (со)измерением аксиологических смыслов, активируемых языковой личностью в процессе продуцирования дискурсивного пространства, которое рассматривается в качестве системного оператора, оформляющего различные модели и системы социального взаимодействия. С учетом статусной значимости аксиологической составляющей социального бытия дискурсивное пространство может моделироваться по типу аксиологической системы, которая содержит разнообразные конфигурации и разнообразные форматы переживания аксиологических приоритетов той или иной культуры.

В ранге аксиологической системы дискурсивное пространство является сложноструктурированным и многокомпонентным образованием, что требует определения ряда параметров, которые могут быть положены в основу его ценностной спецификации. К числу таких параметров относятся:

- степень аксиологической разработанности ценностных смыслов, включаемых в аксиологическую систему;
- положение ценностного смысла в иерархически организованной структуре ценностного знания и ценностного поведения языковой личности;
- специфика системно-структурных и функционально-прагматических связей и зависимостей внутри аксиологической системы;
- комбинаторный потенциал аксиологических значимостей;
- смысловая емкость языковых репрезентантов ценностных категорий.

Этносемиометрия как способ измерения ценностного содержания и ценностного поведения языковой личности в призме ее культурной идентичности является эвристической процедурой, сущность которой состоит в интерпретации аксиологических смыслов, порождаемых языковой личностью в процессе конструирования дискурсивного пространства. Интерпретирующая процедура позволяет выявить и учесть различные нюансы личностного переживания конвенционализированных смыслов и исследовать ценно-

стные концепты в их дискурсивных реализациях и тем самым получить более полное и достоверное знание о концептуальной и языковой картинах мира.

В плане оформления дискурсивного пространства по типу аксиологической системы наиболее значимыми представляются следующие факторные характеристики:

- прототипическая языковая личность как продуцент, транслятор и реципиент аксиологических смыслов, циркулирующих в пространстве социального взаимодействия;
- культуuroобразующие ценности, объективируемые в языковой системе и актуализируемые в речевой деятельности;
- культуuroобразующие номинации, обладающие диагностической значимостью для определения аксиологических предпочтений того или иного социума.

Рассмотрим обозначенные выше компоненты аксиологической системы подробнее. Прототипическая языковая личность представляет собой обобщенный образ представителя лингвокультурного социума, осуществляющего свою речемыслительную и речеповеденческую деятельность в условиях данного социума и являющего себя в стереотипных сценариях поведения, значениях языковых форм и речевых реализациях. Культуuroобразующий потенциал прототипической языковой личности определяется ее вкладом в типологическое оформление культурного универсума: «мир типизируется прежде всего в форме индивидов» [Степанов 2001: 18].

Прототипическая языковая личность является носителем прототипического языкового сознания и прототипического речевого поведения. Прототипическое языковое сознание находит свое выражение в способах исторически и культуuroлогически мотивированной и маркированной языковой категоризации и концептуализации. Национально-специфические акценты осмысления человеческого бытия объективируются сетью культуuroобразующих номинаций, приобретаая статус диагностически ценных и типологически релевантных эпистемических, этических и эстетических категорий.

Критериями для обоснования статуса культуuroобразующей номинации могут выступать следующие факторы:

- принцип культуuroлогической разработанности;

- принцип культурологической рекуррентности: культурная значимость ценностного концепта подтверждается процедурой установления частотности употребления объективирующей его номинации;
- принцип культурологической топикализации: культурообразующая номинация должна репрезентировать тематическую область, обладающую значимостью с точки зрения: идентификации той или иной лингвокультуры и сопоставления этой культуры с другими лингвокультурами в целях выявления концептуальных и лингвистических интегративных и дифференциальных механизмов;
- принцип культурологической спецификации: культурообразующая номинация должна специфицировать определенный фрагмент культурного универсума в отношении маркированности его вариативных реализаций;
- принцип культурологической преференции: культурообразующая номинация объективирует культурообразующую ценность в качестве аксиологической преференции данного лингвокультурного сообщества.

Культурообразующие номинации обладают следующими характеристиками:

- системной обусловленностью, которая подтверждается смысловыми пересечениями на внутрисистемном уровне;
- семиологической значимостью, обосновываемой высокой степенью лингвистической разработанности культурообразующей ценности: она снабжена широким спектром языковых номинаций, объективирующих конститутивные и ассоциируемые смыслы;
- смысловой емкостью, вследствие чего культурообразующая номинация оформляется по типу семантической матрицы.

Культурообразующая номинация и культурообразующая ценность представляют собой взаимодетерминирующие сущности. Культурообразующая номинация, с одной стороны, диагностирует ценность, а с другой стороны, оформляется на основе идентификации культурообразующей ценности.

Культурообразующая ценность прежде всего симптоматична, поскольку характеризует социум в плане его аксиологических преференций; кроме того, такая ценность подобна директивной иллюкуции, оформляющей дискурсивное пространство по типу гомеостатической системы; она стереотипна, поскольку соотносится

со стереотипом поведения, который является реальной «основой этической природы человеческого коллективного бытия» [Гумилев 2002: 132].

Культурообразующая ценность осознаваема, соответственно, идентификация ценности и ее селекция осуществляется посредством сознательной рефлексии в процессе конструирования дискурсивного пространства. Проецируя область пересечения интенциональных значимостей адресанта и адресата, ценность координирует мыслительные процессы взаимодействующих субъектов путем активации симметричных моделей переживания интерсубъективной деятельности. С другой стороны, ценность есть функция от суммы предшествующего опыта взаимодействия субъекта с социальной средой: ее исчисление производится в ходе соотнесения ситуативного тезауруса языковой личности и прогностической оценки. Значимость ценностей для бытия и развития социума подчеркивается в ряде работ [Kearny et al 1984; Donaldson 1996; O'Driscoll 1997; Culture Matters 2000; Gurevitch, Blumler 2000; Macionis 2002]. Ценность рассматривается как адаптивный механизм [Edgerton 2000], культурный (социальный) капитал нации [Fairbanks 2000; Fukuyama 2000], факторная характеристика прогресса [Lindsay 2000].

Лингвистическое осмысление культуурообразующих ценностей может быть **комплексным**: его итогом является характеристика национальной языковой картины мира с точки зрения отражения ею аксиологических предпочтений лингвокультурного социума, и **фрагментарным**, когда объективируется конфигурация ценностей, релевантных для описания отдельных фрагментов национальной языковой картины мира.

Комплексное осмысление культуурообразующих ценностей имеет результатом моделирование ценностной картины мира в языке [Карасик 2004: 141–142]. Основополагающими в такой концепции являются положения:

- ценностная картина мира в языке содержит общечеловеческую и специфическую части; последняя сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей;

- ценностная картина мира в языке реконструируется в виде оценочных суждений, соотносимых с юридическими, моральными кодексами, общепринятыми суждениями и известными литературными сюжетами;

- между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры;

- в ценностной картине мира существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы – культурные доминанты, совокупность которых образует определенный тип культуры, сохраняемый в языке.

Уточним, что специфическая часть ценностной картины мира не является гомогенной структурой: прототипические ценности ранжируются на основе их обще- или частнокультурной оформленности. Различаются **этнокультурные ценности**, характеризующие определенную культуру как дифференцированное единство аксиологических концептов; **социокультурные ценности**, значимые для определенных социальных групп ценностные парадигмы, отражающие социальную стратификацию в границах той или иной этнокультуры; **индивидуальные ценности** – личностные смыслы, индуцирующие уникальность индивидуального сознания.

Фрагментарное осмысление культуuroобразующих ценностей позволяет сопоставить различные аспекты социального взаимодействия с точки зрения их аксиологической нагруженности, выявляет принципы и способы аффилиации аксиологических концептов и специфицирует культуuroобразующие ценности с учетом топологических характеристик определенного участка культурного универсума. Конвенционализация ценностей лежит в основе их осмысления в терминах аксиологем. Есть основание говорить об иллюкутивной предназначенности аксиологем, ибо аксиологические смыслы неизбежно оказываются инструментом иллюкутивного воздействия. Рассогласование аксиологических механизмов участников речевого взаимодействия снижает «коэффициент» взаимопонимания в актуальной ситуации речевого общения и может стать причиной иллюкутивной неудачи адресанта.

Интерсубъективное переживание аксиологемы с необходимостью ставит проблему соизмеримости концептуализирующих систем интерактантов. Оpozнание аксиологемы не равнозначно ее признанию, причем девиационный диапазон может варьироваться от ее полной приемлемости или неприемлемости до частично модифицированного осмысления. То, что является достижением для одного индивидуума, может трактоваться по-иному его собеседником. Поэтому исключительную значимость приобретает выбор языковой номинации, объективирующей ту или иную ценность. Из альтернативных способов обозначения аксиологического смысла выбирается идеологически приемлемый вариант.

В условиях дискурсивного пространства выбор аксиологемы, объединяющей адресанта и адресата, отражает закономерность оперирования ценностными смыслами в определенном лингвокультурном социуме. Проиллюстрируем сказанное посредством анализа фрагмента англоязычного дискурса.

Helene Fuld School of Nursing

Mission and Goals

*The Helene Fuld School of Nursing is an independent single-purpose institution. Its **mission** is to provide the opportunity, through a career-ladder approach, for men and women to enhance their education and improve their nursing practice. The school endeavors to produce high-quality and technically adaptable nurses who are able to function effectively in a changing society.*

*The school **aims** to teach its students the value of intellectual skills and to help them develop the capability of making choices based on knowledge and unbiased evaluations; to advance the students' knowledge of the profession and their proficiency in technical skills, to encourage **personal** growth, resourcefulness, a heightened sense of responsibility, and a concern for people; to educate the students to recognize and appreciate diverse cultural value systems through studies in the liberal arts, to familiarize the students with resources for future learning so that they can adapt to the increasing complexity of professional responsibilities, and to promote learning as a lifelong commitment.*

The school strives to provide continued leadership in nontraditional nursing education with an emphasis on educating Licensed Practical Nurses to advance to the Associate Degree Registered Nurse level; to offer opportunities to men and women of diverse racial, ethnic, and socioeconomic backgrounds and to those who might otherwise have been excluded from career

advancement, to prepare graduates who benefit from their increased level of expertise; and to provide the base for further professional education.

The Helene Fuld School of Nursing continually seeks to provide its students with the broadest possible spectrum of learning opportunities by using the vast resources of New York City. The school is dedicated to serving its students the profession of nursing, and the Harlem community of which it is an integral part [Montana & Charnov 2000: 132; выделено нами – Н.К.].

Смысло- и структурообразующими являются в приведенном выше дискурсе пропозиции с интенциональными предикатами.

Вышеозначенные пропозиции активизируют смыслообразующую пресуппозицию, которую можно представить формульным высказыванием *Where there is a will, there is a way*. Эта пресуппозиция продуцирует образ высокомотивированной организации. Привлекательность этого образа бесспорна для потенциального адресата, ибо высокий уровень мотивации движения к цели – одна из ценностей современного англоязычного социума, что имплицитно подразумевает широкий круг адресатов, для которых может быть предназначен данный дискурс. Стратегия, основанная на ценности MOTIVATION, представляется оптимальной для Helene Fuld School of Nursing по ряду параметров:

- она адекватно отражает концепцию целей организации: Helene Fuld School of Nursing предлагает учебные курсы для широкой категории лиц (*opportunities to men and women of diverse racial, ethnic, and socioeconomic background*), соответственно селекция культуурообразующей ценности имеет своим результатом актуализацию пропозиции, разделяемой и адекватно интерпретируемой всеми перечисленными выше категориями потенциальных студентов;

- эта стратегия находится в соответствии со статусом Helene Fuld School of Nursing, обусловленным ее позиционированием на рынке образовательных услуг. Школа еще не имеет опыта взаимодействия с адресатом, способного создать аксиологически сильные прецеденты, следовательно, нужен инструмент убеждения, воздействующий, прежде всего, на эмоциональную сферу адресата, – система мотивирующих факторов, объективируемых культуурообразующими номинациями.

Образ высокомотивированной организации создается и композиционным построением дискурса. Он отличается жестким форматом: образован однотипными структурами, содержащими инфинитивы, что обусловливается его типологическими характеристиками. Дискурс оформляется как заявление о намерениях. Вместе с тем параллелизм структур с ярко выраженной проспективной ориентированностью очерчивает перспективы организации как элементы единой стратегии и передает идею сонаправленности усилий сотрудников Helene Fuld School of Nursing и их оптимистической устремленности в будущее.

Значимым фактором становится эскалация эмоционального напряжения, так как по мере развертывания дискурса используются глаголы с более акцентированными эмоциональными смыслами, что также указывает на высокий уровень мотивации как корпоративной ценности Helene Fuld School of Nursing. Очевидно, что в основе выбора адекватной и эффективной стратегии лежит цепочка ценностей, релевантных для индивидуума или (микро) социума. На основе этих ценностей оформляются ценностные ориентации — «обобщенная концепция природы, места человека в ней, отношение к человеку, представление о желательном или нежелательном в межличностных отношениях и отношениях человека с окружающим миром» [Садохин, Грушевицкая 2000: 165]. Исходя из ценностных ориентаций, языковая личность формирует пространство речевого воздействия и взаимодействия.

Оформление дискурсивного пространства как аксиологической системы основывается на идентификации дискурсообразующих аксиологем. Рассмотрим в качестве примера дискурсивное пространство PLANNING, где наблюдается взаимопроявленность разноуровневых аксиологем, как-то:

- транскультурной;
- этнокультурной;
- социокультурной;
- индивидуальной.

В подтверждение сказанному приведем следующий фрагмент:

Announcing the «Advanced Management Programme» from the International Business School

We live in an era of unrelenting competition.

Companies that were acclaimed successes only recently often struggle to survive. Yesterday's solutions rarely apply. How can you ensure short term success whilst adapting to long term change? You must discard old hierarchies, structures, recipes and find new ways of doing things.

*Our aim is not a **teach-in**; it is a **learn-in**, based on the virtuous cycle - between the experience of participants, and the teaching and research of our faculty. We offer no glib recipes for success. You develop practical ideas to meet your company's needs and your own through case history analysis; interaction with participants and lecturers; and elective sessions. The emphasis is on developing the questioning mind, because it is not **what** so much as **how** you think and learn that determines success at leadership level.*

By seeing the problems faced by fellow participants from other cultures and businesses you raise your mind from narrow issues peculiar to your own business and industry.

You learn what works best for other companies around the world; how to manage strategic change confidently; how to reassess your own priorities and work better with others; and how to develop and exploit your leadership skills so as to manage your resources and those of your firm better

The programme lasts for an intense and demanding four weeks; short, yet long enough to reflect and experiment with ideas. And the benefits last throughout your career: the worldwide network of INSHAD alumni has some 16,000 members. Past participants consistently cite the value of this, both personally and in business [de Meyer: 33; зд. и далее выделено нами – Н.К.].

Этот фрагмент информирует об образовательной программе, реализуемой в области бизнес-образования. Иллокутивная цель адресанта заключается в том, чтобы убедить адресата стать участником этой программы. Дискурс характеризуется полиадресованностью: программа предназначена для широкого круга лиц. Целевая аудитория гетерогенна, включает представителей различных культур и сфер бизнеса. При этом адресант разграничивает два социальных пространства – пространство *we* (*the International Business School*) и пространство *you* (*participants in the programme*), что выражено соответствующими местоимениями. И хотя эти пространства взаимодействуют, адресантом четко очерчивается их различная функциональная специализированность.

Фактор поликультурного адресата обуславливает выбор ключевой стратегии аргументации – апелляции к **транскультурной**

ценности – категории успеха. Будучи значимой для любой культуры, эта категория находит специфическое преломление в английской культуре, где успех предопределяется затрачиваемыми усилиями личности. Дискурсивное пространство конструируется в соответствии с точкой зрения, характерной для англоязычного социума: подход к обучению исходит из идеи интериоризации социального опыта.

Основная стратегия аргументации эксплицируется посредством формирования цепочки ценностей, релевантных для целевой аудитории – менеджеров, стремящихся добиться успеха в своей профессиональной деятельности: эти ценности объективируются такими номинациями, как *the questioning mind, leadership skills, new ways of doing things*. Перечисленные выше ценностные категории осмысливаются как факторы успеха, определяющие значимость предлагаемой образовательной программы для ее потенциальных участников. Дискурс образуется ассертивами, обнаруживающими векторную направленность «от слов к миру» [Searle 1985: 7]; ассертивы информируют адресата о достоинствах программы, основным из которых является эвристический характер приобретения нового знания. Вместе с тем наблюдается диалектическое взаимодействие формы и функции: ассертивы (форма) интерпретируются как директивы: их функция побудить адресата совершить определенное действие – стать участником этой образовательной программы. Диалектичность прослеживается и на уровне существования двух модусов аргументативного воздействия: некатегоричного (убеждение в режиме обсуждения проблемы), который состоит в формулировании проблемного вопроса и категоричного, эксплицируемого модальным предикатом *must*. Целям усиления аргументации служит противопоставление традиционных (*a teach-in*) и инновационных (*a learn-in*) моделей обучения.

Синтаксический параллелизм, обеспечивающий дискурсивную когерентность, реализуется в виде последовательности синтаксических структур, обычно используемых для описания реальных событий; это как бы размывает границу между миром реальным и миром воображаемым, позиционируя адресата в качестве реального участника образовательной программы. Успешность аргументативного воздействия прогнозируется адресантом исходя из сово-

купности взаимодействующих факторов: фактора адресата (социальных и личностных характеристик целевой аудитории), фактора ценности, которая воплощается в категории успеха, и фактора цели – побудить адресата к осуществлению определенного действия. Конфигурация перечисленных выше факторов предопределяет выбор и реализацию адресантом ключевой стратегии аргументации – апелляции к универсальной (общезначимой) ценностной категории.

Этнокультурная аксиологема актуализируется в следующем фрагменте дискурса:

'And what about you, what do you see for yourself in the future?' the older woman asked, crossing her exquisitely modelled legs and rearranging the narrow pleats of her cream silk skirt.

*Cathy looked at her frankly and decided that there might be some percentage in flying a kite. 'I'm not sure,' she said. 'I'm a juniour director now and although Migatto have the reputation of being a dynamic outfit it is rare for anyone to make it to seniour director under the age of forty. **I'm not sure I want to wait so long.***

A sweetly humorous smile puckered the Princess's cheeks. 'But Lord Shrewton thinks very highly of you, he's told me so ...'

'I've never known Lord Shrewton act against his own judgement, and he's got the rest of the group directors to consider. In any case, I think I'd prefer to be independent. In a few years I'd like to put my own team together and set up a financial consultancy.' Cathy saw that the Princess was absorbing what she said with close attention and was encouraged to continue. 'I plan to offer comprehensive advice across the whole financial spectrum. I want a base of business clients, but I'd like to specialize in high-profile private clients. My experience has been that the private client, because the volume of business is often small, is neglected by big institutions. I understood that very well when I thought about the tragedy of my father's death. He wasn't advised, he was exploited by people who were pretending to advise him, and it's a common experience among people with substantial personal wealth. No one's really geared to looking at finance in relation to individuals and their lives. Don't you agree, Princess?'

"Most certainly," the older woman said at once. 'And when do you plan to make this move?.'

'When I'm confident I've got the necessary expertise – three or four years, maybe.'

'Well I hope you will pay me the compliment of accepting me as your very first client?' I'm a wealthy woman in my own right, independently of the Prince, and I always feel as if I'm a nuisance to his people, someone they deal with as a favour to him, that's all. Promise me that you'll come to me when you are ready.'

'Of course, I should like that very much indeed.' Cathy smiled with delight and congratulated herself on a successful sale. She also was really interested in doing business with the Prince, but to deal with a man of such stupendous wealth would be out of the question for a young, unproven consultancy – unless, of course, there were a special reason why she should come to his attention [Brayfield 1998: 553–554].

Приведенный выше фрагмент дискурса демонстрирует активацию цепочки энокультурных ценностей: ACTIVITY → AUTONOMY → COMPETENCE. Дискурсивное пространство форматируется по типу интеракции – диалогического режима обсуждения планов адресата. Дискурсообразующие ценности оформляют фокусные центры интеракции. Последние представлены прототипическими пропозициями, которые могут быть обозначены следующим образом: 1) 'I am ready to act'; 2) 'I want to be independent' и 3) 'I need time to acquire confidence'. Дискурсивно релевантным является порядок следования системообразующих пропозиций, что обусловлено динамикой развития межличностных отношений: инициируемое адресантом сокращение дистанции посредством проявления неподдельного внимания и интереса к диалогу повышает статус ценности с точки зрения ее актуального осмысления.

Стратегическая иллокуция адресанта базируется на признании дискурсивных ценностей адресата. Подтверждение этих ценностей, осуществляемое адресатом по мере развертывания дискурса, имеет исключительную значимость, ибо обеспечивает необходимый перлокутивный эффект – принятие на себя адресатом обязательств по отношению к адресанту. Другим инструментом речевого воздействия на адресата становится пропозициональное оформление стратегической иллокуции. Иллокутивный акт просьбы с последующим ее обоснованием не может быть конгруэнтным статусным параметрам участников речевого взаимодействия. Очевидно, адресант намеренно переключает статусный регистр в целях

обеспечения симметричного переживания обсуждаемой проблемы и, соответственно, иллюкутивного успеха.

Активацию **социокультурной** ценности можно проследить на следующем примере:

*She eyed the luggage piled on the seat facing her. One suitcase contained the clothes she needed, and three smaller bags were jammed with papers. Papers that contained a thousand conclusions, **totaling** up to a battery of weapons. The data included figures on the complete worth of every man in the Zurich group. Every resource each possessed. Additional information awaited her in Geneva. But that was a different sort of musketry. It was not unlike the Domesday Book. For what awaited her in Geneva was the complete breakdown of the Scarlatti interests. The legally assessed value of every asset controlled by the Scarlatti Industries. What made it deadly was her maneuverability. And opposite each block of wealth was a commitment to purchase. These commitments were spelled out, and they could be executed instantaneously by a cable to her attorneys.*

And well they should be.

*Each block was followed – not by the usual two columns designating assessed value and sales value – but three columns. This third column was an across-the-board cut, which guaranteed the buyer a minor fortune with each transaction. Each signified a mandate to purchase that could not be refused. It was the highest level of finance, returned through the complexities of banking to the fundamental basis of economic incentive. **Profit** [Ludlum 1989: 305–306].*

Прагматическим механизмом, который лежит в основе конструирования данного дискурса, является социокультурная аксиологема PROFIT. Эта аксиологема конгруэнтна адресатной предназначности плана: он разрабатывался для очень влиятельных бизнесменов, банкиров и промышленников. Дискурсообразующая аксиологема именуется прототипической номинацией; она помещена в маркированную синтаксическую позицию и логически обоснована antecedentными пропозициями. Уникальность синтаксического оформления «фокусной» аксиологемы отражает уникальность разрабатываемого плана: его автор готов разрушить свою финансовую империю ради разрушения деструктивных планов своих противников, ибо их планы грозят миру глобальной катастрофой.

Следующий фрагмент дискурса отражает **индивидуальную** аксиологему:

Noel Clausen-Holcroft

Nothing is as it was for you. Nothing can ever be the same. The Past was preparation, the future is committed to the memory of a man and his dream. His was an act of daring and brilliance in a world gone mad. Nothing must stand in the way of that dream's fulfillment.

We are the survivors of Wolfsschanze. Those of us who live will dedicate our lives and bodies to the protection of that man's dream. It will be fulfilled, for it is all that is left. An act of mercy that will show the world that we were betrayed, that we were as the world believed us to be.

We, the men of Wolfsschanze, know what the best of us were. As Heinrich Clausen knew.

It is now up to you, Noel Clausen Holcroft, to complete what your father began. You are the way. Your father wished it so.

Many will try to stop you. To throw open the floodgates and destroy the dream. But the men of Wolfsschanze do survive. You have our word that all those who interfere will be stopped themselves.

Any who stand in your way, who try to dissuade you, who try to deceive you with lies, will be eliminated. As you or yours will be should you hesitate or fail.

This is our oath to you [Ludlum 1989: 44].

Этот фрагмент повествует о планах бывших высокопоставленных офицеров Третьего рейха возместить ущерб (материальный и моральный) детям тех, кто пострадал во время Второй мировой войны. В соответствии с этим планом исполнителем должен стать сын крупного немецкого финансиста, разработавшего стратегию и тактику реализации задуманного. Цель адресанта – заставить адресат выполнить предназначенную для него миссию, используя фактор морального давления – образ его отца. Концепция адресата конституируется личностными смыслами – его переживанием истории семьи и семейных ценностей. Ключевой стратегией становится апелляция к долгу сына по отношению к отцу, которого он почти не знал, но с которым был связан узами кровного родства. И эта стратегия обеспечивает желаемый перлокутивный эффект – преуспевающий молодой человек отказывается от благополучной жизни и выбирает путь, связанный с большим риском и угрозой для жизни, во имя исполнения мечты своего отца. Психологический образ отца, оформляемый в качестве мотивационного приоритета адресата, обладает огромным потенциалом воздействия, и этот потенциал с успехом используется адресантом.

Будучи оформленным как клятва (*This is our oath to you*), дискурсивное пространство письма-обращения формируется, прежде всего, комиссивами. Они, с одной стороны, эксплицируют гарантии оказать адресату помощь и поддержку, с другой стороны, они есть, по сути своей, имплицитные акты угрозы: карающий меч будет направлен против адресата, если он проявит нерешительность или потерпит неудачу в процессе реализации плана. Расщепление структур усиливает экспрессивность воздействия, активировав в сознании адресата образ армии, где приказы не обсуждаются, а выполняются. Ключевой оказывается номинация *nothing*, маркирующая противопоставление прошлого и будущего адресата. Таким образом, выбор способов объективации ключевой стратегии речевого воздействия обеспечивает этой стратегии статус директивной иллюкуции, не оставляющей адресату возможности альтернативного решения.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что:

- дискурсивное пространство оформляется прагматическими механизмами — аксиологемами, назначение которых заключается в «высвечивании» фокуса коммуникации путем профилирования актуального аксиологического смысла;
- аксиологема соотносится с культурообразующей ценностью, соответственно, семиологически опознаваема, вследствие чего приобретает статус регулятивного механизма, который «встраивает» дискурс индивидуума в культурологически специфицированное дискурсивное пространство; координирует дискурсивные значимости адресанта и адресата и предопределяет выбор взаимодействующих субъектами определенных дискурсивных стратегий;
- дискурсообразующая аксиологема производна от фактора адресата: образ адресата имеет приоритетную значимость при выборе адресантом актуальной аксиологемы;
- аксиологема может иметь имплицитное выражение в дискурсе: ее эксплицитная представленность осуществляется культурообразующей номинацией; в качестве имплицитного смысла аксиологема кодируется средствами дискурсивной семантики;
- аксиологемы актуализируются на макро- и микроструктурном уровнях. Макроструктурная аксиологема обеспечивает глобальную когерентность дискурса, а микроструктурная — его локальную когерентность;
- комбинаторика разностатусных аксиологем свидетельствует об аксиологической плотности дискурсивного пространства, по-

следняя варьируется в зависимости от интенсивности речевого воздействия

Дискурсивная реализация аксиологом осуществляется посредством стратегических механизмов, описываемых в терминах стратегем. Примером тому может служить стратегема презентации, которая форматирует дискурс по типу дескрипции – описания идеологии, технических характеристик того или иного плана (проекта, программы и т.п.). Необходимо подчеркнуть, что фокус канонической стратегии презентации последовательно перемещается по всем основным временным рамкам дискурсивного пространства. Такое перемещение не является произвольным, как и долженствует из понятия «стратегия». Аксиологические приоритеты стратегемы очевидны, поэтому возможно ее описание с применением инструментария, разработанного А.Н. Барановым [1989]. Примечательно, что границы перемещения фокуса, как правило, совпадают с границами абзаца. Это существенно облегчает поэтапное описание контекстов, эксплицирующих стратегему. Приведем пример [The Wellcome Trust Annual Record 1997/98: 11– 12]:

Funding initiatives

(1) *On the administrative front, this year saw the final meeting of the Vision Research Working Party. (2) Established in 1984, the Working Party was part of an initiative to stimulate research in vision (hearing was later added to its remit) and to encourage ophthalmologists to undertake some research alongside their clinical activities. (1') So successful has been this initiative that ophthalmologists are now more than able to compete with their peers from other disciplines, and vision-related applications are now handled by general Trust schemes.*

В первом абзаце реализация стратегии протекает в своего рода рамочном отношении высказываний: фокус перемещается из настоящего (1) в прошлое (2) и возвращается в настоящее, высвечивая иное событие (1'). Такая динамика подпадает под определение прототипической оценки [Баранов 1989]. Сущность последней выражается аксиологическим содержанием понятий «прогресс» (+) и «упадок» (-). В рассматриваемом контексте положительная динамика прототипической оценки номинализована (*successful, more than able to compete*), что, по нашим наблюдениям, весьма типично для стратегемы презентации.

(1) As an independent funding agency, the Wellcome Trust can act flexibly to encourage adventurous research proposals, which tend not to fare well in traditional systems of peer review (2). The Sir Henry Wellcome Commemorative Awards for Innovative Research ('Showcase') scheme was established to fund "risky, innovative, speculative, adventurous and novel" research. A review of the scheme revealed that Showcase grants were indeed significantly more innovative than traditional project grants; (1') the scheme has now been enhanced, providing up to £ 75000 for 18 months with (3) the possibility of extensions for successful projects.

Здесь в целом воспроизведены контуры прототипической оценки, отмеченные в первом абзаце. Тем не менее, развитие всеобщей стратегемы налицо. В первую очередь, оно обеспечено введением в аксиологический контекст номинации SCHEME: формируется включенная прототипическая оценка: (Showcase) scheme is better than traditional project grants. Противопоставление SCHEME vs. PROJECTS в заключительной части высказывания преобразуется в аксиологическое отношение (3), известное как гомеостатическая оценка [Баранов 1989]. Квалификационный ориентир последней – цель, достижение которой планируется в будущем.

(1) Another example of the Trust's flexible approach to funding is the Matching Funding Agreement with the Irish Government. (2) The agreement provided an additional £ 2 million per annum for biomedical research in the Republic of Ireland, half from the Trust and half from the Irish Government. (3) The principal aim has been to help build upon the existing Irish biomedical science base, principally by providing promising researchers with the funds to help them establish their own research laboratories. (1') Key to the Wellcome Trust's contribution was the award of three 'New Blood' Fellowships (3') which will create three new permanent positions in the Irish University system.

В третьем абзаце наблюдается близкое к оптимальному перемещение фокуса, развивающее стратегему презентации. Последовательно оформляются все три временных параметра дискурсивного пространства, после чего настоящее уплотняется еще одной номинацией, усиливающей целевую гомеостатическую оценку.

В заключительном абзаце аксиологические отношения, развивающие стратегему, аналогичны отмеченным нами во втором абзаце, но здесь более ошутим акцент на гомеостатическую оценку:

(1) With the advent of new technologies, that field of bioarchaeology has begun to emerge as a new science bridging biology and archaeology. (2) In

1997/98, administration of this programme, which provides studentships and postdoctoral research fellowships, transferred from history of medicine to biomedical research funding. (1') Though the projects funded are dedicated to understanding the past, (3) many are also likely to throw new light on diseases of the present [The Wellcome Trust Annual Record 1997/98: 11- 12].

Кроме отмеченных аксиологических решений, стратегема презентации конституируется следующими стратегиями:

- адекватное и активное воплощение коммуникативного пространства в структуре коммуникативной среды вне относительно-сти к задачам расширения или структурного изменения среды коммуникации (продвижение);
- смысловое изменение коммуникативного пространства, влекущее за собой изменение коммуникативной среды (создание образа, или имиджа);
- расширение и детализация структуры коммуникативной среды без изменения коммуникативного пространства – расширение информационной среды [Олянич 2004: 31].

Учитывая концептуальное единство рассмотренного дискурса (об этом свидетельствует характер номинации в заголовке), целесообразнее говорить об информационном **уплотнении** коммуникативного пространства. Такое уточнение хорошо согласуется с диалектикой содержания понятия (концепта).

В приведенном выше фрагменте дискурса презентационные стратегии также сопрягаются в режиме актуализационного взаимодействия и предопределяются тематическими параметрами дискурсивной организации. Презентационная **стратегия продвижения** состоит в финансировании инновационных проектов, разрабатываемых в различных областях медицинской науки. **Стратегия создания имиджа** заключается в формировании образа фонда как структуры, которую характеризуют независимость, гибкость, успешность, перспективность, и внимание к оригинальным исследовательским концепциям и проектам. Создание имиджа современной организации – одна из наиболее значимых презентационных стратегий, ибо «имидж» «отражает те ключевые позиции, на которые безошибочно реагирует массовое сознание» [Почепцов 2001: 47]. Имидж превращает имя той или иной организации в аксиологически маркированный прецедент, наделяя его статусом прагматичности. При этом решающую роль играют отмеченные выше взаимо-

действия прототипической и гомеостатической оценок. Презентационная стратегия расширения информационного присутствия являет себя в стремлении руководства фонда расширить пространство его социальной активности посредством «рекрутирования» исследователей, работающих в области медицины, и спонсоров, обеспечивающих финансовую поддержку перспективных изысканий.

Дискурсообразующая стратегема реализуется в рассматриваемом дискурсе диагностирующими номинациями и речевыми иллюкциями. Диагностирующие номинации характеризуются разноуровневой принадлежностью. Это:

- идентифицирующие номинации: идентифицируют медицинский дискурс – *clinical activities, vision-related applications, ophthalmologists; biomedical research; biomedical science*; индицируют активизируемую в данном дискурсе матрицу планирования: *schemes; projects; research proposals; project grants*;

- характеризующие номинации (синтаксемный уровень): описывают целевые действия) руководителей фонда по продвижению конкурентоспособных медицинских проектов на основе развития системы исследовательских грантов.

Таким образом, структура стратегемы весьма сложна и опирается на компоненты разных уровней и порядков. Тем не менее, условие их стратегического единства предопределяет такое их взаимодействие, при котором оптимизируется их вклад в выполнение коммуникативного задания презентации.

Суммируем сказанное. Дискурсивное пространство представляет собой аксиологическую систему, которая функционирует благодаря активации аксиологических смыслов, репрезентирующих содержание и деятельность ценностного сознания. Аксиологические смыслы формируют основу социального взаимодействия и определяют параметры развертывания дискурса. В статусе организующих принципов дискурсивного пространства аксиологические смыслы активизируют сеть дискурсообразующих пропозиций, иллюкций и стратегий, определяют формат продуцируемого дискурса и прогнозируют специфику порождающих и интерпретирующих процедур, осуществляемых языковой личностью согласно избранной модели ценностного поведения.

ГЛАВА III СЕМИОМЕТРИЯ МОДУСОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА

Иерархия ценностей внешнего мира и внутреннего мира человека

Смещение фокуса исследований в современной теоретической лингвистике в направлении от «язык в человеке» к «человек в языке» имплицитно подразумевает новую идеологию семантической категоризации и концептуализации мира, поиск новых понятий, которые позволили бы представить мир физических и ментальных объектов не только в их семантически автономном измерении, но и в их диалектически противоречивом единстве. В контексте содержательных проблем указанной парадигмы определенный научно-исторический и собственно лингвистический интерес с позиций системного анализа представляет проблема аналогии иерархии ценностей внешнего мира и внутреннего мира человека в модальной парадигме «хорошо / плохо», названной нами семантически сопряженными категориями бинарной оппозиции [Малинович 2002].

Правомерна ли наша теоретически исходная посылка об аналогии внешнего физического мира и внутреннего ментального мира человека и доказательна ли она? Правомерно ли вести речь о философии семантически сопряженных категорий бинарной оппозиции как противоположаемых понятий в лингвистике, если еще только сформулирована необходимость специальной научной разработки проблем противоположностей в современной философии? Правомерно ли при обсуждении проблем аксиологии использовать методы, которыми оперируют философы? В первом приближении будем считать, что не только правомерно, но и необходимо. Данное обстоятельство эвристически значимо. Оно позволяет вести поиск симметрии в природе как естественного закона сохранения равновесия внешнего мира и аналогичного ему естественного закона сохранения равновесия в социуме.

Принцип бинарных оппозиций – это один из древнейших философских принципов познания, позволяющий приблизиться к

пониманию целостности объекта. Постигание феномена иерархии ценностно мерного мира предполагает специальную научную разработку не только с позиций собственно лингвистики, но также и с позиций философии и теории познания. Здесь она имеет свою специфику в аспекте семантической категоризации и концептуализации, смыслопорождения и ее места в понятийной лексико-семантической системе естественного языка. Обсуждаемые нами категории состоят из двух противоположаемых, но семантически взаимосвязанных понятий типа «жизнь – смерть», «добро – зло», «любовь – ненависть» и ряд других.

Ценностно мерная картина мира является объектом аксиологии, учения о ценностях, которое имеет длительную историю постижения ценностей и оценок в целом ряде гуманитарных наук: философия, социально-философская антропология, политическая антропология, антропологическая лингвистика [Кант (1798) 1966; Барулин 2002]. Все это свидетельствует о содержательном расширении понятийной морфологии аксиосферы, которая напрямую соотносится с понятийной морфологией культуры. Дискутируется вопрос о месте аксиологии в науке и ее статусе, но неизменным остается ее онтология – ценностно осмысляемое человеком многообразие форм бытия и инобытия мира и человека: «На деле аксиологии достается удел философии – изучать исходные предпосылки, анализировать отношения предельного с однопорядковым, себе подобным. По этой причине соответственный метод аксиологии – рациональная реконструкция, интенсивная теоретизация, рефлексия» [Ильин 2005:12].

Рациональная реконструкция имплицитно научный поиск исходных предпосылок, выявление первичных и вторичных онтологически ценностных для человека объектов. Гипотетически можно считать, что первичным онтологическим объектом ценностного осмысления и понимания был окружающий человека внешний физический мир и мир кровно родственной общины. Вторичным онтологическим объектом ценностного осмысления был внутренний мир человека. Для того чтобы приблизиться к пониманию динамики онтологически ценностно мерных для человека объектов внешнего по отношению к нему мира и внутреннего ментально осознаваемого, познаваемого и оцениваемого мира со знаком «+» или «-» в модальной парадигме «хорошо – плохо» необходим комплексный

метод постижения ценностно значимых объектов в ретроспективе и перспективе.

В контексте наших рассуждений относительно заявленной темы, эвристически значимыми нами избраны метод исторической рефлексии, бинарный принцип познания, метод аналогии. Последняя составляющая такого метода – аналогия, позволяющая объединить ценностно значимую онтологию объектов внешнего мира и внутреннего мира человека. При этом важным является также философия начальной (сильной) позиции.

Оценка не может существовать вне субъекта и вне объекта. Объект это своего рода *axis mundi*, как носитель определенной ценности, достаточно объемно представленной ключевым словом французского языка *la valeur* (См. параграф 2.1 данной монографии).

Оценка отражает, как правило, объективно существующие в природе и обществе в конкретно-исторический период и в конкретной этнически (национально), конфессионально, социально и асоциально гомогенной среде объекты и нормы, имеющие определенную ценность. Она реализуется в рамках времени и пространства (хронотоп). Но эти два топоса недостаточны. Поэтому при моделировании оценочной ситуации необходим учет следующих, в терминах Б. Рассела, эгоцентрических слов: *Я, это, здесь, теперь*, где *Я* – субъект оценки; *это* – объект оценки; *здесь* – место оценки; *теперь* (в данный момент) – время оценки. При этом хронотоп оценки может относиться к прошлому, настоящему и будущему времени (*там / тогда*). Следовательно, оценка объекта как понятийной концептуальной категории является исторически и социально изменчивой величиной, но ценность самого объекта остается величиной постоянной.

Объектом ценностного отношения может быть любое сущее – физический мир (объекты живой и неживой природы, природные катаклизмы, техногенные процессы, исторические события). Ценностно мерным объектом является и сам человек, его ментальный внутренний мир.

Оценка отражает взаимодействие человека с окружающим миром, получающим свою характеристику через призму ценностного отношения как фактор притяжения человека к миру ценностно значимых объектов или отталкивания от них в зависимости от

их ценности для человека.

Человек во всех ипостасях его исторического бытия является одновременно субъектом и объектом ценностного отношения к миру. Когнитивный опыт человека позволяет оценивать окружающие его объекты, исторические события в окружающем физическом и жизненном мире. Это ценностное осмысление познаваемого человеком мира представлено в языке.

Оценка предполагает наличие определенной шкалы оценок между двумя понятиями бинарной оппозиции «хорошо – плохо». Следовательно, обязательными условиями формирования оценки в форме мнений, высказываний являются: объект оценки, субъект оценки, характер и основание оценки, представляющие собой элементы оценочной структуры. Одни из них могут быть представлены в оценочном предложении в эксплицитной форме, другие – в имплицитной (авербально), третьи – в синтезе вербальной и авербальной экспликации. Важную роль при этом играют ценностные стереотипы как субъекта, так и объекта оценки, особенно в случаях оценки вербального и авербального социального поведения человека.

Перечисленные условия, в которых формируется оценка, обязательны для всех типов оценок, будь то эмоционально нейтральный тип или эмоционально-экспрессивный тип оценки. Первый тип формируется и реализуется в логических суждениях оценочной семантики, второй – в эмоционально-экспрессивных предложениях оценочной семантики. Указанные типы отличаются друг от друга как формально, так и по объему содержащейся в них информации. Суждения оценочной семантики строятся на включении в их структуру абсолютных и сравнительных оценок: «хорошо», «лучше», «безразлично», «плохо», «очень плохо», «лучше, чем», «хуже, чем» и др. Перечисленные типы оценок имеют дискретный характер. Абсолютные оценки носят описательный характер, сравнительные тяготеют к предпочтениям (*Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!*). Специфической чертой всех термов, составляющих шкалу абсолютных и сравнительных оценок, является их неспособность к автономному функционированию.

Ценность как содержательно многомерное понятие обсуждается с разных позиций. Что касается ее измерения с позиций философии научной картины мира, философии наивной картины мира, философии ценностно мерной картины мира – все они дополняют

друг друга, но различны в познании внешнего мира и внутреннего мира человека: «Обыденная философия, – пишет Н.Д. Арутюнова, – есть результат взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и система ценностей» [Арутюнова 1999: 3].

Ценность актуализируется в рамках семантически сопряженных категорий бинарной оппозиции «хорошо – плохо». Специфика таких категорий состоит в том, что одна категория имплицитно подразумевает наличие другой: «Оппозициональное отсутствие становится значимым только в присутствии какого-то присутствия, его выявляющего. Значимо то, что относится к «etic», но носителем значимостей всегда служит «etic», <...> пустое пространство между двумя сущностями, которых нет, обретает значение только в том случае, если все три значимости – «да», «нет» и пустое пространство между ними взаимообуславливают друг друга» [Эко 2004: 19]. Под *etic* здесь понимается контекст.

Пустого пространства между двумя ценностно противоположаемыми понятиями не может быть по определению. Его заполняют градуаторы (кванторы). Объект в его категориальном ценностно нейтральном представлении занимает срединную позицию в модальной рамке, иногда именуемой парадигмой, «хорошо – плохо». Если в аксиологии речь идет о двух семантически сопряженных категориях бинарной оппозиции «хорошо – плохо», то правомерно присвоить каждой из них статус семантически равновеликих категорий. Любая категория, как известно, реализуется минимум в двух категориально значимых вариантах. Отсюда следует, что вокруг каждой из них может формироваться семантическое пространство, представленное определенным набором языковых средств разноразноуровневой принадлежности: «При всем различии аспектов изучения семантики как лингвистической категории единым объединяющим их стержнем являются исходные положения гносеологии, так как любое проявление семантических категорий в языке неизбежно связано с его отражательной функцией» [Колшанский 1976: 7]. Поэтому в концептуальном поле аксиологии, как учении о ценностях, оценку следует соотносить с гносеологическим Я-субъектом, его знанием, со-знанием, аккумулялирующими его социальный и чувственный опыт, переживания и представления о реально существующем мире и возможных мирах.

Семантически сопряженные понятия бинарной оппозиции, антонимы, обладают, как отметил В.Б. Касевич [2004], обманчивой простотой по причине того, что здесь нет семантически четкого определения, что есть *различная, противопологаемая* семантика. Словарь антонимов регистрирует их только в дизъюнкции по семантическому принципу оппозитивных отношений и не ставит перед собой цель их системного представления в сложном семантически взаимопересекающемся пространстве. Поскольку язык, по определению Ю.М. Лотмана [2004], является сгустком семиотического пространства, то его границы в семиотической реальности представляются размытыми и полными переходных форм. Эта констатация имеет самое непосредственно отношение к оценочной семантике. Тип ценностномерных категорий являет собой семантически сопряженные противопологаемые понятия, отражающие двоичность восприятия человеком мира как единого и неделимого целого. Такое восприятие антропоцентрично и универсально. Мир и антимир, тела и антитела – это крайние оппозиции. Двоичность восприятия мира современным человеком есть не что иное, как реликт социально-символического сознания и памяти первобытного человека. Но эта двоичность воспринималась как единство противоположностей, переходящих одна в другую.

Суть философской проблемы гностиологической аналогии была в свое время четко и однозначно сформулирована: «Органы животного и органы общества, рассматриваемые со стороны их внутреннего устройства, оказываются построенными на основании одного и того же принципа» [Спенсер 1877; цит. по: Барулин 2002: 63]. Этот принцип аналогии нашел отражение и в отечественной лингвистике: «Внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира» [Арутюнова 1976: 95]. В несколько ином варианте эта проблема представлена У. Эко: «мыслительные операции воспроизводят реальные отношения, а законы мышления изоморфны законам природы» [Эко 2004: 15]. Данное обстоятельство позволяет сделать однозначный вывод: имеет место определенная концептуальная аналогия изоморфной природы – ментальная семиосфера аналогична семиосфере физического мира. Следовательно, принцип концептуальной аналогии приложим к познанию структуры внешнего телесного (физического) мира и структуры социальной организации человека. Это объективный научный принцип, взятый за основу в целом ряде работ, начиная от Г. Спен-

сера и кончая научными работами последних лет [Урысон 2003; Кубрякова 2004; Степанов 2004].

Наше допущение относительно аналогии двухаспектно: внешняя и внутренняя аналогия. Внешняя аналогия связана с представлением об онтологически ценностных объектах физического мира, внутренняя аналогия – с психическими ассоциациями ментально воспринимаемых ценностных объектов и их практического использования. Это ценностное осмысление познаваемого человеком мира представлено в языке в актах номинации, в которых получают наименование как реально существующие, так и фиктивные объекты. Отмечается, что «сами объекты могут принадлежать миру внешнему и миру внутреннему, они могут составлять равно принадлежность мира действительного (так, как он есть) и мира вымышленного, выдуманного (отсюда проблема иных миров)» [Кубрякова 2004: 91]. «Означивание мира началось, по всей видимости, их выделением и обозначением: номинации лица и животных, орудий труда и простейших форм и т.п.» [ibid.]. Таким образом, отсчет первичности статуса онтологически автономно самодостаточных объектов начинается с наименования лица. Это осторожное допущение («по всей видимости») не исключает наличия других версий. По всей вероятности, первоначально именовались объекты онтологически более высокого статуса, чем наименование лиц, орудий труда и других простейших вещей. Таким образом, свершался процесс рационализации человеческого сознания, знания и познания. Наименование орудий труда появляется только тогда, когда возникает необходимость их использования для чего-либо. В связи с этим возникает проблема праценностных констант. При определении первичности наименования онтологически ценностных объектов, избрав для этой цели метод аналогии, мы исходим из следующего допущения. Если мышление и сознание столь же древни как и язык (К. Маркс), то вполне правомерно обращение к понятию их изоморфизма. Проследим динамику генезиса мышления и сознания.

Н.А. Автономова отмечает два факта, принципиально важных не только для философии, но и для теории познания и теории языка: «Просветленный ум прозревает симметрии, объемлет целостные предметы, обладающие более высоким статусом, нежели обычные предметы эмпирического изучения» [Автономова 2001: 22; курсив наш – Ю.М.].

Прозрение первыми людьми симметрий и онтологически целостных объектов, обладающих более высоким статусом по сравнению с объектами более низкого статуса, — это уже ментально осознанное ценностное восприятие мира в причинно-следственных взаимосвязях. Это элементы праценностного сознания, которое формировалось первоначально не на основе осознания человеком себя как *Я*, а на основе осознания им себя как принадлежности к *Мы*, к кровно родственной общине. М.С. Каган отмечает: «Такой совокупный эмбриональный субъект нес с собой соответственное праценностное сознание, т.е. испытывал потребность оценивать и осмысливать окружающий его мир и себя в этом мире» [Каган 1999: 92]. Следовательно, ценностно мерным был объект онтологически более высокого статуса – кровно родственная община, а не *Я*. Такая закономерность имела место и в древнегерманском языковом ареале, когда лексема *friunt* (друг) номинировала принадлежность к кровно родственной общине в значении *Verwandter* (родственник). Вероятно, принадлежность человека к не кровно родственным общинам номинировалась как «чужой».

Специфика психикофизиологического устройства человека не исчерпывается только семиосферой эмоционального мира, она простирается и в другие ценностно значимые сферы бытия человека. Аналогия в ценностно мерной картине внешнего физического мира и внутреннего ментального мира четко прослеживается в семиосфере метонимии. Легко восстанавлима, например, аналогия со сферой металлов (ср. в русском языке: *железное здоровье, железная рука*; в поэзии – «*золото, золото сердце народное*» (Н.Некрасов); в немецком языке – *eiserne Gesundheit, ein Herz von Gold*); зооморфным миром (*волчий аппетит*); феноменом огня (*сгореть от стыда*).

Первичным было Нечто более высокого онтологического статуса, именуемого Сущим: «Сущее уже есть до языка, прежде чем оно может быть охвачено, понято, истолковано в языке и стать тем самым для нас действительным» [Ясперс 1995: 197]. Вполне естественно, что Сущее могло быть понято как имеющее определенную ценность только высокоорганизованной мыслящей материей, какой является мышление и со-знание человека. Первоначально оно могло быть истолковано только в мифах и ритуалах как первой философии, посредством языка в той или иной форме дошедшей до наших дней. Познающий субъект обладает способностью на основе чувственного и ментального опыта оценивать впечатления, обоб-

щать их, в результате чего окружающий человека мир предстает не как хаос, а как упорядоченная взаимно детерминированная система. Следовательно, мир природы и мир человека предстают как кванторы всеобщности, что нашло свое отражение в философии М. Бубера о двойственности мира для человека. Он называет три сферы, в которых строится мир отношений: жизнь с природой, где отношения застывают на пороге речи; жизнь с людьми, где отношение оформлено в речи; жизнь с духовными ценностями, где отношение не обладает речью, но порождает ее [Бубер 1999: 96]. Мышление и сознание являются той сущностью, которую можно соотнести с *Оно*, в буберовском понимании, – мысль, отражающая положение дел «вне нас» и «внутри нас», мысль, которая материализуется при помощи языка. Не составляет особого труда увидеть, что мир человека и окружающий его мир, отраженный в мышлении и сознании человека, материализуется и запечатлевается посредством языка как вторая реальность с древнейших времен и по настоящее время.

Продолжая тему праценностного сознания и противопоставляемых ценностей, попытаемся проследить взаимосвязь между внешним и внутренним миром человека в аспекте ценностно мерных объектов с позиций исторической рефлексии как одного из принципов рациональной герменевтики, позволяющим приблизиться к первоначалам познания объекта в аспекте концептуальной аналогии.

Учение о противоположностях сформировалось в древней философии значительно раньше Аристотеля, когда в религиозно-философской общине орфиков в разных аспектах обсуждались такие пары понятий, как «свет – тьма», «хорошее – дурное», «мужское – женское», «жизнь» – «смерть», «душа» – «тело» и ряд других, зафиксированных в таблице пифагорейских противоположностей [Шичалин 1997: 36–37]. Они общи и в то же время различны. Общим для них являлся критерий противоположности.

В мифах, в которых доминирует тема космогонии и эмбриогонии, как и у орфиков, прослеживается одна общая закономерность: два онтологически доминирующих понятия именуются в определенной мерной последовательности, где семантико-синтаксическую «сильную» позицию занимает Творец мира, с которым ассоциируется «мужское» начало, а затем следует именование «женского» начала. Важно понятие Неба и связанные с ним поня-

тия. В некоторых мифах Океан персонифицируется как Отец, а земля как Мать (ср.: *Мать-сыра земля*). С Неба проливается влага, которая ассоциируется с оплодотворением, т.е. имеет место пантеизм Отца и Матери. Далее следуют Свет в противоположность Тьме, Добро в противоположность Злу, Жизнь противопоставляется Смерти, «живая вода» в противоположность «мертвой» как символы сакрального круга. Целостность бытия представляется как благо. Все, что ведет к разрушению бытия, – Зло. От генетически наследованного сознания и памяти человека не ускользают события далекого прошлого, имевшие место в окружающей человека внешней среде и запечатлевшиеся в его сознании как архетипы. Об этом достаточно однозначно свидетельствует во многих местах Ригведы мотив «непрерывных ночей», т.е. тьмы, внушавший людям страх [Склизков 2004]. Будем считать на уровне обыденного профанного сознания, что Небо символизирует «верх», а Земля – «низ» в их бинарной оппозиции в двухмерно ценностном пространстве «верх – низ».

Не является случайным соположение двух понятий и в индоевропейских языках. В той же ценностномерной последовательности, что у орфиков и в мифологии, именуются онтологически ценностные объекты: «Единственными общеиндоевропейскими названиями домашних животных являются те, которые обозначают главные элементы стада главы рода или племени» [Мейе 1938: 394]. Ученый приводит ряд примеров типа «вол и корова», «баран и овца», образующих стадо. Скот для индоевропейцев представлял онтологически значимую ценность как богатство, о чем свидетельствует этимология этого слова в индоевропейских языках. Здесь синтактика подчинена семантике. А. Мейе называет их представлениями.

Не составляет большого труда сделать однозначный вывод: здесь представлена иерархия онтологически ценностно мерных объектов внешнего мира – Космоса: центр мира Земля, Вода, Небо, Свет, Жизнь и Смерть, Возраст, а также ценностно мерные абстрактные понятия: Добро, Зло, Ужас. В них отражено не только мифологическое и поэтическое восприятие мира, но также и восприятие его целостности. Союз «и» является лишь коннектором, объединяющим два начала, образующих в совокупности целостность. Не все космогонические понятия противопоставляются по принципу «хорошо – плохо», но все они онтологически ценностно значимы для человека.

В мифологическом сознании в иерархии ценностей, онтологически высшей ценностью является *центр мира* (*axis mundi*) в рамках пространства и времени, представленный разными символами. Специфика сакральных понятий в том, что здесь пространственная и временная составляющие «вписаны в серию все увеличивающихся и друг в друга входящих пространств, которые по мере удаления от центра становятся все менее и менее сакральными. Таким образом, центр мира совпадает с центром ряда вписанных друг в друга сакральных объектов, которые в этом смысле оказываются изоморфными друг другу и изофункциональными» [Топоров 2004: 491]. Христианство также возникло не на пустом месте. Здесь также присутствуют мифологемы, связанные с сотворением мира (хаос, тьма, противопоставляемые понятия бинарной оппозиции «верх – низ»). Отметим при этом, что на деревянных древнерусских иконах мир представлен в трехмерном пространстве: верх, середина, низ. Крайними составляющими являются «верх» (рай), «низ» (ад). В центре изображены человек и древо познания, корни которого уходят вниз, а крона дерева простирается вверх. «Верх – низ» есть ценностно мерные понятия бинарной оппозиции, сформировавшиеся первоначально на стадии мифологического мышления в качестве символов таких полярных противоположностей, как Добро и Зло. Об этом же свидетельствует сакральная символика креста с распятым на нем Богочеловеком – Христом. Этот знак в вертикальном положении являлся и является знаком жизни и страданий. В германских рунах знак *V* служил символом жизни, а в перевернутом «вверх ногами», т.е. головой вниз – символом смерти [Степанов 2004: 218–219]. Это бинарно противопоставляемые символы единого бытия Богочеловека – Христа.

Случайно ли совпадение ценностно мерных объектов в оппозитивном представлении «верх – низ» в аспекте «хорошо – плохо»? Смеем утверждать, что это определенная закономерность, корни которой восходят к праценностному сознанию, где в иерархии ценностей движение «вверх» ассоциировалось со стремлением к добру, к свету, к богу. Движение «вниз» – со злом, тьмой, муками ада, в конечном итоге – со смертью. Реликты этого праценностного сознания дают знать о себе в концептуализации эмоций, важным аспектом которых является бинарный принцип противопоставления света и тьмы: «В целом положительные эмоции, такие, как *любовь, радость, счастье, восторг*, концептуализируются как с в е т л ы е , а

отрицательные эмоции, такие, как *ненависть, тоска, отчаяние, гнев, бешенство, ярость, страх, ужас*, – как т е м н ы е» [Апресян 1995: 372; разрядка наша – Ю.М.]

Таким образом, имеет место наложение вертикально оценочной шкалы на аксиологическую оценку «хорошо – плохо». Движение вверх (рост) фиксируется сознанием как «хорошо» (в немецком языке: *die höchste Qualität, die höchsten Gefühle*). Движение вверх или вниз в экономике, бизнесе рассматривается как позитивная либо негативная оценка в зависимости от контекста (ср.: *жизненный уровень понизился, цены поползли вверх, цены снизились, процентные ставки повысились, понизились*). В разных этнокультурах соотношение мерных понятий «верх – низ» неоднозначно. В России объект «знание» оценивается по восходящей 1, 2, 3, 4, 5; в Германии высший балл оценивается 1, низший – оценкой 5.

Обратимся в этой связи к рассуждениям Св. Августина (St. Augustine), который, обсуждая ритмику музыки, писал: «Мы оцениваем *запоминаемый ритм (recordabiles numeri)* с помощью *оценочного ритма*, существующего в нашем сознании (*iudiciales numeri*). Для такого сопоставления нам на помощь приходит некий внутренний свет, или интуиция. Сравнение дает нам возможность произвести *интуитивную оценку (agnitio)*, которая есть новое *узнавание* чего-то старого (*recognitio*), а также некое *воспоминание (recordatio)*» [Цит. по: Якобсон 1998: 245]. Это своего рода архетип-эталон первичного образа, постоянно извлекаемый из генетически наследованной памяти и своего опыта. Его актуализация это уже не первичный, а вторичный образ. В единой теории психических процессов первичный образ определяется как обобщенность, которая завершает перечень эмпирических характеристик перцепта. Она является, по определению Л.М. Веккера, «сквозным» параметром всех психических процессов, что имплицитно требует учета взаимосвязи восприятия и памяти [Веккер 1998].

Условно будем считать объект оценки в его ценностно нейтральном представлении – это своего рода *axis mundi*, занимающий срединное положение в модальной рамке «хорошо – плохо» в отвлечении от того, как он оценивается субъектом. При этом надо иметь в виду, что любой объект как «вещь в себе и для себя» сам по себе неравноценен: «Вещь потому не равна себе самой, что наделена человеческим смыслом: она воплощает вне- и сверхприродные значения, относящиеся к самоопределению человека, его самодея-

тельности. Вещь, следовательно, берется не в форме объекта, а субъективно, что и позволяет выделять в ней специфически человеческие значения и предназначения, квалифицировать ее как гуманитарный объект» [Ильин 2006: 56].

Следовательно, важна роль человеческого фактора в аспекте дихотомии «хорошо – плохо», «субъективно – объективно». Все зависит от того, кто и что оценивает, когда и как оценивает. Ценностно амбивалентным объект становится через ценностную призму субъекта – отдельного человека с его личностной пристрастностью или целых групп, партий, политически, идеологически, конфессионально или профессионально ангажированных, в исторически определенное время. Поэтому объект может получить кардинально противоположную оценку в модульной рамке «хорошо – плохо». Вектор оценки может быть прямо или обратно направленным в шкале оценок «хорошо – плохо» по вертикали и горизонтали.

Аргументируем это положение несколькими примерами.

ЧЕЛОВЕК. *Человек совестливый* – оценка «хорошо»; *человек без стыда и совести* – оценка «плохо». **ЗЕМЛЯ** сама по себе – это онтологически ценностный объект сакрально значимой природы как твердь и как центр мироздания. В южно-славянской мифологии она оценивается как *Мать-сыра земля*. Градуальность ее оценки для земледельца и эколога будет различной: зарастающий пахотный клин для земледельца – беда, для эколога – благо. Земля как объект купли-продажи имеет цену в денежном выражении. Онтологическая ценность земли не может и не должна определяться в денежном выражении, она, по определению С. Бобылева, «берегиня всего сущего» [Бобылев 2009]. Следовательно, в ценностно мерной шкале Земля занимает вершинную позицию.

ВОДА сама по себе также онтологически сакрально и профанно ценностный объект, ценность которого возрастает, особенно там, где ее катастрофически не хватает. Большая вода, именуемая в мифологии сакрально значимым понятием Потоп, а в современном бытии человека (наводнение) – это беда. Парадокс оценок: со знаком «+» и «-» имеет место в бинарной оппозиции: «живая / мертвая» вода состоит в том, что последняя в небольших количествах может служить излечению от раковых заболеваний.

ОГОНЬ (свет, солнце, тепло, огонь) – это семантически взаимосвязанные понятия, которыми номинировались онтологически

ценностные объекты в мифологии. Ценность этого объекта также амбивалентна. Солнце – тепло, но иссушает землю – засуха (смерть, гибель всего живого). Они остаются и в настоящее время онтологически ценностными объектами.

В бинарной оппозиции «Любовь и Ненависть» онтологически ценностным объектом является не сама по себе Любовь, а ЧЕЛОВЕК как сакрально ценностный объект. Здесь также, как и в окружающем человека внешнем мире, имеет место своя диалектика бытия человека. Любовь может переходить в Ненависть и наоборот, Добро – во Зло, Преступление – в Наказание и наоборот. Поэтому любой объект является референциальным центром расходящихся и переходящих друг в друга ценностных смыслов со знаком «+» и «-». Это реверсия ценностно мерных понятий. Другое дело, что в аксиологии может иметь место подмена понятий и ценностей.

В социально-антропологической философии социальный мир подразделяется на социомакромир (мир повседневности) и социомикромир (духовно-нравственный мир человека). Социомакромир конституируется из повседневной жизни (*жизнь как она есть*) и духовных ценностей. И в том и в другом мире имеют место свои ценностные приоритеты и нормы поведения, детерминированные названными приоритетами. Духовные ценности – это смыслоценностный, символически-интерпретационный мир [Барулин 2002: 286, 315]. Есть ли основания разделять их?

В.И. Карасик предпринял попытку комплексного осмысления ценностей, предложив модель ценностной картины мира, подразделив ценности на внешние (социально обусловленные) и внутренние (персонально обусловленные) [Карасик 2002: 167]. В этом есть своя аксиоматика, если понимать предложенную ценностную модель мира, как он есть внутри социума. Она валидна в аспекте культурологии, включая межкультурную коммуникацию. Но за рамками этой модели остаются онтологически ценностно мерные объекты внешнего физического мира. В контексте наших рассуждений позволим предложить несколько иную, комплексную модель ценностной картины мира. Под внешними ценностями будем понимать онтологически ценностные объекты внешнего мира, под внутренними – социально значимые ценности внутри социума. Такая модель, как нам представляется, универсальна. Она позволяет объединить ценностно мерный мир природы и ценностно мерный мир человека.

Ценностные приоритеты человека – стремление к осмыслению своей сущности и стремление к усовершенствованию себя. Это ценностно иной уровень индивидуальной умозрительной ментальности, названной Ю.С. Степановым наукой достижения премудрости понимания человеком своего назначения и своего долга, слияния истины с любовью [Степанов 2005: 64]. Эту философию можно определить как философию умозрительного приближения земного человека к Богочеловеку – Христу, его праведности и его страданиям. Это специфический смысло-ценностный социомикромир ментальности «внутреннего человека» как вторичный образ осмысления первичного символического образа «горение ко кресту» [См. подробнее: Малинович 2007: 45 и след.].

В христианской философии человек – это человек греховной природы в его противопоставлении Богочеловеку – сыну Божьему. При этом следует иметь в виду, что уже в лоне христианской философии имеют место попытки демистифицировать греховную природу человека, приблизив его к идеалу всего сущего. Здесь бинарная оппозиция представлена двумя понятиями – *человек греховный* – *человек праведный*. «Человеческая природа, – писал один из виднейших немецких философов XV века Николай Кузанский, – такая природа, которая была помещена над всеми творениями Бога и лишь немного ниже ангелов. Она заключает в себе умственную и чувственную природу и стягивает в себе всю Вселенную: она есть микрокосм, малый мир, как называли ее с полным основанием древние. Она такова, что, будучи возведена в соединение с максимальностью, становится полнотой всех всеобщих и отдельных совершенств таким образом, что в человечестве все возведено в высшую степень» [Кузанский 2001: 252]. В этом определении имеет место ценностная шкала по вертикали и горизонтали: «верх – низ», греховный – добродетельный, полнота совершенств, возведенных в высшую степень.

С собственно лингвистических позиций проблема внутреннего мира человека обсуждалась в рамках антропологической лингвистики в аспекте его духовных ценностей ментальной природы. Внутренний мир человека – это ментальный мир. Это не только и не столько сфера *cogito*, представленная определенной системой преимущественно субстантивных, адъективных, глагольных и адвербиальных предикатов ценностно пропозиционального отношения типа: *лжет* или *говорит правду*, *радуется* или *печалится*, *катего-*

ричен или некатегоричен в своих суждениях, добрый или злой и целый ряд других ценностно мерных атрибутов человека. Они являются связующим звеном внутреннего мира человека с внешним миром. Это личностная пристрастность социально-ценностной ориентации человека. Она адекватно воспринимается слушающим и объективируется как коллективно обобщенные и коллективно осмысленные значения, становясь реальностью.

Это универсальные семантические константы, которые реально существуют, независимо от сознания одного человека. Они существуют в Я-сознании и в сознании Другого, а, следовательно, понимаются Другим на уровне взаимодействия Я – Ты (Другой). Казалось бы, на первый взгляд, что Ты и Другой одно и то же как составляющие квант множественности (Мы, Они). Но здесь есть одна семантически важная деталь, а именно: Я и Ты могут совершать нечто социально непотребное. Кем в таких случаях дается аксиологическая оценка «хорошо – плохо»? В таких случаях необходимо присутствие Другого, благодаря которому у человека появляется чувство стыда [Сартр 2004].

Аргументируем это положение на примере диалога двух старых женщин в повести В.Г. Распутина «Последний срок». Две старые женщины обсуждают пьянство в деревне. Две противопоставленные оценки:

- *Помнишь, Данила-мельник пил, да его за человека не считали. Пьянчужка и все. Он ить один так пил, боле никто ... А тепери один Голубев на всю деревню не пьет, дак тепери его за человека не считают, что он не пьет, смешки над ним строят ...*

- *Че нам говорить про ранешное время ... никакого с их спросу нет, никакой им кары. ...*

- *В ранешное время хоть грех знали. Тепери и грех забыли. И грех, старуня, забыли, и стыд забыли ... Доведись до меня, я бы со стыда сгорела [Распутин 1975: 101-102].*

СТЫД и СОВЕСТЬ (без стыда и совести ... человек совестливый, стыдливый – бессовестный). Словарь распредмечивает понятие «стыд» как неловкость от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, как чувство моральной ответственности за свое поведение, поступки: «Гореть со стыда» – испытывать сильный стыд»; «Ни стыда, ни совести – о человеке бессовестном, наглom, совершившем бессовестный поступок, игнорирующий нравственные правила (нормы поведения)» [БТС РЯ 2004: 1284]. Совесть в

русскоязычной картине мира, по определению Ю.Д. Апресяна, это нравственный тормоз, блокирующий реализацию аморальных желаний или побуждений, это внутренний судья [Апресян 1995: 353].

В ценностно мерной картине мира следует различать абсолютные оценки бинарной оппозиции типа: *Победа – Поражение*.

ПОБЕДА рассматривается как абсолютная оценка (ценность со знаком «+»). Это онтологически ценностно мерная понятийная константа, определяемая масштабностью события, например, онтологически ценностно значимое событие – Победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Абсолютные оценки носят описательный характер, сравнительные тяготеют к предпочтениям. Специфической чертой всех термов, составляющих шкалу абсолютных и сравнительных оценок, является их неспособность к автономному функционированию. С позиций семантического синтаксиса это равнозначно утверждению: термы, входящие в структуру оценочных суждений, семантически и синтаксически неавтономны. Конкретизируем в несколько сокращенном виде такую ситуацию ДОЛГА, описываемую известным польским лингвистом Витольдом Дорошевским: «В сентябре 1939 года я шел в Варшаве по Фильтровой улице в направлении улицы Сухой. На перекрестке <...> стоял польский солдат с винтовкой. (Немцы были уже очень близко). По улице <...> пролетали пули. Во всем облике солдата чувствовалось спокойствие и решимость до конца выполнить свой долг; невольно я подумал, глядя на него: «это солдат», т.е. перенес на эти слова впечатление, которое произвел на меня его облик, выразительно, даже без слов и жестов свидетельствовавший о том, что динамический стереотип, связанный со словом *солдат*, был одним из компонентов личности этого человека. Заметив меня, он сделал знак рукой, веля остановиться: <...> он выполнял свой солдатский долг, <...> он считал, что нет необходимости рисковать своей жизнью несолдату» [Дорошевский 1973: 135–136].

Внутренний чувственный мир человека – это мир рациональной и эмоциональной природы, на котором зиждется оценка объектов со знаком «+» и «–» как восприятие познанного Нечто. Ценностно мерные понятия внутри социума со знаком «+» – Добро, Совесть, Стыд и т.д. Человек добрый, совестливый, бессовестный [См. подробнее: Внутренний мир человека 2007].

Перечисленные условия, в которых формируется оценка, обязательны для всех типов оценок, будь то эмоционально ней-

тральный тип или эмоционально-экспрессивный тип оценки. Первый тип формируется и реализуется в суждениях (утверждениях) оценочной семантики, второй в эмоционально-экспрессивных предложениях оценочной семантики. Указанные типы отличаются друг от друга как формально, так и по объему содержащейся в них информации.

Выше мы обсуждали вопросы аксиологии с позиции философии семантически сопряженных категорий бинарной оппозиции «хорошо – плохо», оставляя за рамками эмоционально-значимую сферу внутреннего мира человека. Внутренний мир человека является одним из самых древних экзистенциальных состояний человека. Прежде всего, это эмоционально значимый мир. Эмоция удивления, как считают философы, явилась точкой отсчета незнания. Осознание незнания – это тоже специфический тип оценки.

Определенное место в семантической аксиосфере занимает эмоционально-экспрессивная оценка. Оценка и эмоции связаны друг с другом причинно-следственными отношениями. На эту взаимосвязь обратил в свое время внимание Э. Сэпир, посвятивший целый раздел своей работы эмоциональному аспекту в градуировании. «Даже простые градуаторы «больше, чем» и «меньше, чем» связаны обычно в конкретном контексте с выражением определенных эмоций» [Сэпир 1985: 66]. Градуаторы, по его мнению, придают суждению особую окраску, привнося в него скрытый смысл одобрения или неодобрения, удовлетворенности или разочарования. Не составляет особого труда увидеть, что ценностные ориентации человека в аспекте эмоциональной оценки восходят к вундтовской категоризации аффективных состояний по принципу оппозиций: удовольствие / неудовольствие, напряжение / разрядка, группирующихся вокруг зон положительной и отрицательной оценок «хорошо – плохо». Эти зоны бинарной оппозиции в содержательной шкале оценок вообще, а эмоционально-экспрессивных в частности, следует рассматривать в качестве специфических инвариантов, в которых отражены только общие свойства потенциала языковых средств, употребляемых для реализации положительной или отрицательной оценки. Эти инварианты представляют собой сокращенные названия классов семантически однородных языковых единиц, абстрагированных от каждой конкретной единицы в отдельности.

Фундаментальным свойством эмоционально-экспрессивных оценок является тот факт, что они базируются не на дискретных

оценках «хорошо – плохо» (такие оценки являются здесь лишь фоном в своих полярных проявлениях), а на интенсивности и образности, имеющими недискретный характер в смысле абсолютных и сравнительных оценок.

Определенное место в системе языковых средств выражения эмоционально-экспрессивных оценок человека занимают лексика и грамматика эмоционально-экспрессивных предложений оценочной семантики. Базовым структурным компонентом таких предложений являются субстантивные, адъективные предикаты, наречия оценочной семантики. Эти грамматические классы слов автономно или в сочетании с другими классами позволяют через оценку выразить эмоциональное отношение говорящего к самым разнообразным по своей природе объектам: состояниям, событиям, действиям и т.д. Определенная роль принадлежит синтаксису.

Эмоционально-ценностное отношение человека всегда опричинено. Оно может быть детерминировано различными объектами, связанными с их постоянными и изменяющимися свойствами и качествами, выходящими за «нормы» по своим свойствам, качествам, способам действия и состояниям. Поэтому семантически интегральным понятием является оценка (оценочность) как семантическая категория, что неизбежно имплицитно подразумевает использование других грамматических классов слов, в первую очередь, имен прилагательных, наречий, других языковых средств наиболее всего приспособленных для выражения качественных и количественных оценок перечисленных выше объектов. Все это свидетельствует о наличии в лексико-семантической системе естественного языка функционально-специфических средств не только обозначать предметный мир, но и квалифицировать, оценивать его, связывать квалификативную сферу с наличием определенного корпуса стилистически маркированных наименований.

В системе узуально закрепленных языковых средств, выработанных на протяжении всей истории социогенеза и глоттогенеза человека, для выражения эмоциональной оценки различных объектов, ситуаций, положения дел, не все лексико-грамматические классы слов представлены равномерно. Такая неравномерность показателей оценки была отмечена У. Вейнрейхом, обратившим внимание на то, что оценочные значения особо широко представлены у имени [Вейнрейх 1970: 173]. Это объясняется тем, что человек в своей жизнедеятельности чаще всего сталкивается с телесными и нетелес-

ными объектами окружающего его мира, оценивая и квалифицируя их в каждой конкретной ситуации, познавая ранее скрытые и приобретенные заново свойства и качества объектов, выделяя при этом из них те, которые отличаются от класса им подобных необычностью своих свойств и качеств. Поэтому основной состав именных эмоционально-экспрессивных предложений оценочной семантики представлен именами существительными и прилагательными. Разумеется, что не все лексемы, относящиеся к названным лексико-грамматическим классам, обладают эмоционально-экспрессивным потенциалом оценочной семантики.

В отличие от сравнительных оценок эмоционально нейтрального суждения, в сравнительных эмоционально-экспрессивных оценках используется лишь один терм «как», ставящий в равновеликое положение оцениваемый объект и тот образ, при помощи которого достигается положительная или отрицательная эмоционально-экспрессивная оценка объекта. Интенсивный характер оценок тяготеет к суперлативам. Здесь важную роль играет детализация, связанная с градуированием и интенсивностью, интерпретируемыми как идентичные явления.

В отличие от абсолютных и сравнительных оценок дискретного характера языковые средства, употребляемые для выражения эмоциональной оценки, могут функционировать в качестве семантически и синтаксически автономных единиц. Основную группу предикатов указанной семантики составляют так называемые «аффективные» прилагательные. В русском языке это имена прилагательные типа *восхитительный, превосходный* [Арутюнова 1988: 98]. В немецком языке в эту группу входят *schön, wunderbar, märchenhaft, bezaubernd, schrecklich, fürchterlich, furchtbar, grauenhaft, satanisch* и др.

Составляющие эту группу имена прилагательные характеризуются способностью выразить высокую степень признака или меры. Их специфика состоит в выражении эмоционального восприятия объектов, ситуаций, положения дел. Это знаки личностной пристрастности человека к миру. Собственно лингвистическая специфика указанного лексико-семантического разряда имен прилагательных бинарной оппозиции состоит в том, что они являются самодостаточными предикативными знаками элементарной семантико-синтаксической структуры.

Разряд имен прилагательных эмоциональной оценки тесно соприкасается с лексемами, номинирующими эмоциональные, пси-

хические и соматические состояния. В немецком языке это *erstaunt, traurig, glücklich, froh, müde, kalt* и ряд других. Прилагательные эмоциональной оценки представляют собой семантически и синтаксически диффузный разряд лексем, большинство из которых семантически и синтаксически самодостаточны для автономного функционирования, что и дает основание отнести их к предикативным знакам элементарной структуры.

Диффузный характер этого разряда лексем объясняется тем, что их денотативная соотнесенность многообъектна, в результате чего они фактически превратились в сигнификативные знаки полифункционального употребления, в то время как денотативная соотнесенность лексем, обозначающих эмоциональные, психические и соматические состояния, совершенно «прозрачна». Она антропоцентрична, потому что соотнесена только с человеком как объектом эмоциональной оценки в разнообразных его измерениях. Поэтому эти лексем, как правило, не являются самодостаточными для автономного функционирования.

Прилагательные эмоциональной оценки в аспекте их соотнесенности с оцениваемыми объектами сами по себе не имеют референтного наполнения. В аспекте же их соотнесения с однокорневыми именами существительными они референтны. Этот референтно соотнесенный элемент значения имеет монопризнаковый характер, лежащий в основе положительной или отрицательной оценки объектов, ситуаций, положений дел. Имена прилагательные эмоциональной оценки заключают в себе одновременно признак и «овеществленность», «опредмеченность» как «нечто», которое само по себе есть не абстракция. Эта признаковость и овеществленность как «нечто» четко просматривается в однокорневых именах прилагательных эмоциональной оценки и именах существительных среднего рода: *schön – das Schöne, grauenhaft – das Grauenhafte* (etwas, was mit Grauen behaftet ist); *furchtbar, wunderbar* (etwas, was Furcht, Wunder trägt) [Павлов 1985: 281].

Эмоционально-оценочный потенциал семантики адъективных предикатов, употребляемых для оценки различных референтных ситуаций, создает благоприятные предпосылки для синонимичных взаимозамен. Поэтому одна и та же референтная ситуация может быть оценена говорящим целым рядом синонимов: *Märchenhaft! Bezaubernd! Phantfistisch! Großartig! Wunderbar! Prachtvoll! Entzückend! Enorm!*

Обсуждаемые нами ценностномерные категории представляют собой фрагмент лексико-семантической системы естественного языка в их жесткой и нежесткой представленности, где имеет место сдвиг семантических акцентов. Это позволяет им (категориям) сближаться и переходить из одной в другую в определенных ситуациях. В каждой из указанных категорий изначально запрограммирован определенный интенционал значений, которые атрибутируют категории в различных ситуациях. Причина такого положения дел кроется в том, что человек погружен не в концептосферу, а в семиосферу языка. На уровне обыденного сознания он оперирует не концептами, а смыслами и мыслит не категориями, а также определенными смысловыми значениями, закрепленными в языковой памяти и постоянно повторяющимися в языковой практике. Это речемыслительные дискурсивные значения, в которых имеет место стирание жестких категориально противопоставляемых смыслов, их сближение и уплотнение, в результате чего создаются новые смыслы. Семантически сопряженные, взаимно пересекающиеся категории имеют место только в синтагматике, где происходит взаимное пересечение и переход одной категории в другую, вследствие чего стирается жесткое семантически оппозитивное противопоставление, именуемое в лексико-семантической системе естественного языка антонимами.

Итак, с позиций антропологической лингвистики изложена авторская позиция по целому ряду теоретических вопросов в их когнитивно-историческом, философско-лингвистическом и социологическом параметрах, вносящих определенный положительный вклад в теорию познания человеком мира и себя, погруженного в ценностнозначимую семиосферу внешнего мира и ценностнозначимую семиосферу внутреннего мира человека естественного языка.

Борьба против идентичности: ненависть в свете теории множественности миров

В современном обществе о ненависти не принято много думать и говорить; ей не принято посвящать и научные исследования. Как пишет А. Глюксманн, впервые поставивший вопрос о необходимости создания теории ненависти, современная философия рисует слишком благодушную картину мира: «В терминах перманентного августовского отпуска это будет: Европа – обширный туристический рай. В терминах философской моды: Европа приветствует начало постистории человечества. В правильно понимаемой экологии: агнцы и волки на днях поймут друг друга. В пацифистской религии: настало время перековать мечи на орала, которые отныне украсят наши загородные резиденции» [Глюксманн 2006: 160].

Действительно, в философии, начиная с Платона и Аристотеля, традиционно принято уделять внимание проблеме добра, а не зла. Появляются все новые труды о морали, справедливости, красоте, добродетели и других явлениях, входящих в категорию добра; труды же, посвященные злу, весьма немногочисленны. В этой связи нельзя не упомянуть А. Шопенгауэра и его «учение о страданиях мира», согласно которому «мир все равно что ад, в котором люди, с одной стороны, мучимые души, а с другой – дьяволы» [Шопенгауэр 2006: 55]. Говоря о зле как о самой сути мира, А. Шопенгауэр особо подчеркивает, что зло не есть нечто негативное – оно есть как раз нечто позитивное, поскольку только благодаря злу и становится возможным добро и благо. Как известно, за эти идеи его концепция часто подвергается критике, однако при этом упускается из виду то, что Шопенгауэр, по сути, впервые предлагает когнитивную трактовку страдания, придавая ему ведущую роль в развитии разума. «Познавание, понимание, как бы оно ни было несовершенно, составляет отличительный характер животного царства, животности. С возрастом познавания по скале животности пропорционально возрастает и боль. Сообразно с этим, жизнь животного включает в себе менее страданий, а также и менее радостей, чем человеческая» [Шопенгауэр 2006: 52].

В наши дни проблему зла ставит Ж. Бодрийяр, критикующий современные демократии за то, что они не желают иметь дела ни с чем, кроме дискуссий о добре. «Мы больше не умеем произносить проклятия – пишет ученый – мы умеем произносить только речи о правах человека – об этой благоговейной, слабой, беспомощной, лицемерной ценности, которая зиждется на просвещенной вере в естественную силу добра, на идеализации человеческих отношений (тогда как для зла не существует иной трактовки, нежели само зло). Более того, об идеальной ценности этого добра всегда говорится в покровительственной, уничижительной, негативной, реакционной манере. Это есть сведение зла к минимуму, предупреждение насилия, стремление к безопасности. Эта снисходительная и давящая сила доброй воли помышляет лишь о справедливости в обществе и отказывается видеть кривизну зла и его смысл» [Бодрийяр 2006: 127–128]. Повторяя мысли Шопенгауэра, Бодрийяр выдвигает «теорему о проклятой стороне вещей» – о зле как параллельном процессе непрерывного созидания позитивного: «Энергия проклятой стороны вещей, ее неистовая сила принадлежат принципу зла. Принцип зла лишен морали, это принцип неравновесия и помутнения разума, принцип сложности и странности, принцип совращения, принцип несходимости, антагонизма и непреодолимости. Это не есть принцип смерти, совсем наоборот, это жизненный принцип разрушения связей. Со времен рая, которому положил конец сам факт его сотворения, принцип зла есть принцип познания» [Бодрийяр 2006: 158].

И Шопенгауэр, и Бодрийяр указывают на когнитивную значимость зла, что совершенно не соответствует наивным представлениям о нем. Зло оказывается более сложным явлением, чем это мыслит себе обыденное сознание, стремящееся его «искоренить». Зло требует научного изучения во всех его разновидностях, и в частности такой, как ненависть.

Вместе с тем ненависть, так же как и зло, не получает в имеющихся работах никакого четкого определения. Так, в вышеупомянутой книге А. Глюксманна ненависть описывается с точки зрения собственной «доброй души» автора, который не столько анализирует ненависть, сколько обличает ее, к примеру, так: «То жгучая и грубая, то скрытая и ледяная, неустанная ненависть неотступно

преследует мир. Ее упорный и упрямый призрак крушит частные отношения и публичные дела. При каждом ее появлении мы делаем вид, будто с луны свалились. Неожиданная *агрессия*: ребята друг друга так любили, а потом взяли и горло друг другу перерезали. Что за невообразимая *жестокость* поднимает друг на друга таких нежных и ласковых любовников? Невероятное *зверство* губит семью, объединенную долгим совместным трудом и общими чувствами, факелы *насилия* приводят в замешательство благоустроенный и подновленный городок» [Глюксманн 2006: 9; курсив наш – С.П.].

Курсивом здесь выделены слова, заставляющие задуматься над следующими вопросами: одно ли и то же ненависть и агрессия, жестокость, зверство, насилие и т.п.; если же это разные явления (по крайней мере, именно так их категоризирует естественный язык), то в чем тогда различие между ними? Глюксманн эти явления фактически не различает, поскольку для него ненависть это: «первая искра, потом долгая работа *dolor* (боли) против самого себя, потом постепенное радикальное возвращение *furor* (ярости), все это содействует явлению *nefas* (недолжного)» [Глюксманн 2006: 69]. Отождествление ненависти с чисто эмоциональным состоянием, отнятие у нее когнитивного основания логически подводит Глюксманна к определению человека ненавидящего как человека неистового: «неистовый не отступает в ужасе перед ужасным»; «у неистового руки свободны»; «неистовый принимает себя за Христофора Колумба зла». Тем не менее, среди упоминаемых в книге «людей ненависти» (Ленин, Сталин, Гитлер, Бен-Ладен, некоторые современные политики) есть как «неистовые», так и совершенно хладнокровные.

Такое пафосное обличение ненависти невольно наводит на мысль о том, что автор этой теории тоже человек ненавидящий и что он ненавидит объект своего изучения – ненависть, подтверждая тем самым ее всеобъемлющий характер. Очевидно, чувствуя это, в конце своей книги он пытается убедить самого себя в обратном: «Стану ли я ненавидеть ненависть? Ни на волос. Я обнаружил ее, упертую и грубую, но, прежде всего до смерти глупую в своей изначальной воле сравняться с Богом. Она выносит решения об альфе и омеге творения, воображает, что ей все позволено, квакает и скачет, словно лягушка, возмнившая себя Юпитером-громовержцем. Честные люди – искренне верующие и реалисты без иллюзий, то

есть имеющие понятие об ограниченности своих возможностей, – не нуждаются в ненависти к ненависти, чтобы бороться с ее убийственным безумием и улыбаться ее смехотворности» [Глюксманн 2006: 278].

На это можно возразить, что многочисленные ненавидящие (а каждый, наверняка, хотя бы однажды был таковым) имеют понятие об ограниченности своих возможностей, являются людьми честными, искренне верующими, реалистами без иллюзий – и, тем не менее, ненавидят. Проблему ненависти нельзя решить посредством заклинаний и обличений, даже самых эмоциональных и многословных. Для решения этой проблемы требуется установить природу ненависти, ее внутренние свойства. Сделать это весьма трудно, поскольку научное объяснение ненависти, как и любого явления, можно осуществить лишь на соответствующей методологической основе. Без применения строгого метода рассуждения о ненависти так и останутся на уровне простого здравого смысла и культурно обусловленных предпочтений.

Как представляется, современная наука может предложить методологию исследования ненависти: в качестве таковой может служить теория множественности миров философа Д. Льюиса [Lewis 1986]. Эта теория изложена ее автором на редкость простым языком, однако многие ее положения даются как само собой разумеющиеся, без объяснений и увязок с более ранними теориями возможных миров, поэтому она трудна для понимания. Главное отличие концепции Льюиса от остальных состоит в том, что он мыслит другие миры не как абстрактные сущности, а как вполне конкретные, где-то существующие реальности. Льюис делает акцент не на том, что другие миры возможны, а на том, что их бесчисленное множество и что они имманентны и разнообразны¹⁰. Эти многочисленные миры ни далеко, ни близко отсюда; они также не дистанцированы от настоящего, поскольку они составляют в своей тотальности особое – логическое – пространство¹¹. Миры изолированы друг от дру-

---

¹⁰ There are a plurality of worlds; there are countless other worlds, other very inclusive things; the worlds are many and varied [Lewis 1986: 2].

¹¹ They are not at any spatial distance whatever from here. They are not far in the past or future, nor for that matter near, they are not at any temporal distance whatever from now [Lewis 1986: 2].

га в логическом пространстве и между их объектами нет никаких пространственно-временных или каузальных отношений; они не имеют общих частей и не перекрещиваются¹². Иллюстрируя свойства миров, Льюис приводит примеры, относящиеся к нему самому: есть миры, где он заканчивает свою книгу в срок и где он не существует вообще; есть также миры, где нет людей и где действуют иные физические законы. Он постулирует, что абсолютно любая возможность уже реализована в соответствующем мире¹³.

Книга Льюиса вся написана в том же стиле, что и приведенные цитаты, – в виде аксиом, постулирующих новое, непривычное для нас устройство мироздания. Однако более понятных примеров, чем упомянутые, философ не дает, в связи с чем его книга иногда подвергается критике за ее «странность».

Один из таких критиков, философ Ч. Чинара, пишет, что теория Льюиса противоречит здравому смыслу: ведь, если бы кто-то из ваших друзей сказал вам, что наряду с Землей существует еще много похожих на нее планет с похожей жизнью, то вы явно сочли бы его странным. Но выдающийся философ из Принстона именно это и говорит, а другие ученые воспринимают его вполне серьезно¹⁴. Чинара возражает против положения о том, что люди знают о существовании возможных миров, поясняя, что он бы еще как-то мог понять Льюиса, если бы тот говорил метафорически или по-

---

¹² They are isolated: there are no spatiotemporal relations at all between things that belong to different worlds. Nor does anything that happens at one world cause anything to happen at another. Nor do they overlap; they have no parts in common [Lewis 1986: 2].

¹³ There are enough of them to afford worlds where (roughly speaking) I finish on schedule, or I write on behalf of impossibilia, or the physical constants do not permit life, or totally different laws govern the doing of alien particles with alien properties. There are so many other worlds, in fact, that absolutely *every* way that a world could possibly be is a way that some world *is* [Lewis 1986: 2].

¹⁴ Imagine that a friend of yours tells you, in all sincerity, that he has made an important discovery: the Earth is not the only planet in existence that supports life – in fact there are many planets very much like the Earth upon which intelligent life is to be found. He goes on to tell you that he has made this remarkable discovery, not on the basis of newly acquired astronomical data, but rather through philosophical reasoning. Would not these be amazing claims? Yet the distinguished Princeton philosopher David Lewis has made such claims, and these claims are being taken quite seriously by many researchers [Chinara 1998: 1].

этически, а не с научной уверенностью¹⁵. Поскольку философия Льюиса является, главным образом, лингвистической и математической, Чинара пытается доказать, что лингвистика и математика могут обойтись и без нее. В частности, в лингвистике концепция Льюиса может использоваться для определения истинности модальных выражений. Чинара призывает к «онтологической экономии» (*ontological economy*) и провозглашает «модальность без миров» (*modality without worlds*), считая, что модальные выражения проще объяснять не в терминах возможных миров, а в терминах того, каким имеющийся мир мог бы быть [Chinara 1998].

Вряд ли целесообразно упрекать научную теорию в том, что она противоречит наблюдаемым явлениям. По образному выражению К. Поппера, наука похожа на прожектор, в том смысле, что не накопление наблюдений ведет к появлению теории, а, наоборот, сама новая теория ведет к новым наблюдениям. Наука развивается на основе догадок и озарений, поэтому наблюдения не создают теории, они лишь играют роль в развитии, а также в критике и устранении теорий. Если бы это было не так, то теории, подобные гелиоцентрической, то есть противоречащие наблюдениям, никогда бы не возникли [Поппер 2004: 220].

На наш взгляд, теория Д. Льюиса воистину является мощным научным прожектором, освещающим невидимые пока факты и позволяющим начать наблюдение за ними. Ее объяснительная сила не ограничивается лишь проблемой модальности. Она также может служить методологической базой для анализа дискурса.

В частности, эта теория позволяет объяснить неискренний дискурс как способ завлечения человека в другой мир [Плотникова 2000]. К примеру, когда мужчина обманывает женщину, говоря, что любит ее и женится на ней, а сам не собирается этого делать, то он создает при помощи дискурса мир, в котором эта женщина любима им, в котором они вступают в брак, и все их знакомые знают об этом. Порождая свой неискренний дискурс, мужчина создает другое настоящее как основу другого будущего. В полном соответствии

---

¹⁵ David Lewis, the Modal Realist *par excellence*, believes that we do know that such possible worlds exist. It might be thought that, when Lewis proclaims the existence of other possible worlds, he is speaking metaphorically or poetically. But no: he is quite definite about what he is asserting [Chinara 1998: 76].

с положениями Льюиса, обманчивый мир конкретен, а не абстрактен и действует по тем же законам, что и исходный мир (это как раз и есть некая другая Земля с похожей жизнью, о невозможности которой так категорично высказывается Ч. Чинара).

Подтверждается и положение Льюиса о полной закрытости миров друг для друга. Обманчивый мир изолирован от исходного мира в логическом пространстве: оба мира имманентны, т.е. не имеют никаких пространственно-временных или каузальных отношений. Таких отношений нет по той причине, что данные миры не имеют никаких общих объектов, поскольку, согласно Льюису, другие миры населяют не те же самые люди, а их каунтерпарты, или дубликаты (counterparts; duplicates). Каунтерпарты действуют по принципу сходства. Хотя в каждом мире обитает свой каунтерпарт одного и того же человека, между всеми этими каунтерпартами есть сходство (similarity). Как разъясняет Льюис, нет ни одного мира, где у него был бы каунтерпарт «василиск» ввиду его полного несходства с василиском по внутренним качествам и внешним отношениям. Все не может сосуществовать со всем: каунтерпарты X в других мирах – это только те вещи, которые похожи на X довольно близко в важных аспектах. Поэтому обманывающий имеет сходство с самим собой искренним в важных телесных и личностных качествах. Льюис особо подчеркивает, что путешествие между мирами невозможно, поскольку они обособлены в логическом пространстве¹⁶. В нашем случае человек неискренний логически возникает в другом мире благодаря тому, что человек искренний логически исчезает, оставаясь в исходном мире.

Разъясняя «скелет» своей теории – понятие каунтерпарты, – Льюис сетует на то, что грамматика естественного языка требует для обозначения человека во множестве миров множественного, а не единственного числа (it is too bad that grammar demands the plural). В качестве иллюстрации каунтерпартного отношения Льюис приводит ряд «странных», с точки зрения Чинары, приме-

---

¹⁶ Likewise, if there is no trans-world causation, there is no trans-world travel. You can't get into a logical-space ship and visit another possible world. You could get into what you confusedly think is a logical-space ship, turn the knob, and disappear. And a perfect duplicate of you at your disappearance, surrounded by a perfect duplicate of your ship, could appear ex nihilo at some other world [Lewis 1986: 80].

ров¹⁷. Но не будем забывать, что наука на всем протяжении своего развития не раз опровергала здравый смысл, присущий наивному сознанию. Кстати, книга Льюиса была опубликована до того, как в науку вошел термин «клон», который, по всей вероятности, тоже подходит для обозначения дубликата человека в другом мире.

Анализ неискреннего дискурса подтверждает также идею Льюиса о том, что люди знают о некоторых других мирах. Так, наш мужчина знает о возможном мире, где он любит эту женщину, поэтому он логическим путем трансформируется в своего клона, живущего в данном мире, сохраняя в то же время память о себе искреннем, что делает возможным его обратную трансформацию в самого себя.

Еще одним примером применения теории Льюиса к анализу дискурса является трактовка счастья как личного мира [Плотникова 2003]. Расположение счастливого личного мира в тотальности миров может варьироваться: он может находиться в логическом пространстве, как среди реальных, так и среди воображаемых, фантазийных миров. Даже если этот мир фантазийный, это не означает, что он абстрактен и непредсказуем. Напротив, он основан на «земных» житейских ситуациях, например, на ситуации повышения социального статуса, обретения богатства, удачного брака и т.п. Создаваемый в образах сознания фантазийный счастливый мир наполнен желанными материальными объектами – вещами, предметами роскоши, географическими реалиями. Этот мир населен значимыми для фантазирующего людьми, к примеру, подходящими брачными партнерами, щедрыми богачами, интересными собеседниками.

Согласно Льюису, реальность – это система не нами сделанных миров (*the worlds are not of our own making*). Это означает, что, хотя человек и участвует в создании своей части мира, ни один человек не может контролировать весь мир в целом. Фантазийные

---

¹⁷ It is yet another good question whether it ever happens that anything exists according to two different (genuine or ersatz) worlds: the answer is yes, that very often happens, e.g. the Humphrey who exists according to our world and the Humphrey who exists according to some other worlds. That is, Humphrey exists according to many different (genuine or ersatz) worlds. According to ours, he exists and he lost the presidential election; according to others, he exists and he won [Lewis 1986: 194].

миры, полностью контролируемые сознанием отдельных людей, в систему реальных миров не входят. Лишь реальные миры являются «другими» мирами, т.е. потенциальными мирами по отношению к «этому», действительному миру. По Льюису, фантазийные миры – это миры хотя и возможные, но не «другие».

Реальный мир не часто бывает полностью счастливым для отдельного человека. Раз реальные миры не контролируются отдельными людьми, человек не может осуществлять все свои желания. Поэтому некоторым свойственно фантазировать – создавать в своем воображении нереальный счастливый мир, помещать в него свое живое Я, отрывая его от тела, и существовать в этом мире, оставляя в реальном мире замену себе – свой каунтерпарт, неохотно выполняющий свои не приносящие счастья повседневные обязанности.

Человек фантазирующий отличается от человека мечтающего: мечты могут быть как фантазийными, так и вполне реальными, осуществимыми. Еще более реалистический характер имеет воображение человека планирующего – о нем надо сказать особо. Я человека планирующего, с одной стороны, консолидирует свое единство в длительности – единство многих актов сознания в прошлом, настоящем и будущем, благодаря чему человек остается в одном и том же мире. Согласно теории Льюиса, в одном и том же мире обитает делящийся человек – темпоральный континуант, который продолжается сквозь время и состоит из многих разных одномоментных стадий, расположенных в разных временах. Для выживания нужна каузальная продолженность – это то, что происходит в одном мире и объединяет делящегося человека. Обращаясь в очередной раз к примеру о самом себе, Льюис пишет, что его часть, которая сейчас хочет, чтобы написание книги завершилось, это не та часть, которая завершит книгу. Нынешняя часть не хочет сама закончить книгу – она ведь здравомыслящая часть и знает, что этого нельзя ожидать. Но это не значит, что она заботится только о себе самой, она знает, что ее нынешние желания осуществляются, только если адекватный тип каузальной продолженности свяжет вместе ее и ту часть, которая закончит книгу. Эта желаемая продолженность

и объединяет простые суммы стадий людей в продолжающихся людях.¹⁸

В свете этих положений человек планирующий – это человек, консолидирующий единство своих планов для продолжения своего существования в данном мире. С другой стороны, живое Я человека планирующего может трансцендировать себя в другой мир, оставляя в прежнем мире свой каунтерпарт. В этом случае человек начинает осуществлять новые планы в новом мире.

Вводимое Льюисом здесь понятие живого Я не используется, хотя он подчеркивает различие между «самим собой» и «каунтерпартом». Ср. следующую выборку положений из его книги: «во многих мирах есть вещи – каунтерпарты меня и моего тела»; «не я, но некие мои каунтерпарты населяют другие миры»; «нет ни одного другого мира, частью которого являемся мы сами, буквально; вот здесь мы, а другие – где-то в пространстве, где-то во времени, где-то в мирах»; «я есть (мы есть?) бесконечно много разных модальных континуантов – сумма меня и всех моих каунтерпартов»; «мое Я в этом мире не делает своими цели своих каунтерпартов в других мирах и не желает им добра»; «эгоцентрическое желание жить не может быть осуществлено по замене, т.е. выживанием моих каунтерпартов: я хочу написать эту книгу сам»; «хотеть жить – не значит хотеть, чтобы что-то случилось где-то в мирах, это желание, чтобы я сам стал обладателем чего-либо».

---

¹⁸ I think that persisting things such as myself are divisible into temporal parts, or stages; and the stage who now wants the book finished is not the stage who will finish it for me. Then don't I really just want it to get finished somehow never mind by whom? Wouldn't it be just as well if a benign impostor took over, if he'd do the job the way I want it done? And if we agree thus far, why does it matter if the benign impostor, and those he teaches, are part of some other world? In reply I agree that my view makes it fair to think of the desires as belonging in the first instance to my present stage, and derivatively to the persisting sum of many stages. And I agree that what my present stage wants is not to finish the book itself – it's a sensible stage, so it knows that can't be expected. But that's not to say that it only cares what happens never mind how. There is a middle ground. My present stage wants the book to be finished in the fulfillment of *its* present intentions – there's the egocentric part – and that will happen only if the proper sort of causal continuity binds together my present stage with the one that finishes the book. The continuity thus desired is part of the continuity that unifies mereological sums of person-stages into persisting people [Lewis 1986: 126].

Из этих положений можно вывести различие: «живое Я» – «Каунтерпарт», или в других терминах: «Я-как-Я» – «Я-как-Другой».

Под Я в философии понимается «абстрактная личность, с необходимостью сопровождающая всякое сознание»; введение этого понятия обусловлено тем, что «*cogito* имеет личностный характер. В акте «Я мыслю» присутствует некоторое Я, которое мыслит – здесь мы достигаем Я в его чистоте» [Сартр 2003]. Понятие живого Я связано, таким образом, с представлением о первичном глубинном сознании, мыслящем для «самого себя», для себя истинного.

Если вернуться к уже приведенным примерам, то, применяя понятие живого Я, их анализ можно продолжить следующим образом. Когда человек обманывает, он трансформируется одновременно в свой телесный и личностный каунтерпарт из себя истинного, «живого». В обманчивом мире и его тело, и его Я – другие, нежели в исходном мире: «неживые», искусственные. Когда человек мечтает, то он трансформируется из личностного «неживого» каунтерпарт, обитающего в реальном мире, в свое живое Я, обитающее в воображаемом мире и в связи с этим остающееся бестелесным.

Теория множественности миров позволяет также объяснить особенности некоторых специфических типов человеческой деятельности, например, деятельности разведчика-нелегала [Плотникова 2007]. Живое тело разведчика-нелегала удалено в системе миров от того мира, где находится его живое Я. Разведчик добровольно трансформируется в своего выполняющего задание каунтерпарт: вокруг – не его мир, интенционально он направлен на другой, свой мир и на других, невидимых собеседников. В отличие от человека мечтающего, разведчик не позволяет себе отвлекаться от деятельности своего каунтерпарт, но, поскольку живое Я отсутствует в данном мире, он становится похож на мертвого и действует как автомат. Такой длительный отрыв человека от мира, в котором ему хочется не просто находиться, а «жить», и объясняет психологическую фрустрацию, свойственную этой профессии. Становится также понятной используемая в ней практика работы нелегалов семьями. В терминах рассматриваемой теории, это позволяет создать для нелегала мир, в котором он может быть самим собой. Можно сделать вывод, что с точки зрения дискурсивной экзистенции признак жи-

вого Я (самого себя, а не каунтерпарт) – это наличие у человека собеседников, с которыми он может иметь живое (спонтанное, неподготовленное) общение, исходящее из его самого глубинного мышления для себя истинного.

Итак, уже имеющийся анализ дискурса по методу Льюиса показывает, что естественная биологическая сопряженность человека с миром не всегда сопровождается такой же естественной дискурсивной сопряженностью. Поэтому следует различать биологическую и дискурсивную, или даже еще шире – семиотическую – экзистенцию человека и рассматривать их как отдельные и независимые друг от друга принципы формирования мира.

В таком случае миры имеют не только природные, но и семиотические, в частности, дискурсивные параметры. Это положение опровергает чисто биологический подход к существованию человека; оказывается, мир вовсе не является одной лишь «средой», окружающей тело человека. Чтобы выяснить точное место обитания человека, необходимо определить его местонахождение в тотальности миров, то есть установить не только его «окружающую среду», но и те миры, где человек находится как живое Я – где его существование является спонтанным бытием самим собой, и те миры, где человек находится как каунтерпарт, заменяя себя истинного.

Все эти положения в полной мере относятся и к анализу ненависти, к которому, наконец, можно приступить. В качестве примера можно взять сюжет из античной литературы – историю Медеи Сенеки. «Когда Ясон в поисках золотого руна, которое должно было сделать его царем, причаливает в Колхиде на корабле «Арго», Медея влюбляется в греческого героя. Она выходит за Ясона, рождает ему двоих сыновей. Ясон и Медея укрываются в Коринфе, где Ясон совершает роковую ошибку. Он отрекается от Медеи, чтобы жениться на Креусе, дочери местного царя Креона. Поруганная супруга дарит своей сопернице шкатулку, отравленное платье и венец, от которых та сторает вместе с царскими палатами. Медея следует своим путем хладнокровного убийцы; она режет горло собственным детям» [Глюксманн 2006: 49–50].

Медея, несомненно, являет собой прототип человека ненавидящего. В чем же состоит сущность такого человека с точки зрения теории множественности миров?

Человек ненавидящий – это человек, претерпевший трансформацию в своего каунтерпарт из другого мира, и эта трансформация не добровольная, как в вышеприведенных примерах, а навязанная. Медея имела мир, где обитало ее живое тело и ее живое Я, т.е. где она была самой собой. Согласно теории Льюиса, в каждом мире у человека имеются сомирники (worldmates), таковые были и у Медеи, и самые значимые из них – муж и дети. В процессе взаимодействия с сомирниками формируется идентичность человека в данном мире, а именно: действия, качества и состояния, продуцируемые его телом и его Я. Медея имела идентичность «Жена Ясона», лежащую в основе всех ее субидентичностей и социальных ролей («Мать детей Ясона, «Хозяйка в доме Ясона» и т.п.). Данная идентичность определяла дискурсивную экзистенцию Медеи – она постоянно существовала в дискурсе жены, именно этот дискурс был большей частью ее бытия.

И вот мир, в котором человек обитает, исчезает – он как бы испаряется, тает в воздухе, и на его месте возникает другой мир. Дискурсивные параметры подтверждают постулируемую Льюисом реальность других миров – они могут внезапно актуализироваться, возникнуть ex nihilo. То, что до этого было лишь возможным, становится действительным, потенциальное материализуется, человек и его сомирники трансформируются. Ясон из этого нового мира – не муж Медеи, а муж Креусы, место Медеи из этого мира – рядом с простыми людьми, она отправлена жить к своей кормилице, которая убеждает ее смириться, принять свою судьбу. Трансформацию миров и их обитателей в логическом пространстве, по Льюису, следует понимать буквально; это значит, что одна Медея остается в прежнем мире, а ее каунтерпарт – другая Медея – возникает логическим путем в другом мире. Все сомирники на уровне когнитивного бессознательного понимают, что действительность изменилась, и все они гармонично трансформируются вместе с ней, призывая к этому же и Медею. Но Медея смириться не в состоянии – такой она никогда не будет; в принятых терминах, в такой каунтерпарт она не трансформируется, она из него вырвется.

Отторжение определенного каунтерпарта, т.е. связанной с данным миром идентичности, мобилизует всю имеющуюся у живого Я энергию на борьбу против этой идентичности. Такая энергия и есть ненависть.

Медея борется против идентичности «Жена, отвергнутая мужем ради другой женщины», навязанной ей Ясоном, который в связи с этим объективно становится референтом ненависти. Борьба против идентичности означает, по отношению к телу, борьбу против требуемых ею действий, а в дискурсивном отношении, борьбу против номинации. Если миры имеют дискурсивные параметры, то, чтобы заменить мир, необходимо заменить номинацию идентичности – нужно, чтобы сомирники больше так не называли Медею. Выбор цепочки номинаций здесь, пожалуй, единственный: «Жена, отвергнутая мужем ради другой женщины» → «Жена, отомстившая мужу».

Так перед нами возникает структурная пара «Ненависть» – «Мечь», лежащая в основе разрушения данного мира. Пусть этот мир принят всеми, пусть все довольны – ненавидящий разрушит его, в том числе и убивая, поскольку он не хочет смириться с самим собой в нем, и ему требуется выход в такие миры, где навязанной идентичности у него уже не будет. Этого и добивается Медея – теперь во всех ее мирах у нее будет устраивающая ее идентичность «Отмстившая». Используя свою энергию для уничтожения неприемлемой идентичности, живое Я успокаивается. Медея уезжает в другой город, где становится врачевательницей, излечивает Геракла.

Соотношение «ненавидящий – ненавидимый» определяется по персоне, заменившей у ненавидящего идентичность на антиидентичность. Поэтому ненавидим не обязательно тот, кого ненавидящий убивает или по отношению к кому он проявляет неистовство или жестокость; ненавидим тот, кто логически перевел человека из «плюса» в «минус», из устраивающей его идентичности в антиидентичность, из мира в антимир. Для Медеи такая персона, несомненно, один лишь Ясон, а не ее дети или Креуса. Не отягощенная современными культурно-социальными нормами и ожиданиями, Медея действует на уровне когнитивного бессознательного в соответствии с логикой своей личной системы миров: лишая Ясона

детей и Креусы, она возвращает себя в мир, с которого начинала совместное с ним движение в мирах, по Льюису, в мир-антецедент. Как буквально, так и семиотически Медея аннулирует все, что с ними было. Раз Ясон завел ее в совершенно неприемлемый для нее мир, то для спасения своего живого Я она должна вернуться в логическом пространстве в исходную точку, в мир-антецедент, в котором его нет, в котором ее идентичность «Медея – не знакомая с Ясоном». Оказывается, что, хотя в естественном пространстве/времени прошлое вернуть нельзя, в логическом пространстве это осуществимо. Сущность мести - логическое аннулирование произошедшего, возврат в исходную точку логического вектора в развитии данной системы миров.

Таким образом, выясняется, что ненависть – весьма непростое явление. Она – продукт, произведенный ненавидимым. Ненавидимый ответственен за ненависть, он ее конструктор. В рамках другой теории – теории трансцендентального Эго – об этом же пишет Ж.-П. Сартр: «Ненависть представляется как существующая актуально даже в отсутствие всякого сознания ненависти. В настоящий момент я испытываю сильнейшее отвращение к Пьеру. Но можно ли назвать этот опыт отвращения ненавистью? Очевидно, нет. Впрочем, он и не показывает себя таковым. В самом деле, я ненавижу Пьера уже давно и думаю, что буду ненавидеть его всегда. Следовательно, сиюминутное сознание отвращения не может быть тем, что я называю своей ненавистью. И если бы я ограничил эту ненависть сиюминутностью, то на самом деле я даже не смог бы больше говорить о ненависти. Именно этим отказом от ангажированности на будущее я бы устранил и саму свою ненависть. Отвращение преподносит себя так, что оно так или иначе само продуцирует себя по случаю существования ненависти и за счет энергии ненависти. Ненависть являет себя сквозь него в качестве изначальной реальности, из которой оно эманурует» [Сартр 2003].

В основе анализа ненависти Сартром лежит соотношение «ненавидящий (я) – ненавидимый (Пьер)». Пьер как референт ненависти в то же время и ответственен за нее: «Я ненавижу Пьера уже давно и буду ненавидеть его всегда». Раз ненависть к Пьеру у ненавидящего навсегда, то дело именно в Пьере. Ненависть это «изначальная реальность», реальность длящаяся, поскольку она лишена

«сиюминутности». Она не контролируется ненавидящим: его отвлечение «продуцирует себя по случаю существования ненависти и за счет энергии ненависти». Теперь Сартр определяет ненависть уже как энергию, что соответствует отстаиваемой в данной работе точке зрения. Вместе с тем здесь не названа причина ненависти: то, за что ненавидящий ненавидит ненавидимого.

Причина ненависти каждый раз сугубо индивидуальна, поэтому обыденному сознанию ненависть кажется иррациональной, лишенной логики общей необходимости. Ср.: «Ненависть ничему никому не должна. Ее логика автономна. Она сама двигатель своей экспансии. Она производит и раздувает себя, творит себя работой над самой собой» [Глюксманн 2006: 51]. Но анализ показывает, что творцом ненависти является как раз ненавидимый, что именно он «производит» и «раздувает» ненависть. Другое дело, что у каждого ненавидящего свой ненавидимый и своя причина ненависти. К примеру, на месте Медеи какая-то другая женщина могла бы возненавидеть Ясона не за любовь к Креусе, а, скажем, за свойственную древним грекам любовь к юношам. Или вообще другая женщина не возненавидела бы Ясона, и они, как принято говорить в наши дни, расстались бы цивилизованно.

Итак, интерес представляет не типология причин ненависти (как уже указывалось, в конкретных терминах они могут быть какими угодно), а логика ее общей необходимости.

Это есть логика взаимодействия двух (или более) сомирников, коммуницирующих на уровне метакогниции и метадискурса. Один из сомирников посылает другому сообщение о его идентичности: «Ты – не...» (например: ты – не любим, не красив, не талантлив и т.д.; или: ты – не ученый, не начальник, не профессионал и т.д.; а иногда даже: ты – не человек). Другой сомирник, напротив, искренне считает своей опровергаемую идентичность; более того, она для него представляет наивысшую ценность во всей системе миров, поскольку является его идентичностью в том мире, в котором он обитает как живое Я, а не как каунтерпарт. По логике развития системы миров сомирник, создавший для другого подобную антиидентичность или сделавший сообщение о ней, порождает ненависть – энергию живого Я Другого, направленную на борьбу (физическую либо дискурсивную) против этой антиидентичности. Ко-

нечно, наибольшую ненависть вызывает сомирник, создавший антиидентичность, а не просто утверждающий о ней в своем дискурсе (такой как Ясон по отношению к Медее).

В размышлениях Э. Гуссерля о природе Я и мира есть идея о том, что Я «изливается в мир» – поддерживает существование своих качеств посредством настоящего непрерывного фонтанирования [Гуссерль 1999: 81, 207, 266]. Так вот, ненавидимый закрывает пробкой фонтан, из которого изливается живое Я Другого. Ненависть – это разрушающая энергия экзистенции, как биологической, так и дискурсивной, которой закрыт доступ в необходимый для нее мир. Человек, состоящий из разных своих временных стадий, планирующий свою продолженность в будущих стадиях, вдруг поставлен перед фактом, что продолжения больше не будет, что по чьей-то чужой воле присоединение новых стадий прекратилось, и эта чужая воля навязывает ему экзистенцию в угодном ей мире. Ненависть – это энергия борьбы против такой чужой воли, поэтому она вовсе не «глупая» и не «квакает, словно лягушка, возомнившая себя Юпитером-громовержцем», как о ней пишет А. Глюксманн в его уже упоминавшейся книге. Ненависть – один из объективных мирозозидающих принципов, требующий научного изучения наряду с другими такими же принципами.

В заключение хотелось бы высказать мнение об общей когнитивной значимости теории множественности миров, которая постепенно выдвигается на позицию новой научной парадигмы. Этот новый взгляд на жизнь проявляется и в практической деятельности человека – в его проникновении в множественные миры при помощи Интернета. Еще один пример – возникающий на наших глазах новый стиль в архитектуре, которая, как известно, всегда воплощает в себе основополагающие идеи своей эпохи. Британский архитектор З. Хадид, построившая в разных странах весьма необычные здания, описывает заложенные в них идеи как стремление создать новый, текучий вид пространственности, совершить «пространственный взрыв». Идея текучести подразумевает отсутствие границ между внешней и внутренней структурой здания. Вид здания, как говорит архитектор, уже больше ничем не напоминает формальный, выверенный по линейке модернизм с его тесным фрагментированным пространством. Текучесть пространства обеспечивает легкость

перемещения в нем. Пространство отрицает свою плотность, становится возникающим, убегающим, гибким, открытым, доступным (Евроныус, 1 августа 2007 г.).

Можно утверждать, что подобная архитектура отражает новую телеологию жизни – стремление современного человека сделать прозрачными границы своего мира, продвинуть в зону видимости другие миры – миры «за стеклом». Открытость других миров для восприятия позволяет определить близкие, достигаемые миры, куда человек может стремиться, и одновременно миры, которых ему следует избегать. Осознание множественности миров меняет представление о коммуникации – она становится более рациональной. Поскольку многий дискурс обращен не к человеку как самому себе, а к его каунтерпартам, можно не говорить за каунтерпартов без осознанного намерения это сделать. Человек начинает держаться за себя, говорить и отвечать за себя, не позволяя активным трансформаторам увлекать себя в миры на расстоянии от своего живого присутствия.

Несомненно, что теория множественности миров заслуживает того, чтобы быть включенной в методологический арсенал современных дискурсивных исследований.

Феномен Другого в концептуализации внутренней сферы человека

Двойственность человеческой природы (как субъекта и объекта познания) является исходным моментом в рамках проблематики исследования феномена человека как фрагмента языковой картины мира. Э. Бенвенист, размышляя о феномене субъективности в его лингвистическом выражении, утверждал, что самосознание основано на диалогическом принципе, предполагающем понятие Другого. Именно Другой объективирует Эго, превращая его из субъекта познания в его объект [Бенвенист 2002].

Философский аспект проблемы Другого акцентирует важность этого феномена в познании человеком мира и себя в этом мире, так как именно Другой является необходимым условием конституирования самосознания каждого индивида. Смысл слова «другой», как его понимает Э. Гуссерль, заключается в том, что это «Я сам, конституированный внутри своей собственной исходно-первичной сферы» [Гуссерль 2001: 98]. Важность Другого и его роли в формировании сознания состоит, по мнению М.М. Бахтина, в следующем: «У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [Бахтин 1979: 312].

Экзистенциально-феноменологическая интерпретация Другого представлена в работах Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра, М.М. Бахтина, М. Бубера. Так, Ж.-П. Сартр предлагает феноменологическое описание Другого на уровне «фактической необходимости» его присутствия в непосредственном, жизненном опыте: именно «в повседневной реальности является нам Другой» [Сартр 2004: 277]. В связи с понятием другого Ж.-П. Сартр разрабатывал феноменологию взгляда в его функции «разглядывающего зора».

В терминах диалогического отношения феномен Другого представлен в работах М.М. Бахтина [1979, 1997], М. Бубера [1993]. Исходным пунктом концепции М. Бубера служит диалогический принцип, согласно которому сущность человека предстает как поиск диалога. Мир для человека двойственен. Это определяется двойственностью его позиции, которая может быть выражена двумя

парами основных слов, произносимых человеком. Одно основное слово – это пара Я – Ты, другая пара – Я – Оно [ibid.: 162].

В герменевтической интерпретации исходят из иного опосредования между Я и Другим. О присутствии Другого узнают по знакам (речь, позы, жесты, эмблемы), которые он оставляет и расставляет в мире и которые нужно понимать, интерпретировать, придавать им смысл [Гадамер 1988].

В современных исследованиях значимость этой категории определяется тем, что категория Другого определяет «способ нашего присутствия в мире, горизонт вещей, желаний, наших тел» [Подорога 1995: 46]. Несмотря на различия в философских исследованиях относительно методологического статуса Другого, неоспоримым является признание важности этого феномена в самопознании и, в целом, в познавательной деятельности индивида.

Категория Другого является конституирующей по отношению к структуре субъективности. Важность феномена «другого» в познании человеком мира и себя в этом мире четко сформулирована Ж.-П. Сартром: «В самом деле, появление другого необходимо больше не для конституирования мира и моего эмпирического “эго”, а для самого существования моего сознания как самосознания» [Сартр 2004: 259]. По Сартру, Другой как бы объективирует Эго, превращая его из субъекта познания в объект. Благодаря появлению Другого человек в состоянии судить о себе. Это значит, что отношение данного моего Я к другому Я опосредовано его отношением ко мне как к субъекту, т.е. мое бытие как субъекта для меня самого имеет своей необходимой предпосылкой мое бытие как объекта для другого.

Логико-философские аспекты интерпретации Другого представляют значительный интерес в собственно лингвистическом плане. Проблема Другого вписывается в контекст антропоцентрического подхода к языку. Концепция Другого ввела в фокус лингвистической проблематики следующие три круга явлений: 1) семиотизацию личности – ее речевых и поведенческих проявлений; 2) самопознание через диалогизацию внутреннего мира и превращение субъекта сознания в объект познания; 3) поляризацию своего и чужого (сферы Эго и сферы Другого) [Арутюнова 1999: 648-649].

Двойственный характер представления субъекта о самом себе строится через диалектическое единство познающего и познаваемого Я, которое, по определению Х. Плеснера, «конституируется как Я, будучи в одном лице *res cogitans* и *cogitatio*» [Плеснер 2004: 61–62]. Диалогизация внутреннего мира человека утверждается в высказывании М. Бахтина: «Во всем, чем человек выражает себя вовне и, следовательно, для другого, – от тела до слова – происходит напряженное взаимодействие “я” и “другого”» [Бахтин 1997: 353]. Когнитивное расщепление сферы Я происходит вследствие того, что человек как субъект наблюдения «может путем взгляда на себя со стороны, путем процесса “отчуждения, объективации”, все больше и больше, практически бесконечно, приближаться к самому себе как к объекту наблюдения» [Степанов 1971: 39].

Одна из основных линий прагматической интерпретации высказывания, признаваемая в современной лингвистике, связана со сферой говорящего и признанием сложности ее структуры. Синкретный характер субъекта обуславливает его присутствие в высказывании одновременно в качестве субъекта речи, субъекта сознания, субъекта дейсиса, наблюдателя. Как отмечает Н.К. Рябцева, говорящий «един во всех лицах, потому что “обрабатывает”, интерпретирует актуальную для него ситуацию *одновременно* во всех релевантных, важных для него измерениях: объективном, субъективном, интенциональном, межсубъектном, социальном» [Рябцева 2005: 398].

Язык насыщен средствами рефлексии человека над собственным «я», своим внутренним миром, тем, что его составляет, и тем, как происходящее здесь и сейчас, на него влияет. Например, о речевой экспликации рефлексивного и рефлексивного Я во французской коммуникации свидетельствует «расщепление» его через семиологическое соотношение прототипического субъектного *Je* и объектного *Moi* [Серебренникова 1997]. Бинарный способ концептуализации образа человека-субъекта порождает двойственность его местоименного представления. Многоплановый характер человека концептуализируется в английском языке через местоимение *oneself*, которое вычленяет в antecedентном субъекте объективные и субъективные признаки концепта Я: физическое Я, внутренний мир Я человека, его положение в социуме, чувственную

сторону Я человека, мыслительную деятельность [Ковалева, Александрова 2000; Lakoff, Johnson 1999]. С феноменом когнитивного расщепления говорящего связаны метафоры персонификации [Баранов 1992]. Важные концептуальные оппозиции разных ипостасей «Я когнитивного» выявлены для русских частиц *мол* и *декабрь* [Баранов 1994]. Нерасторжимость форм, в которых Я противопоставляет себя себе самому, составляет собственную природу понятия Я. Единство и целостность Я обозначается понятием интегрального плана «субъектообъект» [Серебренникова 1997: 50–86].

Онтологическое «раздвоение» Я как субъекта рефлексии и объекта этой рефлексии проявляется и в высказываниях с модусом кажмости, в которых позицию подлежащего занимает местоимение первого лица, как, например: *I looked almost beautiful* (Я выглядела почти красивой); *I must have looked stupid* (Должно быть, я выглядел глупым). Выдвижение Я-говорящего в позицию, предназначенную для наблюдаемого объекта, сопряжено с определенным прагматическим эффектом. Прагматическая структура таких высказываний становится более сложной. Усложнение вызвано тем, что на синтаксическом уровне в качестве наблюдаемого объекта субъект речи выделяет во внешнем мире самого себя, хотя прототипически он не может становиться в позицию наблюдателя по отношению к самому себе. Это наводит на мысль о том, что семантика модуса кажмости с местоимением *в первом* лице сигнализирует концептуализированное языком «раздвоение» целостного Я. Такие высказывания отсылают к двум видам Эго – субъективному, ощущающему, внутреннему и объективному, наблюдающему, внешнему, хотя в референтном плане Я субъектное и его объектная ипостась тождественны.

Следует оговориться, что первичным для модуса кажмости является концептуализация внутренних состояний других людей с позиции внешнего наблюдателя, который занимает подчеркнуто внешнюю позицию по отношению к наблюдаемому объекту. Прототипически человеческий глаз не может видеть самого себя, собственной внешности, проявлений собственного внутреннего состояния, поэтому совпадение говорящего с наблюдаемым объектом порождает аномальные высказывания, ср.: ** I appeared at the window, * I loomed over the table, *Я сделал квадратные глаза, * В моих глазах отра-*

зился как бы ужас [Ljung 1980; Падучева 1985]. М. Льюнг объясняет аномальность высказывания типа *I seem to be angry* нарушением эпистемологического принципа II (ЭП II), который заключается в том, что «говорящие никогда не ошибаются относительно собственных состояний сознания (about their own minds)» [Ljung 1980: 50].

Слова со «стереоскопической» семантикой, среди которых и языковые единицы кажимости, порождают самый многочисленный класс контекстов, где проявляется противопоставленность 1-го лица остальным лицам глагольной парадигмы [Падучева 1985: 141]. Аномалия обусловлена тем, что преимущественным правом на роль внешнего наблюдателя обычно обладает говорящий, но в стереоскопических контекстах, будучи субъектом описываемого состояния/действия, он не может выполнять эту роль [Апресян 1995: 643]. Чувствительными к противопоставлению 1-го и непервого лица оказываются предикаты речевых действий с интерпретативным компонентом в семантике [Werbicka 1996, 2003]. Идея несовпадения говорящего и наблюдаемого объекта прослеживается на примере функционирования глаголов, в семантику которых входит оценочный компонент, определяемый А.В. Кравченко как «специфическая наблюдаемость» [Кравченко 1992: 62–63].

Человек познает на опыте всю природу, в том числе и собственную телесность. Ж.П. Сартр, рассуждая о сложности постижения феномена собственного тела, приходит к выводу о том, что «мы можем принять точку зрения другого на наше собственное тело, или, если хотите, наше собственное тело может для нас появиться как тело другого» [Сартр 2004: 375]. Точка зрения Ж.-П. Сартра на собственное тело как объект познания для другого, в качестве которого может выступать сам чувствующий субъект, переключается с мыслью М.М. Бахтина о постижимости тела сознанием: «Моя мысль помещает мое тело сплошь во внешний мир как предмет среди других предметов» [Бахтин 1979: 27]. Человек, как субъект рефлексии, вычленяет самого себя, собственный организм как психофизическую наблюдаемую сущность, по отношению к которой он как наблюдатель является «референтной сущностью» [Матурана 1996: 98]. Суть феномена «расщепленного эго» («split ego») М. Льюнг объясняет изменением точки зрения: «говорящий видит себя не с обычной эпистемологической точки зрения, а как другой чело-

век» [Ljung 1980: 52], рефлексирующий над самим собой, своими ментальными состояниями, оценивающий себя со стороны. Другой в таких случаях представлен в деперсонифицированной форме, «скорее как возможность, нежели реальность» [Подорога 1995: 43].

В процессе коммуникации люди, так или иначе, оценивают друг друга. Осознание себя возможно только в противопоставлении кому-то, «кто в моем обращении предстает как *ты*» [Бенвенист 1974: 294]. Так конституируется сфера адресата, внешнее лицо, ты – Другого, которое становится своеобразным alter ego, способным в процессе коммуникации говорить *Ты*, обращаясь к субъекту *Я*. Принцип взаимобратимости «я-ты» «предполагает такой обратимый процесс, «когда *я* становлюсь *ты* в речи кого-то, кто, в свою очередь, обозначает себя как *я*» [ibid.: 294]. Способность глаголов *seem, look, appear, sound* принимать в качестве актанта местоимение первого лица в канонической речевой ситуации сигнализирует о введении оценки адресата – *Ты*, так называемого «Зеркального Я». Это значит, что говорящий начинает оценивать себя с позиции своего собеседника. Это такой способ подачи мысли, в котором само сообщение оценивается уже не с точки зрения непосредственного *Я*, а через призму *Ты* собеседника. Говорящий оценивает себя с позиции собеседника, *Я*-субъект способен видеть в себе объект, различать в себе *Ты*. Высказывания с модусом кажимости отражают определенную тактику речевого поведения, в соответствии с которой говорящий представляет себя в сознании других с заниженной самооценкой, ср.: *I suppose I look a terrible mess. – You are looking jolly fine today* (Priestly). Заведомо заниженная самооценка сопоставима со стратегией «самоуничижения» [Шаховский, Жура 2002: 42]. В ситуации речевого взаимодействия негативная оценка говорящим себя и своих действий с позиции Другого (*кажусь говорящим глупости, выгляжу ужасно, кажусь ничего для тебя не значащей*) определяется как диалогический вызов собеседнику. Иллокутивная цель подобных речевых актов направлена на получение «эмоциональной отдачи от адресата». Говорящий апеллирует к модусу собеседника, ответная реплика которого носит лестный, комплиментарный характер.

В нарративном режиме область когнитивного расщепления *Я* проявляется в повествовании от первого лица, где функциональ-

ным аналогом говорящего является персонаж. Знание от первого лица предполагает непосредственный доступ к эмоциональным и ментальным состояниям. Но как в первом лице представить собственную внешность, личностные качества, как оценить собственные поступки? Ведь, говорящий в момент речи не может смотреть на себя со стороны, не может видеть собственное выражение лица, мимику, жесты и интерпретировать их как проявление внутренних состояний. Местоимение первого лица с глаголами кажимости задает способ оценки себя таким, каким (как он полагает), его воспринимает некоторое другое лицо, ср.: *I must have looked stupid, looking angry because of the gag* (Fowles); *I realized that my purposefulness must be showing on my face* (Francis). Человек может только предполагать, как он выглядит в глазах окружающих, вследствие чего описание собственной внешности, личностных характеристик – это всегда передача чьего-то мнения о себе. Выглядеть глупым, смешным, сердитым можно только в чьих-то глазах, но не в своих собственных. В субъективном мире человека существует противоречие, которое заключается в том, что его подлинное Я, скрытое от глаз окружающих, и его видимое Я не согласуются друг с другом, при этом возникает эффект присутствия потенциального наблюдателя, несовпадающего с говорящим, как, например: *Physically I seemed to be all right, mentally I was shaken and it must have shown up in my eyes* (Francis) (букв. Внешне я был в порядке, но внутри я был в смятении и это, должно быть, проявилось в моих глазах). В описываемой ситуации незримо присутствует кто-то, кто мог бы видеть внешние проявления и концептуализировать их как потрясение, смятение.

Модус кажимости вербализует возможность, говоря словами М.М. Бахтина, «почувствовать себя извне, перевести себя с языка внутреннего ощущения на язык внешней выраженности» [Бахтин 1979: 28], и это видение себя происходит «сквозь призму оценивающей души возможного другого человека» [ibid.: 28]. Мысль о переживании своей наружности в категории «Я – для – другого» проходит во многих работах ученого, и везде он подчеркивает, что в событие самосозерцания «вмешан второй участник, фиктивный другой» [Бахтин 1979; 1997].

Восприятие собственной внешности глазами Другого находит эксплицитное языковое подтверждение при описании отражения

себя в зеркале, ср.: *When I stopped in front of the mirror over the sofa, I looked almost beautiful* (Smith); *I looked at myself moodily. I looked disreputable and a menace to society* (Francis). Персонаж как бы смотрит сам на себя со стороны, оценивает себя «извне», глазами стороннего наблюдателя. Эти примеры могут служить иллюстрацией к рассуждению М.М. Бахтина о сложности феномена смотрения на себя в зеркало. Сложность этого явления при кажущейся его простоте заключается в том, что это есть «встреча и взаимодействие чужих и своих глаз, пересечение кругозоров (своего и чужого), пересечение двух сознаний» [Бахтин 1997: 346]. Иными словами, в бытии есть не только объект, но и другой субъект – «зеркало», которое отражает и то, что я воспринял, и меня самого. Как семиотический феномен характеризует зеркало Умберто Эко. Магия зеркала, по его мнению, заключается в том, что «оно позволяет лучше увидеть мир и нас такими, какими видят нас другие» [Есо 1984: 208]. Момент узнавания себя в зеркале служит в то же время и способом отчуждения: Я-субъект оценивает свою наружность чужими глазами, поскольку, как отмечает У. Эко, «в зеркале отражается не сам человек, не его индивидуум, а наблюдатель» [Ibid.: 207].

Взгляд на самого себя со стороны вербализуют номинации – *reflection, face, woman, man*. Выбор таких номинативных единиц указывает на отстраненность от самого себя, онтологическое раздвоение «я» как субъекта рефлексии и объекта этой рефлексии, ср.: *The face confronting me in the mirror looked rebellious. There were circles under my eyes from the top and my hair looked awful* (Smith).

Бинарность в представлении Я как субъекта и объекта проявляется в когнитивной ситуации стыда. Стыд в своей первичной структуре есть стыд *перед кем-то*. В понимании Ж.-П. Сартра, стыд «по природе оказывается признанием. Я признаю, что я являюсь таким, каким другой меня видит. Стыд есть мой стыд перед другим, эти две структуры неразделимы [Сартр 2004: 247]. Так, если человек сделал неловкий или вульгарный жест, он сам этот жест не судит, не порицает, а переживает в форме «для себя». Человек не может осознать вульгарности своих жестов и действий, если их никто не видит. Осознание вульгарности мотивировано присутствием Другого, того, кто видит этот жест и интерпретирует его как вульгарный. Вульгарными не бывают в полном одиночестве. Другой,

таким образом, не только свидетель, но и судья. Категория Другого предполагает в самом своем значении отсылку по другую сторону мира к субъекту, ибо только посредством «появления другого я даю возможность выносить суждение обо мне как об объекте, так как я являюсь другому именно как объект» [Сартр 2004: 298].

Модус кажимости с первым лицом эксплицирует дистанцирование от себя самого, оценку внутренних состояний, личностных качеств как бы со стороны. Эта языковая форма используется, подобно французскому аналогу *paraître*, как «прием описания говорящим (или его функциональным аналогом) самого себя через восприятие другого лица» [Иоанесян 2000]. Рефлексия субъекта в этом себя направлена на осознание самого себя как неотъемлемую часть познаваемого мира.

Оценку себя в «зеркале чужого сознания» человек может узнать по невербальной семиотике – выражению глаз, мимическим проявлениям окружающих его людей. В этом плане важной оказывается феноменология взгляда, разработанная Ж.-П. Сартром. Социальный характер сознания личности Сартр раскрывает через детальное исследование социально-психологического феномена «взгляда». По Сартру, именно взгляд открывает нам существование Другого. По мнению французского философа и публициста, быть увиденным другим значит «уметь разъяснить смысл взгляда другого» [Сартр 2004: 280]. Говорящий, оказываясь в сфере действия «разглядывающего взора», становится объектом под взглядом Другого, он «вглядывается» в Другого как в свое зеркало и «прочитывает» в нем впечатление о себе – «каким я кажусь другому», ср.: *She was staring at me. It was like we were complete strangers. I must have looked funny* (Fowles); *He detected pity in the looks they cast him. I must appear desperate to them, he thought* (Brown). По визуальному поведению собеседников говорящий догадывается, каким он предстает в их глазах. Взгляд является посредником, «который отсылает меня ко мне же» [Сартр 2004: 282]. В самом деле, если на меня смотрят, я имею сознание того, что я являюсь объектом, постигаю себя в качестве рассматриваемого бытия.

Концептуализация представления о двойственности Я находит языковую манифестацию в высказываниях с ретроспективной оценкой собственных поступков, событий, участником которых го-

ворящий являлся. В контекстах с ретроспективной точкой зрения говорящий как бы «раслаивается» на два временных среза, что позволяет ему сослаться на себя в прошлом как на другое лицо. В Я-структурах с модусом кажимости совершенная форма инфинитива указывает на отдаленность события во времени, а местоимение первого лица – на отношение к нему говорящего в актуальном речевом акте, ср.: *When I replayed the scene in my mind later on, I realized we must have looked like guys on the verge of a first fight* (King).

Еще одним следствием синкретности сферы субъекта является диалогизация внутренней сферы человека, раздвоение на Я чувствующее и Я мыслящее. Личный субъект перцептивного глагола синкретичен. В нем совмещены две роли – роль субъекта опыта, восприятия и роль субъекта ментального действия. Соответственно, предложения, описывающие восприятие, имеют в своем составе две пропозиции: перцептивную и эпистемическую, которая может быть опровергнута по причине своей ошибочности [Арутюнова 1999: 422]. Значение неуверенности в достоверности чувственных впечатлений обнаруживает тенденцию к вербализации на синтаксическом уровне сочетанием глагола *think* и перцептивных глаголов *see, hear*, например, ср.: *I thought I heard something. Imagination. The nights make me all nervy* (Greene). Субъект восприятия и субъект ментального действия занимают отдельные синтаксические позиции, хотя имеют референцию к одному и тому же лицу. Таким образом, в пределах одного высказывания выражается восприятие и неуверенность в достоверности воспринимаемого, эксплицируется, тем самым, рассогласование внутренних «голосов» чувства и разума: человек находится как бы сразу в двух мирах – реальном и кажущемся. Расхождение в оценке реальности/ ирреальности связано с одновременной соотнесенностью с разными точками отсчета: одна коррелирует с субъектом воспринимающим, а другая – с говорящим. В таких случаях, по замечанию И.Б. Шатуновского, пропозиция, которую имеет в уме индивид, «по-разному оценивается чувствами и разумом: чувства говорят, что Р есть, а разум – что Р нет. При этом роль “верховного” судьи выполняет, разумеется, разум» [Шатуновский 1996: 270]. Несоответствие преддицируемого признака реальному миру эксплицируется языковыми единицами с отрицательным истинностным значением – *illusion, imagination, vision*.

Обратимость рефлексии (т.е. то, что ее объектом может быть сам субъект рефлексии) обуславливает возможность включения предикатов внутренних состояний в интенциональный контекст. В контексте ментального модуса явно проявляется «раздвоенное» представление человека о самом себе. Рефлексия говорящего над самим собой, своими ментальными состояниями, оценивающий взгляд на себя со стороны вербализуется при помощи средств эпистемической модальности. Слова этого типа появляются в высказывании именно в том случае, когда повествователь описывает то, чего он не может знать наверняка, – внутреннее состояние (мысли, чувства, мотивы, намерения). В аспекте рассматриваемой проблематики названное явление понимается как переход на точку зрения стороннего наблюдателя, т.е. «использование позиции принципиально внешней по отношению к описываемому явлению» [Успенский 1995: 198]. Модальные глаголы и модальные слова с эпистемическим значением оценки достоверности сообщения *must, perhaps, obviously* вводят в описание интерпретацию со стороны собеседника, т.е. «смещенную эмпатию» [Булыгина, Шмелев 1997: 280], позволяя мыслить в качестве субъекта восприятия/ оценки кого-то, отличного от объекта восприятия. Высказывания типа *Я, должно быть, выглядел глупым* предполагают оценку себя, своих личностных качеств со стороны, в отношении «Я для Другого». Эти единицы выступают в роли «загородок», модальных операторов, шифтеров, сигнализируя когнитивное «расщепление» сферы говорящего.

Анализ синтаксических конструкций с модусом кажимости /видимости с местоимением в первом лице показал, что такие высказывания функционируют в определенных прагматических условиях, маркируя когнитивное «расщепление» субъекта на Я-познающее и Я-познаваемое.

Ценностные смыслы в семантическом пространстве причинности

«Вечные» ценности, как уже говорилось в предыдущих главах настоящей монографии, – фундаментальная проблема в парадигме общенаучного знания и в современной лингвистической науке. Они – основание и «оплот» семиосферы любой этнической культуры и языка. Несмотря на универсальную онтологическую сущность, выявление и системное описание средств их номинации, выделение специфического и типологического в способах вербализации в языках различных культур, когнитивно-дискурсивной объективации в зависимости от характера мировосприятия по-прежнему остается актуальной и перспективной задачей. Ее решение в ракурсе языковой онтологии увязывается с логико-философскими и психолингвистическими вопросами восприятия и понимания мира человека и мира природы гносеологическим Я-субъектом.

Для нас представляется важным рассмотреть вопрос возможной актуализации некоторых базовых ценностных смыслов-концептов в семантическом пространстве причинности (каузальности) – одного из центральных в концептуальном пространстве языка, и тем самым обозначить проблему взаимодействия семантически многомерных категорий: ценности и причинности. По своей природе они онтологичны, эгоцентричны и этносоциопрагматичны; являются категориями эвристическими, т.е. основаны на оценочной деятельности говорящего субъекта, его общих знаниях о мире человека и мире природы.

Считаем необходимым сделать несколько общих предварительных замечаний теоретико-методологического характера. В специальной литературе отмечается, что изучение семантического и парадигматического аспектов в языке должно быть дополнено описанием взаимосвязи грамматических категорий [Бульгина, Шмелев 1997]. Этот объективный постулат с полным основанием релевантен и для базовых категорий укрупненного статуса ценности и причинности. Отметим, что первая из них формируется множеством ценностных смыслов-концептов [Ильин 2005; Этносемиометрия 2008], порождающих непрерывное семантическое пространство в

пространстве языка. Вторая организуется вокруг исходных концептов Причина / Следствие. Совокупность их семиотических сфер создает в языке непрерывное семантическое пространство каузальности. Выделение данного континуума в пространстве языка корреспондирует с идеей процесса концептуализации и категоризации, основой которого является, как известно, наивная классификация объективного мира: объект, явление, действие, *отношение* подводится под определенный статус – *категирию* [Rosch 1978; Добровольский 1996; Болдырев 2001].

В лингвистике в настоящее время данная концепция выходит на более широкий научный контекст – систематизация в пространстве языка концептуально объемных пространств. Эта научная проблема, по мысли Е.С. Кубряковой, на современном витке развития лингвистической мысли является новой, относящейся к «категоризации человеческого опыта» и касающейся при этом одной из фундаментальных областей в познании мира – *категоризации пространства* [Кубрякова 2004: 459]. Этот более высокий уровень процесса категоризации позволяет, как нам представляется, объективно объяснить психологически сложный акт смыслообразования и речепорождения в концептуальном пространстве языка в целом, раскрыть взаимодействие в нем базовых семантически непрерывных пространств, проанализировать язык каждого из них в новой акцентуации и в контексте их аксиосферы. Если на первом этапе процесса концептуализации и категоризации основная задача сводима к выделению концептов и одноименных категорий укрупненного статуса, организуемых вокруг первых, то на последующем – намечается новая тенденция и новая проблема: пространство языка, семантически сопряженные пространства в его континууме, их категоризация, языковая онтология и аксиосфера.

В мире человека и природы каузальные связи между объектами (в широком смысле этого слова) – реальное и необходимое звено [Арутюнова 2003]. В сознании человека, представителя различных этносоциокультурных общностей, фиксируются различные отношения объективной реальности, но, прежде всего, причинно-следственные: жизненные процессы, и все, что сопряжено с человеком и *rerum natura*, включая мир ценностей, причинно детерминированно *causa sui* (каузальной зависимостью). Поэтому причинность в бытии индивида, в той или иной лингвокультуре – важ-

нейшее понятие. В первом мире референции каузальная связь есть НЕЧТО, что осмысливается в сознании Homo Sapiens и рефлексивируется, семиотизируется в языке посредством базовых концептов – Причина/Следствие. Осознать – значит отражать реальность через объективированные в слове общественно-выработанные знания, в том числе, и это важно подчеркнуть, причинного, посредством которого человек познает, воспринимает окружающий его мир.

Вечность, динамичность и множественность бытия порождают бесчисленное количество альтернативных причин всего происходящего в нем, которые, как и все в мире, подвергаются оценке. Причинное знание о развитии мира, того или иного этнокультурного социума, новый взгляд на его природные и социальные характеристики, реальную деятельность людей и их культуру во взаимосвязи с аксиологическим знанием, специфика которого в практической экспликации объективных и субъективных «дел» в мире, и есть основа постижения причинной и оценочной истины. Их познание гносеологическим Я-субъектом возможно только посредством языка как средства доступа к сознанию, мышлению, через раскрытие сущности процессов креативной деятельности познающего человека. Ценности, воспринимаемые как объективно / субъективный образ или представление, измеряются, градируются в аксиологических (деонтических) суждениях-высказываниях говорящего субъекта, которые отражают его взгляды, интенции: рациональное и ценностное отношение к Миру / Вселенной.

Человек – центр мироздания, и ему свойственно оценивать окружающий его мир и самого себя. Следовательно, в основе факта оценивания лежит принцип антропометричности, т.е. соизмерение любых сущностей, и, в первую очередь, ценностей, в соответствии с различными типами знания: феноменологического и причинного. Процесс градации ценностей говорящим субъектом есть совокупность его последовательных действий для их оценочной концептуализации в виде общих и частных оценок представлена в главе I данной монографии. Человека оценивающего можно обнаружить в причинном, аксиологическом и любом другом пространстве.

Вышеизложенное позволяет рассматривать объективно-существующую каузальную связь как *ценностное отношение*, входящее в лингвофилософскую парадигму «ценность» и как одно из узловых для аксиологического анализа понятий, к которым относят:

ценность, ценностный смысл, ценностная ориентация, процесс оценивания и его субъект, собственно оценку [Арутюнова 1988; Ильин 2005; Ивин 2006; Этносемиотика 2008]. В контексте наших рассуждений объектом оценки являются концепты Причина / Следствие, номинируемые в языковом сознании словесными знаками «причина»/«следствие», рефлексирующими «ценностные каузальные отношения», и ценностные смыслы-концепты, функционирующие в данном статусе в каузальных дискурсах говорящего субъекта – непосредственно составляющих концептуального пространства причинности.

В семиосфере культуры ЧЕЛОВЕК – обязательный элемент семиотического континуума, все элементы которого подвижны, динамичны, постоянно меняющие формулы отношения друг к другу [Лотман 2004: 250–253]. Его сознание продуцирует и преобразует множество смыслов, фиксаторами которых является *словесный знак*. Именно он обеспечивает существование языка и культуры в их объективном онтологическом взаимосвязанном единстве [Балли 1955].

По Ф. де Соссюру фундаментальным свойством языкового знака является то, что «в нем ничто не может существовать в одном члене... Части знаков не обладают ценностью сами по себе». По его тонкому замечанию, ценность раскрывается при потенциальной композициональности знака с другими знаками: происходит процесс порождения актуального смысла, создания «ассоциативных координат», которые вычленимы посредством составляющих синтагматического сочетания [Соссюр 2004]. Сформулированный Соссюром постулат и обозначенные некоторые замечания общего характера теоретически и дидактически значимы в рассмотрении поставленного нами вопроса. На их исходных положениях строятся наши рассуждения о ценностных смыслах-концептах и их актуализации в семантическом пространстве причинности.

Номинации «причина»/«следствие» – имена одноименных концептов, подобно другим языковым знакам с высокой степенью абстрактности [Чернейко 1977], не являются «пустыми», «безликими» сущностями. В них заключена валентностная направленность на «объект» в широком смысле этого слова, на личностные «образы», позволяющие воспринимать и осознавать конкретные и сложные реалии, постижение которых происходит на рациональном, иррациональном и ассоциативном уровнях. Именно ОН (объект,

образ) демонстрирует приращение новых смыслов, в том числе и оценочного. Семантический потенциал знаков «причина»/«следствие», их «смысловое поле» определяется общими правилами семантической композициональности, варьируемой в зависимости от интенционального горизонта говорящего субъекта, условий и целей речевого общения. Номинативный акт, осуществляемый в процессе их синтагматического соединения с другими языковыми знаками есть акт семиозиса – акт формирования в языке знака большей протяженности, чем отдельное слово, и, следовательно, акт обозначения нового смысла:

Мал грех да велика причина. Мала причина да велик грех. Грехи любезны доводят до бездны [ПРН 1984: 347].

В этих пословичных высказываниях оценочный смысл, рождаемый в акте семиозиса, наслаивается на причинный и взаимодействует с ним. Смысловая валентность абстрактного имени – знака «причина» обеспечивается его прагматическим модусом, выводит на поверхность индивидуальное и коллективное представление об «образе» греха и причины, реальное содержание которых в актуализируемых знаках-пропозициях имплицитно, но оно эксплицируется в данной неявной форме жизненным опытом человека. Оценочные предикаты «мал(а)», «велик(а)», «любезны» объективируют ономаσιологический базис с категориальным значением признака – базового значения полных и кратких прилагательных и номинируют оценочный смысл причины/следствия.

Приведенные пословичные суждения демонстрируют, что во «внутренней форме» словесного знака «причина» уже потенциально заложены все перспективы его дальнейшей актуализации в лексико-семантической системе языка и речи.

Оценка причины / следствия формируется не по шкале «хорошо – плохо», а с учетом ее аксиологической таксономии, определенных прагматических условий, стимулируется ситуацией альтернативы: *убедительная / неубедительная; известная / неизвестная; определенная / неопределенная; истинная, подлинная / вымышленная, ложная; обоснованная / необоснованная, уважительная / неуважительная, существенная / несущественная; простая, личная, странная, очевидная; причины ясные/неясные, разные / одинаковые.*

Приведем в качестве иллюстрации следующие каузальные фрагменты с реализацией в них оценочных характеристик причины:

*В определенном смысле у греков (как и их средневековых учеников) не было аксиологии. Ее не было совершенно также, как и не было «эстетики», и при том по тем же **существенным причинам** (научный дискурс).*

*Многие цели достигнуты, некоторые ценности по **разным причинам** исчерпаны (публицистический дискурс).*

*Я вам этого не говорю по той **простой причине**, что мне Ваше здоровье безразлично (разговорный повседневный дискурс).*

*The music of the young Siegfried, listening to the songs of the birds, had always for some **strange reason** (странная причина) irritated him instead of filling him with melodic satisfaction [Christie 1972: 45–46].*

Интенция говорящего субъекта относительно оценки причины может быть эвристической, реализующей его познавательную потребность в ее толковании: с какой целью и почему необходимо причинное знание об объекте, о котором идет речь - она (интенция) ориентирована на обнаружение, познание новой или новых причин, ранее неизвестных:

*Этих **причин** оказалось недостаточно. Необходимо было выявить **другие, неизвестные** нам причины, объясняющие это чудовищное злодеяние (публицистический дискурс).*

Языковые знаки *эти причины и другие, неизвестные причины* с оценкой-дескриптором демонстрируют ситуацию альтернативы: известная/неизвестная причина, эта/другие причины.

Дескриптивная оценка причины/следствия может быть фактуальной. Приведем пример из афористического дискурса Эриха Марии Ремарка с переводом на русский язык:

*Ein ordentlicher Mensch ist immer melancholisch, wenn es Abend wird. Nicht aus **irgendeinem Grunde**. Einfach nur so ganz allgemein...*

*Порядочный человек всегда становится меланхоличным, когда наступает вечер. **Других особых причин** не требуется. Просто так... вообще... [АЭМР 2000: 23].*

Дескриптивная оценка причины/следствия измеряется человеком как квантитативная, номинируемая знаками: *все, много, ряд, сотни* и т.д.:

*У кого много причин, тот много врет. У него все причины на перече-
те. У него все причины в одной горсти [ПРН 1984: 344].*

Сотни причин для раздражения [БТСРЯ 2004: 993].

Оценка, как известно, сложный психологический процесс с элементами субъективизма. Причины сравниваются, градуируются, интенсифицируются: *более веская причина, чем другие; особо значимые причины.*

Причины в парадигматической последовательности (*первая, вторая, другая, множество причин* и т.д.) характеризуются их ценностью. Смысл *одна причина*, но очень важная / релевантная; смысл *несколько причин* может имплицировать отсутствие ценности, или же они все незначительны, в меньшей степени ценны. *Одна с градацией очень важная / веская, существенная причина* вызывает проблемы, и поэтому данный смысл имеет социальную оценочную значимость.

Количественная оценка причины может рассматриваться как альтернатива «минимум – максимум»: *одна (причина) – много причин.*

Причина всех причин [БТСРЯ, 2004].

Всех причин не перечесть [ПРН 1984: 344].

Оценка по параметру «исчисляемость / неисчисляемость» причин свидетельствует о том, что они психологически связаны с Порядком и Хаосом. Функционально или социально упорядоченные причины рациональны, контролируемы: *первая – основная, другие – второстепенные.* Или же одна из всех названных в парадигматической последовательности оценивается говорящим субъектом как наиболее веская:

Причина всех причин имплицитно Порядок.

Квантитативная оценка причины может «измеряться» под психологическим воздействием человека: *бесконечные, постоянные, одни и те же причины.* Оценочное восприятие причины субъектом возможно не только через количественное исчисление, но и переживание:

Серьезная причина для волнений (состояние человека).

Коммуникация онтологически полифункциональна: в контексте каузального дискурса, как и в любом другом, есть перспектива реализации нескольких причинных оценочных интенций говорящего. Различие между культурами в общем и целом носит случайный характер, оно обусловлено комплексом причин, которые

могут быть сгруппированы в три класса: исторические, географические и психологические [Карасик 2002].

В причинном дискурсе доминирует эвристическая оценочная интенция, поскольку вся жизненно-практическая деятельность человека начинается прежде всего с познания – начала всех других начал.

Рефлексия объективной реальности через призму сознания и мыслительной деятельности человека происходит, как правило, в понятийной и образной формах. Отражение объективированной каузальной связи у всех народов осуществляется на речемыслительном уровне в понятийной форме и включено в причинный мыслительный процесс. А так как *причинность* тесно связана с психическим состоянием человека, его эмоциями (они могут быть причиной его действий и поступков), то *ее* отражательная сущность включена и в психический процесс. Оценочное восприятие причины может зависеть от различной индивидуально-психологической характеристики человека, опосредовано его «личностной пристрастностью» [Малинович 1996]. Индивидуальная, субъективная оценка говорящего, маргинальная между реальными и возможным положением «причинных дел», вводится, как правило, модально-вводными словесными знаками: *кажется, как будто, возможно, может / не может быть* и другими, пропозициями-знаками типа: *Думаю, что... / Не думаю, что..., Не думаю, что эта причина веская главная/второстепенная* и т.д.

Актуальное содержание концептов Причина / Следствие раскрывается в речевых актах говорящего с причинной интенцией через классы (типы) других концептов, имеющих ценностную ориентацию: духовно- и морально нравственные, эстетические, эмоциональные, экзистенциальные и многие другие. Они, как ценностные смыслы, своего рода поведенческие предметы (ориентиры), возникают на основе жизненного опыта человека [Карасик 2002] во всех сферах его бытия, обладают высоким аксиологическим статусом.

Семиотическая сущность ценностных смыслов-концептов, функционирующих в семантическом пространстве причинности либо как причина, либо как следствие, представлена языковыми знаками – именами существительными, концептуальное содержание которых в языковом сознании – в системе языка (виртуальность)

и речи (относительная и абсолютная актуализация) – соотносится как идеальное (потенциальное) и реальное, т.е. как две альтернативы к действительному миру.

В иерархии ценностей высшей из них является Земля / Вселенная, «сама жизнь» (В. Дильтей) – открытая самоорганизующаяся система с целевой предназначенностью, средствами ее достижения и конечными результатами. В христианском языковом сознании она выше живущих [Постовалова 2004]. В самом бытии / жизни главная ценность – Человек с его свойствами, отношением к Другому, собственным поведением, мотивационной базой убеждений, традиций в общении. Ценностная «вершинная» триада Земля / Вселенная – Жизнь – Человек есть единое онтологическое целое. Их единство демонстрируют персональные поэтические дискурсы русских поэтов:

Нет в мире ничего прекрасней бытия / ... Повсюду жизнь и я (Заболоцкий) [ММ 2007: 263].

Как прекрасна земля / и на ней человек (Есенин) [БМЕ 1991: 629].

Жизнь как человеческое бытие и «вечная» ценность создается человеком, потому что ему нужен мир, в котором он живет, самоутверждается, действует, преодолевает трудности, постигает сущность явлений бытия, кует свое счастье, судьбу, которая во власти его воли. Она – причина его активной созидательной жизненной парадигмы и оценивается им же как СЧАСТЬЕ, номинируемое, например, в языковом сознании немецкоязычной культуры пропозицией *...wir haben das Glück, in einer großen Zeit zu leben*, и сочетанием «счастье жить» в переводе на русскоязычное восприятие.

Воспроизведем немецкоязычный речевой акт полностью и его русский перевод:

...wir haben das Glück, in einer großen Zeit zu leben, da müssen wir alle uns zusammenreißen und das Bittere überwinden.

...Нам выпало счастье жить в великую эпоху, поэтому мы должны напрячь все силы, чтобы преодолеть все, если даже придется несладко [АЭМР 2000: 11].

Долг, требующий исполнения:

Повседневность, превращая «норму» в персональную значимую «задачу», делает из жизни жизнь. Потому что жизнь – не подарок, которым

надо наслаждаться. Жизнь – ... *долг, требующий исполнения*» (Шопенгауэр).

Нечто Великое:

Leben ist etwas zu Großes (Remarque).

Жизнь – это нечто Великое [АЭМР 2000: 82].

Ценностный смысл ЖИЗНЬ наделен признаком фазисной дискретности – временного порядка, что номинируется в каузальном дискурсе оценочными предикатами *короткий, долгий, вечный*:

Искусство вечно потому, что жизнь человеческая коротка [ММ 2007: 97].

Das Leben ist kurz <...> und voller Zufälle und Gefahren. Heute muß man zusammenstehen. Жизнь коротка. Она полна всяких случайностей. В наши дни надо держаться друг друга [АЭМР 2000: 19].

ЖИЗНЬ и ВРЕМЯ оцениваются человеком как *самое дорогое*, что у него есть:

Самое дорогое, что есть у человека, – это жизнь. Но если всмотреться в эту самую жизнь поподробнее, то можно сказать, что самое дорогое это Время, потому что жизнь состоит из времени, складывается из часов и минут (Гранин) [ВМВЛ 2002: 856].

Человек есть не только субъект познания окружающего его мира и Другого. Он одновременно и объект жизненного мира (нем. *Lebenswelt*) среди других его объектов, предмет гносеологии и онтологии. Как главная ценность в бытии / жизни человек отразил в языке свой внутренний мир [Антропологическая лингвистика 2003; Внутренний мир человека 2007] и мир Другого, свои эмоции, интеллектуальные способности, свои действия, личностное отношение к предметному и непредметному миру, к природе, свое отношение к Другому / Другим [Арутюнова 1999].

В тексте / дискурсе он осмысливается, семиотизируется, объективируется другим Эго и становится Homo Significans – важнейшей ценностью для оценивающего субъекта, наделяющего его объективно / субъективными квалификациями. Осуществляется процесс аксиологической категоризации человека – объекта познания. Оценка его внутреннего мира реализуется в каузальных суждениях одновременно с причинным модусом.

В специальной литературе человек рассматривается как взаимодействие таких его значимых ипостасей, как Я-телесное, Я-образ, Я-индивид, исходящий из самого себя, Я-инициатор действия и его

конечная причина – *causa sui* [Вригт 2001; Ильин 2005]: *Счастье мое не в тебе, а во мне.*

В этом каузальном дискурсе объективная причина с «лично-пристрастностью» говорящего номинируется знаком-пропозицией «Я-сам» – источник (причина) счастья.

Полученное знание о человеке во взаимодействии всех перечисленных ипостасей рефлексивируется в языковом сознании словесными знаками оценочной семантики. В.И. Даль, например, описывает человека как Я-образ посредством различных оценочных предикатов – существительных в сочетании с прилагательными, оценочными конструкциями:

...человек – высшее из земных созданий, одаренных разумом, свободой, волей, существо, достойное этого имени. Он – чувственный, ответственный» [Даль 2005: 588].

В словаре находим следующие оценочные характеристики: он – *деловой, родной, свой, сердечный, добрый, сумасшедший* [БТСРЯ 2004: 1470].

На основе проанализированной языковой фактологии, актуализируемой в семантическом пространстве причинности, дополним оценочный модус ценностного смысла-концепта Человек: *трогательный, волевой, благородный, независимый, смелый, современный, с желаниями и стремлениями, вкусами и пристрастиями, чувством ощущения собственного и этнического Я (Homo Ethniscus), свободный **творить** на благо отчизны, гостеприимный, добрый, смирный, зрелый, любящий, нежный* и множество других оценок со знаком плюс и минус. От его широкой души, широкого внутреннего мира – устремленности, желания помочь в трудных ситуациях жизни Другому / Другим зависят во многом и ценностные ориентиры окружающей его среды.

Приведенные здесь далеко не все оценки человека демонстрируют его высокий аксиологический статус. Данный концепт, подобно множеству других [Степанов 2001], принадлежит сознанию. Он не только «мыслится», но и «переживается»: современные ассоциации, оценки «делают его фактом» мира ценностей. В семиосфере причинности, в конкретном каузальном дискурсе ценностные свойства человека, его описательно-квалификационные параметры функционируют как причина. Из множества проанализированных нами деонтических каузальных высказываний в качестве иллюстра-

тивных приведем следующие с реализацией в них оценочного и причинного модусов:

Отчизна, народ, человек нетленны, самодостаточны, достойны любви за то, что они есть, а не в силу (не потому – М.В.) *причастности к передовому* [Ильин 2005: 53].

Доброму добрая память [ПРН 1984: 237].

Семантическая интерпретация на глубинном уровне: о человеке остается добрая память благодаря (в причинном значении – М.В.) его свойству – доброте, вербализуемому в поверхностной структуре каузального дискурса оценочным предикатом *добрый*.

Человек, подобно ценностному смыслу Жизнь, оценивается познающим и говорящим субъектом по описательно-временным параметрам:

Моя была бы воля, я бы только детей и признавал за людей. Как человек перешагнул за детский возраст, так ему камень на шею да в воду. Потому взрослый человек почти – мерзавец (Аверченко) [ММ 2007: 8].

Дескриптивная оценка человека в причинном дискурсе может быть и отрицательной, как в данном дискурсе (*мерзавец*), и в следующих, например:

Легкомысленный человек, не знающий истины, изъясняется абстрактно, высокомерно и неточно (Брехт) [ММ 2007: 103].

Человек изъясняется абстрактно, потому что он – «*легкомысленный человек, не знающий истины*» (семантическая интерпретация на глубинном уровне):

...люди неразумны. Потому / Законы жизни вписаны не в книгах, / А выкованы в дулах, клинках, / В орудиях истребления и машинах (Волошин) [ВМВЛ 2002: 827].

В одном ряду с Человеком его духовный мир – одна из величайших ценностей: любовь, душа, сердце, радость, интеллект и др. В семантическом пространстве причинности, в конкретных каузальных фрагментах дискурса различного типа эти «вечные» ценности функционируют либо как причина, либо как следствие во взаимосвязи с оценочной характеристикой:

Великая любовь неразлучна с глубоким умом; широта ума равняется глубине сердца. Оттого крайних вершин гуманности достигают великие сердца; они же – великие умы (Гончаров) [ВМВЛ 2002: 852].

От радости и старики со старухами помолодели [ПРН 1984: 264].

Причина морально-духовного состояния человека в любом возрасте – радость.

В философской концепции существует мнение, что следовало бы различать ценности и антиценности, или противощенности [Кроче 2000: 92] в таких бинарных оппозициях, как: милосердие / жестокость; любовь / ненависть; доброе / злое и др. В семантически сопряженных категориях, подобно этим, второй член с отрицательной коннотацией не существует сам по себе, а всегда с какой-либо другой ассоциацией: ненависть, ярость, гнев.

В мышлении человека антиценности, существующие в реальном мире, «переживаются» им и становятся для него и социума в целом социально релевантными; объективируют в языковом сознании жизненную нравственную значимость. Иллюстративным примером может быть патриотический причинный дискурс: *Пусть ярость благородная / Вскипает как волна / Идет война народная / Священная война.*

Тяжелое событие для судьбы отечества, в жизни любой нации «война» – причина «благородной ярости» ненависти к врагу. В ситуациях, подобно этой, она становится чувственным воплощением морально-нравственной ценности.

Человек высоко ценит Истину / Правду, обсуждение которой, начиная с античной философии продолжается и по сей день, ценностная значимость которой эксплицитно выражена в мудрых высказываниях русскоговорящих:

Правда светлее солнца. Правда дороже золота. Правда свет разума. Она «несудима» [ПРН 1984: 371, 372].

В западноевропейских культурах данные ценностные смыслы номинируются одной лексемой: *truth* – а англоязычных, *verdad* – в романоязычных (испанский язык), *Wahrheit* – в немецкоязычной культуре. Эти смыслы-концепты восходят к одной из значимых проблем аналитической философии «что есть истинно и что есть ложно». Утверждения подобного рода в чистой форме лишены, как известно, каких-либо оценочных предикатов и малоупотребительны, хотя потенциально в них заложена причинная перспектива, номинируемая в языке знаком-вопросом «почему» с ориентацией на объяснение того, почему что-то следует считать истинным/верным или ложным.

Оставляя за рамками философские рассуждения о концептуальной сущности данных феноменов, акцентируем внимание на их аксиологическом аспекте и причинной перспективе.

В языковом сознании говорящих – представителей различных лингвокультур дескриптивная оценка ИСТИНЫ / ПРАВДЫ объективируется как:

- *святая, вечная, чистая, горькая, суцая, известная, нерушимая, незыблемая, явная, солдатская, русская, сермяжная* – в русскоязычной культуре;

- *the simple truth (истинная), the honest truth (суцая), God's truth/gospel truth (святая), the home truth (горькая), the naked truth (голая/обнаженная), the fundamental truths (основополагающие причины), the great truths (великие, моральные, научные, философские истины)* – в англоязычной культуре;

- *eine alte (известная), bittere (горькая), traurige (печальная), unverblumte Wahrheit (неукрашенная правда)* – в немецкоязычной культуре.

Рядом с Истиной и Добро, Красота, вместе составляющие великую триаду, «тройственный союз», «Божественные имена-реалии» (энергии). Как высшие ценности, значимые атрибуты духовного пространства человека, универсальные константы внутреннего мира человека, его морально-нравственного и духовно-эстетического модусов [Арутюнова 2004; Постовалова 2004; Столович 1994], в разных культурах и языках они специфичны по концептуальному содержанию, интерпретации их индивидом; имеют свои особенности; неразрывно связаны со своеобразным мировосприятием каждой национальной культуры, конкретного этноса. Добро и Красота, как и Истина, – причина всего множества доброго, положительного, что есть в жизни отдельно взятого человека. Добро – нравственная ценность, Красота – эстетическая ценность, Истина – познавательная ценность [Столович 1994: 6]. В синкретичном сознании человека они представляют как поток взаимосвязанных, хотя и разных по своим типологическим основаниям, ценностей: их объединяет не только реальность существования, аксиологичность, но и причинность. Вместе с оценочным модусом они раскрывают в конкретных каузальных суждениях-высказываниях говорящего актуальное содержательное наполнение концепта Причина:

И восхищаюсь и люблю / Непобедимую красотой [ЯВВ 1980].

Красота – причина возвышенно-духовного состояния человека, его влияния, всего изящного, прекрасного:

Но как влекла к себе всесильно / Ее живая красота (Баратынский) [ЯВВ 1980].

Она в языковом сознании русских поэтов – *чарующая, эффективная, живая, непобедимая, ослепительная, нетленная, неописуемая, небесная, земная, торжественная, честная, непорочная* (Пушкин, Тютчев, Баратынский и др.), *черноокая, жизненная, проста* (Блок).

Все в ней гармония, все диво. Все выше мира / и страстей. Она по-коится стыдливо в красе / торжественной своей (Пушкин) [ЯВВ 1980: 37].

В своем личностном дискурсе человек всегда устремляет свое особое внимание на сочетании истинного, доброго и прекрасного.

Эрих Мария Ремарк, знаменитый немецкий писатель, так оценивает значимость красоты, ее понимания в его каузальном дискурсе:

Wenn wir nicht das bißchen Sinn für Schönheit hätten – dann wäre alles verloren. Если бы у нас не сохранилась хотя бы крупинка понимания красоты, все было бы потеряно [АЭМР 2000: 21].

У человека не все потеряно, потому что он ценит и понимает прекрасное в мире, в котором живет и созидает.

Красота и Доброта придают человеку силы в трудных ситуациях жизни. Огонек доброты необходим (нужен) каждому из нас. И от нее не надо отказываться. Этот жизненный мотив как нельзя лучше звучит в личностном дискурсе писателя:

Leben heißt, von andern leben (Жить – значит жить для других). Wir fressen alle voneinander (Все мы питаемся друг от друга). So ein bißchen Flimmern von Güte ab und zu – das soll man sich nicht nehmen lassen Так пусть же хоть небольшой огонек доброты теплится иногда. Не надо отказываться от нее. *Es stärkt, wenn man schwierig lebt. Она сила, когда трудно живется* [АЭМР 2000: 40].

С точки зрения «живого религиозного опыта» великая триада дополняется ценностными смыслами: *любовь, счастье, польза, судьба, воля* и ряд других человеческих ценностей в морально-духовном пространстве человека. Они – одна и та же духовная жизнь, но только под разным углом зрения:

Любовь и счастье неразрывно связаны. Любовь – вечное чудо: ... Liebe. Das alte Mirakel [АЭМР 2000: 43].

Она – разновидность счастья: *...eine Deutung für Glück... die schwankendste von allen: Liebe* (ibid): *самая зыбкая разновидность счастья – любовь.*

Счастье – причина состояния человека: *Glück macht vergeßlich* (Remarque): *Счастье делает человека забывчивым* [АЭМР 2000: 62].

Любовь в дескриптивных оценках – *высокая, томная, тревожная*:

Вам приношу я извиненья, / Где отразилась жизнь моя: / Исполнена тоски глубокой, / Противоречий, слепоты. / И между тем любви высокой / Любви, добра и красоты [ЯВВ 1980].

В этом причинном поэтическом дискурсе рефлексивируется взаимосвязь, единение ценностных смыслов Любви, Добра и Красоты.

Совесть, Достоинство, Честь, Долг, Ответственность – еще одна цепочка неизменных ценностей, «орган» внутреннего духовно-нравственного мира человека, его отношения к миру, к Другому / Другим, к самому себе, своему поведению и поведению других людей. Наряду с вышеназванными ценностями, они порождаются в процессе социогенеза человека [Бородай 1996]. Не останавливаясь здесь на философско-лингвистических рассуждениях о сущности данных понятий (И. Кант, Ф. Ницше, Х. Хайдеггер), поскольку данный вопрос заслуживает специального внимания, подчеркнем их аксиологическую причинную значимость.

Долг, Ответственность связаны с понятиями и ценностями Воля, Желание. Воля человека заставляет его совершать поступки, действия, которые осознаются им как мотивированный акт, переживание «Я должен», «обязан» по определенной причине. Акты воли человека вызывают изменения в материальном мире [Вригт 2003], которые небеспричинны. Воля взаимодействует с Желанием – духовной ценностью человека. Оно – причина его возможных и реальных действий:

Я б порезал розы эти, / Ведь одна отрада мне – / Чтобы не было на свете / Лучше милой Шагане (Есенин 1991).

Память – человеческая ценность и ценностный смысл-концепт функционирует в актуальном номинативном акте как причина физического состояния субъекта:

Man alter nur durch das Gedächtnis. *Мы стареем только из-за памяти* [АЭМР 2000: 23].

Суммируя вышеизложенное, отметим следующие наиболее важные моменты наших рассуждений о некоторых базовых ценностных смыслах, актуализируемых в семантическом пространстве причинности.

Системно-речевая онтология ценностных смыслов и причинности многомерна. Процесс синхронной оценочной манифестации демонстрирует факт их взаимопроникновения как двух глобальных семантически объемных пространств в концептуальном пространстве языка. При взаимодействии категорий Ценность и Причинность, формирующих названные пространства, оценка относится ко всей знаковой каузальной ситуации. Формируется сложный логико-семантический и оценочный номинативный акт и акт семиозиса. При этом синхронно актуализируется:

- объективное содержание концептов Причина / Следствие;
- ценностные смыслы, функционирующие либо как причина, либо как следствие;
- оценка тех и других.

Языковые знаки, вводящие объект оценивания – причину / следствие и их оценочный модус, рефлексируют, таким образом, новые когнитивные структуры сознания, познания и коммуникации.

Ценность и Причинность как семантические пространства в пространстве языка – открытые системы. Внешний мир и внутренний мир человека, познаваемый гносеологическим Я-субъектом и воспринимаемый, согласно И. Канту, только «его рассудком», «поистине бесконечен».

ГЛАВА IV

СЕМИОМЕТРИЯ ЦЕННОСТНЫХ КООРДИНАТ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Измерение и анализ прекрасного

Ю.М. Лотман высказал одну глубокую мысль: искусство не растрчивает, а накапливает информацию. Он думал о том, что хорошо бы открыть тайну хранения информации искусством. Это такая надежная и экономная форма сохранения бесконечной по емкости информации. Хочется высказать еще одну мысль, может быть, на первый взгляд, парадоксальную: всякое искусство не накапливает информацию, оно проявляет изначально имеющееся в нем. Давно было сказано: «Искусство вечно — жизнь коротка». Искусство вечно, потому что изначально, по природе своей оно имеет в себе прошлое, настоящее и будущее. Этот объем информации недоступен одному человеку — мере всех вещей в искусстве. Он доступен человечеству. Это как будто сразу ставит перед человеком непреодолимую преграду: человек никогда не сможет получить те бесценные сокровища, которым владеет художественное произведение.

Но это не совсем так. Человек, вписанный в свою эпоху — четкая социальность, которая является его достоинством, но оно его ограничивает. Если человек смотрит на все вокруг только глазами своего времени, то он лишается многих богатств, накопленных человечеством. Однако человек все-таки вписан не только в одну эпоху. Сознание человека принадлежит эпохе, а вот бессознательное выходит за границу настоящего времени. В бессознательном — все времена, пространства и народы. Талант человека только вызывается настоящим временем и проявляется в нем, черпая из сокровищницы мира всех времен и народов. Вот почему талант, как правило, не вписывается в эпоху. Вспомним всех художников, побиваемых камнями времени.

Художественное произведение само формирует образ автора

и читателя. И при этом учит его переходить из одной эпохи в другую. Потому человек только читает произведение сознанием, а прочитывает его бессознательно. Особенно это ясно стало после трудов К. Юнга. В своих воспоминаниях и дневниках он признавался, что его бессознательное, пробуждающееся во сне, позволяло ему переходить из одного времени в другое. Причем оно формировало персону Ведущего наподобие Вергилия, проводника Данте по загробному миру. Хочется здесь предположить, что этот эпизод из бессознательного Юнга является моделью, заметим, идеальной моделью, встречи читателя и художественного произведения. Талант писателя и талант читателя перемещает реального человека, живущего в определенном месте и времени, во все времена и во всеобъемлющее пространство, недоступное человеку без помощи бессознательного. Этот способ нисхождения в художественное. Человек из типического человека своего времени превращается в архетипического человека, перемещающегося в архетипические обстоятельства. Из человека эпохи превращается в «гражданина» мира и человечества, открытого всем временам, народам и всему вселенскому пространству. Это не фантастика, это просто личный отчет гения о том, что происходит с отдельной личностью, погружающейся в бесконечность художественного времени и пространства. Думается, с каждым талантливым читателем это происходит, но не каждый умеет объяснить свои путешествия по бессознательному, которое и превращает читателя в носителя опыта всего человечества. Читатель с каждым годом становится глубже, талантливее. Он научается, благодаря научным открытиям архетипического мира человека, читать свое бессознательное и погружаться в опыт не отдельного человека, но всего человечества. Как раз в этом и заключается предназначение литературы и искусства.

Талант читателя сродни таланту писателя. Истинное художественное произведение ищет конгениального читателя. И не только ищет, но и создает его. Но этот процесс пока не описан, поскольку требуются новые знания и новые подходы, а также новые формы восприятия и обучения искусству читать, начиная с юного возраста.

Проблема измерения красоты – это и есть попытка приблизиться к бесконечности информации, скрытой в художественном произведении. Этносемиометрия нацелена на проявление объема

того неисчерпаемого смысла, который бы позволил читателю подключаться к тем ценностям, которые накопило человечество за всю свою жизнь. Человечество через художественное произведение призывает к талантливому читателю приобщиться к постижению прекрасного, в котором ему открываются пути к истине и путям к гармонизации мира и человека. Человек – мера вещей. Именно в художественном произведении реализуется принцип: все в человеке, все для человека. Но это особенный человек – человек как человечество и человечество как человек. Идеальна модель человека из литературы и искусства, когда его конкретный бытовой разговор всегда (в тексте или подтексте) находится в ценностном контексте человечества.

А. Платонов был великолепным критиком, потому что следовал принципу: критик продолжает писателя, открывает в произведении скрытое от непосвященных глаз. Но для этого он должен быть по природе своей возможным творцом эстетических ценностей. Все, что есть в науке о литературе и искусстве, первоначально находится в самой литературе и искусстве. О повышении ценности художественного слова, увеличении его аксиологического объема можно увидеть у Ф.М. Достоевского. Вспомним не только Легенду о великом инквизиторе, где вековечное всегда рядом с настоящим, а настоящее – миг вечного. Чего только стоит это размещение рядом с одиозным словом *инквизитор* слова *великий*. Это сразу изменяет вес, ценностный объем слова *инквизитор*. Инквизитор Достоевского велик во всем. Его идеи конгениальны идеям Бога. На чаше весов для человечества все основополагающие истины прошлого и настоящего, все будущие, сегодняшние и прошлые споры о счастье и несчастье человека, о вере и безверии, о добре и зле не в комнатном смысле, но вселенском. Идея великого инквизитора венчает думы человечества, чтобы вновь обратиться к вечной Голгофе. Такая высота поднимает не только объем суждений литературного героя, но вес талантливого и сопереживающего читателя. На какое-то время он также становится великим, поскольку вынужден включаться в мысль Великого инквизитора. Он добровольно принуждается к великому смыслу, сконцентрированному в легенде. Из погружения в легенду талантливый читатель выходит другим. Ему не просто продемонстрирован универсальный объем интеллектуального мира человечества, но он сам, побывав в шкуре героя, становится вы-

ше, умнее. Ему задана инерция интеллектуального движения. Глубоко чувствующий человек, переживающий, с культурным воображением – потенциально талантливый читатель.

Искусство способно проявить в человеке главную ценность мира – человека. Это единственное и важнейшее предназначение искусства и литературы. Вспомним сцену разговора братьев Ивана и Алеши Карамазовых. Здесь от читателя требуется особая мера в восприятии «скрытой аксиологии» диалога героев. На глазах читателя происходит укрупнение смысла переживаний героев, мгновенное переключение из индивидуального в общее, из настоящего в прошлое и будущее. Герои начинают мыслить ценностными категориями, когда человек говорит так, как будто это говорит дух народа. Эти общие слова у Достоевского необщие, они даны как страсть, мука, глубокие переживания. Потому так труден диалог у Достоевского, что в его диалогах всегда прорыв через обыденное, настоящее к первоисточнику, первосущности нравственных и, в конечном итоге, эстетических ценностей. Является персонифицированная калокагатия – слиянность красоты и нравственных ценностей. Но надо не говорить об этом, а просто вести читателя в видение литературы, в реальное до галлюцинации видение. И тогда *литературоведение* должно стать *литературовидением*. Надо не только ведать, знать (хотя и здесь надо быть своего рода волшебником своего дела – ведуном) но погружать всех читателей в *видение* в средневековом смысле этого слова.

Как же перейти от привычного литературоведения к литературовидению? Попробуем дать теоретический абрис такого видения художественного произведения и в конце предложить конкретный анализ художественного произведения, помогающий читателю на уровне видения пережить искусство, воспринять и присвоить скрытую аксиологию произведения.

А. Платонов – трудный для читателя художник, иногда кажется странным, непонятным. Это объясняется тем, что его человек погружен не только в сознательную сферу своего существования, но и в коллективное бессознательное. По-своему писатель выразил это в двух всеобъемлющих, похожих на пословицу, высказываниях: «Один человек не может вместить в себя весь мир» и «Без меня народ неполон». Это как раз и есть объединение двух объемных кон-

текстов: отдельной личности и всего народа. И это дает особую ценностную глубину художественному произведению писателя, обращение к мифологическим образам. Неслучайно некоторые произведения Платонова похожи на сказки или реальную фантастику.

В рассказе Андрея Платонова «Уля» бессознательное народа представлено в девочке-несмышленье, как бы на время оставленной матерью для счастья целого мира. Уля не живет собственной жизнью, она выполняет почти непосильную задачу изгонять зло из жизни народа, перерождать зло в добро. Уля – носитель главной ценности народа – способствовать сохранению душ человеческих. В ее глазах каждый на самом их дне прозревает всю правду о себе. Эта чистая исповедь о человеке, заставляет его снять с себя змеиную кожу и стать самим собой. Этот дар излечивает людей от зла. И за этот дар Уля платит своими страданиями. Уля живет в своем мучительном бессознательном, ей не дано понимать людей. Она не понимает себя, страдает, чтобы всех излечить от страдания. Она награждена и обречена одновременно, послана в мир как спаситель. Здесь проявлена необычная форма архетипа спасителя: пока Уля обладает этим даром – она высшая ценность для народа, ее помнят и знают. Но все сроки кончаются и приходит ее срок: родная мать излечивается от заблуждения любовью к Уле, целуя дочку в глаза, и сразу из них исчезает свет истины и добра. Она становится как все. Прекрасное превращается в красивое. На этом противопоставлении построен весь рассказ. Так происходит замена одной ценности другой. Важен *путь* к принципу. Заражение этим путем, вдохновение самого этого пути дает возможность приблизиться к неизреченному.

Художественное произведение – труднодоступный предмет для измерения. Само по себе соединение понятий измерение и красота – оксюморон, парадокс. Красота и прекрасное, к чему бы они не прикоснулись видоизменяют то, что к ним прикоснулось. Оно вдруг становится весьма близким самому предмету измерения. Чтобы выработать дефиницию прекрасного и красоты (а дефиниция есть высшая *логическая* мера измерения), И. Кант был вынужден использовать язык, нехарактерным для философа способом. Немецкий мыслитель удивительно точно определяет-измеряет все величины, которые попадают в его поле зрения. Но, когда он касается

эстетической идеи, он отказывается от былой точности: в поисках точности в предмете, по своей природе лишенном точности. Он вынужден был дополнительно разьяснять неточность своего языка, объясняя это природой искусства гения.

Обратимся к его строкам: «...талант и есть, собственно то, что называют духом, ведь для того, чтобы при том или ином представлении выразить *неизреченное* в душевном состоянии и придать ему всеобщую сообщаемость — все равно будет ли это выражено в языке, в живописи или пластике — нужна способность схватывать *мигомлетную игру воображения* и объединить ее в понятии (именно поэтому оригинальном и вместе с тем *открывающем новое правило*, какого нельзя вывести ни из одного предшествующего принципа или примера), которое может быть *сообщено* [другим — Н.А.] без принудительности [Кант 1966: 334: курсив наш — Н.А.]. Интересно, что философ лишает свой язык всякой предметности, когда говорит о языках искусства слова, живописи, пластики. Он называет невесомые, не дающиеся сознанию вещи: неизреченное, новые правила, не выводимые ни из одного предшествующего принципа, подчеркивая, что понятие может быть сообщено другим, а вот красота, прекрасное — искусство — недоступны для понятия. Отсюда сделаем крамольный вывод о том, что прекрасное не может быть сообщено на языке понятий другим. Красота, прекрасное избегают принудительности правил. И. Кант подчеркивает, что язык (в данном случае художественный) живопись и пластика — сами для себя правило, поскольку несут в себе новое правило, «какого нельзя вывести ни из одного предшествующего принципа или примера». *Абсолютная оригинальность* недоступна как будто никакой *относительности*. Каждый образ в искусстве абсолютен. Слово жизни, как правило (хотя есть исключения), относительно. Эта абсолютность и порождает многозначность, единство индивидуального и универсального, следовательно требует от воспринимающего слово искусства, не разума, но воображения, потому что в основе своей абсолютное является в облике относительного.

Это хорошо видно в творчестве Ф.М. Достоевского. Его слово на глазах читателя увеличивает свой смысловой объем. Человек Достоевского находится в кругу сиюминутном, сопряженным с сакральным, духовным, потому что глубина мысли Достоевского трудно

доступна для торопливого читателя. Формула «Красота спасет мир» столь же понятна, сколь загадочна. Прекрасные женщины Достоевского несут смуту, трагедию человеку, а не спасение. Красоту можно воспринять и как нечто абсолютно духовное. Но не все духовные люди Достоевского несут спасение. Они выявляют в человеке (хочется сказать, человечестве) неизреченные муки, страсти, катастрофы, преступления: Лев Мышкин, Алеша Карамазов, старец Зосима. Логике мысли не открывается известная до буквализма мудрость Достоевского. И это ставит преграду между красотой, прекрасным и всем другим рассудочным миром. Иначе говоря, не может быть никаких правил для измерения прекрасного и красоты? Но И. Кант к такому умозаключению не ведет. Он все-таки пытается дать ключ к неизреченности, абсолютной оригинальности. Нам думается, что единственный путь измерения скрыт в самом художественном произведении. Философ подспудно наводит на такой исход, используя чуть ли не эзотерический язык неизреченного для всех сообщений. Путь обычной логики здесь бессилён. Он не схватывает самого главного, вот этого таинственного неизреченного, недоступного языку понятий. Здесь требуется вглядываться в «имагинативную» логику.

И. Кант замечательно проговаривается, когда высказывается о специфике эстетического: «*Духом* (курсив И. Канта – Н.А.) в эстетическом значении называется оживляющий принцип в душе» (разрядка наша – Н.А.) [Кант 1966 : 330]. Эта мысль философа архиважна. Она сразу же перечеркивает все сциентистские хирургические операции над художественным произведением, снимает отождествление слова с образом, а образа со значением, вносит новый принцип измерения художественного произведения, все буквально-социальные штудии над созданием гения и предлагает в качестве заглавного, плодотворного момента искусства оживляющий принцип в душе. Но Кант мыслит антиномиями, потому он не может абсолютизировать собственные умозаключения. Ведь, здесь даже не принцип сам важен, а *путь* к этому принципу. Заражение этим путем дает возможность приблизиться к неизреченному.

Вот характерный пример из Канта: «...орел Юпитера с молнией в когтях есть атрибут могущественного владыки неба, а павлин – атрибут великолепной владычицы неба. В отличие от *логических атрибутов* (курсив И. Канта) они не представляют того, что заклю-

чается в наших понятиях о возвышенности и величии творения, а представляют нечто другое, что дает **ВООБРАЖЕНИЮ** повод распространяться на множество родственных представлений, которые дают нам возможность мыслить больше, чем может быть выражено в понятии, определяемом словом, и дают *эстетическую идею* (курсив И. Канта), которая указанной идее разума служит вместо логического изображения, но, в сущности, для того, чтобы оживить душу, так как она открывает ей виды на необозримое поле родственных представлений» [Кант 1966: 332]. Хочется заметить, что философ не определяет, но всего лишь описывает. Вместо понятий дает чуть ли не образы. Говоря о логических атрибутах, Кант обмолвился: «логическое изображение». Логическое не просто сформулировано, оно, по мнению Канта, изображено. Это уже не от логики, а от предмета исследования – эстетической идеи. Кант навсегда разводит (при анализе прекрасного) логические понятия и представления. Он не хочет точно формулировать то, что не поддается никаким формулировкам, отрицая рассудочное видение и оценку, измерение художественного произведения: «...эстетические атрибуты в отличие от логических <...> представляют нечто другое, что дает воображению повод распространяться на множество родственных представлений, которые дают нам повод возможность мыслить больше» [Ibid].

Здесь назван орган восприятия, измерения и оценки искусства – воображение. Это знаменательно, потому что воображение есть и орган сотворения художественного произведения и орган восприятия, и даже измерения эстетического. Кант говорит о некоей родственности создания и оценки, а, следовательно, и измерения искусства. Здесь прозвучало сочетание «родственные представления». Речь идет о связи далеких друг от друга представлений, об образной связи. Только глубокое, скрытое родство отдаленных, «далековатых» предметов дает возможность много мыслить и испытывать движение душевных сил. Образ – язык воображения. Он, в отличие от логических аналогий, сводит «далековатое», оригинально-необычное. У Канта движение душевных сил, их оживление называется игрой. Речь идет как бы о произвольной игре без вмешательства разума, а только на основе, скажем так, эстетического воображения. И еще одна важная для нашего рассуждения мысль Канта о том, что изящное искусство «открывает виды на необозримое поле

родственных представлений» и в «живописи или ваянии» и поэзии «заимствует дух, оживляющий <...> произведения, исключительно у эстетических атрибутов предмета, сопутствующих логическим и придающих воображению размах, при котором мыслится, хотя и в неразвитом виде, больше, чем можно выразить одним понятием» [Кант 1966: 332]; «мыслится в неразвитом виде» – здесь не ради уничижения воображения, но ради точности мысли. Образ не столько выражает мысль, сколько пробуждает ее через оживление душевных сил при восприятии художественного произведения.

И, наконец, обобщающая мысль Канта об эстетической идее: «Под эстетической идеей <...> я понимаю то представление воображения, которое дает повод много думать, причем, однако, никакая определенная мысль, т.е. никакое *понятие*, не может быть адекватной ему и, следовательно, никакой *язык* не в состоянии полностью достигнуть его и сделать понятным». Нетрудно видеть, что такая идея противоположна *идее разума*, которая, наоборот, есть понятие, которому никакое *созерцание* – представление воображения не может быть адекватным» [Кант 1966: 330; курсив Канта, разрядка наша – Н.А.]. Воображение (Кант называет его продуктивной способностью познания) сильно «в созидании другой природы из материала, который ему дает действительная природа» [Ibid: 332]. И далее: «Эстетическая идея есть <...> представление воображения, связанного в своем свободном применении с таким многообразием частичных представлений, что для него нельзя найти ни одного выражения, которое обозначило бы определенное понятие и которое, следовательно, позволяет мысленно прибавить к этому суждению много неизреченного, ощущение чего оживляет познавательные способности и связывает дух с языком как одной лишь буквой» [Ibid: 333].

Хочется обратить внимание на сочетания: «никакая определенная мысль», никакое «определенное понятие». Все это так хорошо сочетается со словами «неизреченное», «невывразимое» и ведет к другому моменту, который указывает на одну из важнейших граней в природе искусства, а, значит, и в смысловом измерении искусства – эстетическую неопределенность художественного произведения [Антипов 2007].

Кант пишет, что никакая определенная мысль, никакой язык не могут быть адекватны представлению воображения. Этим самым

он как будто исключает всякую мысль и язык из авторитетных понятий, пытающихся объяснить природу искусства. Правда, Кант имеет в виду, прежде всего, определенность мысли. Но, тем не менее, все-таки это слово из строки не выкинешь. Как же связаны мысль и смысл? И можно ли их вообще считать при анализе художественного произведения авторитетными? Кант называет мысль, а не смысл. Что же такое смысл? Мысль формулируется, а смысл описывается, но в формулы не укладывается, он ближе всего к эстетической идее в кантовском понимании. А откуда же этот смысл является, если мысль перед авторитетом воображения тушует и не является ключевым понятием? Нам бы хотелось соотнести слово «смысл» с целостным художественным произведением. Именно целостное эстетически неопределенное ведет к относительно эстетически определенному смыслу. Без мысли нет художественного произведения. Но мысль – сфера целого, а не целостного. Это мир персонажный, но не авторский, субъективный, но не объективный, принадлежащий ни персонажам, ни автору, но самому художественному произведению. Целостное – это как бы внеличностное, дающее вечную динамику художественному произведению. Повторим мысль Лотмана: художественное произведение не растрчивает информацию, а накапливает. Источник этого накопления и, следовательно, увеличения смыслового объема художественного произведения – целостное и образ читателя. Без читателя, без сотворчества с читателем невозможно будет расширение ценностного и смыслового потенциала в художественном произведении.

Целостное – динамическое понятие, которое рождается как органическое внутри целого художественного произведения. Все возможные образные связи потенциально содержат в себе все смысловое богатство произведения. В художественном произведении мы видим образные связи – метафорические (это один слой смысла), сравнительные, оксюморонные, связи по типу гиперболы и литоты. Можно, конечно, произведение рассмотреть с точки зрения метафоры или оксюморона. И произведение всякий раз будет представлять в ином смысловом ракурсе. В принципе, всегда есть главная, определяющая связь, которая задает тон всему художественному произведению, а, следовательно, и тон ценностным связям, всей аксиологии художественного произведения. Каждый автор имеет свое предпочтение к сравнительной связи – оксюморонной, метафори-

ческой или метонимической. Паустовский отдает предпочтение метафорическому сравнению, Свифт в «Гулливере» формирует связи по типу литоты и гиперболы, а Гоголь предпочитает метонимические связи. Эти типы связи, свойственные тому или иному произведению, глубоко содержательны. Они формируют определенное аксиологическое поле, этическую зону, которая, заметим, связана с аксиологической, потому что нравственная зона создана в художественном произведении как зона испытания человека. От нее идут сигналы в аксиологическую зону. Именно эти две зоны создают определенный эстетический объем и придают вес всему произведению в целом. Этическое, социальное, философское конкретизируется в целом художественного произведения. Целостное определяет смысл, глубину, высоту всего, что происходит в художественном произведении. Буквальный мир – мир лишенный ясных ценностных ориентиров, а иногда вообще нарушающий все привычные, обыденные этические нормы и ценностные ориентиры. Попробуйте, исходя только из целого, воссоздать этику героев «Декамерона», «Гаргантюа и Пантагрюэля», «Тропика рака» Миллера. Будет полнейшая неадекватность, потому что только целостный мир художественного произведения – точка отсчета для моральных, аксиологических ориентиров. Некоторые читатели читают *целый* мир, но не *целостный*. И остаются такими, какими они вошли в художественное произведение. Они видят и живут лишь отражениями, никак не касаясь сущностного целостного мира.

Целый мир линеен, не образен и состоит из последовательности событий, а человек историчен. История – это последовательность. Художественное же произведение – это не последовательность, а одновременность. Смотреть на многозначный, последовательный мир как на одновременность могут не всякие. Здесь является другая логика, не линейная и даже не диалектическая, но логика акаузальная, похожая на поведение героев в наших снах, но только похожая. Записав свои сны, мы не превращаемся в писателей, потому что при записи сна мы вторичны, а гений всегда первичен (даже когда вторичен). Он чувствует, чувство нельзя объяснить целым, оно вне рации, оно целиком в сфере целостного. Ценностные и этические мотивировки в целом сиюминутны, исчерпывающие. А в целостном мире они эстетически неопределенны и потому по смысловой наполненности бесконечны.

Для Канта некая главная, неявно оценивающая величина («неявная аксиология») – дух. Для нас важно, что самый главный центр художественного произведения определен именно в эстетическом значении. Хочется абсолютизировать этот момент. Триада - Истина, Добро и Прекрасное – так или иначе, живут в любой интеллектуальной сфере. Но каждая из сфер в этой «святой троице» выбирает свое. Что касается искусства и литературы, то всеопределяющим здесь является Прекрасное, потому Кант и предлагает видеть в духе, прежде всего, эстетическое. Но Истина, Добро и Красота не относительны: они входят в любой художественный мир. Всякий раз акценты смещаются: на первый план в философии выходит истина, но в философию входит и прекрасное, и нравственное. Не случайно в наше время философы пишут об эстетике мышления. Нравственное и философское в литературе живет только в контексте эстетического, прекрасного. Калокагатия всегда будет неявным, скрытым правилом искусства и литературы. Красота нравственна, истина прекрасна. Эта попытка воссоединить все составляющие абсолютной триады открывает для литературы и искусства новые горизонты. Но главенство прекрасного в искусстве неоспоримо. Поэтому и художественный смысл, и оценка, и ценности представлены в литературе «в эстетическом значении». Они подчиняются скрытым законам художественного образа, имеют свою неповторимую специфику и свое особенное качество. Анализ и измерение красоты в искусстве находятся чуть ли не в синонимическом ряду.

Легче всего увидеть сложность и трудность в измерении красоты в стихах, где есть четко выраженные два принципа измерения - количество и качество. В теории стиха различают метр и ритм. Метр, или размер, поддается количественной мере. Но метр не является измерителем художественной индивидуальности. Если метр можно анализировать с помощью статистического метода, то ритм – индивидуальное, художественное не поддается обмеру. Но ритм, в конечном итоге, оказывает свое индивидуальное воздействие, нарушая меру. Пиррихии и спондеи – ритмические величины. Они как бы спонтанны и подчиняются не метру, но ритму. И это – один из привлекательных моментов для исследователя. Не сам ритм, а именно «оживляющий душу принцип» ритма есть первый показатель смысла метра и стиха в целом. Но дать точное объяснение этому принципу чрезвычайно трудно и сложно. Еще труднее и слож-

нее анализировать с этой точки зрения прозу. Здесь количественные подсчеты ни к чему не ведут, во всяком случае, не открывают тайну красоты, потому что все статистические манипуляции можно совершать только со словом, а слово в художественном произведении зависит от художественного образа. Но образ – это качественное образование, внутренняя составляющая художественного произведения – бессознательное искусства и литературы, которое почти не поддается никаким исчислениям. Здесь на первый план выходят такие важные эстетические принципы как «эстетическая неопределенность художественного произведения» и «целостность художественного творения».

Хочется сказать, что в художественном произведении три важнейших, не пересекающихся центра: персонаж, автор, читатель. Персонаж – это внешнее. Если иметь в виду триаду «Красота, Истина, Добро», то ближе всего к персонажу именно Добро. Наивно-реалистический подход совершает операции над персонажем, рассматривая героя с точки зрения добра и зла, пытаясь выявить ценности человека и времени. Персонажа легче всего вписать в ценностную, аксиологическую сферу времени, иначе говоря, заставить его аккомпанировать ценностям, морали и нравственности эпохи. Так в художественном произведении обнаруживаются сиюминутные привычные истины, хотя они иногда никакого отношения к данному художественному произведению не имеют. Сколько копий было сломано вокруг горьковского Луки из пьесы Максима Горького «На дне». Его называли лжецом, утешителем, носителем истины и так далее. Все эти формулы не от художественного произведения, но от эпохи. А как быть с Шекспиром и его парадоксальным, антиномичным утверждением «Добро есть зло, зло есть добро»? В этой фразе – смысл всего творчества Шекспира. Как рассматривать такие шекспировские повороты: только безумец знает правду, слепой видит лучше зрячего. Здесь Шекспир стоит на плечах древнегреческого великана Софокла, у которого слепому Эдипу открывается истина и тогда получает свои права на Прекрасное. Очевидно, исходя из персонажного центра, вряд ли возможно узреть этносемиometriю шекспировского художественного мира. Вся надежда на другой центр литературного произведения – образ автора. Но попробуйте в диалогическом романе Достоевского докопаться до смысла, когда сам автор вступает в диалог со своим персонажем. И как преодолеть

тройную оптику «Великого инквизитора», где там образ автора? Автор – Иван, или автор – сам Достоевский, а может, в текст впечатан действующий образ читателя?

Полифония предлагает самостоятельность всех составляющих голосов, где все голоса на равных. Как же здесь увидеть оценку? Это важно, потому что Достоевский говорит о глобальных проблемах, которые живут вечно – Боге как вселенском добре и Дьяволе как вселенском зле. Не случайно Ницше так глубоко интересовался этой альтернативой Достоевского. Может быть, его именно Достоевский подтолкнул к метафизическому итогу: «Бог мертв». Идеи Ницше и идеи Достоевского до сих пор аукаются в бедном человеческом сердце. Прав был Юнг, когда говорил о том, что писатель пытается восстановить равновесие в сердцах целой нации. И так важно уловить в себе тот оживляющий душу принцип, который направляет человека к долгожданному равновесию между Мефистофелем и Фаустом, Иешуа и Воландом, Алешей и Иваном Карамазовым. А где же главный смысл? И Достоевский, и Гёте, и Булгаков не дают ключа к разгадке. Похоже, они и сами не могли ответить на свои, заданные человечеству, вопросы. Без архетипического человека и архетипических обстоятельств сложно ответить на трудные вопросы Шекспира, Бальзака, Стендаля, Джойса, Миллера. Но пробужденный, оживляющий в душе принцип, готовит почву для особенного чувствования человека, а, значит, и особенного поведения.

И все-таки художественный мир писателя отвечает на поставленные вопросы, предлагает свои решения, дает оценку и смысл состоявшемуся художественному миру. Тут мы должны обратиться к другому, четвертому центру художественного произведения, отвечающему человеку и миру возможные ответы на глобальные вопросы. Здесь, наверное, на вопрос Шекспира «Быть или не быть» человек ответит неким душевным равновесием.

Классическое определение целого дал Аристотель в своей знаменитой поэтике: «Целое имеет начало, середину и конец». Это формальное определение целого: все видно, все обозримо. Это внешнее определение целого. Фабула – сочетание событий – открывается этому определению. Мы знаем, с чего начинается, чем заканчивается произведение. Но это никак не помогает нам проникнуть

в смысл художественного произведения. Потому что видимое само по себе не складывается в смысл.

Древние поняли, что все окружающее – реальность. Но для ответа на вопрос, что такое человек, чем он живет, зачем он пришел в этот мир, появился Платон, предложивший искать ответ на все эти вопросы не на земле, а на небе с его вечным круговоротом абсолютных, неумирающих идей. Художественное произведение строится по этому самому принципу: слово, земля, человек и мучающие его чуть ли не с самого рождения вопросы. И надо от видимого перейти к невидимому. Иначе говоря, нужно от слова внешнего, видимого, перейти к невидимому, внутреннему – к художественному образу.

Кант, не называя образ образом, по существу описал художественный образ. И когда он говорит об эстетической идее, он думает о художественном образе. Философ Кант использует слова *дух*, *идея*. Для теории словесника больше подходит *образ*. Лингвисты на образ смотрят как на нечто внешнее. Для литературы (а не для текста) образ – альфа и омега художественности, он невидим, как вечные идеи Платона, но он определяет все и вся. Когда мы от слова переходим к образу, мы начинаем переходить от целого к целостному. Целое определяется, целостное почти не поддается определению. Как философ, Кант описал эстетическую идею, образ; так, наверное, следует описать и целостное. Кант показал не саму идею прекрасного, но ее воздействие на человека. Нам же нужно хотя бы схематически указать, до конца не формулируя, как подступиться к целостному. Восприятие целого не требует от читателя творчества, сотворчества. Здесь-то, наверное, и таится загадка, что в школе не учат творчеству, сотворчеству читателя и писателя. Ведь, творчество – это поначалу не только очень трудная, но почти непосильная работа – муки творчества. Марина Цветаева как-то сказала, что читатель должен затратить столько же труда, сколько она затрачивает усилий, рожая произведение искусства. Мы знаем арифметику чтения и не хотим знать высшую математику восприятия художественного произведения. Писатель для того и появляется на белый свет, чтобы обострить взгляд человека на добро, истину и красоту. А для того, чтобы это получить, нужно овладеть искусством чтения, восприятия художественного произведения. Мы смотрим, но не видим, ощущаем, но не чувствуем. Этому учит жизнь и искусство.

Целостное требует сотворчества от читателя. Без читателя целостное не является на свет. Когда мы прикасаемся к целостному, мы начинаем творить в лад с художественным даром писателя. Наши чувства начинают работать в унисон с художником, вместе с автором мы начинаем выявлять смыслы художественного произведения. Художественное произведение – вселенная смыслов. Автор сделал все возможное для того, чтобы смысл открылся читателю как его собственная правда. Это, конечно, плодотворная иллюзия, потому что гений автора создал все возможности для оживления души и пробуждения в читателе творца. Целостное так просто и не просто восстановить. Целое состоит из некоей последовательности слов. Мы начинаем читать слова, но вдруг видим живых людей и человеческую жизнь. Ассоциативная память не дремлет. Слово вызывает в памяти обозначенный словом предмет. Это всегда происходит в реальности. Но чтобы воспринять целостное, надо от последовательности перейти к одновременности. Все являющиеся образы должны (конечно, в особенных связях) явиться одновременно. И тогда произойдет возвращение к слову. И слово изменит свое значение, превратится в художественный образ. Но одно дело одно событие держать в памяти, а другое – целый художественный мир. И чем больше удастся превращать последовательность слов, знаков, событий в одновременность, тем читатель ближе к этносемиометрии художественного произведения.

А. Лосев говорил, что оценка в художественном произведении колеблется между «да» и «нет» [1991]. Истина конкретна. Она всегда противоречивое сочетание противоположностей без одностороннего фанатизма и привязанности к одной стороне истины. Потому так часто абсолютное доверие к добру может обернуться злом, так же как абсолютизация зла тоже ложь. Все явления способны переходить в свою противоположность. Это, как правило, бывает при абсолютизации и лишении мысли конкретности. То же происходит и при абсолютизации прекрасного, нравственного. И тут поневоле вспоминаешь Шекспира с его ошеломляющей формулой «Добро есть зло, зло есть добро». Эти слова, или лучше сказать, целостная идея, или образ, подспудно звучат в творчестве Шекспира, но сформулированы в «Макбете». В трагедии зло растет, как ком снега, Макбет перестраивает обстоятельства – страну заливают кровью. Но это ведет к противоположному: «Зло пожирает зло». Возникает не-

кая величина, как говорят математики, является эффект критических величин. Происходит взрыв и зло оборачивается в свою противоположность. В «Ромео и Джульетте» монах Лоренцо хочет добра возлюбленным, но добро оборачивается злом, смертью Ромео и Джульетты. На это легко указать, но трудно объяснить. Шекспир иногда прибегает к метафизическим ответам на такие противоречивые вопросы.

Целостное дает возможность индивидуального прочтения, потому что одновременность целостного, восстановленного одним читателем, не совпадает с одновременностью другого. Хотя писатель с первых строк произведения обращает внимание читателя на знаки, по которым он сможет восстановить целостное и прийти к смыслам художественного создания. Целостное состоит из явлений, между которыми не жесткие, логические связи, но образные. Образные связи – это колебание между «да» и «нет». Они проявляются с различной глубиной и разными акцентами, потому что в художественном произведении всегда все многозначно, а не однозначно. Это и дает возможность художественному произведению поворачиваться разными гранями к разным читателям и разными смыслами по отношению к разным эпохам. И в этом нет ничего удивительного, потому что образ – это парадокс, противоречие. Он всегда многозначен, а не односторонен. В нем сопрягаются сразу три времени: прошлое, настоящее и будущее. Сегодняшний читатель, как правило, видит только настоящее. Но целостное восприятие позволяет прозревать в настоящем прошлое и будущее. Мир целостен, в нем всегда живут три времени. Так и в человеке сразу обитает не только актуальное время, но и архетипическое. И литература своим целостным вызывает в сознании и бессознательном архетипы. В этом тоже можно видеть ценность и смысл художественного произведения.

В целостном очень хорошо видно такое качество искусства как эстетическая неопределенность. Именно она позволяет художественному произведению быть антиномичным, амбивалентным, застрахованным от односторонности и воспитывает в читателе свободно чувствующего и мыслящего человека, она проявляет в нем талантливого человека. Читатель не просто читает, он воссоздает произведение как искусство, а, следовательно, создает свое произведение, как некий художественный вариант подлинника. В этом

также непреходящая ценность литературы и ее чтения. Литература пробуждает не только чувствующего человека, но и мыслителя.

Подобное познается подобным, или искусство быть читателем

Как же все-таки открыть читателю литературу как искусство? Не читать, а жить в литературе. Только тогда естественным образом, свободно вбирает читатель ценности художественного произведения. Литература органична, потому она является естественной средой для чувствующего прекрасное человека. Жить в литературе – счастье. Дети всегда становятся литературными героями, которых они любят и не любят. Ненавдя какого-нибудь героя, мы тем самым усмиряем в себе злые стихии, побеждаем их с помощью тех добрых чувств, которые разбужены в нас любимыми героями, т.е. прекрасным литературного произведения. Давно было замечено, что в сказках много жестокого, а не только доброго. И все-таки этот страх не пугает ребенка, он усмиряется тем прекрасным, красивым, что есть в сказке и переживается маленьким, чувствующим читателем-зрителем. И тот, кто в детстве перечитал много сказок, сумеет усмирять в себе, утихомиривать все жестокие страсти или хотя бы позволит своей совести быть справедливым судьей.

Человек – сумма не только реализованного, но и нереализованного, что тайно, подспудно живет внутри человека. Человек – венец двух реальностей, внешней и внутренней. Думается, что внутренняя действительность – это и ядро целостного человека.

Во сне мы изживаем свою дневную жизнь. Свои скрытые, непролитые слезы, невысказанные обиды, горести, радости. Литература – наш сон. Шекспир сказал, что все мы вышли из снов. Литература как искусство – это нереализованное поведение человечества. И если внимательно взглядеться, то можно увидеть: литература создается по образу и подобию человека.

В университете любимый учитель сказал точные слова: талантливая литература всегда нравственна. Это сложная, трудная проблема нравственного в литературе. Мир в целом нравственен, люди безнравственны. Литература как искусство нравственна, если эта нравственность не сиюминутна, а вечна. Когда нарушается это золотое правило, литературное слово становится безнравственным. Пушкин высказал гениальную мысль о нравственности в искусстве:

«Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Это – закон, который не могут переступить не только писатели, но и читатели. Главная цена, которую искусству платят и авторы, и читатели – вдохновенье. Если нет вдохновенья – нет искусства, есть рукопись. Если нет искусства, то нет и нравственности, правды, и человечности. Происходит падение художественных ценностей. Это означает деградацию автора, следовательно, и читателя.

Люди от искусства ждут хлеба, а не камня. Но сколь трудно отличить в литературе камень и хлеб, вдохновение и рукопись. Не зная об этом, читатель тратит одинаковую сумму за подделку и за алмаз.

Литературоведение

Как же научить читать литературу как искусство, хотя бы усвоить азы, азбуку искусства читать? Начинать надо с семьи. Это самый драгоценный момент для восприятия литературы как художественного произведения. Этот этап длится до 12 лет. Любое творчество – в основном интуитивная деятельность. Ученые установили, что до 12 лет идет активный процесс интуитивного постижения жизни. А потом вступает в силу всемогущий разум. И все принципиальным образом изменяется: разум подчиняет (а, значит, подавляет) животворное природное интуитивное в человеке. Начинается активное разоблачение мифов, сказок, фантазий. Но при этом человек теряет возможность предугадывать, теряет уникальную возможность интуитивно, без предвзятости воспринимать жизнь. Видит разумом, а не воображением. Но неслучайно человеку даны два полушария. Одно заведует эмоциями, другое – интеллектом. Ученые до сих пор бьются над загадкой, какой орган отвечает за интуицию. Очевидно, интеллект уверен, что все в человеке заперто в отдельные клетки, специализировано. Сердце отвечает за кровообращение, легкие – за дыхание. Но когда появляются такие понятия, как душа, сердце (не в биологическом смысле), то рождаются вопросы, на которые ученые не могут дать точного ответа. Сейчас наука уверенно говорит о шестом чувстве человека. В человеке, кроме биологически реального, есть иная сфера – внутренняя. Думается, что там и располагается интуиция. Есть такие важные, просто волшебные понятия – *целое* и *целостное*. Без них невозможно чувствовать, мыслить и понимать. Они придают смысл любому яв-

лению. Наши чувства, слова, поступки летучи, неуловимы без этих двух важных слов. Биологический человек – вполне обозримое целое. Это конечный человек. Его можно видеть, осязать. А вот внутренний человек невидим, но явственно ощущаем. Его можно воспринять только через другое пока для многих таинственное слово – *целостный*. Целостность – это и есть та сила, которая дает смысл Космосу, Вселенной, Человеку.

Искусство создано по образу и подобию человека. Главное свойство, помогающее человеку стать человеком, – подражание. Маленький человек все познает с помощью подражания. Подражание – источник перевоплощения человека из биологической особи в человека внутренней действительности. Здесь нельзя обойтись без такого понятия, как архетип. Архетип – это некая изначальная сущность, ядро не отдельного человека, но всего человечества. Биологический человек с помощью подражания и превращения становится человеком. Но только в том случае, если он подражает не только биологическому человеку, но космической, природной сущности всего человечества, запечатлевшегося в архетипе. Этот архетип постигаем только на путях интуитивных.

У родившегося биологического человека есть только возможности, заложенные архетипом человечества. Он не может сразу ориентироваться с помощью разума. Он ориентируется в жизни с помощью интуиции, которую родители либо заботливо развивают, либо губят. Ребенку настойчиво близкие люди внушают такую форму существования, как подражание всему имеющемуся. Природа дает человеку все возможности интуитивно жить в контексте всего человечества. Так человек растет биологически и сущностно.

Литература – идеальная действительность, но она имеет возможность превращаться в реальность с помощью чувствующего искусство человека. Литература – волшебное зеркало, которое создает в человеке центр особенного переживания жизни.

Есть два таких слова, как *ведение* и *видение*. Эти слова – близнецы-братья. Одно не существует без другого. Первое слово – *ведение* от *ведать*. Ведун – человек знающий. Второе слово – *видение*. Думается, что слово *видение* главное, управляющее ведением. Видение – восприятие мира, внешнего окружения человека. Но это слово вбирает и другой смысл. Видение – как явление незримого, становящегося видимым, осязаемым. Видение включает в себя внутрен-

нее зрение, которое обозревает, и то, что является перед глазами, и то, что проявляется в жизни, в реальности. Под внешней жизнью любого явления течет внешняя, не всеми зримая жизнь. Внешняя жизнь есть итог внутренней жизни. Человек непосредственно не может видеть это невидимое, но может чувствовать и постигать с помощью искусства. Прочувствованное, воспринятое превращает внутреннее в видимое. Ведение – оформленное, отвердевшее, остановившееся. Но это всего лишь оправда слова, за которой живет архетипическая глубина. Она не отражена в значении слова, но является через значение. Из этой глубины слова и рождается образ. Образ постигается как видение. Это путь от литературоведения к литературовидению.

Вся современная литература, а прежде этого сам читатель, устремилась в бессознательное человека. И самое важное – представила новый взгляд на алогизм и каузальность личности. Новая литература хочет из осколков отдельных наблюдений сотворить образ целостной индивидуальности. Литературоведение изменяет свой угол зрения и становится литературовИДЕНИЕМ. Только литературовИДЕНИЮ доступен внутренний человек. Литература изменяет зрение читателя, внушает неуловимые бессознательные импульсы в искусстве слова и в жизни.

Искусство читать искусство

Искусство – увеличительное зеркало (не случаен троп – гиперболы), иногда преуменьшающее (литота), но во всех случаях иносказание (метафора). Если зеркало, то в него можно смотреться и видеть собственное отражение. Посмотрим в рассказ Константина Паустовского «Дождливый рассвет». Только смотреться в него надо особенным образом, глазами воображения.

В новелле два главных героя – Кузьмин и Ольга Андреевна. Действие происходит во время войны. Бывший муж Ольги Андреевны поручил Кузьмину передать лично в руки письмо. Все реально, просто и обыденно.

Кузьмин обнаруживает на столе книгу и в ней он читает знакомые строки из Александра Блока: *И невозможное возможно./Дорога дальняя близка,/Когда блеснет в дали дорожной/Мгновенный взор из-под платка...*

Давайте взглянемся в стихи Блока: и невозможное возможно. Это оксюморон, в котором совмещено несовместимое. Эта вязь слов вызывает в нас удивление своей неожиданностью, завораживает тайной сочетания слов, зовет к разгадке, мысли. И заставляет на все невозможное взглянуть как на возможное. Это касается одиночества Ольги Андреевны и Кузьмина (они одиноки, отсюда их грусть, тоска по невозможному). Вчитываемся дальше в стихи поэта и видим привычную нам логику: невозможное легко становится возможным, если блеснет вдали дорожной мгновенный взор из-под платка. И тогда весь путь Кузьмина к дому Ольги Андреевны начинает звучать иносказанием. Дождь. Грязь. Слякоть. Темнота. А вот другая дорога: дождь стих. Вместо грязной дороги – парк, появляется звезда. Невозможное стало возможным. Он деликатно заставляет читателя увидеть вместе с Кузьминым блеск глаз Татьяны Андреевны и невольную цитату из Блока: *Из-под платка смотрели на него тревожные строгие глаза.*

Мы в своем воображении проделываем путь от этой строчки к стихам Блока. И нам все становится ясным и понятным. В начале рассказа вместе с Кузьминым читатели ощутили, прочувствовали всю тяжесть, неловкость, сонливость, неудобство грязной дороги. И потом вместе с Кузьминым пережили удивительную поэзию и легкость, когда Ольга Андреевна провожала через парк Кузьмина к пристани. Мы не просто повторили этот путь героев, но мы пережили (преодолевая этот путь) то неуловимое настроение, и едва-едва проявившееся чувство героев как первый шаг к преодолению одиночества. Так история героев отразилась, как в зеркале, в стихах Александра Блока, Так и читатели отразились в ощущениях, настроении и чувствах героев лирического рассказа К. Паустовского. Так все прозрачно, потому что Паустовский – художник. Он так написал свою новеллу, чтобы мы чужой мир пережили как свой собственный мир. Без нажима, давления на сердце и душу читателя. Нужно было увидеть стихи Блока, как часть художественного мира Паустовского, а через эти строки взглянуть на всю ситуацию, на каждый поворот сюжета, на каждую деталь. Тогда весь текст превращается в иносказание, в образ.

Обратимся к другому рассказу замечательного художника слова Юрия Казакова «Во сне ты горько плакал». Чтобы «правильно» читать художественное произведение, нужно с помощью вооб-

ражения взять себе в поводыри глаза и чувства ребенка. Ю. Казаков поставил перед нами неожиданный вопрос о загадочном превосходстве детей. Герои Казакова: отец и сын Алеша, которому исполнилось всего лишь полтора года. Маленький герой, под пером писателя, совсем немаленький. Это человек, который почти на протяжении всего рассказа молчит, потому что только учится говорить.

Рассказ этот трагический, написан так, что трагедией не воспринимается. В этом скрытая воля героя, но не самого произведения. Рассказчик не только повествует, но и действует. Он как будто главное действующее лицо трагедии. Но именно «как бы» лицо, как бы действующее. Но не ему удастся совершить главный поступок.

В рассказе три действующих лица. Кроме этих героев, названы мать и отец рассказчика. Они воплощают собою один из страшных периодов нашей страны-родины, когда насильно, болезненно разрывались сокровенные, кровные узы близких людей и уничтожалась очень важная любовь отца к сыну и сына к отцу. Судьбу рассказчика определяет то, что он вырос и стал человеком без отца.

В рассказе крупно подано яблоко, им лакомится полуторагодовалый мальчик и Митя – товарищ отца, который ест яблоки за несколько часов-минут до рокового выстрела. Нас на протяжении всего рассказа тревожит, мучает это непонятное для самого рассказчика сближение двух таких разных и родных жизней. Мы успеваем полюбить мальчика с первых секунд, как только увидели его. Эта любовь передана любовью мальчика к своему отцу. И глубоким инстинктом, безошибочно угадывающим взрослых людей. А еще какой-то неуловимой и непонятной для всех загадочной, но очень богатой, яркой жизнью чувств. Эти чувства на грани мистики и ясновидения. Пронзительная любовь почему-то рядом с обреченностью. Яблоко обращает нас к вечным истинам. Яблоко – грех, яблоко познания. Яблоко-познание, искушение, любовь, жертва. Пока эти слова выглядят случайными. Но не может автор дважды вспоминать о яблоках, Голгофе, змее. Хотя все это явлено как абсолютная непреднамеренность. Рассказ Казакова можно назвать «Реквием». Можно сказать, что это реквием по чувству.

Писатель погружает нас в прекрасный летний день. Очарование его трудно передать словами, потому что Казаков позволяет каждому из нас вообразить когда-то пережитый читателем день, который воспринимается как счастливый подарок судьбы и помнится всю

жизнь. Художник пишет этот день не словами, а волнением сердца. Слова здесь почти неприметны. Они – музыка и выражение редкого очарования жизнью. Особую музыку придает этому очарованию маленький Алеша, который весь уходит в живительное созерцание счастливого дня рядом с любимым отцом. Под его взглядом греется душа Алеши и наполняется молчаливой любовью к самому родному человеку и всему, что рядом. Он видит то, что не видит отец, чувствует то, что недоступно взрослому человеку. Не только мальчик все ощущает и все понимает, но и его понимают все, кто так близко приближается к его глазам. Не понимает только отец. Это рождает мелодию реквиема у отца по уходящей куда-то в темноту первозданности чувств. Они одаряют Алешу такой зоркостью, что, кажется, его душе открывается сама вечность. В бесконечный летний день на отрока нисходит бесконечность всего сущего. И это не выдумки. Казаков взыскует по исчезающей первичности чувств и ощущений. Пожалуй, автор слишком настойчив в своей ностальгии по чувствам, уходящим куда-то в песок, не оставляя за собой ни малейшего следа. И эта настойчивость красноречива в этом рассказе.

Чуткого читателя заденет ритм повторяющихся недосказанностей автора. Эти три точки после фраз, отведенных Мите, воспринимаются как нотные знаки внезапно оборвавшейся жизни – недосказанности, недоговоренности, запоздалости вдруг явившихся как упрек запоздалых чувств, прозрений. Невыговорившаяся душа, вдруг замолчавшая. Автор резко отходит от рассказчика и начинает смотреть на него как бы издалека. Начало рассказа сразу сводит две мелодии. Мы успеваем запомнить Митю, созданного для большой и длинной жизни. Говорит он мало, но его трогательный взгляд на Алешу, счастливый отклик и счастливый смех Алеши от прикосновения к его лицу Митиному взгляда и губ говорят больше слов. Их что-то навсегда связывает. Но что? Мы почему-то запоминаем молчание Алеши и молчание Мити, недоступное отцу. В этом как будто звучит ему какой-то упрек.

Рассказ создается, как музыка, не только ритмом рассказа, ритмическими повторами пауз, умолчаний. Скрытое движение загадочного, ускользающего чувства, которое, как ни странно, исходит от Алеши. Отец задает себе вопросы. Хочет перевоплотиться в Алешу, чтобы оглядеть мир его глазами, почувствовать жизнь его светлым взором. Он вспоминает давно прозвучавшую мысль, что

весь мир создан для того, чтобы на него посмотрел ребенок – маленький человек с большой душой и живым сердцем. И все это внезапно начинает звучать скрытым обвинением отцу.

Пуля, которой убивает себя Митя, была той, которую отец дал своему товарищу. Это звучит прелюдией к трагедии. Но отец не слышит того внутреннего голоса, к которому вольно или невольно взывает Митя. Этот эпизод о патронах и пулях в рассказе становится событием для читателя. Мелодия реквиема прозвучит трижды. Однажды Митя попросит патронов у отца. На всякий случай, против непрошенных пришельцев. И отец, посмеиваясь, даст своему другу шесть патронов. Второй раз Митя как бы невзначай спросит, можно ли дробовым зарядом убить человека. И отец ответит утвердительно, приведя наглядный пример. И в третий раз прозвучит роковой выстрел, когда отец с Алешей будут отдыхать на море.

Все эти эпизоды вспоминает отец. Мы на них должны смотреть глазами повествователя. Но мы воспринимаем их другими глазами. Два времени – две позиции. Запоздалые чувства, запоздалое прозрение, запоздалое раскаяние. Кстати, все эти бесполезные нюансы рассказчик уводит в подтекст. Очень сдержанно, без комментариев, но из-под слов рвется другое слово, другое чувство. Если бы не скрытые чувства Алеши, рассказ не звучал бы реквиемом, обернувшейся трагедией. Прекрасный, как божья благодать, бесконечный летний день ... и самоубийство. Возможно ли такое? Только сейчас приходит рассказчику опоздавшая мысль. Как тяжело, одиноко было Мите. И все чудилось ему, что кто-то рвется к нему в одинокий дом. Только сейчас отца пронзает: «Это смерть рвалась». Оглядываясь, отец видит после себя черные следы. Это говорит он сам, но вряд ли он осознает весь драматизм этих черных следов. Подспудно начинает вдруг выговариваться страшная мысль: это не самоубийство, но убийство. Вот она немота чувств и глухота.

Уже после смерти Мити, отец смотрит на Алешу и печально думает, что Алеша забудет и никогда не вспомнит тот день, когда его сердце отозвалось счастливой улыбкой на нежную приязнь Мити. Это западает в память, но почему так сказал отец. Да, загадочна душа Алеши для отца, сыну исполнилось к тому времени всего лишь полтора года.

И, наконец, потрясающий финал рассказа. Он придает всем героям скульптурную выпуклость и глубину греческой трагедии.

Обнаруживает трагическую интонацию как будто мимолетных чувств, открывающих подтексты жизни, иносказание людей. Летний памятный день заканчивается слезами Алеша. Он долго и горько плачет во сне. И, проснувшись, долго не может успокоиться. Отец этому дает толкование. Алеша, вкусив яблока с дерева познания (здесь ситуация и смысл древнего яблока изменяются до неузнаваемости), преодолел новый рубеж, стал другим. Ему открылась истина, неведомая отцу. И это открыло Мите свой путь, непохожий на путь от отца. И тому поневоле захотелось тоже плакать. Но причина, которая вызвала слезы Алеша, другая.

В самом начале мы увидели, что этот миф о яблоке связывает Алешу и Митю. Их загадочные молчания, их тайны – все это сближает таких неравных по возрасту героев. И объяснение тому одно. В тот летний день Алеша увидел, почувствовал, прозрел смерть Мити. Всем своим существом увидел, что Митя прощается с ними. И слезы его об этом. Дети плачут во сне, чтобы преодолеть свою боль и печаль, которая ранила их днем. Во сне они хотели бы освободиться от дневных ран, которые им ежедневно наносит жизнь.

Представим на минуту, что плачет не Алеша, а плачет отец. И Митя бы не погиб, остался бы жить, но этого не происходит. Он не услышал дыхание смерти. И самое главное, какая-то весть рвалась к отцу из сна младенца. Но эта весть осталась неразгаданной. Чувство отца не смогло услышать зов чувства своего сына. И погиб человек, который воплощает собою вместе с Алешей прекрасное в этой жизни. Вспомним самое начало рассказа: «Во сне ты горько плакал». Сразу же в первой главе мы узнаем о смерти Мити. Но эта фраза была сказана в связи с Алешей, о котором отец говорит, что он забудет про Митю и еще многое.

Это произведение Казакова приводит нас к мысли, что иногда некоторые герои как бы воплощают саму суть искусства. Так же, как маленькая загадочная Уля из одноименного рассказа Платонова, будучи прекрасным ребенком, неведомыми путями открывает нам суть искусства, так же и маленький Алеша воплощает собою загадку искусства. И по существу, отец «читает» Алешу, как таинственную книгу жизни, которая так богата своими загадками и вопросами, что может открыть неизведанное, непонятное взрослому человеку о вечности и бесконечности жизни.

Андрей Платонов и Юрий Казаков – близкие - далекие писатели. Все художники – близкие родственники. Они как один образ мирового искусства. И живут рядом по принципу – совмещение несовместимого. Образная связь – самая важная, что соединяет и отделяет писателей друг от друга. Они, как творцы художественно прекрасного, живут в эстетической атмосфере. Между ними особая связь, отличная от близкого соседства разных философов. Это, кстати, определяет качество эстетического круга, который принято называть направлением в истории искусства и литературы. Правда, этот выход произведения в мир осуществляется на путях личного художественного поведения. Художественное произведение – это творческое поведение писателя. Его эстетическое бытие. Художники вступают в жизнь как художники. Это до сих пор остается неисследованным. Символистам здесь больше повезло. Они жили, как творили. И хотели объединить искусство и жизнь. Они понимали образную связь художника и среды буквально. И оставили после себя трагические следы своей личной жизни.

Юрий Казаков и Андрей Платонов – две разные планеты. Но их творческое поведение оказалось очень близким. Они стоят особняком в русской литературе. Причины здесь разные. Платонова и Казакова никогда не окружала громкая толпа поклонников. И сейчас эта особенная связь писателей со своими читателями не изменилась. Во всяком художественном образе есть две половинки, слитные, неразделимые. И в то же время полярные. У некоторых писателей в центре образа – общее (эпос), у других – индивидуальное (лирика). Это по видам литературы. Но этот принцип также виден и в поэтике художественного творчества, в стилевом поведении образа автора.

Непростые эстетические взаимоотношения Казакова и Платонова – в их ярко выраженной индивидуальности. Индивидуальность – такой плод, который не так легко прививается к общему дереву человеческой жизни. Но, как ни парадоксально, за счет таких индивидуальностей развивается общее. И, может быть, потому такие писатели, художники нужны в соборе жизни в первую очередь. М. Цветаева хорошо сказала: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед». То же можно сказать о Платонове и Казакове. Превратности читательского внимания весьма парадоксальны. «Мастер и Маргарита» воспринимался в шумных восторгах.

Агрессивные голоса тоже были. Но трудно сказать, что роман Булгакова прочитан. Читатель должен созреть до художественного чтения.

Рассказ Юрия Казакова «Во сне ты горько плакал» эстетически очень близок рассказу Платонова «Уля». Но акценты в них абсолютно разные. Казаков и Платонов конгениальны по своей противоположности друг другу. И очень близки.

В рассказе Юрия Казакова Алеша счастлив. С ним рядом отец. Правда, есть такой странный момент. Алешин материн в рассказе нет. И это бросает еще один блик на его слезы во сне. Мать в рассказе упоминается мимоходом. Но совсем не по отношению к Алеше. Это сближает отца и Алешу. Отца забрала жестокая российская история. Впрочем, это неважно для сердца ребенка. Или другая женщина вмешалась, или безжалостная эпоха. Итог один. Нет взгляда любящего, чувствующего, родного человека, под взглядом которого созревает хрупкая, ранимая внутренняя жизнь юного человека. Улю оставила мать. Это – несчастье. Для Платонова существуют два мира – мир матери, родившей ребенка и мир внешний, другой мир. У Платонова – это не чужой мир. Он, по мысли писателя, должен стать большой матерью после женщины, родившей и воспитавшей дитя. Жизнь маленькой Ули – это большая, многособытийная сага. Брошенная возле колодца, Уля не осталась без любви. Платонов, так же, как и Юрий Казаков, очень чуток к любому прикосновению природы. И потому у Платонова природа никогда не безучастна к человеку. И в рассказе вместо родной матери (это для Платонова трагедия: у юной еще, не созревшей души должны быть родные люди: отец и мать) появляются неродные, приемные родители. Все жители любят Улю. Это дар природы, который восстанавливает гармонию жизни прекрасного ребенка. Но эта любовь не делает Улю счастливой. Юное сердце не может не чувствовать, что у нее нет рядом родной души. И потому зрение Ули не принимает то прекрасное, что дают ей добрые люди. Душа должна созреть для внешнего мира, созреть органически. Только через любовь людей, породивших в любви родное чадо Уля дает свет людям. Она открывает им истинную правду о каждом человеке. Этот свет возвращает людей к человеческому истоку. Злые становятся добрыми. В этом не желание Ули, а благодать от природы, чтобы девочка не оказалась раненой дважды, чтобы она сразу же не лишилась двух

матерей – родной и людской большой матери. Без взросления души под взглядом любящей матери, по Платонову, человек не может различать доброе и злое. Для маленькой Ули без матери добро и зло неразличимы, как для шекспировского Макбета: добро есть зло, зло есть добро. Родная мать обрекла Улю на трагическое существование. Природа защитила Улю своим драгоценным даром: у нее в глазах отражались люди во всей их правде. Они видели правду и приходили к истине о себе. Безобразное под взглядом Ули становилось красивым. Природа же в глазах Ули становилась еще прекраснее. Это бессознательная благодарность большого сердца за ту защиту от людей, которую ей подарила природа. Это не сказочный момент. Мы знаем, что природа всегда приходит на помощь несчастным: слепые «видят» ушами, глухие «глазами». Потому нас так поражают великолепные зрительные образы в творчестве слепого русского поэта Козлова. Наверное, по той же самой причине «Илиада» и «Одиссея» слепого Гомера потрясает, завораживает своей зрелищностью, выразительными зрительными образами

Но финал рассказа об Уле парадоксально неожиданен: женщина, бросившая маленькую Улю, прозрела и пришла, чтобы вернуть себя дочери. Поцеловав Улю в оба глаза, она вернула ей ясность в различении добра и зла. Но сразу же после этого Уля потеряла природный дар: никто больше не видел с тех пор в Улиных глазах правду о себе. Уля «стала красивой девушкой, столь красивой, что была лучше, чем нужно людям; и поэтому люди любовались ею, но сердце их оставалось равнодушным к ней».

Как же все-таки понять концовку рассказа. Платонов здесь исходит полностью из своей мысли о любви вообще. Для него причина трагедии Ромео и Джульетты была бы только в одном: их поглощенности своей любовью и отгороженности от мира. Если бы Шекспир написал такую трагедию, то она, конечно, не осталась бы в веках (попутно отмечу, что сейчас был представлен Платонов и Шекспир в единой эстетической атмосфере. На этом фоне ярко предстали индивидуальности конгениальных по своей противоположности художников, их сходства и различия).

Любовь Платонова неотрывна от быта, вписана в быт. Поэтому свою Афродиту (в одноименном рассказе) герой находит в пивной, когда он наблюдает за пивной пеной. Абсолютно несовместимая аналогия. А для Платонова такое сближение пены морской и

пены пива естественны. Дело, конечно, определяет человека, но у Платонова любое дело определяется личностью.

Платонов различает красивое и прекрасное. Откройте рассказ Платонова и вы увидите, что вначале он называет Улю всегда прекрасной и никогда красивой. Красивой Уля становится в конце рассказа. Вначале Уля прекрасна. Это два уровня эстетического для Платонова. Именно, когда Уля прекрасна, она нужна всем, как только она стала красивой, народ стал к ней безразличен. Здесь Платонов пишет одновременно о назначении искусства и предназначении человека. Когда человек нужен людям и вносит в общую жизнь свое личное, индивидуальное, выделяющее его из всех, но такое индивидуальное, без чего все люди не могут жить, он становится прекрасным. Здесь эстетика и этика совпадают. Этот дар приносит самой Уле слезы, боль. Трагизм служения общему делу всегда отличает правдоискателей, праведников, гениев, талантливых людей. Несмотря на собственную боль, страдания, нужно нести в мир, людям свет. Уля, исцеленная матерью от мук, боли, страданий, потеряла свой дар. А человек без личного дара – не творец, а просто потребитель, потому он живет за чужой счет. Он не соучаствует своей душой, сердцем в общей людской жизни.

Любовь для себя – эгоистична. Она не обогащает. Она берет, но не одаряет. Потому Уля выходит из рассказа не прекрасной, а красивой.

Юрий Казаков и Андрей Платонов близки своими рассказами, потому что они не только создали художественных героев Алешу и Улю, но явили образ искусства. Герои стали его воплощением. Все ценностные характеристики искусства и литературы, их цели, назначение и предназначение писатели представили в своих героях.

Автор учит читателей своему языку. Но с первого раза почти невозможно усвоить эту необычную азбуку чтения художественного произведения. Зато после ее усвоения читатель начинает видеть внутреннюю действительность, внутреннего человека не только в искусстве, но в себе и в жизни.

Ценностные аспекты концепта *valeur* (на материале произведений французских писателей)

Понятие «ценность» становится одним из важных объектов изучения в различных областях современной науки, в частности, – в философии [Каган 1999]. В современной лингвистике изучению аксиологических аспектов языка и речи также уделяется значительное внимание. Без обращения к ним нельзя представить ни теорию, ни практику интерпретации [Бочкарев 2003: 13], которая состоит в выявлении особенностей квалификации объекта, состояния или действия. Занимаясь этой проблемой, исследователи стремятся понять, какие сферы жизни того или иного народа, личностные свойства людей, составляющих его, их интеллектуальные, антропологические особенности становятся объектами оценки. Онтологический статус ценностей не может быть определен в понятиях объективистской ментальности, служащей познанию реальности объективного бытия. Здесь нужна онтология «между», т.е. «релятивистская» и «связывающая» реальность с творческой активностью личности [Крысин 2005: 451].

Выявляются различные критерии ценности. Одним из них является соотнесенность с духовным идеалом. Они соотносятся с ориентацией человеческого поведения по отношению к самому себе, близким, обществу, миру. Они помогают ответить на вопросы: достойно ли что-то уважения, восхищения, неприятия, отрицания, следует ли этому следовать. Отнесение к ценности происходит, кроме того, на основе переживания (стыда, гордости, счастья) [Виккулова, Серебренникова 2006].

Французское слово *valeur*, выбранное нами предметом исследования, переводится на русский язык как «ценность», которая, как поясняет словарь, обозначает «то, что достойно уважения» в человеке и обществе, а также, то, «что достойно для жизни и деятельности человека» [Le Petit Robert 1979: 2061]. Смысловое наполнение концепта *valeur* во французском языке еще недостаточно исследовано. Необходимы дальнейшие усилия для установления его семиограмии. Показательно, в этой связи, что в ассоциативном словаре [Delas 1979] статья, посвященная слову *valeur*, отсылает к таким ба-

зовым словам, как *banque, courage, estimer, importance, peinture*. На основании этого можно сделать вывод о том, что понятие «ценность», формируется во французском языке целым рядом ядерных слов и обуславливается этническими особенностями французской нации, своеобразием ее языка и культуры.

Очевидно, что для выявления концептосферы слова *valeur*, помимо словарей, необходимо привлечение дискурсивных сфер, в которых оно используется. Одной из таких сфер является художественная литература. Анализ функционирования данного «ценностного» концепта в художественных произведениях позволяет, на наш взгляд, более полно выявить основные составляющие языкового представления писателем человека и общества в различные исторические периоды, его отношение (аттитюд) к изображаемым явлениям.

Одной из задач рассмотрения смысла концепта *valeur* может при этом стать анализ динамики его развития, степени присутствия в художественных текстах различных эпох. Возможно сопоставительное изучение концептосферы «ценность», репрезентируемой в литературах, принадлежащих разным лингвокультурным сообществам, в частности, – русскому и французскому.

В дальнейшем изложении мы рассмотрим некоторые особенности использования слова *valeur* во французской классицистической литературе, а также в отдельных произведениях писателей Франции XX века.

1. Французская классицистическая литература продолжила традиции Ренессанса, и одновременно решала собственные задачи. В этот период появились новые литературные жанры. Их описание мы находим, например, в известном трактате Н. Буало «Поэтическое искусство». Количество литературных произведений эпохи Классицизма необозримо. Мы ограничимся лишь несколькими диагностирующими текстами, представляющими основные жанры эпохи: трагедию, психологический роман, надгробную проповедь, максимы, комедию. Выборка языковых единиц, формирующих концепт *valeur* в этих произведениях, может дать определенное представление о смысловом наполнении исследуемого явления, выявить основные детали, дающие представление о его семиомерии. В данной связи следует заметить, что мы, вслед за А.-Ж. Греймасом [Greimas 1966], рассматриваем «сему» как операциональную едини-

цу, имеющую реальность и существующую в человеческом разуме. Поэтому семный анализ следует рассматривать как часть теории значения, имеющую непосредственную связь с теорией отношения языка и человеческого разума.

Жанр классицистической трагедии нашел свое яркое воплощение в произведениях П. Корнеля «Сид» [Corneille 1886] и Ж. Расина «Федра» [Racine 1859].

В произведении Корнеля, где показывается борьба между любовью и долгом, было выявлено пятнадцать случаев использования понятия *valeur*. Приведем некоторые из них: *La valeur de son père en son temps sans pareille* (60); *Votre rare valeur a bien rempli ma place* (64); *J'ai vu par sa valeur cent escadrons rompus* (67).

Во всех примерах слово *valeur* служит для изображения Родриго и его отца дона Диего, готовых отдать жизнь за честь семьи. В приведенных контекстах слово *valeur* содержит семы *courage*, *vaillance*, *volonté*, *sang-froid*, *héroïsme*.

Слово *valeur* в тексте Корнеля нередко сопровождается эпитетом, вносящим оценочные нюансы в его содержание:

Ta funeste valeur m'instruit par ta victoire (88).

Используется также фразеологический синоним рассматриваемого понятия: *Rodrigue, as-tu du coeur?* (87). Данный фразеологизм строится на метонимии. Отметим в этой связи также функционирование в рассматриваемом тексте метонимического слова *bras* со значением «сила», «мужество»:

Ce bras jadis l'effroi d'une armée ennemie (82).

Et son bras valeureux n'est funeste qu'à moi (96).

Анализируемое произведение показывает, что метонимия в нем выступает в качестве эффективного средства варьирования средств актуализации рассматриваемого концепта. Это характерно и для других классицистических текстов.

Автор прибегает, кроме того, к узуальному синониму, отличающемуся от базового слова синонимического ряда объемом значения: *Que les plus valeureux avec impunité / Soient exposés au coup de la témérité* (81).

Слово *témérité* в данном случае обозначает меньшую степень храбрости по сравнению со словом *valeur*.

Разнообразие способов выражения понятия *valeur* увеличивается с помощью конверсивов. Приведем несколько контекстов:

Si vous fûtes *vaillant*, je le suis aujourd'oui (64).

Les hommes *valeureux* le sont du premier coup (74).

Ce choix n'est pas douteux, et sa rare *vaillance*.

Корнель усматривает в любви добродетель. Однако честь выше любви (страсти). Утрата чести влечет за собой потерю любви, более того, права на любовь. Для защиты чести необходимо мужество (*valeur*).

Здесь следует согласиться с мнением А. Маслоу о том, что «лестница ценностей во многом совпадает с идеалами, к которым зовут религии, например, к умению подняться над своим Я, к соединению истины, добра и красоты» [Цит. по: Каган 1999: 21]. Нравственные ступеньки, как видим, получают в произведении П. Корнеля отчетливое воплощение.

Они обнаруживаются, но в несколько иной расстановке, в трагедии «Федра», созданной другим автором французского классицизма – Ж. Расином. В ней главным предметом изображения является страсть. Видимо поэтому слово *valeur* не встречается в этом произведении ни разу. Обнаруживаются лишь его синонимические варианты: *Ne pourrais-je, en fuyant un indigne repos, / D'un sang plus glorieux teindre mes javelots?* (488). *Tout fuit, et sans s'armer d'un courage inutile, / Dans le temple voisin chacun cherche un asile* (504).

В данных случаях эпитет *glorieux* и существительное *courage* являются лексическими компонентами семантического поля слова *valeur* и суггестируют идею мужества.

Следует отметить среди аксиологической лексики произведения Расина слово *vertu* (добродетель): *Faut-il que sur le front d'un profane adultère / Brille de la vertu le sacré caractère!* (494).

Страсть подталкивает героиню произведения Расина к утрате добродетели, к бесчестящим и унижающим ее поступкам.

Эта тема иначе трактуется в произведении Мадам де Лафайет «Принцесса Клевская» [La Fayette 1973], в котором героиня, как в душе, так и во внешних проявлениях, стремится до конца оставаться верной супружескому долгу. Названное произведение по праву считается лучшим психологическим романом французской классической литературы. Именно в этом романе мы находим яркие образцы изображения человеческой психологии.

Слово *valeur* используется в «Принцессе Клевской» 7 раз, например:

Sa valeur était soutenue de toutes les autres grandes qualités (131).

Как свидетельствуют пример, слово *valeur* выступает здесь в значении «доблесть», «храбрость».

Обнаруживается, кроме того, несколько близких по смыслу слов, развивающих данные понятия. Это однокорневые слова *vaillant, valeureux* и их синонимические варианты – *hardi, courageux*:

Il était beau, de bonne mine, hardi, libéral (132).

Слово *valeur* в романе Лафайет функционирует параллельно со словом *honneur*. Вместе с тем, по частотности оба слова уступают наиболее «ценностному» слову в произведении французского романиста и, видимо, в литературном творчестве многих писателей этой эпохи – слову *vertu*. Данную особенность можно объяснить, прежде всего, тем, что писатели-классицисты стремятся показать внутреннюю жизнь человека, наполненную страстями и размышлениями. Концепт *vertu* нередко конкретизируется у Мадам де Лафайет с помощью эпитета – *austère vertu* (298). Он может развиваться благодаря другим словам, например, *qualité*.

Подобное соотношение терминов *vertu* и *valeur* можно наблюдать и в «Мыслях» Блеза Паскаля [Pascal 1967: 86] : *Je n'admire point l'excès d'une vertu, comme de la valeur, si je ne vois en même temps l'excès de la vertu, comme en Epaminondas, qui avait l'extrême valeur et l'extrême bénignité*.

Слово *valeur* функционирует и в другом распространенном жанре этой эпохи – надгробной речи. Одним из известных авторов такого жанра был католический проповедник Ж-Б Боссюэ. Нижеследующие примеры взяты из надгробной проповеди, произнесенной в память принца Конде:

Il est vrai aussi que ce duc avait donné des marques d'une valeur si admirable et avait eu de si heureux succès qu'il n'y avait point de grand capitaine qui ne dût le regarder avec envie. Sa valeur était soutenue de toutes les autres grandes qualités. Le chevalier de Guise était un prince <...> d'une valeur célèbre [Bossuet 1865:131].

Надо сказать, что в сборнике надгробных проповедей Боссюэ, произнесенных в память о лицах мужского и женского пола, рассматриваемый концепт объективируется преимущественно в текстах, посвященных мужчинам. Этот концепт используется главным образом для создания психологического портрета усопшего, участвовавшего в ратных деяниях.

Синонимическим вариантом слова *valeur* в тексте Боссюэ является лексема *ardeur*. Концепт «мужество» получает развитие также благодаря слову *réputation* (213) и однокорневому прилагательному: *Trois fois il fut repoussé par le valeureux compte de Fontaines*. В одном из контекстов обнаруживаем синоним этого прилагательного, усиленного с помощью метафорического сравнения: *Plus courageux que les lions* (211).

Центральным «ценностным» термином у Боссюэ выступает, также как и в произведении Мадам де Лафайет, слово *vertu*, получающее развитие во многих контекстах. Слово *valeur* используется в названных выше значениях и писателями-моралистами. Это можно видеть в следующей максиме Ларошфуко [La Rochefoucauld 1887: 49]: *La parfaite valeur est de faire sans témoins ce qu'on serait capable de faire devant tout le monde*.

По нашим наблюдениям, в литературе классицизма почти не наблюдаются другие значения концепта *valeur*. Одно из них, однако, реализуется в глаголе *valoir*, использованного в произведении Ж. Лабрюйера «Характеры» [La Bruyère 1967]: *Il n'est pas si aisé de se faire un nom par un ouvrage parfait, que d'en faire valoir un médiocre par le nom qu'on s'est déjà acquis*. В данном случае актуализируется значение «ценность».

Заканчивая анализ диагностических контекстов, скажем, что в классицистической комедии термин *valeur* используется редко. Например, в «Тартюфе» Ж.Б. Мольера [Molière 1996] он не встретился ни разу. По-видимому, это объясняется своеобразием тем, получающим развитие в комедии. Вместе с тем, в упомянутом произведении Мольера достаточно частотным ценностным словом является *vertu*: *Je veux une vertu qui ne soit point diablesse* (112).

Комедия нравов Мольера, критикуя лицемерие и ложь, призвана формировать у зрителя чувство добродетели.

Итак, концепт *valeur* получает определенную репрезентацию в произведениях французского классицизма. Он формируется с помощью однокорневых существительных, прилагательных и глаголов, а также синонимов (*qualité* и др.) — порой метафорических и метонимических. Слово *valeur* (и его варианты) выступает в рассматриваемый период как одно из составляющих концепта «ценность». Смысл этого концепта основывается на устойчивых значениях, обозначающих, главным образом, положительные физические

ские и моральные качества мужчины. Изученный текстовый материал позволяет также утверждать, что ключевым термином в структуре концепта «ценность», реализуемом в литературе французского классицизма, является слово *vertu*.

2. Во французской литературе XX века наблюдается определенное изменение наполнения концепта *valeur*. На основе ценностей персонажи формируют отношения, определяют приоритеты и цели деятельности, занимают политические позиции и др.

Рассмотрим в данной связи ценностные аспекты названного концепта, его семиметрию (положительное и отрицательное смысловое наполнение) в романе Р. Мартен дю Гара «Семья Тибо» [Martin du Gard 1960], изображающем переломный для французского общества исторический период. Это многотомное произведение посвящено изображению событий Первой мировой войны и предшествующего ей периода. Писатель, повествуя о судьбах Франции и всей Европы, исследует актуальные вопросы современной жизни, рассматривает насущные философские и социальные проблемы [Наркирьер 1963: 101], касающиеся свободы, войны, религии, дружбы, справедливости.

Исследование семиметрии ценностных смыслов предполагает изучение использования языковых средств, выражающих сущностные смыслы социального бытия, таких, как благо (вред), добро (зло) и др., а также лексических особенностей изображения внутреннего, душевного мира героев. Это, прежде всего, абстрактные слова, которые позволяют судить о моральных и нравственных ценностях человека. Кроме того, современные методы изучения лексической семантики показывают, что значение большого числа лексических единиц (в том числе и тех, которые, на первый взгляд, кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включает в себя лингвоспецифические конфигурации идей [Уфимцева 1986: 30]. Как справедливо замечает Е.Г. Беляевская, говоря о процессах номинации, «лексическое значение ЛСВ включает в себя не только указание на обозначаемый предмет, процесс или признак. В нем также можно выявить указание на эмотивное отношение номинатора к обозначаемому объекту, а также общее указание на круг коммуникативных ситуаций, в которых может использоваться данное наименование» [Беляевская 2005: 61].

При рассмотрении аксиологических аспектов концепта *valeur* в романе Мартен дю Гара мы стремились выяснить, какие слова этого произведения являются наиболее насыщенными в ценностном отношении. К ним следует отнести ключевые концепты, получающие весьма разнообразную аксиологическую детализацию, нередко субъективную, выражаемую благодаря использованию окказионализмов, паремиологии и др. В художественном тексте аксиологические смыслы могут получать выражение в связи с развитием художественного замысла писателя, ставящего перед собой цель рассмотреть интересующую его проблематику.

Центральная тема, которая рассматривается в романе Мартен дю Гара, – это взаимоотношение индивидуума и общества, в процессе которого происходит вычленение ценностного отношения человека к миру. В «Семье Тибо» формулируется мысль о равной ценности индивидуума и всего общества. Ценность отдельного человека, по мысли автора, составляет основное достояние общества, и оно должно прилагать усилия, чтобы не допустить девальвации значимости индивидуума. Особенность показываемого в романе общества заключается в том, что человек утрачивает в нем свою индивидуальность, теряет веру в свои силы и возможности в результате влияния мировых катаклизмов и, прежде всего, войн и революций. Он может стать объектом насилия со стороны другого человека. Эта мысль находит в романе выражение, в частности, с помощью развития концепта *autorité* при изображении отношений Оскара Тибо и его сына Жака.

Представляется целесообразным начать анализ произведения Мартен дю Гара с контекстов, в которых используется слово *valeur*. В тексте романа обнаруживается ряд высказываний, в которых используется данное слово. Приведем некоторые из них: *Sans abdiquer d'abord sa valeur* (II, 55); *Valeurs individualistes... Valeurs humaines... Crois-tu que les deux termes soient synonymes?* (II, 58); *La vraie révolution... ne s'accomplira jamais dans le déni des valeurs morales* (II, 74); *Un peu jalouxés aussi pour leur valeur personnelle* (II, 497); *Dans le bouleversement général de toutes les valeurs* (II, 610).

Развитие ценностной проблематики осуществляется в романе, прежде всего, в связи с изображением трех членов семьи Тибо – отца и двух сыновей, которые воплощают в произведении основные черты показываемого общества. В приведенных контекстах содержатся

основные значения концепта *valeur*, выражающие общечеловеческие моральные ценности (*valeurs humaines*), а также индивидуальные (*valeurs individualistes*).

Как уже отмечалось, в романе показывается, что общечеловеческие ценности подвержены опасностям, обусловленным социальной ситуацией в стране, а также мировыми катаклизмами. Такое смысловое содержание формируется в приведенных примерах словами со значением «крах», «гибель», «обман» (*renversée, déni, faussées, bouleverser, bouleversement*). Ценности индивидуума могут тем или иным образом меняться (*échelle*), они нередко подвергаются влиянию со стороны других людей (*jalousés, abdiquer*).

В некоторых из вышеприведенных примерах использовано выражение *homme de valeur* («ценностный человек»). Оно присутствует, в частности, в высказываниях двух главных героев – Антуана и госпожи де Фонтанен, которые являются носителями отчетливо выраженных мировоззренческих позиций. Антуан, в частности, утверждает, что *homme de valeur* может быть только врач: *En fait d'hommes de valeur, je n'ai guère approché que des médecins*.

В целом, прочтение романа позволяет составить представление о том, какой человек во Франции начала XX века подходит под определение *un homme de valeur*. Индивидуум приобретает в романе Мартен дю Гара значимость «ценностного человека» (*homme de valeur*) при условии, если ему свойственны определенные качества.

Анализируя смысловые признаки (семиомерию) слова *valeur*, мы остановились лишь на наиболее важных, с нашей точки зрения, средствах выражения аксиологии этого концепта. Среди основных лексем, способствующих как в количественном, так и в смысловом планах формированию концепта *valeur*, являются слова *énergie, force, volonté*, содержащие в большей степени положительную аксиологию. Названные слова, выражающие мысль о важности человеческой активности, подчеркивают основные требования к человеку, прежде всего в его социальной проекции, в эпоху революционных конфликтов и развития науки. Так, в одной из сцен, изображающей борьбу Антуана за жизнь сбитой фургонем девочки, показывается непоколебимая вера этого персонажа в свои силы (...*mais une force qu'il n'analysait pas le soulevait* I, 252). Следует отметить, что концептуальная структура названных слов в контексте романа сложна. Она, в частности, тесно контактирует, с антонимическими словами

faiblesse, violence. Отметим также группу слов, с помощью которых подчеркивается неприемлемость компромиссов, сделок с совестью. В этой связи одним из центральных в рассматриваемом произведении является концепт *mensonge* (*Des vies <...> soumises au mensonge I, 720*).

Один из важных аспектов концепта *homme de valeur* получает в романе наименование с помощью понятия *vertu*, развиваемого благодаря словам *bonté, dignité, honnêteté, pitié, courage*. В качестве антипода этого концепта выступает концепт *vice*, формируемый такими лексемами, как *insensibilité, indifférence, ambition*. К этому ряду присоединим прилагательное *autoritaire*, которым характеризуется лишь один Оскар Тибо. Деспотизм этого человека, отправившего своего сына в исправительную колонию, коренным образом повлиял на дальнейшую судьбу молодого человека.

Слово *vertu* приобретает аксиологическую маркированность благодаря коннотативным словам *lumière, pureté*. Что касается оценочной значимости концепта *vice*, то она усиливается, во-первых, посредством метафор *boue, animal (bête)*, экспрессивный потенциал которых черпается из манифестируемых ими признаков, и, во-вторых, группы слов, формирующих концепты *bassesse, hypocrisie*. Последнему из названных концептов противостоит в романе концепт *vérité*.

Среди средств формирования концептов *vertu* и *vice* в романе Мартен дю Гара существенную роль играют также предметные аксиологически отмеченные слова: *fauve, mouton, chemin (route), croc, troupeau, agneau* и др.

Как видим, смысловые приращения в анализируемом романе создаются за счет синонимии и контрастов, которые позволяют развивать художественную мысль. В романе отчетливо противопоставлены этические понятия «добро» и «зло». Это выражено, например, в следующей фразе: *Est-ce possible que tu aies perdu toute notion du bien et du mal* (II, 510).

Некоторые слова выступают в романе носителями как положительной, так и отрицательной оценочности. В этом плане, важное место в аксиологической карте романа занимают, например, слова *solitude, étranger*. Они двухполюсно окрашены. Вместе с тем, в контекстах произведения наблюдается преобладание отрицатель-

ной составляющей этих слов: *Chacun dans sa solitude hermétique, chacun dans son sac de peau* (II, 743).

Подобно этому, слово *révolte* имеет как положительную, так и отрицательную аксиологию. Его снижающая оценочность развивается, главным образом, с помощью слов *sang, violence, mort*. То же самое можно сказать и о слове *orgueil*. Особенно отметим слово *mort*. Смерть является в романе мерилем достоинства человека. Ею проверяются все три члена семьи Тибо.

Заметим, кроме того, ситуативную обусловленность оценочного значения концепта *beauté* в романе. Характерно в этой связи то, что два персонажа, в изображении которых в особенной степени присутствует этот признак – Жак Тибо и Даниэль де Фонтанен – противоположны по своим нравственно-этическим характеристикам.

Со знаком плюс, как и со знаком минус, используются в анализируемом произведении также такие оценочные слова, как *haine, volonté, ambition, exaspération, aversion, dureté, hostilité, ingénuité, modestie*. Аксиологическое понимание названных концептов меняется в каждом конкретном случае. Понимание, как справедливо считает А.А. Ивин, является не постижением истины, а постижением ценности, которая носит субъективный характер и стандарты которой меняются от человека к человеку, от среды к среде и от общества к обществу [Ивин 2006: 37]. Так, слово *modestie*, которое обычно имеет положительную оценочность, приобретает в контексте романа отрицательные коннотации: *Ni vanité, ni modestie. Se savoir fort, pour l'être* (II, 749).

Отмеченные выше языковые средства помогают писателю создать определенную картину мира, выразить с помощью персонажей некоторый мировоззренческий смысл. Показательно, что главные герои романа до конца хотят быть полезными людям. Так, Антуан совершает подвиг ученого: он до самой смерти ведет журнал наблюдений за прогрессированием своей болезни, а Жак прилагает все возможные усилия для предотвращения войны и гибнет в конечном итоге за идею.

Представляет интерес количественная сторона аксиологически окрашенных слов, использованных в художественном произведении. Говоря в общем плане, статистический подсчет в сопоставительном аспекте помогает делать определенные выводы об эмоцио-

нальном состоянии героев в тех или иных произведениях и экстраполировать эти данные на эмоционально-психологическое состояние народа в определенный исторический период, выявлять этнические особенности психологии [Уфимцева 1986].

В анализируемом романе одними из наиболее частотных являются слова *solitude, violence*. Это позволяет автору показать некоторые особенности психологии людей изображаемой эпохи. В частности, посредством изображения Жака, носителя бунтарского мотива, в романе акцентируется идея бегства, одиночества: *Il a profité de la guerre pour une nouvelle évasion* (II, 611).

Индивидуальные ценности героев выражены, главным образом, в связи с формированием концептов *bonheur, joie* и их антиподов *misère, malheur, douleur*.

Отметим, что аксиологические смыслы позволяют формулировать понятия, включающие наиболее важные признаки предмета (в научном и философском аспектах), в их взаимосвязанности и взаимозависимости, способствуют возникновению различных ассоциаций морального, социального, религиозного и иных планов. Семиометрия ценностных смыслов дает возможность выявлять, помимо основного значения, коннотативные значения. Известно, что понятие несет лишь часть информации о предмете. Фактически любое слово обладает коннотациями, понимаемыми как «знание, получаемое на основании операций логического вывода из концептуальной структуры обозначаемой предметной области, задаваемой концептуальной внутренней формой обозначения (КВФ)» [Беляевская 2005: 64]. Осмысление этой области человеком может вызывать у него определенные чувства и эмоции, на основе которых формируется оценочное отношение.

Коннотации поставляют важные смыслы, составляющие часть эстетического содержания романа «Семья Тибо». Обратимся в этом плане к уже упомянутому выше концепту *force*, развиваемого в анализируемом произведении: *L'homme sain doit vivre selon la force* (II, 260); *Cette force qui est en lui <...> c'est ça qu'on appelle le génie* (I, 340); *Père était une force* (I, 638).

Собственно коннотативные составляющие названного концепта обнаруживаются в следующих контекстах:

Il faut toujours se démener (II, 269); *Un fleuve de lave* (II, 312); *Cette puissance de vie* (II, 416); *Ce grand laborieux* (I, 278); *Cultive ta volonté* (II, 763).

В романе используется ряд слов, с помощью которых создаются смыслы, контрастирующие с понятием *force*: *La torpeur* (I, 135); *un homme moyen* (II, 761); *Défaillance morale* (I, 141); *Cette sensiblerie* (I, 163); *Un abattement* (I, 280); *Cette dépression nerveuse* (I, 514); *cette impuissance silencieuse* (I, 594); *Le pessimisme, le désarroi de tous* (II, 396); *les résignations* (II, 416); *une longue et spasmodique soumission* (II, 551).

Концепт *force*, как отмечалось, связан с концептом *énergie*. Изображение энергии, однако, порой сопровождается в романе отрицательной оценкой:

Cette énergie qu'ils mettent au service de la guerre (II, 476).

Социальные и моральные абстракции представлены в романе, прежде всего, словами *guerre, révolution, liberté, pauvreté, vérité, devoir*. Особо значимым, и это подтверждается, прежде всего, частотностью его употребления в произведении, является такой концепт, как *liberté*, формируемый, в частности, с помощью дериватов и перифраз (*libre, libératrice, relever le dos, déposséder de sa personnalité, traqué par la société*). Этот концепт лексически структурируется также при помощи синонимов: *indépendance, délivrance, insubordination*. Ср.: *Elle eut l'intuition qu'elle touchait à la délivrance* (II, 246). *Un acte isolé d'insubordination* (II, 413). Он occasionally суггестируется в таких контекстах, как *Libertinage de son ami* (I, 228).

Концепт «свобода» формируется в романе при изображении различных аспектов жизни (*la liberté de la révolte* (I, 60); *liberté d'opinion* (I, 139). Оно может градуироваться: *Liberté complète, à la condition de voir clair* (I, 448); *cette liberté-là* (I, 352). В романе неоднократно подчеркивается отличие свободного человека от человека порабощенного: *votre honteux tsarisme* (II, 41); *Un immense troupeau d'esclaves* (II, 118).

Отметим в этой связи, что В.Е. Давидович справедливо называет общечеловеческой «ценность жизни», которая, «чтобы быть действительно ценностью должна быть свободной», что делает второй общечеловеческой ценностью саму свободу, третьей ценностью такого масштаба является человеческое «достоинство» [Давидович 1997: 37]. Примеры показывают разнообразие ассоциативных языковых средств, формирующих концепт «свобода» в контексте произведения.

Значимость для человека состояния свободы или несвободы подчеркивается экспрессивными эпитетами и наречиями (*maudit, terrible, honteux, heureusement, grand, beau*), например: *Comme c'est grand, comme s'est beau, un peuple d'hommes courbés qui relèvent le dos* (II, 36).

Следует отметить, что, хотя экспрессивность не составляет сама по себе аксиологию, она способствует подчеркиванию положительных и отрицательных оценочных значений. В целом, в этическом плане аксиологическая система романа отвечает на вопрос, что есть благо.

В заключение отметим, что компоненты лексического значения концепта *homme de valeur* в романе тесно взаимосвязаны. Они образуют единую смысловую структуру. Она строится на основе системно и контекстуально связанных слов, образующих сложную конфигурацию, обусловленную понятийным и концептуальным единством, в обеспечении которого определенную роль играет авторский замысел.

Эмоциональное и оценочное отношение героев к действительности отражает важную сторону языковой картины мира, представленную в рассматриваемом романе. Оно показывает проблемы человека в поворотный период его существования, в период, когда ценностные аспекты выходят на передний план, в то время, когда обостряются проблемы добра и зла, справедливости и несправедливости, свободы и насилия.

В произведении Мартен дю Гара обнаруживается система языковых средств, с помощью которых читателю дается возможность судить о чувствах и устремлениях французов в определенный период их истории. Человек начала XX века характеризуется во Франции определенным отношением к действительности. Его приоритеты – это стремление к знанию, борьба с насилием. Приоритеты меняются, они могут стать иными в другой исторический период, и это находит отражение в других художественных произведениях.

3. Набор ценностей специфичен для каждого этапа истории европейской культуры. В каждой культуре существуют наиболее значимые смыслы, формирующие ценностную картину мира. Именно совокупность этих доминант формирует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик 2002: 169].

Наблюдения над аксиологией могут представлять особый интерес при сопоставительном изучении художественных произведений литературы одной страны, а также литератур разных стран. Они позволяют выявить различия в плане семиотрии и обнаруживать новые смысловые оттенки, реализуемые в тексте творческой индивидуальностью. Это дает возможность сравнить особенности мировосприятия двумя народами одних и тех же событий. Ценность, как известно, самым существенным образом определяет особенности сознания, мировоззрения и поведения субъекта. Это касается не только единичного субъекта, но и затрагивает групповые общности разного уровня и масштаба. Рассмотрим в этой связи примеры из двух произведений художественной литературы, в которых изображены не столько личные страсти, сколько страсти коллективные. Для анализа выбраны роман А. Камю «Чума» [Camus 1969] и трагедия А.С. Пушкина «Пир во время чумы» [Пушкин 1957].

В названных произведениях, имеющих философскую направленность, народ, будучи определен местом действия (город Оран у Камю, Англия у Пушкина) утрачивает свою национальную специфику. В них, в известной мере, затушеваны такие этнические аспекты, как изображение быта и привычек местных жителей. В этих произведениях не исключено, вместе с тем, присутствие определенной субъективности автора, проявляющейся в рассмотрении кардинальных вопросов жизни и смерти в конструировании речемыслительного опыта народа. Здесь также следует иметь в виду, что в художественном тексте имеет место разработка общечеловеческой составляющей картины мира и в меньшей степени ее специфическая часть, поскольку вымышленные персонажи выполняют в произведениях художественной литературы преимущественно типизирующую функцию.

В произведении А. Камю излагается хроника одного события, длящегося в течение года в центре одной из префектур Алжира на средиземноморском побережье. В романе обнаруживаются намеки на оккупацию Франции гитлеровцами (об этом в частности, говорится во фразе: *Les curieux événements... se sont produits en 194...»). Можно, однако, утверждать, что Камю стремится создать некий обобщенный образ города. Писателю в значительной степени удается реализовать свои мифотворческие способности.*

Хотя слово *valeur* в тексте романа ни разу не использовано, проблема «ценности» индивидуума находится в центре проблематики произведения. Показательна следующая фраза доктора Риё: *Ce qui m'intéresse, c'est d'être un homme* (Что меня интересует – это оставаться человеком (291)). В романе получает освещение проблематика, связанная с концептом «порядочный человек» – *l'honnête homme* (289). Рассмотрим это более подробно.

В закрытом на карантин городе люди оказываются лицом к лицу со смертельной опасностью. Все они становятся жертвами вредоносной бациллы, которая поражает всех людей, включая преступников и невинных, детей и стариков. Такая экстремальная ситуация помогает Камю показать, что существуют ценности, которые нельзя игнорировать и которые важнее самой жизни. Это ценности коллективные, общечеловеческие, которые объединяют личность с другими людьми. В романе показано естественное стремление человека к счастью (ср.: *retrouver leur bonheur* (207), *impatiences de bonheur* (169)). Однако, наступают порой времена, когда достичь счастья в одиночку невозможно. Идея объединения усилий прямо выражена главным героем: *La seule façon de mettre les gens ensemble, c'est encore de leur envoyer la peste* (245).

Тема «счастья», наиболее аксиологически нагруженная, является одной из ключевых в произведении: *Le bien public est fait du bonheur de chacun* (167), *espèce de lutte morne entre le bonheur de chaque homme et les abstractions de la peste* (170). Герои произведения находят свое счастье в борьбе с болезнью. Для этого нужно иметь мужество (*courage*) – *ils n'étaient pas lâches* (161).

Индивидуальное счастье окрашивается в таких условиях отрицательной аксиологией. Эта тема возникает особенно при изображении журналиста Рамбера, стремящегося во что бы то ни стало вырваться из зачумленного города и воссоединиться с любимой женой: *ce dernier a choisi le bonheur* (251). В конце произведения Рамбер признает свою ошибку: *Peut-être en effet suis-je dans mon tort en choisissant l'amour* (221). После долгих колебаний герой приходит к выводу, что, отказавшись примкнуть к тем, кто сражается против напасти, можешь потерять и личное счастье, а также подвергнуть себя мукам «совести». Здесь уходит на второй план обычное понимание любви как личностного чувства – *pour vivre avec une femme* (165), *s'aimer* (167), *aimer* (175). Также теряют значимость обычные

человеческие слабости и пороки – *s'enrichir* (105), *cartes* (106), *se convoiter* (193).

В романе объективируется аксиологический концепт *fraternité* (братство): *Cette histoire nous concerne tous* (256). Объединив общие усилия, герои смогли если не победить, то, во всяком случае, препятствовать триумфу болезненной бациллы. Надо избегать желания способствовать распространению бедствия (*je ne voulais pas être pestiféré* (174)). «Добрая воля» роднит их друг с другом и у них во многом одинаковое устремление, которое подталкивает делать добро и способствует развитию стремления к свободе. В романе представлена аксиологически окрашенная антитеза *liberté / prison*.

Тема необходимости борьбы с болезнью развивается и в связи с проповедью Панлу, в которой священник произносит следующую известную фразу: *Mes frères, vous êtes dans le malheur, mes frères vous l'avez mérité* (Дети мои, вы пребываете в несчастье, дети мои, вы это заслужили) (173).

В речи Панлу развивается пугающий образ «карающего бича» (*pièce de bois ensanglantée* (174)). Риё идее примирения с судьбой противопоставляет призыв к коллективной борьбе с бедствием: *il fallait lutter de telle ou telle façon et ne pas se mettre à genoux* (202).

С точки зрения главного героя, патетика в проповеди Панлу несет в себе элемент обмана: *On fait toujours un peu de rhétorique* (190). Отрицательная оценочность в этом плане обнаруживается и в следующей фразе: *Le ton d'épopée ou de discours de prix impatientait le docteur* (206). В конечном итоге, однако, священник Панлу включается в активную борьбу с болезнью и вступает в санитарную бригаду.

Камю объединяет понятия «счастье» и «долг», которые порой могут рассматриваться как несопоставимые. Герои, за исключением одного из них – Каттара, отказываются поддаться панике и предаться «пиршествам плоти». Однако, по отношению к «отрицательным» героям повествователь отказывается давать оценку. Такую позицию С.И. Великовский формулирует следующими словами: «Никого не судить строго, прощать, понимая, и заведомых мерзавцев вроде мошенника черного рынка Коттара, которому чума просто на руку» [Великовский 1973: 147].

Вместе с тем, забота персонажей о других в романе Камю не предполагает в этих трагических условиях отказ от простых наслаждений и не рассматривается ими как нечто исключительное. В свя-

зи с этим заметим, что в романе возникает мотив «радости», особенно при изображении старого астматика (*hilarité muette* (177)). Много раз воспроизводится его радостный жест – *se froter les mains*. Образ «веселья» возникает также при показе жителей, стремящихся заглушить пиршеством свой страх смерти.

Тема смерти занимает в романе центральное место: *le travail peut être mortel* (196); *tuer la moitié de la ville* (141). Тема смерти развивается цифрами статистики: гибель человека становится ничего не значащей. В ее формировании участвует также лексический ряд со значением «жестокость» – *cruauté, hostile* (189), *gangstaire* (144); *la haine qui se lisait sur les visages* (242), подчеркиваемой использованием слов «кровь» – *tout saignante* (153) и «красный» – *rouge* (116, 127), *rosâtre* (117)), приобретающим символический смысл. Бедствие, обрушившееся на людей, вносит изменения в их привычки. Насилие становится обыденным делом – *les violences de nos concitoyens vivants* (226), *les portes de la ville furent attaquées* (228).

В анализируемом романе доминирует мотив «темного» цвета – *l'ombre, la nuit* (197), *le noir* (197), порой выраженный с помощью метафоры: *la tanière inconnue* (304).

На передний план в романе выступает зло. Чума у Камю это не только болезнь, но также фанатизм, гибель невинного ребенка. В конце книги вечно брюзжащий астматик говорит: «А что такое, в сущности, чума? Та же жизнь, и все тут». В кризисные периоды бедствий под сомнение может быть «поставлено то, что мы называем гуманизмом, этикой, цивилизацией, культурой, то есть те ценности, которыми мы руководствуемся и на основе которых оцениваем наше поведение» [Викулова, Серебренникова 2006: 16].

Аксиологической окраской отмечены многие другие ряды лексики, формирующие те или иные концепты. Назовем, некоторые из них.

Отчаяние:

L'habitude du désespoir est pire que le désespoir lui-même (237);

Страдание:

une mare de sanglots (261), *ivre de fatigue et de dégoût* (261), *le coeur de chacun se fait endurci* (186), *une tristesse et un desarroi* (188);

Страх:

peur (186), *les fumées épouvantables* (239).

В романе с определенностью говорится о том, что следует любить, а что нужно ненавидеть. Риё, например, высказывается так: *Se que je hais, c'est la mort et le mal* (263). Вместе с тем, в период бедствия такая позиция предполагает самодисциплину и твердость, требует применения жестких мер – *mesures impitoyables* (140) – по отношению ко всем.

Одно из главных ценностных качеств, как об этом может судить читатель романа, «честный человек» приобретает тогда, когда он отказывается способствовать распространению зла, бедствия – *refuser d'être avec le fléau* (290).

Другими аксиологически отмеченными темами в романе являются «скромность» – *fonctionnaires modestes* (139) и «честность». Они связаны, прежде всего, с Риё и Граном. Также Тару настаивает на «скромности» и дает расшифровку этого слова, которое много раз повторяется в «Чуме»: никто по отдельности не может претендовать на роль спасителя – *un sauveur* (243).

В художественном произведении «ценностные» смыслы не всегда получают свое конкретное лексическое наименование, они могут выражаться косвенными средствами, формироваться всей системой художественных средств текста. Так, в рассматриваемом романе сопоставляются точки зрения героев. На их основе читатель может сформулировать для себя некий «кодекс чести и долга».

Представляется интересным сопоставить основные компоненты аксиосферы романа А. Камю и трагедии А.С. Пушкина «Пир во время чумы». Известно, что это произведение, за исключением песни Мери и гимна чуме, сочиненные самим Пушкиным, является переводом сцены из драматической поэмы Джона Вильсона «Чумный город». Действие в трагедии происходит в эпоху лондонской чумы 1665 года. Выбор сцены был обусловлен тем, что в России в это время свирепствовала эпидемия холеры. Наш анализ этого произведения ограничится лишь выявлением основных «ценностных» мотивов.

Центральное место в маленькой трагедии Пушкина занимают концепты *обреченности* и *бунта*. Эпидемия воспринимается людьми фаталистически, она представляется им как явление, с которым нельзя бороться, это – «кара божья». Основная антитеза, реализованная в произведениях Пушкина, выражена в заглавии противопоставлением слов «пир – чума».

Ценностный концепт *веселье* формируется благодаря следующим словам и выражениям: *пир чудовищный* (420), *пир разврата* (421), *шутки* (413), *повести смешные* (413), *в своем веселом пированье* (413), *весельчак* (413), *веселье безумное* (414), *вакхическая песнь* (418), *гимн в честь чумы* (418), *бешеные песни* (421). Особенную роль здесь играют эпитеты, прежде всего те, которые принадлежат речи священника (*чудовищный, безумное, бешеные*). Подчеркивается отчуждение веселящихся людей от религии: *церковь опустела* (414), *ужасный демон* (417). Это достигается также противопоставлением ценностных концептов *невинность* (416) – *разврат* (421),

Этическое и нравственное падение пирующих представлено в трагедии Пушкина как явление безвозвратное и окончательное: *поздно <...> меня спасти* (421). Все указанные средства создают богоборческий мотив. Друзья Председателя отвергают, по выражению священника, *святую кровь Спасителя* (420). Можно заметить, что тема бунта присутствует и в произведении Камю. У Пушкина она воплощена, главным образом, с помощью образа Вальсингама. У Камю – посредством, прежде всего, доктора Рие и Тару. Есть и другие тематические аналогии между двумя произведениями. Так, существенные, несущие ценностное содержание, как правило, усилены лексическими элементами со значением «мрак» – *мрачная тишина* (420), *темная пустота* (414), *могилы тьма* (419). Как и в романе Камю, при помощи разнообразных средств формируется тема кладбища: *мертвых несут* (415), *могильная лопата* (418). Одним из наиболее развернутых в трагедии является лексический ряд, объединяемый семмами «повторяемости» и «частотности»: *поминутно мертвых несут, поминутно места надо* (415), *могилы жмутся тесной чередой* (414).

На основании аксиологических особенностей двух произведений можно судить о системе ценностей писателей, являющихся отражением их философских и моралистических исканий. Так, А. Камю выстраивает определенную иерархию социальных и нравственных ценностей, которая позволяет читателю осознать, что «смерть других» не должна оставлять человека равнодушным, что индивидуум, особенно в часы испытания, неизбежно включается в коллективную жизнь. Здесь важны концепты *responsabilité, honnêteté*.

В произведении А.С. Пушкина акцент, прежде всего, делается на нравственно-этическом аспекте изображаемой ситуации. В обоих произведениях ценностные элементы строятся на основе противо-

поставления концептов *добро / зло, жизнь / смерть* и др. Они составляют в совокупности аксиологическую систему, в которой представлены как высшие ценности, так и антиценности.

В заключение отметим, что анализ аксиологических доминант художественного произведения позволяет глубже понять интенции писателя. Можно утверждать, что в художественном тексте набор ценностных смыслов, их значение в определенной степени диктуются замыслом автора. Классцистические авторы обращаются к термину *valeur* с целью выражения достаточно близких значений.

Семиметрия показывает, что смысл концепта *valeur* складывается у них, главным образом, из понятий *courage, vaillance, volonté, sang-froid, héroïsme, énergie*. В романах писателей XX века система ключевых слов облакает концепт *valeur* разнообразным аксиологическим содержанием. Любой из признаков обозначаемого объекта дополняется эмотивно-оценочной информацией, выражающей отношение говорящего. Анализ показывает плодотворность семиметрии в исследовании семантических особенностей художественного произведения. Аксиологический анализ помогает выявить основные смысловые линии текста, составить представления о философских, эстетических, нравственных предпочтениях автора. Семиметрический подход в значительной степени сближается с процедурой выявления содержания концептов в художественном тексте.

ГЛАВА V СЕМИОМЕТРИЯ ЦЕННОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СФЕР ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Семиометрия рефлексии о ценностях современного общества

Состояние современного общества, претерпевающего значительные изменения, со всей очевидностью обнажает фундаментальную роль ценностей и ценностных ориентиров для индивидуума и социума, интенсифицируя научную рефлексию интегрального – критического, ретроспективного и проспективного характера, предметом которой является выявление и формулирование проблем, оценка состояния и динамики центральных аксиологических сущностей. Интегральное осмысление аксиологических параметров оптимально реализуется в диалоговом профессиональном режиме обмена мнениями, подобно тому, как ключевые и сложнейшие проблемы экономики и политики находят часто реальное продвижение на таких диалоговых площадках, как форумы и конгрессы. Задачей данной работы ставится семиометрия части первой одного из репрезентативных текстов подобного интегрального диалогового размышления о ценностях современного общества, каким является сборник материалов круглого стола «Où vont les valeurs? Entretiens du XXI-e siècle» («Куда движутся ценности? Вызовы XXI века»), проведенного под эгидой ЮНЕСКО [Où vont les valeurs 2004].

Обращает на себя внимание высказывание общих оценочных суждений итогового характера и, прежде всего, констатация того факта, что ушедший в прошлое XX век был отмечен кризисом ценностей, проявившийся в двух ипостасях. С одной стороны, про-

изошла девальвация высших ценностей, секуляризация, деградация светских ценностей и «брутализация» истории и социумов; с другой стороны, имело место своего рода спекулятивное, игровое и эстетическое размывание ценностей [Où vont les valeurs 2004: 15]. Данные сложные процессы связываются как с процессом глобализации, так и с техническим прогрессом. Отсюда закономерно возникает вопрос о судьбе ценностей в XXI веке – их закат или их основательное смещение.

Высвечивается идея о том, что начиная с эпохи Возрождения, а затем и эпохи Просвещения, человеческая мысль пробивала путь к глобализации (К. Матсуура), выдвигается тезис об универсализме, возможности абсолютных идеалов для человечества (Voltaire: «*Il n'y a qu'une morale comme il n'y a qu'une géométrie*»). Вместе с тем, в эволюции подходов к ценностям не отрицается и плюрализм мнений. Уточняется, что на современном этапе человечество нуждается в новом научном инструментарии, который бы позволил изучить и понять существующее многообразие ценностей.

В репроспективном аксиологическом анализе философ Жером Бинде (Jérôme Bindé) отмечает, что проблема нигилистического отношения к ценностям, характерная для современного общества, широко обсуждалась философами с конца XIX – середины XX века (Фридрих Ницше, Мишель Фуко, Жиль Делёз, Мартин Хайдеггер, Джанни Ваттимо). В начале XXI века возникает идея о возможном наступлении эпохи «постгуманизма», характеризующейся изменчивостью ценностей, в том числе таких считавшихся ранее вечных, «абсолютных» ценностей, как Правда и Добро, в зависимости от историко-культурных условий, а также возникновением кризисных состояний в социальной эволюции. Уточняется, что современный системный кризис затронул не только вечные ценности основных мировых конфессий, но и светские ценности: науку, прогресс, освобождение народов, идеи объединения и гуманизма. В этой связи закономерен вопрос о том, как дать человечеству поверить в непрерывность истории и поддержать его веру в лучшую жизнь в будущем. Значимую роль здесь может сыграть образование, при непрерывности которого стираются грани между тремя периодами жизни, и, кроме того, могут возникнуть новые ценности когнитивного и проспективного характера. Эти ценности не столько наследуются,

сколько культивируются, они не просто принимаются, но передаются из поколения в поколение.

В центр аксиологической рефлексии выдвигается осмысление основных характеристик современного общества. Отмечаются такие «тренды» в обществе, как приоритет креативности и инноваций, что приводит к рассмотрению общества как зрелищного явления (образ общества как спектакля). Данное явление проявляется в СМИ, рекламе, визуальном и звуковом характере окружающего мира, предпринимательском динамизме. В конце XX века отчетливо проявились тенденции индивидуализма, разрыва связи времен, при этом наблюдался небывалый взлет числа всякого рода ассоциаций, неправительственных организаций, новых форм объединения людей на основе определенных ценностей.

Неотложным становится вопрос о том, как человечеству ориентироваться в разнообразии ценностей, учитывая сходство основных ценностей разных культур при их одновременном различии: *Toutes les cultures ont une même valeur et une même dignité, mais toutes les valeurs ne se valent pas* [Où vont les valeurs 2004: 10]. В качестве одного из наиболее действенных инструментов обосновывается понятие **диалога культур**, в процессе которого можно было бы выработать общие ценности, которые бы не навязывались, но были бы почитаемы в любой культуре. Так, Сулейман Башир Диань (Souleymane Bachir Diagne), профессор философии в университетах Дакара и Иллинойса, в своей работе «Будет ли век религиозный веком духовным?» («Un siècle religieux? Mais sera-t-il spirituel?») утверждает, что вопрос ценностей – это также вопрос столкновения культур в условиях глобализации. В то же время, духовность представляет собой искусство держаться на расстоянии от самого себя (*l'art de se tenir à distance de soi*) и тесно связана с такой ценностью, как толерантность. Видеть духовное начало в религиозном означает выйти за пределы альтернативы, которую навязывает нам религиозная парадигма: либо **война между** религиями, либо **война против** религий. Если же все культуры равны между собой, то отличительной ценностью Запада должна стать способность к самокритике и к пониманию других культур. При этом важно помнить, что культура, будучи духовным лицом человечества (*une figure spirituelle de l'humanité*), всегда предполагает отказ от эгоцентризма как необхо-

димое условие для встречи с другими и, соответственно, со своим будущим.

Вместе с тем, термин «диалог культур» оказывается довольно спорным. Писатель, антрополог и специалист по вопросам деколонизации из Туниса Эле Бежи (Hélé Béji) отметила, что поиск идентичности, имплицитированный данным термином, может, во-первых, привести к потере свободы [Où vont les valeurs 2004: 57], поскольку его развитие привело к культивированию таких авторитарных и замыкающих на себе концептов, как *négritude*, *arabité*, *judéité*, *islamité* [Ibid.: 57–58]. Часто ложно интерпретируется понятие *традиции*, поскольку освободившиеся от колониализма страны подразумевают под традицией не равенство и свободу, а подчинение, послушание и страх. Во-вторых, право на собственную культуру (арабскую, еврейскую, мусульманскую и др.) ставит каждую из культур выше более универсально человеческого понятия, выработанного в философии, каким является понятие «*la condition humaine*¹⁹». В-третьих, право на традиции ведет к стремлению бороться с современностью, откуда недалеко до фанатизма, который стал явной ценностью для СМИ, узурпировавших право на свободное выражение мысли. Масс-медиа эксплуатируют иллюзию возможности высказаться, но не говорят о способности понимать друг друга [Ibid.: 59].

Проблема взаимодействия культур оказывается непосредственно связанной с таким понятием, как расизм. Американский биолог и энтомолог Эдвард Осборн Уилсон (Edward O. Wilson) в работе «Всегда ли естественный отбор является двигателем эволюции?» («*La sélection naturelle est-elle toujours le moteur de l'évolution?*») отмечает, что возможность выбирать наследственные характеристики стала самым крупным интеллектуальным и этическим вызовом, брошенным человечеству. Жак Тестар (Jacques Testart), французский биолог и руководитель исследований в Национальном институте здравоохранения и медицинских исследований, в своей статье «От генетического блефа до молекулярной полиции» («*Du bluff*

---

¹⁹ *Condition humaine* – филос. удел человеческий // Термин экзистенциализма, характеризующий противоречивость человеческого бытия в мире. Введен Б. Паскалем для описания, во-первых, двойственной природы человека, а во-вторых, для утверждения ничтожности человека, проявляющейся в его неспособности постичь мир [Веденина 1997: 251].

génétiq ue à la police moléculaire») выделяет два подхода к будущему человечества: первый предполагает надежду на более счастливое, более здоровое и свободное общество; второй, напротив, представляет мрачную картину, где сосредоточены все возможные несчастья и катастрофы. Ж. Тестар задается вопросом, не обманывается ли человечество с самого начала относительно истинных возможностей науки. Генетически модифицированные организмы позволяют не только узнать геном, но и свободно изменять его, добавляя определенные гены. Подобные технологии могут быть использованы для создания так называемого «сверхчеловека». Уже само это наименование является вызовом этике и разуму. Существует значительный риск возникновения новой разновидности расизма – генетического расизма. Ученый выражает обеспокоенность неспособностью людей взять на себя ответственность за ту власть, которую они для себя требуют. Человечество должно понять, что при отсутствии Другого мы теряем свою свободу. В то же время, Джанни Ваттимо (Gianni Vattimo), профессор философии в университете Турина и депутат Европейского парламента, в работе «Политические мишени инновационной мысли в генетике» («Les enjeux politiques du génie génétique») утверждает, что возможности генетики явно переоценены. Первым из философов о генетике заговорил Ф. Ницше, который рассматривал возможность создания общества, отобранного по генетическим показателям; он же развивал идею о сверхчеловеке. Однако Дж. Ваттимо убежден, что законам природы невозможно что-то противопоставить. Демократическое решение должно замедлить слишком стремительное развитие науки. Аморально ли такое развитие с естественной позиции? Можно ли рассматривать его с технической точки зрения? Вопросы пока остаются открытыми.

Пьер Санэ (Pierre Sané – заместитель генерального директора по общественным и гуманитарным наукам в ЮНЕСКО) и Жером Бинде (Jérôme Bindé) в статье «Расизм, глобализация и генетическая революция – путь к "лучшему из миров"?» («Racisme, mondialisation et révolution génétique: vers le "meilleur des mondes"») отмечают, что глобализация сопровождается увеличением социальных неравенств и, как следствие, вспышками национального или религиозного самосознания, приводящими к вооруженным столкновениям, этническим чисткам и геноциду. К тому же, изучение генетического дос-

тояния может поставить под сомнение само понятие человеческой свободы. Важным рычагом в борьбе против расизма является школа. Одновременно с этим, южноафриканская писательница Надин Гордимер (Nadine Gordimer) в статье «Новые формы расизма в век глобализации и генетической революции» («Les nouveaux aspects du racisme à l'âge de la mondialisation et de la révolution génétique») задает вопрос, не является ли глобализация новым ликом расизма. Автор выделяет две формы глобализации: идеалистическую (завоевания и освоение земель европейцами) и колониальную. Разделение бедных и богатых наблюдается даже в сфере медицины: богатые, как правило, принадлежат к белой расе и имеют больше возможностей для поддержания здоровья, в отличие от бедных, которые часто имеют темный цвет кожи и не располагают средствами для преодоления болезней.

В свою очередь, Джордж Дж. Аннас (George J. Annas), профессор, руководитель кафедры медицинского права, биоэтики и прав человека в Бостонском университете, автор статьи «Генизм, расизм и генетический геноцид: время для международного договора по сохранению человеческого вида?» («Génisme, racisme et génocide génétique: vers un traité international sur la préservation de l'espèce humaine?») не сомневается, что XXI век станет веком человеческой генетики. Новые генетические технологии способны изменять не только наше воздействие на себя и на других, но и, что важнее, на наше видение себя и других. В прошлом поверхностное восприятие других часто приводило к расизму. Теперь можно будет говорить о генетическом геноциде, т.е. устранении новых людей старыми или наоборот. О том, чтобы анализировать чьи-либо гены без его разрешения, или же вводить генетические паспорта, не может быть и речи, по мнению ученого.

Для решения проблемы необходимо исключить опыты, представляющие угрозу человеческому роду, как, например, опыты по подсаживанию человеку свиных органов. Автор цитирует Н. Гордимер, которая утверждает, что под кожей плоть, кровь и страдания у всех одинаковые.

Итак, чтобы избежать генетического расизма, следует предотвращать клонирование, а также защищать универсальные права человека, которые основаны на достоинстве и равенстве.

Аксель Кан (Axel Kahn), французский генетик, директор Института молекулярной генетики им. Кошена, в статье «Геном, биология и расизм» («Génome, biologie et racisme») также затрагивает вопрос расизма. Сегодня претензии чаще всего звучат не в адрес расы, а в адрес обычаев, верований и цивилизаций. Речь идет о столкновении культур. Очень часто усиление культурной унификации и навязывание западных стандартов становятся причиной замкнутости сообществ.

Ахилл Мбембе (Achille Mbembe), экономист и социолог из ЮАР, также пытается исследовать природу расизма. На взгляд ученого, важно перейти от понимания расизма как исключительно социального концепта (то есть обычного предрассудка, на который можно воздействовать силой знаний и разума) к осознанию того, что расистские предрассудки являются частью психики. По определению А. Мбембе, расист – это тот, кто воспринимает присутствие другого как препятствие, способное привести его к смерти. Мишенью расиста является тело другого, которое он должен изуродовать и искалечить.

Наука, конечно, может способствовать установлению нового гуманизма. Но, поскольку расизм представляет собой практику воображения, вклад науки сложно переоценить.

Эликия Мбокولو (Elikia M'bokolo), историк из Конго, обращает внимание на то, что понятие расы стало культурным концептом. Изначально культура была открытой и приглашала к обмену. Но в настоящее время культура стала более замкнутой и ограниченной. Так же, как раньше расы, культура теперь показывает, что другие отличаются от нас. Это использование культуры сегодня стало основой идеологических высказываний, зачастую очень логичных.

В связи с вышесказанным отчетливо встает вопрос о **многообразии культур (pluralité des cultures)** и ее сохранении. Эта проблема тесно связана с судьбой языков, которых в мире насчитывается от 5000 до 7000, но их число может уменьшиться вдвое в XXI веке. Это связано с отсутствием настоящего многоязычия в Интернете. Американский лингвист Саликоко С. Муфвене (Salikoko S. Mufwene) в своей статье «Колонизация, глобализация и будущее языков» («Colonisation, mondialisation et avenir des langues») опровергает распространенное мнение, согласно которому феномен ко-

лонизации принадлежит к разряду политических. По мнению автора, колонизация является одним из факторов, вызывающих полное вымирание одних языков и серьезную угрозу для других. Ученый выделяет три вида этого явления: колонизация народа (например, освоение европейцами Нового Света), хозяйственная колонизация (разработка европейцами африканских месторождений в конце XIX века) и торговая колонизация, которая привела к возникновению новых языков – пиджинов.

Затрагивая проблему исчезновения языков, автор обращает внимание на тот факт, что в научной литературе языки часто представлены так, словно они существуют независимо от их носителей. На взгляд С. Муфвене, опасность исходит не столько от прямых столкновений между языками, сколько от поведения носителей. Встает вопрос, означает ли отказ носителей от своего языка также отказ от собственной культуры. Наиболее распространенной причиной отказа от родного языка называют глобализацию экономики. Считается также, что из двух языков будет преобладать тот, который является более престижным. Однако С. Муфвене утверждает, что доминирование наиболее престижного языка может оказаться под угрозой, если этот язык будет восприниматься как враждебный. По мнению ученого, необходимо отказаться от западной точки зрения и рассматривать динамику сосуществования языков в незападных обществах.

Отмечается разница между французским термином *mondialisation* и англо-саксонским *globalization*. Если первый подразумевает расширение границ, то второй отсылает к ситуации, когда элементы одной сложной системы взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Мир устроен неоднозначно в экономическом отношении, и из этой неоднозначности рождаются различные языковые проблемы. Как считает С. Муфвене, использование того или иного языка является осознанным выбором: человек говорит на языке, потому что тот ему полезен. Необходимо ответить на следующий вопрос: отказывается ли носитель от своего родного языка, потому что тот недостаточно красив и недостаточно выразителен, или же потому что его вынуждают к этому экономические обстоятельства.

Клод Ажеж (Claude Hagège), доктор лингвистики и профессор теоретической лингвистики в Коллеж де Франс, в статье «Жизнь, смерть и воскрешение языков» («Vie, mort et résurrection des langues») выдвигает тезис о том, что к языкам применима следующая метафора: языки рождаются и умирают, но они способны и воскресать. К ним применим также термин «борьба за выживание» (*une lutte pour la vie*): более стойкие языки, на которых говорят более сильные и активные сообщества, вытесняют более слабые языки. Отличительной особенностью человека является способность к речевой деятельности (*le langage*). Язык, как средство общения, возможен именно благодаря тому, что речевая деятельность составляет часть генетического кода человечества.

Рождение языков может растягиваться на довольно длительные периоды. Периодом наиболее интенсивного распространения языков лингвист называет неолит, так как именно в это время люди начали вести оседлый образ жизни, стали появляться первые города. Напротив, эпоха Возрождения расценивается автором как период вымирания многих языков. Причиной этого ученый считает активную колонизацию земель и многочисленные религиозные войны. Подобное явление К. Ажеж называет физическим уничтожением (*extinction physique*). Языки могут исчезать также в силу природных катаклизмов. Так, результатом землетрясения в Сальвадоре стала гибель практически всего индейского населения.

Главную угрозу для языков представляет аккультурация в западном понимании термина, т.е. контакт между местной и чужой культурой. Тем не менее, опасность может исходить не только снаружи, но и изнутри, когда признанный официальным язык подавляет региональные языки или языки кочевых племен, живущих на территории государства.

Проблемой является также активное продвижение так называемых престижных языков. В качестве примера приводится арабский язык, который, будучи языком ислама и Корана, вытесняет другие языки в Египте и Судане. Ответственность лежит также на самих носителях, которые не желают использовать свой родной язык, считая его несовременным и неспособным принести пользу. Наконец, еще одной причиной вымирания языков является сно-

бизм. Как только возникает мода на определенный язык, другие языки оказываются под угрозой.

Говоря о воскрешении языков, К. Ажеж подчеркивает, что для этого существует весома причина: язык представляет собой не просто язык, но и речь. Когда язык умирает, он теряет речь, но его фонетическая, грамматическая, лексическая система и семантика не исчезают. Помимо этого, до наших дней сохраняются письменные документы на так называемых мертвых языках, утративших возможность речевого выражения. В качестве примера успешно воскресшего языка К. Ажеж приводит иврит. Мертвый язык с 600 г. до н.э., он был восстановлен в первой половине XX века благодаря сохранившимся письменным текстам. В данном случае было достаточно волеизъявления, в соответствии с которым язык был возвращен к жизни. Существует также другой путь рождения новых языков: креолизация, т.е. возникновение языка, который не является родным ни для кого из участников общения, но благодаря которому коммуникация становится возможной. Самый удачный случай креолизации, на взгляд К. Ажежа, – это англо-американский язык, которому, очевидно, уготовано успешное будущее.

В настоящее время речь идет о пересмотре так называемых четырех **социальных договоров (contrats sociaux)**²⁰, на которых зиждется любое общество. **Новый социальный договор** основан на непрерывном обучении в течение всей жизни. **Природный договор (contrat naturel)** предполагает, что человек уже не царь природы и что он должен положить конец беспощадной эксплуатации природных ресурсов. **Культурный договор (contrat culturel)** строится на культурном многообразии. **Этический договор (contrat éthique)** предполагает стремление к идеалу прав человека и возможности говорить о планетарном гражданстве. Все они составляют основные направления дальнейшего развития мирового сообщества. Отвечая на вопрос *Куда движутся ценности?*, мы можем говорить скорее о смысловых сдвигах и о создании новых смыслов.

---

²⁰ *Contrat social* – общественный договор. Социально-философская и юридическая доктрина, разработанная Ж.-Ж. Руссо. Она объясняет возникновение государственной власти соглашением между людьми, переходящими к гражданскому состоянию для обеспечения своей защиты [Веденина 1997: 272].

Важной семиотической единицей данного полифонического и полемического текста является слово или анализ слова в его концептуальной парадигме. Так, подвергая критике Ницше и Шпенглера, философ и депутат Европейского парламента Джанни Ваттимо (Gianni Vattimo) анализирует ключевое в их философских концепциях слово *le crépuscule*, которое, по его мнению, не несет негативного оттенка, приданного им в работах указанных философов. Кроме значения *закат*, оно означает также *неясный свет, который предвещает рассвет* [Où vont les valeurs 2004: 32]. В этой связи, по ассоциативной связи, ученый говорит о необходимом существовании ценности милосердия, т.е. сострадания и уважения к другим личностям. Другим ключевым словом современности является *развитие* (*le développement*). Отмечается, что к данному слову в настоящее время принято добавлять прилагательное *долгосрочное*. Однако ясно, что развитие не может продолжаться до бесконечности, поэтому встает вопрос о естественных отграничениях столь позитивно ценностного, на первый взгляд, понятия.

Французский социолог, философ и писатель Жан Бодрийяр (Jean Baudrillard) обращает внимание на концептуальную парадигму «единичного – особенного – общего – всеобщего», выявляя обманчивость аналогии между понятиями *всемирное, глобальное* (*mondial*) и *всеобщее* (*universel*). Последнее связано с правами человека, его свободами, культурой и демократией, тогда как *глобальное, глобализация* связаны скорее с расширением технических возможностей и средств, рынком, туризмом, информацией. Ученый утверждает, что всякая культура, которая «универсализируется», теряет свою уникальность, своеобразие и прекращает существование как таковая [Ibid.: 45]. Выявляется тенденция к нейтрализации так называемых всеобщих ценностей, которые в современном мире теряют свою власть и легитимность. *Универсальное* (*всеобщее*) было культурой рефлексии над субъектом и концептом, культурой в трех ее измерениях – пространстве, реальности и репрезентации. В настоящее время формируется виртуальное пространство как четвертое измерение, которое представлено на экране, в сети, цифровом кодировании. Это измерение разрушает остальные три, создавая некий безграничный хронотоп (*un espace-temps sans dimension*). Анализируя понятие «сингулярного, своеобразного, единичного», уче-

ный отмечает их оппозитивность тенденции к «универсальному» при том, что существуют «своеобразия», которые являются естественными, обогащающими мировую систему и не имеют агрессивного характера. Наряду с ними выявляются такого же рода феномены, но гораздо более агрессивного и насильственного плана. К ним относится, прежде всего, терроризм [Ibid.: 49].

Французский философ Жак Деррида (Jacques Derrida) в статье «Глобализация, мир и космополитизм» анализирует французское слово *mondialisation* (мондиализация, глобализация), которое, по мнению ученого, в наши дни стало жертвой многочисленных злоупотреблений. Ж. Деррида отмечает явную англо-американскую лингвокультурную гегемонию в мире науки и технологий. С одной стороны, эта гегемония имеет положительные моменты, создавая условия для общения на едином языке и для научно-технического обмена; но, с другой стороны, с ней невозможно бороться, не ставя под угрозу расширение международных контактов. Термин *mondialisation* связан с понятием *monde* (мир), которое соотносится с вселенной и космосом, подразумевая историю человеческого братства. Ж. Деррида рассматривает четыре основных современных проблемы, связанных с глобализацией: труд, прощение, мир и смертную казнь.

Говоря о труде (*le travail*), ученый отмечает, что данный концепт необходимо воспринимать в рамках представлений о добре и зле: с одной стороны, он ассоциируется с достоинством, жизнью, производством, свободой, с историей; но, в то же время, за ним стоят страдание, боль, грех, наказание, порабощение. Первые две технические революции XIX и XX вв. не оказали радикального влияния на историю труда, так как оставляли возможность для человеческой работы, которую не могла бы заменить машина. Нынешняя эпоха – это период третьей революции, революции киберпространства и микроинформатики. Избыток машин станет причиной того, что человеческий труд как таковой прекратит свое существование.

Понятие прощения (*le pardon*), на взгляд ученого, неразрывно связано с уголовным правом. Каким бы сложным и неясным ни был этот концепт, очевидно, что он принадлежит к религиозному наследию человечества. Рассматривая проблему мира (*la paix*), Ж. Деррида ссылается на Ханну Арендт, поддерживая ее идею о том,

что суверенитет небольших государств оказывается под угрозой из-за воздействия более могущественных держав. Именно поэтому необходим новый всемирный договор (*contrat mondial*), который учитывал бы подобные явления.

Что касается смертной казни (*la peine de mort*), то Ж. Деррида отмечает своеобразный парадокс: среди демократических стран христианского Запада, которые сопротивляются общей тенденции отмены данной меры наказания, Соединенные Штаты остаются единственным государством, которое не только не отменяет смертную казнь, но и применяет ее едва ли не в массовом порядке. Решению этой проблемы может способствовать, по-прежнему, новый всемирный договор.

Важным параметром диалогической рефлексии является вопрошание, формулирование идеи в форме вопроса, позволяющее выйти на осмысление сущности размышления. Так, в размышлении о пути, по которому будет двигаться человечество, в ответ на вопрос о том, можно ли найти третий путь между евроцентризмом (*eurocentrisme*) и универсализмом (*universalisme*), дается ответ, исходящий из реальности современной жизни: новизна ситуации состоит скорее не в различии ценностей между разными народами и культурами, но в том, каким образом люди «переживают» ценности. По сути, прошедшие войны показали, что народы Европы разделяли в равной степени как веру, так и неверие в свои ценности. Сегодня сила и слабость Запада состоит в том, что европейцы не верят более в устоявшиеся ценности, а их противниками являются фанатичные люди, готовые умирать и убивать во имя своих ценностей. *Секуляризация ценностей* – феномен, который касается всех. Если защищать свой образ жизни с помощью оружия, то у человечества нет шансов спастись, не впадая в массовый терроризм.

Одним из ключевых моментов анализируемого текста, представляющего рефлексии о ценностях, является перемещение данного размышления на уровень понятия дискурса, представляющего, согласно Мишелю Фуко, характерный для определенного периода способ, стиль познания мира и его языкового означивания и архивирования. В хронотопе современной эпистемы в аксиологическом плане необходимо, по мнению философа Поля Рикёра (Paul Ricœur), обратиться к понятию «дискурса культуры», имеющего

универсальный характер и превосходящего всякие ограничения. Автор уточняет, что «мы не должны рассматривать межкультурные отношения как преодоление границ, но как взаимовлияние очагов культуры, пренебрегающих границами. На культурной карте мира есть современная Россия как государство со своими границами, не входящая в объединенную Европу. Но это не помешало ей наперекор политическим барьерам дать миру Пушкина, Толстого, Достоевского, Солженицына, музыкантов и хореографов [Ibid.: 76].

На данном уровне дискурса возможно формирование семиотических знаков, денотирующих сущностные моменты в осмыслении проблемы. К таким знакам, в тексте П. Рикёра, относится вводимое им понятие «вариативного горизонта ценностей», противопоставленное распространенной, но ложной мысли о неизбежности коллективной идентичности в рамках государства или коммунитарной группы: «Единственной универсальностью, достойной быть упомянутой, является универсальность, понимаемая в терминах горизонта обмена между семантическими наследиями, сформированными во времени и культурах и передаваемыми посредством естественных языков» [Ibid.: 77]. Подчеркивая соответствие данного понятия реальности, ученый отмечает, что мы сильно ошибаемся, когда говорим об эволюции, т.е. развитии различного отношения и подходов, которые затрагивают моральные ценности даже в рамках одной культуры. К примеру, на Западе потрясения, коснувшиеся основ супружества, не затронули основательности семейных уз, стабильности основных запретов на инцест, порицание педофилии, заботы о детях и любви к ним.

В данном направлении «дискурса культуры» важную роль играет переводческая деятельность. Перевод представляет собой некую парадигму для обмена информацией не просто с языка на язык, но и с одной культуры на другую [Ibid.: 78]. Именно работа переводчика направлена на создание схожести там, где, на первый взгляд, превалируют различия. Речь идет о бесконечной работе перевода одной культуры в другую (*traduction d'une culture dans une autre*).

В полемическом ключе философ алжирского происхождения, специалист по исламу, Мохаммед Аркун (Mohammed Arkoun) поднимает проблему значимости современных ценностей, ставя вопрос

о возможности примирения двух тенденций: с одной стороны, понятие ценности все больше наполняется смыслом и требует серьезного отношения, с другой стороны, понятие ценности демифологизируется, становится несерьезным, доходящим до фривольности. В связи с наращением «серьезного» смысла «высших» ценностей, возникает опасность манипулирования ими [Ibid.: 83– 92].

Как лингвисты говорят о деструктивном генезисе смысла, так и философы могут говорить о генезисе разрушения ценностей. Судьба ценностей неотделима от условий социализации любого человека, который становится участником взаимодействия и постоянной соревновательности с другими участниками при разнообразных и меняющихся условиях мотивации деятельности.

Одной из тем рефлексии являются этические проблемы в динамике ценностей. Социолог Эдгар Морен (Edgar Morin) обращает внимание на сложность и эволюционные сдвиги в принятии обществом определенных этических норм и императивов. Ранее ценности, предписываемые религией, например, Добро, достаточно легко принимались обществом [Ibid.: 93]. Сегодня ситуация изменилась, поскольку этический императив исходит не от Бога, не от религии, не от государства, не от общества, а от самого индивида, как это показано в работах И. Канта. При этом следует принять во внимание, что термин *humain* (человеческое) включает три взаимозависимых составляющих: индивид, общество и биологическое существо.

Названные составляющие могут вступить в конфликт друг с другом. В частности, до XX века проблема соотношения научных знаний и этики не вставала с такой силой, как это имеет место сейчас. Ранее скорее стремились к получению знаний, не размышляя о последствиях данного процесса. В настоящее время следует констатировать очевидное расхождение между наукой и этикой, поскольку для науки ценностью является факт, а для этики важны ценностные суждения. Это расхождение стало особенно очевидным сейчас, когда процессы деструкции или манипуляции осуществляются на основе научного знания и научных достижений [Ibid.: 94]. Важным в этическом плане становится понятие «экологии, этической обоснованности поступка». Еще Блез Паскаль сформулировал важный принцип: *Travailler à bien penser, c'est le principe de la morale* (Нужно трудиться над тем, чтобы правильно, хорошо думать, вот принцип мо-

рали). Но это вовсе не значит, что достаточно правильно думать, иметь добрые намерения и за этим последуют правильные, с точки зрения этики, действия. Важно знать условия, в которых будут совершаться действия в пользу ценностей. В этой связи приводится пример деятельности М.С. Горбачева, благие намерения которого были направлены на перестройку страны, а привели к распаду СССР [Ibid.: 95]. Всегда существует принцип непредсказуемости, когда невозможно окончательно предсказать смысл нашего поступка в долгосрочной перспективе, поскольку существует закон абсолютной непредсказуемости. Столь же сложно вынести суждение о смысле Французской Революции, которая началась во имя защиты базовых принципов, в частности, прав человека, а положила начало кровопролитию.

Рассуждая о противоречивых оценочных императивах, ученый использует выражение Макса Вебера «политеизм ценностей» (*polythéisme des valeurs*) [Ibid.: 95], подразумевая ситуацию, при которой ценности могут вступать в противоречие друг с другом. Например, участвуя в работе какой-нибудь ассоциации или партии, мы защищаем ценности (как законные, устоявшиеся, так и абстрактные), но при этом можем совсем забыть о своей семье и ее ценностях.

Противоречия этического плана существовали всегда, но в настоящее время они проявляются в другом ракурсе, противопоставляя принципы медицины и биологии в широком смысле слова. Так, принцип Гиппократа обязывает медика бороться со смертью, а жизнь ставит перед дилеммой эвтаназии или трансплантации органов во имя спасения человека от страданий. Воспринимать этику как сложное явление, это значит попытаться понять и установить равновесие между наукой, этикой и политикой, т.е. не сужать видение проблемы ценностей [Ibid.: 97].

При попытке осмыслить отношение современного человека к ценностям, американский философ Жан-Жозеф Гу (Jean-Joseph Goux), основатель новой дисциплины «экономическая символика», задается вопросом, не движется ли человечество к легкомыслию в отношении к ценностям ввиду нарастания релятивизма, обесценивания так называемых «общечеловеческих» ценностей, единодушно провозглашаемых в любом обществе. Не случайно именно сей-

час понятие *valeur* становится вездесущим. В обществе время от времени возникают претенденты на пересмотр ценностей, их трансмутацию, даже создание новых ценностей в свете того, что человеку приписывается способность, которой до этого обладал только всемогущий Бог – подобно Прометею создавать нечто из небытия.

Рассуждая об эстетизации ценностей, автор обращается к ситуации, когда Ж.-П. Сартра, представителя атеистического экзистенциализма, упрекали за распространение концепции, проповедующей свободу, возникающую из небытия, во имя создания ценностей, не имеющих никакого обоснования: *sa conception d'une liberté émergeant du néant pour créer des valeurs sans fondements naturel ni transcendant* [Ibid.: 101]. Писатель приводил в пример П. Пикассо, который в живописи не подчинялся никаким установленным нормам и никаким законам живописи (Jean-Paul Sartre. *L'existentialisme est un humanisme*. – Paris, 1946). Будучи требовательным к себе, художник создал свои собственные критерии, добился удовлетворяющего его результата: он стал создателем ценностей. Таким образом, художник-авангардист, создатель кубизма, нарушил все каноны живописи до такой степени, что исказил реальность до неузнаваемости.

Начиная с Ницше, мы присутствуем при явлении, которое можно было бы назвать эстетизацией этики [Ibid.: 101]. М.Фуко будет говорить о жизни как о произведении искусства, а Ж.Делёз – как создании концептов. При этом деяния художника-творца направлены на разрушение устоявшихся норм, на отказ раз и навсегда фиксировать нормы [Ibid.: 102].

Рассуждая о ценностях в экономике (*le mode bourgeois des valeurs*), ученый считает, что они существенно отличаются от эстетических, этических и духовных ценностей [Ibid.:102]. Уточняется, что именно в экономической сфере понятие *valeur* приобрело свой точный смысл (*sens précis*). Именно в финансовой и экономической сфере это слово стало приобретать субъективный смысл, обозначая нечто нестабильное. До 1870 г. экономисты полагали, что труд мог стать мерилем стоимости товара. Но время показало, что на рынке, где царствует спрос и предложение, созрело иное понимание *valeur* как стоимости. На первый план вышло событие, факт потребления то-

вара, отсюда поворот к гедонизму и субъективности в экономической теории: *La valeur n'est plus de l'ordre de la norme, mais de l'événement. Le tournant hédoniste et subjectif était pris dans la théorie économique* [Ibid.: 103].

Обращаясь к работе Поля Валери, основателя неоклассической экономики во Франции, автор подчеркивает, что, в конце 30-х гг. XX в., периода глубокого экономического кризиса и развала моральных и политических ценностей, охвативших Запад, П. Валери разработал стоимостную модель ценностей, применимую к любому виду деятельности [Ibid.: 103]. Эталона в измерении ценностей более не существует. Общество стало рынком, где все продается и покупается, как на бирже. Ценности дорожают, дешевеют в соответствии с конъюнктурой. Ценности любого рода предстают как нечто относительное, подверженное явлениям инфляции, переоценивания, обесценивания. Обращается внимание на парадокс, при котором наблюдаются две тенденции в ценностном плане в современном антропоцентричном мире [Ibid.: 107]. С одной стороны, человек оказывается перед необходимостью ценить природу и понимать хрупкость биосферы. С другой стороны, человеку трудно отказаться от эфемерных, но привлекательных для него лично ценностей, подверженных забвению во времени.

В классификационном отношении интересен взгляд на ценности с точки зрения их феноменологии. Так, французский социолог Роже Сю (Roger Sue) выделяет три вида ценностей: принципиальные, глубинные и реально действующие. По мнению автора, эти три разновидности практически не связаны между собой. Принципиальные, или абстрактные ценности были привнесены в общество эпохой Просвещения, вместе с утверждением ценностей личности, свободы и равенства. При этом, на взгляд Р. Сю, для существования этих ценностей необходима особая социальная связь между людьми [Ibid.: 149 – 151]. В настоящее время человечество перешло от всеобщих абстрактных ценностей к ценностям глубинным. Одним из главных факторов, позволивших абстрактным ценностям влиться в повседневную жизнь, стал индивидуализм в своем позитивном значении. Тем не менее, до практической реализации ценностей еще далеко, и этот разрыв является причиной многих проблем современного общества.

Помимо вышеперечисленных проблем, перед человечеством стоит также проблема эстетизации ценностей. Вольфганг Вельш (Wolfgang Iser), профессор философии Йенского университета (Австрия), лауреат премии Макса Планка за научные исследования, в статье «Искусство против эстетизации: за другой способ подхода к ценностям» (*«L'art contre l'esthétisation: pour une autre façon d'aborder les valeurs»*) пишет, что, когда все кругом красиво, тогда это перестает быть красивым: *Quand tout est beau, plus rien n'est beau* [Ibid.: 112]. Гиперэстетизированное пространство уже не нуждается в искусстве.

Современный взгляд на мир глубоко антропоцентричен: *Le point de vue moderne est profondément anthropocentrique* [Ibid.: 115]. Еще в 1755 г. Дени Дидро писал о том, что мериллом всего является человек: *L'homme est le terme unique d'où il faut partir et auquel il faut tout ramener* (Encyclopédie, III. - Paris: Hermann, 1976. - P. 212). Для восточной культуры (*la pensée orientale*) свойственно рассматривать человека неотрывно от окружающего мира (*un point de vue transhumain*), тогда как в западной культуре (*dans la perspective occidentale*) человек рассматривается в противопоставлении миру (*une perspective transhumaine*) [Ibid.: 116]. Автор задается вопросом, как такой подход может отразиться в дальнейшем на ценностях.

Мишель Маффезоли (Michel Maffesoli), профессор социологии в университете Париж-V, директор Центра изучения современности и повседневности и Центра исследований воображения рассматривает вероятность возникновения постмодернистской этики и эстетики. По мнению автора, то, что мы называем культурой или ценностями, есть не что иное, как разговоры о том или ином способе бытия. М. Маффезоли отмечает все большую относительность ценностей (*une relativisation des valeurs*) и все более заметный поликультурализм. Ученый говорит об универсализме как особенности западной культуры, которой отмечены все наши слова и поступки.

М. Маффезоли противопоставляет понятия этики и морали. Мораль абстрактна, в то время как этика представляет собой совокупность неких укоренившихся местных ценностей. Затрагивается понятие социальной эротики, подразумевающее некие образы и мифы, которые связывают людей друг с другом и заставляют человека растворяться в Другом: *on se perd dans l'autre, dans l'étranger*. В заключение статьи цитируется Вальтер Беньямин, который гово-

рил, что каждая эпоха грезит о следующей: *chaque époque rêve la suivante*. При этом подчеркивается настоятельная необходимость брать на себя ответственность за зарождающиеся процессы, чтобы грезы не обернулись кошмаром (*sous peine de voir ce rêve devenir cauchemar*).

Виктор Массух (Victor Massuh), аргентинский писатель и философ, в своей статье «Душа ценностей» (*«L'âme des valeurs»*) говорит о так называемых абсолютных ценностях (*valeurs absolues*), таких, как Истина, Добро, Красота, Священное. По мнению автора, философский нигилизм и этический релятивизм, во многом схожие с религиозным фундаментализмом, являются причиной распада этих абсолютных ценностей. К тому же, чрезмерная эстетизация приводит к раздроблению основных ценностей на более мелкие, которые не способны двигать историю. В. Массух убежден, что увидеть душу ценностей можно только признав, что Истина, Добро, Красота и Священное являются высшими человеческими устремлениями. Помимо этого, автор отмечает, что все эти ценности взаимосвязаны. Так, истина является одним из обликов красоты, естественным продолжением человеческого достоинства и предчувствием священного.

Для современной аксиологии представляет интерес также проблема возникновения новых ценностей. Кандидо Мендес (Candido Mendes), ректор университета им. Кандидо Мендеса из Рио-де-Жанейро, задается вопросом, говорим ли мы только о новых ценностях или, помимо этого, заняты постмодернистским анализом таковых. Ученый отмечает также постоянное смешение понятий культуры и цивилизации. Если цивилизация создает историю прогресса (*crée l'histoire du progrès*), то культура подразумевает целостное миропонимание. К. Мендес ссылается на П. Рикёра, который говорил об «эрозии цивилизации» (*l'érosion de la civilisation*), т.е. о ее губительном влиянии на культуру, хотя между ними должен происходить диалог в свете культурного понимания. Непонимание разницы между культурой и цивилизацией может стать причиной возврата к фундаментализму.

Тьерри Годен (Thierry Gaudin), президент ассоциации «Перспектива-2100», в статье *Les débuts de la civilisation cognitive* (Начала когнитивной цивилизации) анализирует новую техническую сис-

тему, которую называет «когнитивной цивилизацией». Эта система подразумевает наличие вертикальной оси «структурирование времени/ соотношение с живыми существами» («structuration du temps/relation avec le vivant»). Автор обращает внимание на тот факт, что в настоящее время преобладают так называемые женские ценности, а эра завоеваний и жесткой власти подошла к концу. В связи с этим естественнонаучная парадигма уступает место парадигме когнитивной. Автор задается вопросом, станет ли XXI век веком духовности.

Лингвист и писатель Юлия Кристева (Julia Kristeva), в статье «Ждет ли нас феминизация ценностей?» затрагивает вопрос равенства между мужчинами и женщинами и связь его с проблемой ценностей. Она приводит в пример писателя Симону де Бовуар, которая, в свое время, выступала за так называемые братские отношения (*une fraternité*) между мужчиной и женщиной, пытаясь доказать, что женщина не является Другой по отношению к мужчине. В свою очередь, Ю. Кристева вводит несколько провокационное, по ее мнению, понятие женского «гения», ориентируясь на творческую судьбу трех известных женщин: Ханны Арендт, Мелани Кляйн и Колетт [Ibid.: 156]. Автор отмечает три основных женских ценности: социальную связь, основанную на различии; восприятие мысли как отдельной жизни и некоего чувственного опыта, особое понимание времени. В XX веке различие между мужчинами и женщинами не должно заключаться в дублировании мужского и женского начал в отношении к ценностям, но должно, в конечном счете, привести к некоему их единству.

Важнейшим аксиологическим аспектом культуры является ее связь с современными технологическими достижениями. Пол Кеннеди (Paul Kennedy), профессор истории и директор Центра по изучению проблем международной безопасности Йельского университета (США), в статье «Болезнь глобализации» («Malaise dans la mondialisation») утверждает, что, благодаря современным технологиям, мы стали одним большим всемирным рынком. Наиболее важной из этих технологий является Интернет, ставший крупнейшим рычагом развития образования и культуры. Однако Всемирная сеть способствует не только распространению знаний, но и усилению социального неравенства, разделяя наиболее образован-

ных людей и тех, чей уровень заметно ниже. Подобное неравенство представляет угрозу для гармоничных отношений между государствами и является одной из главных проблем современной эпохи.

Экономист Франсиско Сагаста из Перу в статье «Наука, технология и глобализация» (*Science, technologie et mondialisation*) утверждает, что глобализация проявляется по-разному в странах Северного и Южного полушарий. В качестве примера автор приводит свою страну, где экономическая ситуация считается довольно благоприятной, в то время как на самом деле половина всего населения живет за чертой бедности, а две трети трудоспособных граждан не имеют работы. Возможно, что глобализация действительно сближает людей, но она также усиливает социальное, финансовое и интеллектуальное неравенство. Для исправления ситуации необходимо укреплять международное сотрудничество в области науки и технологий.

Подчеркивается, что в настоящее время человечество переживает конец идеологии Фрэнсиса Бэкона, в центре которой стоял непосредственно человек. Со времен Бэкона человек значительно изменился, так же как и подход к науке. Поэтому необходимо выработать новую идеологию, пересмотрев понимание таких терминов, как «развитие» и «прогресс».

Говоря о взаимодействии новых технологий и культуры, Джереми Рифкин (Jeremy Rifkin), экономист из США, рассматривает в своей статье «Век доступности: задачи и перспективы сетевых технологий» (*«L'âge de l'accès: enjeux et perspectives des réseaux»*) такое явление, как электронная торговля. Автор задается вопросом, можем ли мы говорить о некоей новой экономике. Дж. Рифкин убежден, что нынешняя эпоха – время радикальных исторических перемен, когда человечество от натурального и рыночного обмена переходит к сетевым отношениям. Последний кардинальный переворот в экономической системе наблюдался в период с XV по XIX вв., когда благодаря новым технологиям (таким, как компас, механические часы, печатный станок, паровой двигатель) стало возможно значительное развитие торговли. В настоящее время происходит революция, сравнимая по своей значимости с изобретением электричества, за которой рынки уже не в состоянии успевать. На рынке товаром является имущество, в то время как в сети товаром стано-

вится человеческое время. Эту новую разновидность торговли Дж. Рифкин считает культурной и семиотической.

Ценность той или иной личности отныне измеряется не количеством имущества, а доступом к получению того или иного опыта. Само понятие доступа стало метафорой, столь же мощной, как в свое время собственность. Подобные процессы имеют свои негативные стороны. Так, время стало коммерческой ценностью. Человечество стремится приспособиться к новым технологиям, в то время как технологии должны быть приспособлены к жизни людей.

Дж. Рифкин отмечает, что мы стремительно движемся к торговле культурой, о чем свидетельствуют многочисленные парки развлечений, кино, телевидение, компьютер, Интернет, спорт, кухня и т.д. Все вышеперечисленное становится так называемым содержимым (*du contenu*), за которое мы платим. По мнению Дж. Рифкина, величайшим противостоянием XXI века станет противостояние торговли и культуры. Если Единая Европа сможет найти компромисс между глобализацией и культурным разнообразием, то новые технологии смогут быть использованы, в самом деле, на благо человечества.

Французский философ Мишель Серр в своей статье «Культура под угрозой?» («*La culture est-elle menacée?*») выдвигает мнение, что так называемые «новые» технологии на самом деле намного старше, нежели мы думаем. Существует два вида технологий: собственно техника (совокупность инструментов, которыми мы пользуемся) и техника природная. По мнению ученого, в последнее время сложилась иллюзия перехода от «грубых» (*dures*) технологий к экологически мягким, чистым (*douces*) технологиям. Последние были известны на протяжении всей истории человечества: это изобретение письменности и, впоследствии, появление первого печатного станка. На взгляд философа, в настоящее время происходит торговля культурой. Ученый отмечает также, что человеческая память слабеет из поколения в поколение, виной чему отказ от устной традиции в пользу традиции письменной. Из субъективного и когнитивного явления память стала явлением коллективным и объективным. За человека наблюдает и анализирует компьютер, способный хранить в своей памяти безгранично большое количество информации. Таким образом, можно говорить о смене научной парадигмы, так как

современная наука не имеет ничего общего с той, которая существовала еще несколько десятилетий назад.

М. Серр приводит три основных определения понятия «культура». Изначально этот термин был введен Цицероном, который понимал философию как «культуру души». Второе определение культуре было дано немецкими философами: для них культура – это совокупность процессов, принятых в человеческом обществе. Наконец, третий подход рассматривает культуру как некий товар, который возможно сбывать на мировом уровне. Сегодня ведутся многочисленные дискуссии о противостоянии между глобальной, покупной культурой, ставшей всемирным достоянием, и культурой местной в антропологическом значении слова. Закрытие границ в целях борьбы с этой всемирной культурой не приведет, по мнению М. Серра, ни к каким результатам, так как человечество окажется ограничено в своем выборе.

Далее философ задается вопросом о том, как человек усваивает культуру. Если рассматривать этот термин в его антропологическом значении, то мы изначально наследуем язык наших родителей, определенные манеры поведения, обычаи и традиции. Но этого недостаточно для того, чтобы человек считался культурным. Культура не терпит ограниченного пространства; это участок дороги, которая ведет нас сначала к близким культурам, потом к все более и более отличным от нашей. Такая дорога полна препятствий: освоить чужой язык и чужие обычаи оказывается порой сложнее, чем мы себе это представляем. Культура не имеет границ, но с легкостью впитывает в себя все новое. Так, Франция никогда не была более французской, нежели в XVII веке, когда Мольер испытал итальянское влияние, а Корнель – испанское.

В некотором роде, «истинная» культура не подвергается опасности. М. Серр подчеркивает, что культура – это на самом деле инфраструктура. Со времен Средневековья существует европейская культура; если бы тогда культура была признана инфраструктурой, то было бы достаточно создать общеевропейский университет и строить общую культуру посредством специальных образовательных программ. Ученый выделяет две главных характеристики культуры. Во-первых, ей свойственен процесс аккультурации, т.е. «путешествие», позволяющее открывать для себя других. Во-вторых,

культура основана на самостоятельном решении личности, которая вправе признавать или не признавать свою принадлежность к той или иной культуре. В качестве вывода М. Серр указывает, что человечество переживает значительные изменения когнитивного субъекта, объективной науки и коллективной культуры.

Современные ученые выделяют такой термин, как культурная глобализация, связанный с проблемой сохранения культурного многообразия. Дариуш Шайеган (Daryush Shayegan), философ из Ирана и автор статьи «Управляемая шизофрения?» («Une schizophrénie apprivoisée?»), убежден, что термин «идентичность» (*identité*) довольно сложен для изучения. Раньше этническая, национальная или религиозная идентичность были неотъемлемой частью той или иной культуры, которая обладала собственной историей. Исламская, индийская и китайская культуры были этноцентричными и существовали замкнуто. Сегодня ситуация иная: упомянутые культуры еще не стали современными, но уже перестали быть традиционными.

Глобализация навязывает нам общепланетарную культуру, присутствующую во всем мире. Эта культура сводится, главным образом, к экономическим критериям. Она распространяет некоторые общечеловеческие ценности, которые мы обязаны принимать, вне зависимости от нашей личной культуры.

По мнению Д. Шайегана, мы сейчас живем в мире, где не существует никакой абсолютной истины, а глобализация стала необратимым процессом. Иллюстрацией этой тенденции служит буддизм – единственная религия в мире, не признающая ни бытия, ни божества. Буддизм дает особое, кинематографическое видение мира, а также логичное объяснение его абсурдности, показывая путь к спасению, который не связан ни с каким божеством. Отмечается, что сегодня мы не можем обладать уникальной идентичностью. К той, что уже имеется внутри нас, добавляется современная идентичность, которая, как это ни парадоксально, способна подчеркивать самые древние уровни нашего сознания и давать им возможность выражения.

Ален Турен (Alain Touraine), французский социолог и основатель Центра изучения социальных процессов при Высшей школе общественных наук в Париже, в своей работе «Перестройка культу-

ры» («Reconstruire la culture») исходит из следующего тезиса: ни общества, ни культуры, ни общепланетарной политики не существует. Ученый подчеркивает, что Запад – единственная часть света, основой существования которой являются многочисленные разрывы. В культурном отношении Запад принял полное разделение инструментального мира и мира самосознания. На социальном уровне Запад был миром полного разрыва (*le monde de la rupture totale*). Для него не существует ни идеальных моделей, ни справедливого общества, ни конца Истории. Для современной эпохи характерным является процесс десоциализации и даже отказа от попыток объединить социальную, экономическую, политическую и культурную деятельность.

В настоящее время человечество занято поисками способов связи с другими частями света, другим образом мыслей, другой манерой изъясняться, другим опытом, которые позволили бы противостоять бессмыслице и жестокости современного мира.

Изучая возможности создания новых естественных договоров, Жак Делор (Jacques Delors), бывший министр финансов Франции и бывший председатель Европейской комиссии, в своей статье «На пути к общедоступному непрерывному образованию» («Vers l'éducation pour tous tout au long de la vie») останавливается на двух вопросах: все более усиливающиеся неравенства в сфере образования и влияние на общество технологических, экономических и геополитических изменений. К концу 90-х гг. XX века в мире насчитывалось 900 миллионов неграмотных людей. Во многих странах доступ к образованию затруднен, а преподаватели зачастую живут в сложных материальных условиях, которые не соответствуют их статусу и роли, которую они должны играть в обществе.

Что касается крупных изменений в сфере технологий, экономики и политики, Ж. Делор называет следующие параметры: технологическая революция, глобализация экономики и рынка, развитие обмена, появление новых участников, трансформация капитализма и некоторое уменьшение роли государства в ведении хозяйства. Все эти факторы напрямую воздействуют на образование. К ним также необходимо добавить такие феномены, как революция в СМИ, зарождение мирового общественного мнения, эволюция уже существующих ценностей, усиление роли женщины, изменение

образа жизни, кризис института семьи, стремление к личному благополучию, возрастание национального самосознания и, наконец, напряжение между глобальным и местным.

Нынешняя эпоха – это период диктатуры соцпросов и все меньшей власти, в то время как образовательный процесс построен на таких отношениях между учеником и учителем, когда последний имеет над своим подопечным власть и разумно использует ее, а ученик эту власть признает. Говоря о роли труда в современном обществе, Ж. Делор отмечает постоянное уменьшение количества времени, которое человек посвящает работе в течение всей жизни. Подобный спад имеет серьезные последствия для организации общества.

Базовыми умениями в образовании являются чтение, письмо, счет и устная речь, без которых равенство шансов невозможно. В развивающихся странах ученики после окончания школы быстро забывают все, чему научились, и снова впадают в неграмотность. Ж. Делор делает акцент на том, что привить любовь к учебе можно, обучая познавать мир. Автор статьи называет основные принципы необходимых реформ в сфере образования. Во-первых, непрерывное образование (*l'éducation tout au long de la vie*) в течение всей жизни – это не дополнение к базовому образованию, а новая система, которая требует создания соответствующих условий. Во-вторых, базовое образование должно быть обязательным для всех. В-третьих, разнообразие направлений и специальностей должно дать каждому возможность сориентироваться и в полной мере использовать свой потенциал. В-четвертых, возможности должны быть равными для всех, независимо от уровня полученного образования. Наконец, в-пятых, необходима реорганизация высшего образования, которое должно пользоваться авторитетом. Подводя итог, Ж. Делор высказывает предположение, что будущее за теми, кто сумеет лучше создавать, передавать, усваивать и применять знания (*l'avenir appartiendra à ceux qui sauront le mieux créer, transmettre, absorber et appliquer le savoir*). Только тогда можно будет говорить об «обществе знания».

Болгарский философ и политик Желю Желев (Jeliou Jeleв) в статье «Образование и гражданство в XXI веке» (*«Éducation et citoyenneté au XXIe siècle»*) рассматривает понятия «образование» (*l'éducation*) и «гражданство» (*la citoyenneté*). Термин «образование»

может подразумевать как просвещение вообще, так и собственно процесс обучения. Что касается понятия «гражданство», его можно рассматривать в значении «государственная принадлежность» (*l'appartenance nationale*), но оно также может подразумевать собственно гражданина (*le citoyen*). Образование, по всей видимости, представляет собой лучший вектор идеи гражданства как свойства людей. Человек становится гражданином, когда ему удастся вписаться в общественное пространство и когда он начинает защищать фундаментальные ценности демократии.

Ж. Желев подчеркивает, что лишь демократия и гражданское общество делают возможным расцвет науки, культуры и образовательной системы. В тоталитарных государствах образование построено на принципе коллективизма, что позволяет воспитывать подданных, но никак не граждан. В эпоху компьютерных технологий и Интернета доступ к информации разного рода стал практически неограниченным. В связи с этим возникает вопрос, смогут ли люди использовать эту информацию разумно и в благих целях.

Система образования не перестает претерпевать изменения. Если в эпоху античности, когда доступ к информации был проблематичен, учитель казался ученикам своего рода мессией, открывающим для них мир, то сейчас он уже не может считаться единственным носителем знаний. Благодаря СМИ дети уже с ранних лет начинают получать информацию о мире. Таким образом, роль учителя все больше ограничивается организационной функцией и умением связно и четко представить знания. Говоря о перспективах образования в XXI веке, Ж. Желев замечает, что необходимо отказаться от системы централизованного образования, унифицированного государством. Государство должно принимать участие в просвещении молодежи, но не подвергать опасности фундаментальные ценности демократии, такие, как права человека, гражданские и политические свободы, правовое государство, права меньшинств.

Коллективистские доктрины также, на взгляд Ж. Желева, неприемлемы, поскольку они воспитывают подданных, которые рассчитывают не на собственные силы и способности, а исключительно на государство. Необходимо поощрять развитие гражданского общества, способного стать фундаментом для демократического госу-

дарства. Важно также строить правовое государство, которое сможет гарантировать каждому своему гражданину соблюдение прав человека, гражданских и политических свобод, прав меньшинств и равенство в правах.

Фэй Чанг (Fay Chung), политик из Зимбабве, в своей работе «Женщины и будущее образования» («Les femmes et l'avenir de l'éducation») затрагивает проблему половой дискриминации в сфере образования. Как показывает статистика, в странах третьего мира около 40% девочек не имеют возможности получить даже начальное образование. В то же время, по данным исследований, благодаря повышению уровня образования среди женщин, наблюдается снижение детской смертности и повышение производительности труда. Автор констатирует, что способность женщин занимать высокие должности напрямую связана с уровнем их образования. В странах, где большинство женщин малограмотны или неграмотны вовсе, они вряд ли смогут добиться ответственного поста. Образование также помогает улучшить социальное положение женщин, поэтому необходимы образовательные программы, которые предоставляли бы женщинам доступ к карьере наравне с мужчинами.

Освещая вопросы взаимодействия естественных договоров и развития человечества, Жером Бинде (Jérôme Bindé), заместитель генерального директора по вопросам общественных и гуманитарных наук и директор Отдела перспективы, философии и гуманитарных наук ЮНЕСКО, в статье «Естественный договор и развитие в XXI веке» («Contrat naturel et développement au XXIe siècle») напоминает, что еще в XVII веке философ Т. Гоббс вывел следующую формулу: состояние природы равняется состоянию войны. По Гоббсу, состояние природы было совершенно небезопасным и представляло собой состояние войны всех против всех, именно поэтому необходим договор. Сейчас, в начале XXI столетия, мы оказались перед новым вызовом: состояние войны против природы, против окружающей среды. Понятие безопасности расширилось и подразумевает теперь не только политический, но и экологический, санитарный, социальный и культурный аспекты. Ж. Бинде комментирует труд М. Серра «Естественный договор» («Le Contrat naturel»), выделяя главные мысли работы. По М. Серру, существует четкое соответствие между общественным и естественным договором. Не-

обходимость естественного договора вызвана изменением масштабов в психополитической истории человечества. По мнению философа, общественному договору должен сопутствовать естественный договор о взаимодействии. При этом естественный договор не даст никаких результатов, если не будет выработана новая политика и новая концепция политического руководства. Такой вид договора неотделим от этики будущего. На взгляд Ж. Бинде, естественный договор станет одним из ключей к будущему всемирному договору.

Томас Одиамбо (Thomas Odhiambo), энтомолог из Кении, в статье «Будущее биоразнообразия» («L'avenir de la biodiversité») констатирует, что с каждым годом исчезает все больше видов растений. При это биоразнообразие является не только важным условием выживания и сохранения всех видов живых организмов, но и положительно влияет на социальную и экономическую сферы. На взгляд Т. Одиамбо, человечество сможет полноценно пользоваться своим природным достоянием, только если будет сочетать проверенные временем традиции предков и современные технологии.

Мостафа Толба (Mostafa Tolba), профессор микробиологии из Египта, в работе «Окружающая среда и ее развитие до 2020 года» («Environnement et développement à l'horizon 2020») рассматривает перспективы развития человечества до 2020 г. По мнению ученого, в XXI веке перед человечеством встанут такие проблемы, как бедность, безграмотность населения развивающихся стран, международный терроризм, религиозные и этнические конфликты, увеличение разрыва между более обеспеченным и нуждающимся населением. Помимо этого, к началу нового столетия условия для обеспечения демократии и справедливости так и не были соблюдены, что является самой сложной проблемой, с которой нам придется столкнуться.

Кроме вышеназванных трудностей, человечество ждут серьезные проблемы экологического и технологического характера, такие, как стремительная индустриализация развивающихся стран и ее негативное влияние на окружающую среду, нехватка питьевой воды, изменение климата, разрушение озонового слоя, возникновение новых болезней и вспышки старых, эпидемия СПИДа. Для решения этих проблем следует с осторожностью использовать технологии генетики в промышленно-пищевом и фармацевтическом

секторах. Необходимо заключение многосторонних соглашений на предмет использования природных ресурсов.

Отдельно выделим проблему так называемого культурного договора. Ален Турен (Alain Touraine) в статье «В защиту культурного договора» («Pour un contrat culturel») отмечает, что сам термин «культурный договор» является противоречивым. Человечество хочет не только политической и социальной демократии, но и демократии культурной. Для автора культурное право означает не право быть другим, но право участвовать в деятельности мира. В настоящее время необходимо признать культурные права каждого в рамках политической демократии.

Эле Бежи (Hélé Béji), писательница из Туниса, в работе «Какое будущее культурного плюрализма?» («Quel futur pour le pluralisme culturel?») подчеркивает, что основным свойством современной эволюции является принцип равенства культур, неотделимый от демократического сознания. Однако так называемого культурного братства недостаточно, чтобы гуманно управлять соотечественниками. Политические связи имеют под собой не культурную, но гражданскую основу. Э. Бежи отмечает существенное противоречие: права человека, в отличие от культурных прав, считаются естественными. Принцип, лежащий в основе прав человека, имеет задачу избавить людей от так называемых культурных предрассудков: все люди одинаково свободны и равны в правах, независимо от их происхождения, языка и религии.

Другая трудность заключается в том, что современные культуры не могут не подавлять более старые культуры, – не потому, что они обладают некими дополнительными достоинствами, а потому, что они принадлежат к настоящему. Соответственно, культурный договор не должен будет, априори, верить в невинность любой культуры (*l'innocence de toute culture*). Он непременно должен признавать ее человеческие или бесчеловечные склонности, акты свободы или тирании.

Эдуардо Портелла (Eduardo Portella), философ, писатель и литературный критик из Рио-де-Жанейро, в статье «Что ждет культуру в XXI веке: клонирование или смешение?» («La culture au XXIe siècle: clonage ou métissage?») предупреждает о том, что культивирование культурной идентичности приводит к усилению расизма.

Культура исключения неизбежно приведет к исключению самой культуры. Более того, все человечество рискует стать жертвой электронного фундаментализма. Нужно ли разрабатывать культурный договор? Этот вопрос обнаруживает два парадокса. Во-первых, договор может быть заключен с целью нормализации. Однако, ввиду специфики культуры, следует внести в проект договора некоторые статьи, выходящие за рамки строгой нормы. Во-вторых, подобный договор находится примерно между общественным и естественным договорами, а современный разум стремится отдалить общественное от природного, словно разделяя человека надвое. Новые ценности, основанные на согласии между гражданами, могут родиться только в условиях естественной жизненной эволюции.

Рассматривая взаимодействие этики и политики, Рюичи Ида (Ryuichi Ida), профессор международного права из Киото, в статье «Биоэтика и будущее всего живого» («Bioéthique et avenir du vivant») пытается ответить на вопросы: что такое живое (*un vivant*), когда появляется жизнь, что значит жить, когда живое умирает? Все эти вопросы заставляют нас задуматься о ценности живого, о различии между живым и неживым и о возможности использовать органы или ткани неживых организмов в научных или медицинских целях. Можно ли использовать для этого, к примеру, эмбрион? С одной стороны, это всего лишь клетка; но, с другой стороны, эта клетка станет человеком. Р. Ида приводит другой пример: исследования человеческого генома позволят распознать генетически запрограммированные заболевания или аномалии, что поможет в предотвращении этих болезней и в проведении терапии. В то же время, знание генома человека может привести к различным дискриминациям, связанным с расой, национальностью, работой, образованием. Речь идет о ценности живого существа. Человеческое достоинство является центральным элементом биоэтики. Но универсальна ли она? Прежде всего нужно признать, что мы живем в мире многообразия рас, религий, мыслей и т.д. Исходя из этого факта, необходимо строить новую биоэтику.

Французский социолог Эдгар Морен (Edgar Morin) в статье «Этика будущего и политика» («Éthique du futur et politique») размышляет о взаимоотношениях этики и политики. Если политика стремится отодвинуть на второй план этическую проблематику, то

этика может восставать против политического реализма. Само понятие «политический реализм» подразумевает реализм свершившихся фактов. На взгляд Э. Морена, этический полюс непременно должен поддерживаться в политике, а именно в политике будущего. Никто не знает своего будущего, но перспективы диалога между этикой и политикой можно увидеть уже сейчас. Эти перспективы связаны с демократией и гражданственностью.

Лорд Мегнад Десаи (Meghnad Desai), профессор экономики из Лондона, в своей работе «Какого развития ждать в XXI веке?» («*Quel développement au XXIe siècle?*») констатирует, что к концу XX века продолжительность жизни населения заметно выросла, так же как и доходы людей. В последние 20 лет мы смогли понять, что такое развитие (*le développement*). Оно измеряется не только уровнем дохода, но и уровнем здравоохранения, образования, равенства между мужчинами и женщинами. Развитие выражается через жизнь граждан, а не через правительственные решения. М. Десаи выражает надежду, что следующий век будет лучше предыдущего, но предостерегает против притеснения более слабых стран могущественными державами. Общественный прогресс невозможен без равенства и правового государства.

Французский исследователь Люк Монтанье (Luc Montagnier) в статье «Задачи всемирного сознания» («*Les enjeux d'une conscience universelle*») говорит об основных опасностях, которые подстерегают человечество в новом столетии. Возможны новые эпидемии, более разрушительные, чем раньше. Увеличение продолжительности жизни может привести к росту хронических заболеваний. Но главной угрозой является усиление неравенств – процесс, имеющий склонность активизироваться с развитием новых технологий. Л. Монтанье предполагает, что глобализация может помочь нам избежать хаоса и приобрести вселенское сознание.

Юлия Кристева (Julia Kristeva) демонстрирует эффективность психоанализа перед лицом современных социальных кризисов и проблем цивилизации. Автор задается тремя вопросами. Есть ли у нас душа? Может ли наша душа восставать? Почему психоанализ мог бы стать или уже стал сродни атеизму и надежде? Отвечая на первый вопрос, Ю. Кристева утверждает, что психоанализ исходит из следующего принципа: человек жив только в том случае, если у

него есть психическая жизнь. З. Фрейд предложил свою сложную концепцию души, которая существует в трех слоях: сознательное, бессознательное и надсознательное. Давая ответ на второй вопрос, автор говорит, что современная культура уже не может быть культурой запретного. В иудейско-христианской традиции душа характеризуется именно своей способностью восставать. Так, Блаженный Августин считал, что душой душу делает способность задавать себе вопросы и ставить себя под сомнение. Наконец, отвечая на последний вопрос, Ю. Кристева замечает, что анализ становится возможным благодаря способности восставать, которая помогает установить некую связь.

Адальберто Баррето (Adalberto Barreto), психиатр и этнолог из Бразилии, уверен, что миграционные движения ведут к обнищанию экономики, к оскудению культуры, знаний и умений, социальных связей и видения себя. Излишнюю подавленность мигрантов А. Баррето предлагает лечить в группе. Успехи групповой терапии были неоднократно подтверждены. Главные трудности мигрантов – это брошенность, незащищенность и потеря самоуважения. Страхи, порождаемые этими трудностями, становятся причиной напряжения и даже насилия. Только в группе рождаются самые подходящие решения, взвешенные с уважением к каждому присутствующему. Восстановление самоуважения тех, кто оказался за гранью, является краеугольным камнем борьбы против душевных болезней в XXI веке.

Наконец, не менее значимым для аксиологии является вопрос будущего Вселенной. Чинь Суан Туан (Trinh Xuan Thuan), профессор астрофизики в Виргинском университете (США), анализирует процесс расширения Вселенной и дает прогноз ее будущего. Возродится ли Вселенная после своей гибели? Появится ли новая Вселенная со своими законами? Ученый не дает ответов на эти вопросы, но считает возможным произвести необходимые подсчеты и анализы, чтобы узнать будущее Вселенной.

Николас Прантцос (Nicolas Prantzos), астрофизик из Греции, говорит, что все великие цивилизации прошлого развивали космологию, основанную на цикличности времени и согласно которой спустя некоторое время Вселенная восстанавливалась. На самом деле ее будущее определено ее плотностью. Согласно недавно выска-

занным научным идеям, расширение Вселенной ускорится и будет продолжаться вечно. На взгляд ученого, размышления о будущем Вселенной составляют неотъемлемую часть размышлений в XXI веке.

Андре Браик (André Brahic), астрофизик, профессор университета Париж-7 имени Дени Дидро, уверен, что научная культура должна получить как можно большее распространение среди горожан. Таким образом они узнают, что ученые всегда могут опровергнуть то, что ложно. Чтобы понять сущность науки, нужно осознать, что причиной прогресса является постоянное сомнение. Предложение научно только тогда, когда оно может быть подтверждено или опровергнуто. Познание Вселенной, в которой мы живем, является столь же важным элементом культуры, что и история, география, музыка или живопись. А. Браик утверждает, что наука и религия сравнительно далеки друг от друга. Ключевое слово для этих отношений – толерантность. Нужно принимать культуру и оригинальность другого, даже если мы не разделяем всех его взглядов. Именно многообразие создает богатство этого мира.

В качестве вывода, Жером Бинде (Jérôme Bindé) констатирует, что глобализация и появление новых технологий навязывают обществу логику «реального времени». Человек сегодняшнего дня постоянно присваивает права человека завтрашнего дня, тем самым ставя под угрозу свое благополучие, душевное равновесие и даже жизнь.

Создание этики будущего требует определения перспектив ценностей, так как ценности все время находятся в движении и повернуты в сторону будущего. Строительство этики XXI века требует также проведения «реформы мысли». Этика будущего – это этика «здесь и сейчас», а не некая отдаленная, абстрактная этика.

Таким образом, представленные в данном тексте идеи и положения, выделенные нами в ходе его семиометрии, позволяют судить о современном уровне фокализации и объяснения ценностных параметров и координат настоящего и предвидеть в оценочном ракурсе прочерченные логикой рефлексии сценарии будущего. Данное качество текста свидетельствует о его безусловной важности для современной аксиологии в векторе размышления о мире сущем и мире должном и желаемом.

Динамика ценностных смыслов лингводидактики

Настоящий период времени характеризуется переосмыслением и изменением системы ценностей, в том числе и ценностей образования, и определяется рядом ученых как «аксиологическая революция». Социально-экономические реформы, бурный темп жизни, экономический кризис, переход к рыночной экономике в одно мгновение низвергли то, что еще недавно казалось немислимым. «Старые» ценности, еще недавно казавшиеся неопровержимыми, заменяются «новыми», чуждыми предшествующей практике ценностными ориентациями.

За последнее время произошло немало событий, которые повлекли за собой неустойчивость прежних образовательных постулатов, данностей, а вместе с ними образовательных ценностей, смену одних состояний другими, целостность и значимость не одного (пусть всецело исследованного), а нескольких новых (и весьма привлекательных) состояний, делающих прежнюю систему ценностей не одноцветной, а полихромной. Происходит смена плоскостного восприятия предмета образования на объемное, прежде затруднительный (чаще невозможный) переход на другую, чем традиционная, траекторию педагогической мысли становится сейчас не просто допустимым, а всячески одобряемым и поддерживаемым. Развитие через неустойчивость и последующее разветвление – это реальный феномен, и человеку необходимо с этим считаться. Таковы неизбежные законы модернизации, стратегия которой является главной идеологией современного развития всех сторон общественной жизни, в том числе образования.

Среди событий современной образовательной действительности можно назвать смену традиционных общеобразовательных парадигм – принятых в научном сообществе концептуальных схем, моделей постановки проблем обучения, воспитания и вариантов их решения. Среди наиболее важных и кардинальных изменений можно назвать переход от знаниевой к компетентностной модели целеполагания, от формально культуросной схемы к истинно культуросообразной, от универсализованного образования (в большей степени учитывающего среднестатистические показатели

обучающихся) к личностно ориентированному, от максимально обобщенного (в теоретическом плане) процесса подготовки к явно выраженному прагматическому. Эта смена образовательных ценностей повлекла за собой конкретные изменения, происходящие сегодня в сфере образования. Среди них переход на новые Федеральные государственные образовательные стандарты, построенные на основе компетентностного подхода, повсеместное внедрение новой методики контроля качества обучения (единый государственный экзамен), реализация двухуровневой системы высшего профессионального образования. Все это свидетельствует, что в настоящее время мы находимся в эпицентре событий, кардинально трансформирующих традиционные образовательные постулаты. Можно спорить о важности тех или иных преобразований, подвергать сомнению значимость тех или иных инноваций, но нельзя не признать очевидного стремления российской системы образования к модернизации, отказу от догм и принятию иного механизма формирования личности, востребованной временем. Это *homo agens* и *homo moralis* – человек, который обладает моральными ценностями, влияющими на его образ мыслей, поступки и действия, человек, способный сам (а не по велению извне) формировать для себя нравственные предписания и строить в этом пространстве собственную судьбу, а вместе с тем участвовать в судьбе страны и государства.

В русле данных тенденций развивается лингводидактика – наука, которая призвана живо реагировать на смену социального заказа в сфере обучения иностранным языкам, в области подготовки к межкультурной коммуникации. Теория обучения иностранным языкам переживает очередной этап своего развития. «Золотой век» методики, который ознаменовался поисками и находками в области определения устойчивой (в значении относительно стабильной) системы, при любых условиях целенаправленного обучения обеспечивающей успешность овладения человеком иностранным языком (70-90 гг. XX в.), постепенно уступает свое место новым направлениям, обусловленным современными тенденциями лингвообразовательной политики как отдельно взятого государства, так и мира в целом. Причем изменения, происходящие в лингводидактической сфере, столь разительны и многообразны, и их накопле-

ние столь быстро подходит к своему критическому значению, что их можно назвать бифуркационными, способными ознаменовать собой катастрофический скачок, революционный взрыв, конфликтный срыв, качественную перестройку ранее степенно эволюционирующей методической системы.

Вследствие этих процессов лингводидактика становится своеобразным локомотивом многих трансформаций, экспериментальной площадкой, на базе которой отслеживается прогрессивный или регрессивный эффект от вводимых инноваций. Это связано с тем, что человечество, вступив в эру глобализационных процессов и систем, испытывает острую потребность во взаимодействии и конструктивном общении людей, относящихся к разным лингвосоциумам. Подвижность теории обучения иностранным языкам, ее готовность к изменениям объясняется еще и тем, что в качестве объекта изучения и научения находится живой процесс межкультурной коммуникации, которому не присуще состояние стабильности и статичности. Именно поэтому теория обучения иностранным языкам постоянно находится в состоянии поиска оптимальных методических систем, технологий, обеспечивающих построение новых моделей обучения иностранному языку и культуре.

Стремление к совершенству требует от лингводидактики пересмотра и переоценки системы сформировавшихся лингвообразовательных ориентаций, установок и аттитюдов. Иными словами, требуется выявление динамики ценностных смыслов данной научной сферы, изучение которых – крайне увлекательный процесс для исследователя, поскольку в него оказываются вовлеченными разнообразные события, ведущие теории и концепции, а также люди, вершащие историю науки. Необходимость учета и оценки подобного набора фактов, явлений и персоналий обусловлена тем, что современная аксиология гносеологически ориентирована на анализ таких феноменов, как личность и индивидуальность, смысл бытия, идеал и т.п. Как следствие, образование в целом и иноязычное образование в частности не могут обойтись без ценностного осмысления этих феноменов.

Аксиометрический подход, реализованный с целью сопоставления лингводидактических концептов, выведенных в результате анализа репрезентативных текстовых пространств (контекстов), по-

зволит выявить ведущие тенденции в аксиосфере науки об обучении иностранным языкам, определить динамику процесса развития лингводидактических ценностных смыслов и наметить (спрогнозировать) их развитие в будущем. Назрела необходимость проведения феноменологического исследования актуально и потенциально репрезентированных наборов лингвообразовательных ценностей и ценностных систем, выявления соотносительной значимости ценностей между собой и в представлении разных субъектов. Причем особую значимость может иметь анализ генезиса аксиологических представлений и самих лингводидактических ценностей. Основными исходными посылами при таком исследовании могут стать тезисы о том, что: а) природа ценностных ориентиров всегда обусловлена социокультурными, регламентирующими и целеустанавливающими мотивами общества, и б) она репрезентирована в сознании человека и опредмечена в тексто-дискурсивных параметрах его деятельности.

Лингводидактика, фокусирующая свое внимание на методологических основах теории обучения иностранным языкам, является относительно молодой научной областью (ей не больше десятка лет), и идея диагностики ее аксиосферы может показаться обреченной на неудачу. Однако фактов, накопленных за последнее время, немало, они могут (и должны!) быть структурированы, их количество набрало необходимую критическую массу для производства широких обобщений и систематизации. Об этом, в частности, пишет В.И. Невская, говоря о системной интерпретации обучения как об остро актуальной проблеме методики обучения иностранным языкам. Автор, предлагая ввести в методический тезаурус такие системные категории, как «состояние» и «связь состояний», говорит о том, что «тщательная проработка содержания и системной позиции несомненно внесет значимый вклад в становление *методической аксиологии* как научной дисциплины, ветви методики как науки» [Невская 2000: 45].

С мнением ученого о возможности и даже необходимости поиска ценностных ориентаций в теории обучения иностранным языкам нельзя не согласиться. Сама эта наука, развиваясь, помимо чьей бы то ни было воли пронизана ценностными смыслами, и это связано, прежде всего, с тем, что она обучает диалогу культур, а

значит, взаимодействию людей, обладающих своей картиной мира, своими ценностными пристрастиями. Совместить эти системы в ходе межкультурного взаимодействия и, как следствие, придать диалогу конструктивный и продуктивный характер не так-то просто, необходимы целенаправленные усилия по выявлению, извлечению, описанию, контент-анализу ценностных систем с тем, чтобы создать оптимальную обучающую стратегию их пересечения, сосуществования, взаимного принятия в ходе овладения иным языком и иной культурой.

Подхватывая идею В.И. Невской, Е.И. Пассов очерчивает круг проблем, которые могут быть предметом исследования в области методической аксиологии. К ним он относит следующие вопросы:

- «в чем заключается образовательный императив нашего времени;
- иноязычное образование и духовность;
- личностный смысл в овладении иноязычной культурой;
- философия диалога культур;
- ценности свои и чужие;
- роль иноязычной культуры в самореализации человека;
- границы свободы и выбора в иноязычном образовании;
- ценностное отношение к иноязычной культуре;
- духовность и прагматика: моральный выбор;
- духовное саморазвитие и ценности;
- иноязычное образование и национальная идея;
- этика учителя и духовное развитие учащегося;
- аксиологический потенциал различных областей духовной культуры другого народа;
- духовность светская и религиозность: возможности совместности;
- человек как субъект иноязычного образования;
- применимость ведущих идей философии в иноязычном образовании;
- иноязычное образование и вторичная социализация;
- соотношение культуры и цивилизации в содержании иноязычного образования;
- соотношение культуры и цивилизации в содержании иноязычного образования» [Пассов 2010: 243].

Данный перечень возможных направлений в исследовании лингвообразовательных ценностей представляет собой широкое

поле для научной дискуссии. Е.И. Пассов, кстати, говорит, что осмыслить ценностные ориентации методики может только «коллективный разум методического сообщества, для чего нужен специальный научный симпозиум, очный или через Интернет» [Ibid.].

Делая актуальный (поперечный) срез проблем в аксиосфере методики обучения иностранным языкам, ученый указывает на то, что «каждая исторически конкретная общественная форма может (добавлю – и должна) характеризоваться специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции» [Ibid.: 242]. Иными словами, существует возможность обнаружения и исследования продольного среза ценностных доминант лингводидактики, изучения их в диахронии. В связи с этим небезынтересно было бы изучить те образовательные ценности, которые волновали умы ученых-методистов в течение продолжительного времени, отследить моменты смены (пики, изломы) аксиологической кривой в сфере лингводидактики. Для этого необходимо применить информационно-целевой (смысловой, содержательный) анализ ценностных установок в области методики обучения иностранных языков. При этом нас должны интересовать в большей степени механизмы «ценностного подчинения»²¹, т.е. механизмы целеполагания и долженствования в лингводидактике, приводящие к абсолютизации и нормативной (в значении законодательной, документально подтвержденной²²) фиксации определенных ценностей в конкретный промежуток исторического развития науки.

Начать анализ следует с утверждения о том, что общественной ценностью является иностранный язык сам по себе как объект усвоения, это доказывается статусом предмета «иностраннй язык» как обязательного для изучения на всех ступенях системы образования, признанным еще в далеком 1929 году и не потерявшим своей

---

²¹ Как известно, регулирование ценностей в контексте ценностного подчинения в большинстве случаев используется в области политического манипулирования. Мы же имеем в виду такой ценностный образ (социальное распределение ценностей в определенной группе), который был нормативно закреплён и являлся общепризнанным целеориентиром в определенный отрезок времени.

²² В качестве таких документов могут рассматриваться постановления правительства, позднее государственные образовательные стандарты, программы обучения иностранным языкам.

роли и поныне. Сейчас иностранный язык справедливо рассматривается как производительная сила. Но полагать, что именно язык как самоценность является аксиологически значимым объектом, было бы неправомерно. Номинация «иностраннй язык» давно не воспринимается в своем буквальном значении, и ее использование сегодня – просто дань традиции²³. Это свидетельствует об изменении «образа иностранного языка» в лингводидактическом аспекте интерпретации данного образа. Такое изменение сродни эволюции «образа языка» в лингвистике, связанной со сменой научных парадигм: от понимания языка как «языка индивида» и языка как «члена семьи языков» к трактовке языка как структуры, затем как системы, далее – как типа и характера и, наконец, как «пространства мысли и как дом духа» [Степанов 1995: 7].

Следует заметить, что «узость» рамок предмета, названного «иностраннй язык», была отмечена еще на рубеже XIX–XX вв. Уже в тот период времени начали говорить об уникальных развивающих и общеобразовательных функциях процесса изучения иностранного языка. Это не могло не повлиять на ценностное подчинение, выраженное в целевых установках того времени. По мнению К.Д. Ушинского, «главной целью изучения каждого иностранного языка должно быть знакомство с литературой, потом умственная гимнастика и, наконец, уже, если возможно, практическое обладание языком» [Ушинский 1861, цит. по: Миролубов 2002: 24]. Л.В. Щерба видел общеобразовательное значение иностранного языка в подготовке вдумчивого чтеца, так как «только текст на иностранном языке создает привычку разбирать, вдумываться в текст. В этом и состоит громадная общеобразовательная сила иностранного языка» [Материалы... 1915: 449]. Кроме того, он полагал, что изучение иностранного языка помогает самопознанию: «Иностраннй язык в школе тот предмет, на котором мы учимся самонаблюдению, познанию духовной жизни, сосредоточенности и углублению» [ibid.: 450]. Общеобразовательная ценность, согласно мнению ученого,

---

²³ Как образно пишет Е.И. Пассов, «называть нашу учебную дисциплину ‘иностраннй язык’ логически равносильно тому, чтобы называть диваном или сервантом всю мебель, т.е. частью целое. Совершенно очевидно, что ученик усваивает не только язык» [Пассов 2010: 176]. Именно поэтому ученый страстно ратует за то, чтобы изменить устаревшую и лишенную ценностного содержания номинацию «иностраннй язык» на «иноязычное образование».

заключается также в том, что иностранный язык улучшает знание своего родного языка²⁴.

Понимание общеобразовательного значения иностранного языка не было бы полным, если бы мы не упомянули о прозвучавшей впервые именно в тот период времени идее о том, что изучение языка – верное средство познать особенности народа, его характер (К.Д. Ушинский, Г. Книппер, Э. Лямбек). Эта ценностная идея была весьма продуктивна в период времени, ознаменовавшийся стремлением к «интернациональному сближению людей и народов».

Можно заключить, что на заре своего становления в нашей стране методика утверждала в качестве целевых ориентиров *общеобразовательное значение иностранного языка*; эта доминанта закреплялась в нормативных документах и служила для своего времени ценностным императивом. При этом он касался развития важнейших параметров обучающегося: его когнитивной, интеллектуальной, культурно ориентированной сферы.

Впоследствии общеобразовательные ценности изучения иностранных языков, к сожалению, начинают уступать место (скорее, подчиняться) *практическим* (сугубо утилитарным) *установкам*. Внимание фиксируется на тех видах речевой деятельности, которые необходимы в жизнедеятельности человека. Здесь динамика ценностных ориентаций абсолютно четко прочитывается в целеустанавливающих ориентирах достаточно продолжительного периода времени (с предвоенного периода вплоть до 80-х гг. XX века). Опираясь на документы и факты того времени, об этом подробно пишет А.А. Миролубов [2002].

Прежде всего, важным считалось обучение пониманию иноязычных текстов и их переводу (практически буквальному). При этом приоритет отдавался учебным материалам, насыщенным советской риторикой. Преобладание чтения как ценностного образовательного императива того времени объяснялось объективными условиями: с одной стороны, малым количеством часов, невысокой квалификацией преподавательских кадров, невозможностью ис-

---

²⁴ Следует заметить, что такое отношение к роли и значимости иностранного языка поддерживалось многими прогрессивными умами того времени – Ф.И. Буслаевым, К.Д. Ушинским и др.

пользования языка в целях непосредственного взаимодействия с его носителями, с другой стороны, возможностью исследовать на базе текста структуру языковой (в основном грамматической) системы²⁵.

Впоследствии (с 60-х годов) начинает активно исследоваться аспект рецептивно-репродуктивного усвоения иностранного языка, который положил основу для разработки методики обучения разным видам речевой деятельности. Практическая направленность процесса обучения проявляется в нацеленности на формирование у обучающихся умений в говорении, аудировании, чтении и письме. «Образ языка» уступает место «образу речи» в целеустанавливающих ориентирах, что, впрочем, никак не влияет на смену лингвообразовательных ценностей – они по-прежнему нормативно закрепляются в сугубо утилитарных формулировках: «овладение речью в определенных рамках», «развитие речевых умений во всех видах речевой деятельности», «развитие умений общаться на иностранном языке», «достижение уровня владения иностранным языком, приближенного к уровню образованного носителя» и др.

Казалось бы, произведен переворот (очередная Реформа²⁶) в преподавании иностранных языков, ознаменовавший собой смещение образовательных ориентиров с необходимости усвоения языка как системы на овладение языком как средством речевой деятельности. Безусловно, это позитивный шаг в развитии лингвометодической науки. Но содержательный анализ данных целевых установок свидетельствует о том, что в общем масштабе аксиосферы лингводидактики произошедшие изменения мало что изменили. По-прежнему доминирует практический – в большей степени прагматический – взгляд на ценностные приоритеты в обучении иностранным языкам. Заявляемое триединство целей (практической, развивающей, воспитательной) по существу являлось лишь декларированием, практическая цель явно лидировала по своему весу и статусу, именно она определяла суть и смысл лингводидактической науки в течение достаточно продолжительного периода времени.

---

²⁵ Фиксация на «образе языка» была в целом присуща тому периоду времени. Это позволило некоторым исследователям назвать эту эпоху в становлении методического знания «лингвистическим подходом» к обучению иностранным языкам [Вишневский 1983].

²⁶ По аналогии с Реформой конца XIX века.

Затем (80-90-е годы XX века) наступает период провозглашения культуры основной образовательной ценностью при обучении иностранным языкам. Благодаря этой тенденции происходит расширение практически ориентированной лингвообразовательной парадигмы за счет привнесения в нее иных, чем язык и речевая деятельность, явлений. Следует пояснить, почему данные решения в осознании целей обучения иностранным языкам не возымели эффекта «разорвавшейся бомбы» и мало что привнесли в аксиосферу лингводидактики.

Как указывает Е.И. Пассов, язык и культура – «близнецы-братья»²⁷, одно без другого немислимо и бессмысленно, а ведущим в этой паре является Культура – сложнейшее создание человека и сама его создательница. При этом, конкретизируя понятие Культуры, ученый справедливо отмечает, что самым подходящим для образовательных целей является понимание культуры как системы духовных ценностей [Пассов 2010: 185-186]. Исходя из этого, очертаия значимых лингвообразовательных ценностей задаются именно культуросообразностью процесса обучения иностранному языку, а не присвоением в ходе этого процесса знаний («образ языка») и умений («образ речевой деятельности»).

Данные идеи являются абсолютно точными, они правильным образом расставляют акценты, но в пределах *исключительно* практической направленности процесса обучения. Отчасти решаются общеобразовательные задачи, но личностная составляющая оказывается вновь вне поля зрения. Справедливости ради следует отметить, что Е.И. Пассов указывает на то, что влияние «фактов культуры» на человека – не односторонний процесс. Человек выступает не объектом воздействия на него фактов культуры, а субъектом [ibid.: 187]. Однако эта идея, к сожалению, не находит своего развития, и во всей культуросообразной лингвообразовательной парадигме наиболее значимой становится именно культура, которая, как система ценностей, подлежит освоению. Личность же по-прежнему заретуширована, она находится в тени яркого феномена *культура*, поневоле подчиняясь ему как первостепенному.

---

²⁷ Это дает ученому основание предложить особый термин для обозначения такого неразрывного единства – «языкультура» [Пассов 2010: 190].

Как можно заключить, ориентируясь на ценностно-смысловой анализ, такой «крен» в сторону преобладания практических целей, привел к тому, что язык, речевая деятельность, культура отчуждаются от личности обучающегося. Они становятся самоценными, а личность, постигающая и познающая эти ценности, не принимается во внимание. Возникает парадокс – свойства личности рассматриваются вне связи с самим человеком. Нет, личность постулируется, она «перекочевывает» из одного подхода в другой, из одного метода в другой, номинально присутствуя в прописанных целевых установках, принципах обучения и пр. Но при этом ориентация производится на некую собирательную модель этой личности, некий ее обобщенный образ (например, среднестатистического обучающегося того или иного возраста), а не на профиль конкретного человека. Такое образовательное «лукавство» (мол, мы воздаем должное личности) приводит к слепоте, отсюда неистинность определенных ценностных доминант.

Обратим внимание на коммуникативный метод, который по-прежнему (по инерции?) рассматривается как современное направление в обучении иностранным языкам. В контексте сказанного выше его несостоятельность заключается в том, что он ориентирует учебный процесс на постижение законов и правил межкультурной коммуникации (с учетом мотивированности, ситуативности, контекстности и прочих параметров межкультурного взаимодействия), вновь отстраняя от этого обучающегося как личность.

Фактически с течением времени наблюдается трансформация (впрочем, вполне удачная) представлений о том, что должно стать *объектом изучения* (в цепочке «язык → речевая деятельность → культура → (межкультурная) коммуникация»). Но при этом шлифуются только представления о практическом аспекте целевых императивов. Человек как образовательная ценность при этом не принимается в расчет. *Субъект обучения* вновь оказывается за пределами ценностной системы координат.

Ценностнообразный анализ *современной лингводидактической ситуации* показывает ее многогранность и неоднозначность. Можно с некоторой долей осторожности признать, что именно сегодня начинают зарождаться новые лингвообразовательные ценности, уводящие от центрированности на общеобразовательных

и/или практических доминантах и восходящие к Личности как единственной и бесспорной аксиологической данности.

Происходящие ныне изменения в аксиосфере лингводидактики напрямую соотносятся с переходом образовательной среды с «культуры полезности» на «культуру достоинства» – понятий, введенных А.Г. Асмоловым. Культура полезности или культура, ориентированная на полезность (практицизм, прагматизм, о чем речь шла выше) как базовую ценность общества, имеет «единственную цель <...> - воспроизводство самой себя без каких-либо изменений <...> образованию отводится роль социального сироты, которого терпят постольку, поскольку приходится тратить время на дрессуру, подготовку человека к исполнению полезных служебных функций» [Асмолов 1990: 6]. Единственная цель (ценность?) этой культуры, «прикрываемая тем или иным благостным идеалом, – воспроизводство самой себя без каких-либо изменений» [Ibid.].

По мнению автора, оппозицией такой культуре, такому устройству общества представляет новый тип культуры, ориентированной на достоинство. «В такой культуре ведущей ценностью является *ценность личности человека*, независимо от того, можно ли что-либо получить от этой личности для выполнения того или иного дела или нет» (выделено нами – Е.Т.) [Ibid.]. Как говорит автор, именно культура достоинства гораздо более готова, чем культура полезности, к преодолению социальных катаклизмов, выходу из кризисов в драматическом процессе человеческой истории.

Очевидно, что культура достоинства требует новой парадигмы образования – образования, ориентированного на воспитание чувства собственного достоинства человека, чувства свободы, профессиональной и общеобразовательной (общекультурной) компетентности. Это требует коренного изменения содержания и организационных форм всей образовательной системы, изменения ценностей образования как социального и культурного явления.

Применительно к лингводидактике такие изменения ценностных ориентаций явно наметились. В настоящее время в контексте иноязычного образования разработаны и приняты к действию направления, призванные воплотить в жизнь постулаты личностно-ориентированного подхода, которые давно и плодотворно исследовались в теоретическом ракурсе, но до сего момента оставались «написанными на бумаге».

Одной из инициатив, реализующих данный подход, является интерпретация в личностно значимой терминологии *качества образования*. Оно трактуется сегодня с точки зрения необходимости достижения минимального рассогласования между потребностями личности, современными требованиями к специалистам и качеством результатов образования [Бордовский 2001]. В центре системы обучения иностранным языкам оказывается теперь конкретный «заказчик», каковым одновременно являются и студент, и работодатель с их потребностями. Запросы этих «заказчиков» должны «срашиваться», воплощаться в единый образ качества подготовки специалиста, обусловленный спецификой профессиональной деятельности последнего. Определенным и даже, скорее, определяющим способом этот образ обуславливает формулировку конечной цели подготовки выпускника, выбор содержания обучения, подбор методов, приемов и средств обучения. Тем самым, совокупный «заказчик» сегодня непосредственным образом влияет на образовательный процесс. Именно ориентация на потребности студента и работодателя (конкретных лиц, а не абстрактных номинальных «фигур») призвана обеспечить переход к «культуре достоинства».

Эта инициатива, в свою очередь, потребовала особой целеустановляющей методологии – *компетентностного подхода* к определению целей и результатов обучения иностранному языку. Этот подход – проявление ценностного подчинения сегодня, и это закреплено в Федеральных государственных образовательных стандартах (2010 г.). Примечательно, что лежащие в основе данного подхода компетенции должны трактоваться как «сложные личностные образования, включающие и интеллектуальные, и эмоциональные, и нравственные составляющие» [Зимняя 2004: 5]. Это доказывает всецелую личностную ориентацию, присущую данному подходу, и она (эта ориентация) позволяет рассматривать его как подход, который согласуется с ценностными ориентирами «культуры достоинства».

При введении понятия «*компетенция*» в лингвообразовательную систему не произошло подмены понятий (об этом часто пишут в литературе: якобы компетенции есть не что иное, как сумма знаний, навыков и умений, которыми должен овладеть человек при изучении иностранного языка). «Понятие компетентности, – как пишется в «Стратегии модернизации содержания общего образования», – включает не только когнитивную и операционально-

действенную составляющие, но и мотивационную, эстетическую, социальную и поведенческую. Оно включает результаты обучения (знания и умения), систему ценностных ориентаций, привычки и т.д.» [Стратегия модернизации 2001: 14].

Компетенция подчеркивает именно *личностную* целевую категоризацию: это означает, что компетенция выражается у каждого человека по-своему, ему должна быть свойственна своя неповторимая комбинация способностей, позволяющая взаимодействовать с представителем иного лингвосоциума в тех пределах, которые необходимы лично человеку. Приобретая компетенцию, человек неизбежно опирается на тот когнитивный, смысловой, эмоциональный, потребностный и иной фон, который был у него сформирован в течение всей предшествующей жизнедеятельности и который свойственен только ему. Поэтому формируемая на этой основе компетенция не может иметь универсальный (в значении «для всех и для каждого») смысл. Именно в компетенциях воплощается идея как ценности *самой* личности человека (по А.Г. Асмолову), так и ценности *для* личности человека.

Еще одно проявление новейших лингвообразовательных тенденций можно охарактеризовать с позиций положительной – личностно ориентированной – динамики ценностных доминант. Речь идет о *межкультурном подходе* к подготовке современных выпускников вузов. В таком контексте рассмотрения важна не столько его особенность, согласно которой в центре обучения находится диалог культур. Значимым является то, что при этом подходе происходит мощнейшее воздействие (причем задаваемое не извне, а спровоцированное потребностями самого обучающегося) на когнитивное сознание человека под влиянием взаимодействия, взаимопроникновения двух концептуальных картин мира – родной и иной. Такой человек проживает повторно («вторично») этап социализации и приобретает особые новообразования, которые позволяют его характеризовать как «вторичную языковую личность» (по И.И. Халеевой [Халеева 1989]). Именно такая личность становится сегодня главной ценностной установкой в антропоцентрированной парадигме лингводидактического знания.

Выявленная феноменология ценностно-смыслового лингвообразовательного пространства отражает переживание личностью своей самости, поиска идентичности и целостного образа Я, и важно определить, какими методическими стратегиями и технологиями

поддержать этот поиск, содействовать максимальной реализации самопрезентирующих потребностей человека.

В контексте этих инновационных тенденций лингвистического образования следует остановиться на ряде положений, исследование которых в аксиологическом ракурсе будет представлять в ближайшее время особый интерес.

Во-первых, представляется весьма интересным рассмотреть ментальности как социально-психологического феномена, представляющего собой интегральную взаимосвязь ценностно-смыслового и архетипического индивидуального пространства личности, содержание и структуру которого можно обнаружить в темах-признаках текста, составляющих его психосемантическое и семиотическое поле. С позиций обучения языку и культуре важно найти пути, приемы и способы воздействия на это личностное пространство.

Во-вторых, перспективным и многообещающим является исследование политико-аксиологического пространства личности, находящейся в поисках своей социокультурной и межкультурной идентификации в процессе изучения иностранного языка и культуры

В-третьих, изучение ментальной структуры личности может иметь диагностико-прогностическую функцию и способствовать проекции индивидуальной образовательной траектории в рамках лингвистического образования.

Решение этих и сопутствующих им вопросов позволит выявить ценностные доминанты, которые в будущем (надеюсь, ближайшем) обеспечат реализацию новой лингвообразовательной стратегии.

Проблемы функционирования системы ценностей в современной отечественной педагогике

Первое десятилетие третьего тысячелетия со всей очевидностью выявило комплекс проблем педагогической теории. Изменения в культурном фоне, социальных потребностях общества требуют современного решения вечных воспитательных проблем, свежего, вновь осмысленного ценностного отношения к миру и к самим себе. Педагогическая теория призвана отслеживать изменения, разрабатывать стратегии педагогической деятельности, опирающиеся на научно обоснованный прогноз. Диагностическое сопровождение нового воспитательного процесса, мониторинговая система оценки качества учебно-воспитательной работы, включающая, помимо методик изучения учащихся, проведение исследований среди учителей, родителей, широкой общественности, пока не разработаны. Сложность происходящих перемен определяет степень глубины переосмысления сложившихся в прошлом теоретических парадигм в воспитательной сфере. Привычные и казавшиеся фундаментальными, они рассыпаются в современной социокультурной действительности, уступая место новым теоретическим концепциям, задающим вектор научного поиска в теории воспитания.

Значительную озабоченность современного российского общества вызывает поведение подрастающего поколения, обнаруживающее искаженность системы ценностных ориентиров, нравственного сознания в целом. Доминирование материально-вещных отношений, духовная незрелость, процветающий эгоизм и цинизм, культ силы и насилия, немотивированная жестокость, деградация представлений о доброте, чуткости, милосердии, справедливости, любви – все это постепенно из фоновых характеристик переходит в содержание жизни детей, исподволь, но неуклонно деформируя их нравственный облик. Даже с учащимися младшего возраста порой непросто говорить о ценностях товарищества, взаимопомощи, честности, бескорыстия.

Современный учитель является членом потребительского общества, и он также подвержен влиянию массовой культуры, и далеко не всякий способен стать проводником «высокой» культуры.

Педагоги, пытаясь действовать в рамках привычных представлений, в одних случаях обнаруживают бедность образовательных средств, содействующих формированию истинно ценностных представлений, нравственному становлению воспитанников. В других — теряют ценностные ориентиры, пытаясь освоить мозаику не всегда обоснованных, веских идей, которые порождает раскрепощенная теоретическая мысль, развивающаяся за пределами марксистской философии. При этом активно заимствуются западные идеи, проявляется экстраординарное доверие и жадность к «последним словам», какие только обнаруживаются в науках, связанных, хотя бы частично, с исследованием человека. Между тем, требуются идеи, построенные с учетом существующих реалий, объясняющие и предсказывающие возможное развитие процессов рождения и отмирания ценностей в нашем обществе.

Знаковая природа ценностей как составляющих культуры

Попытаемся произвести краткий анализ природы ценностей как мира значений культурного поля. Семиотика развивается, рассматривая в качестве методологической базы семиотический подход, сформированный, в частности, в работах Р. Барта, Ф. де Соссюра, К. Леви-Стросса. Опираясь на этот подход, представим модель мира ценностей в виде знаков, распознаваемых людьми, ориентирующихся в данном мире. Модель предстает как сложная конструкция (схема 1). С позиций семиотики всякая элементарная составляющая культуры представляет собой знаковую конструкцию, в которой возможно выделение иерархической последовательности характеристик. Образовательная деятельность, не менее, чем другие составляющие культуры (наука, искусство, религия и др.), оперирует ценностями, представленными как знаки. Означаемое в знаке-ценности, десигнат, — это содержание деятельности учащегося как личности: учебной, трудовой, игровой.

Схема 1. Структура элементов знаковой природы культуры как системы

Теория воспитания предполагает, что отношение учащегося к ценностям общества, обнаруживаемое в его деятельности, должно быть ориентировано на некий социально значимый аксиологический инвариант, рассматриваемый обществом как императив – норма, закон, обязательный для всех. Но ценности социума не сразу рассматриваются школьником как общепринятые.

Для того чтобы внешние для формирующейся личности социальные ценности были присвоены, приобрели личностный смысл, они должны быть «профильтрованы» через его собственный опыт и получить персональную оценку. Ценность становится в сознании знаком лишь после того, как опыт контакта с ней будет пережит, эмоционально переработан, и практика воспринимаемых ощущений оставит в сознании свой след. Вчувствование, вживание, присвоение формирующейся личностью того, что рассматривается как ценное в социуме, – сложный процесс, требующий системы упражнений, разрабатываемых школой, семьей, медийным пространством. Таким образом, личностный смысл общественно-ценного имеет две составляющих: аксиологическое эмоционально-чувственное отношение личности к значению конкретного явления и

переживание личности в отношении ощущений опыта восприятия мира. Индивидуализация ценностной компетенции закрепляется в системе ценностей после присвоения, и в дальнейшем может проявляться в виде пристрастности, предвзятости, тенденциозности.

Означающее, вторая сторона знака, – это материализующие ценности, носители их содержания. В качестве таких носителей ценностей предстают, прежде всего, семья и школа (в прежние времена – церковь), а также сверстники, СМИ (телевидение, пресса, Интернет). Важна социальная среда. Сюда относятся спортивные, молодежные, неформальные, религиозные организации. Мы так и говорим: «Он - неформал-гот», «Он - спортсмен». За обобщенной оболочкой слова-знака подразумевается система ценностей, определяющим образом относящая индивидуума к определенным группам общества.

Процесс социализации ребенка в своем начале не имеет такой не вещественной, умозрительной базы, как ценностные представления в широком смысле. Ценным является ближайшее окружение, от которого он зависит. Постепенно круг ценностных значений расширяется, вовлекая в сферу интересов друзей, дворовых, школьных приятелей, коллег по работе. Появляются кумиры и герои, любимцы, враги. Общение приобретает особые черты, опирается на жаргонизмы и порой «тайный» язык. Вырабатывается отношение к инвективам. Система образования должна помочь будущему члену социума, пока еще школьнику, распредечивать, распознавать симптоматичность ценностных стереотипов, уметь интерпретировать знаковые формы культурной идентификации и, тем самым, совершенствовать культурно-ценностный опыт, отождествлять свои ценностные позиции. Становясь привычно-шаблонными, ценностные представления, вписывающиеся в общепринятые нормы и правила, все более проявляют свою знаковую сущность, рассматриваются личностью как стереотип, становятся характеристическим свойством.

Культурно-исторический процесс есть непрерывная трансляция опыта от предков к потомкам во всем многообразии знания, навыков, традиций и обычаев, накопленных поколениями. Вовлекаясь в социально упорядоченную деятельность, будущий член социума усваивает и комплексы норм, правил и ценностей. Формиру-

ется система ценностей, обладающая новыми (эмерджентными) свойствами. В дальнейшем система ценностных представлений проявляется в любой сфере организованной деятельности человека. Культура, в которой развивается личность, задает векторы устремлений, определяет инструментарий для достижения целей. В этом плане образовательная система является каналом связи между поколениями. Выступая в этой роли, образование помогает осмысливать направление последующего эволюционного пути в освоении цивилизации.

Культура демонстрирует бесконечное разнообразие и множественность миров, имеющих своих творцов и творимых ими героев. Наука стремится упростить и ограничить это множество, в пределе свести его к единой картине мира. К счастью, решение подобной задачи остается недостижимым идеалом. Тем не менее, ориентиром молодому человеку служит тот образ картины мира (семиосфера, когнитосфера), который сформирован в его сознании. Схематизированные образы семиосферы служат вехами для системы образования, они имеют определяющее значение как система ценностей. Без инструментов семиосферы невозможно самоопределение человека в мире.

Динамика культуры - динамика ценностей

Педагогическая подсистема является частью более крупной системы — культуры, и органично сцеплена с ней множеством скреп. Учение о ценностных приоритетах, аксиология, выстраивает иерархию авторитетов, норм и отношений, которые в дальнейшем служат ориентиром, базой полноценной жизни будущего члена социума. Эти нормы, образцы, социальные правила, вытекающие из различных интересов (социальных, религиозных, политических) выражают представления о желаемом должном, т.е. выступают в качестве ценностей.

В социально-психической природе человека выделяются два характеристических уровня: генотипически и физиологически обусловленное своеобразие индивидуума (природная сущность), отличающая его от других людей; приобретенная неповторимость личности, проявляющаяся в социуме в форме устойчивых связей и

отношений, имеющих в качестве субстрата систему ценностей и соответствующую картину мира.

Соответственно и культура предлагает макросистему ценностей, которая представлена двумя подмножествами, несводимыми друг к другу: ценностями материальными и духовными. Материальные ценности поддерживают индивидуальное в человеке, его физиологические потребности, биосоциальную сущность, безопасность существования, практическую деятельность. Это предметы потребления, труда, средства поддержания здоровья. Здесь нужно уточнение, так как ценность вещи придают определенные отношения людей к вещам, и еще точнее, это отношения между людьми на вещной, материальной основе. Такие ценности имеют знаковую природу, служат сигналом материального благополучия субъекта в обществе, определяют его положение в общественных структурах. Это ценности утилитарного плана: ценно то, что приносит пользу и эффективность деятельности. В обществе массовой культуры материальные ценности доминируют.

Проиллюстрируем сказанное примером. С появлением мобильного телефона молодые люди получили возможность использовать новые уровни общения: позвонить и переговорить, написать короткое текстовое сообщение, отправить изображение или музыкальный файл, войти в Интернет. Мобильный телефон имеет не только функциональную ценность. Аппарат стал универсальным признаком студенческой среды, оказывающим стратификационное влияние, разбивающим молодежную среду на отличающиеся социальные группы, которые владеют разными моделями телефонов. Если по каким-то причинам зависимый от мобильного телефона (игры, чата) молодой человек лишается возможности звонить, играть или мечтать, он становится жертвой «дисконнектной тревожности» (disconnect anxiety, DA), недуга, получающего все большее распространение. Возникает дискомфорт, ощущение пустоты, «сетевое голодание». Лечение от такого рода психологической аддикции еще не найдено.

В сознании большинства членов современного общества понятие «духовные ценности» весьма расплывчато. Многие люди связывают его с нравственным обликом личности, избегая интерпретации понятий «дух», «духовный». Они ассоциируют понятие с ре-

лигиозной традицией (например, «духовная музыка»). Действительно, область духовной деятельности людей включает мораль, искусство, религию, науку, философию, право, политическую идеологию. Духовные ценности выделяют человека из мира животных, так как являются вторичной реальностью, построенной за счет его сознательной творческой деятельности. Именно вторичная реальность требует использования символического языка: в искусстве – это язык художественных, эмоционально насыщенных образов; и в науке, удовлетворяющей социальную потребность в знаниях, использующей в качестве символического кода строгий язык научных понятий.

Часть духовных ценностей не утрачивает связи с материальными ценностями, как это происходит в случае предметов искусства, дизайна, моды, и т.д. Они имеют официальную рыночную стоимость. Деятели культуры склонны рассматривать духовность как синоним творчества. К «высшим» относят духовные ценности, никак не связанные с материальными. Они не имеют потребительского, рыночного характера. К ним относятся, в первую очередь, нормы морали (нравственные нормы). Многозначность интерпретаций, с одной стороны, свидетельствует о важности названных понятий, а с другой – затрудняет их научное определение. Духовные ценности проявляются в идеальной форме, в сознании людей. Это особые сверхчувственные объекты, образ которых не совпадает с сущностью. Их содержание может иметь вещественное воплощение в знаково-символической, точнее, духовно-символической форме, позволяющей их классифицировать, изучать. Несмотря на вещественную наглядность, наличие символической оболочки, содержание этого вида ценностей остается идеальным. Духовные ценности обладают особым статусом: их бытие, говоря современным языком, виртуально, их не удастся приобрести за деньги, накапливать в личной собственности и большинство людей (или какая-то их часть) готовы признавать их таковыми. Функции каждой формы духовной деятельности не могут быть выполнены прочими. Духовная деятельность занимает почетное место, несмотря на то, что находится по ту сторону материальной созидательной человеческой деятельности.

Специализированная духовная деятельность обычно активно развивается за счет хорошо обученных профессионалов, требует особых знаний, узкоспециальной компетенции, формируемых в профильных высших учебных заведениях. Примером является труд педагога, врача, священника, а также артиста, журналиста. Эта деятельность приобретает форму служения, это не ремесленничество, не технологии. Таких подготовленных людей в нашем обществе пока еще недостаточно, и не они сегодня определяют вектор развития нашей страны.

Тем не менее, духовная культура стоит на мощном фундаменте ценностей, осознанных всем человечеством, а не только его просвещенной частью. Продукты духовной деятельности – духовные ценности – это результат обработки людей людьми. Эффективность духовной деятельности проявляется как одна из высших человеческих способностей: строить целесообразную деятельность, эксплицировать суждения, оценки, сочетающиеся со свободой выбора, используя потенциал духовного самоопределения личности.

Духовные ценности тоже объективизируются с помощью разного рода знаковых систем. Культурная компетенция личности определяется умением раскодировать знаки, понимать смысл знаковых сообщений. От этого умения зависит общий уровень овладения сокровищами культуры. Представления людей о должном и неприемлемом, свободе и неволе, счастье и несчастье, добре и зле, красоте и безобразии, любви и ненависти, труде и праздности, как составляющих духовных ценностей, сформированы в рамках религиозных воззрений. Следует обратить внимание на колоссальную роль религии в истории культур, государств, в судьбах огромной массы людей. Религиозный духовно-мировоззренческий субстрат лежит в основе этнокультурных традиций всех народов Земли, составляя драгоценную часть их исторического наследия и достояния. Большинство социально-психологических норм, усваиваемых с детства, восходят к этим традициям, давно стали стереотипами повседневной поведенческо-бытовой культуры. Будучи универсальной ценностью, образование заинтересовано в диалоге с религией, но не по поводу вероучения, а по поводу того образа мира и человека, который выработан верующими. Обращаясь к религиозной проблематике, образование получает замечательную возможность объ-

яснить ученикам различные системы ценностей (прежде всего этических), выработанные религиями мира, увидеть в них общее и специфическое, наполнить реальным содержанием понятие «общечеловеческие ценности». Необходимо преодолеть затянувшийся от советского времени период изгнания религиозной тематики из курсов истории, литературы, мировой художественной культуры, обществознания.

Религия, безусловно, ведущая идеологическая система, которая сформировала в символической и аллегорической форме свод моральных норм, получивших объективно непреходящее значение для людей. Стабильность общества обеспечивается лишь тогда, когда у его членов есть общие ценности и нормы поведения, признаваемые хотя бы большинством. Именно поэтому религия занимает почетное место в семье отдельных народов и человечества в целом.

Культурное наследие более многообразно, чем религиозное, однако следует признать, что религия со своими ценностями и нормами обеспечила развитие человечества, породила богатство искусства, философии, науки, морали, права. В исторической перспективе, со временем, появились и другие духовные ценности. Они менее связаны с абсолютным, более лично скоординированы с эстетическими предпочтениями, этическими воззрениями, философскими взглядами, политическими пристрастиями. Эти ценности не могут конкурировать по глубине с религиозными ценностями. В периоды насильственного запрета религии возникает неполноценное замещение одних духовных ценностей другими. Новые, «сверхценные» идеи и творения, порождаемые вождями, пророками, кумирами, мыслителями воспринимаются людьми как новые ориентиры, которые при ближайшем рассмотрении характеризует духовная пустота. Возникший духовный вакуум неизбежно заполняется суррогатами и эрзацами, копиями и подобиями. Новые кумиры высказывают претензии на отношение к себе как богу, присваивая его атрибуты. Но предмет поклонения не имеет ценностной базы, он лишь возрождает фетишизм и бездуховный культ. В крайних формах замещения на место духовных ценностей выдвигаются псевдоценности спорта, эстрады, политики, так возникают квазиценности. Под видом защиты гендерных прав, отстаивается акцентированный феминизм, навязчивый гомосексуализм, толе-

рантность к тоталитарным сектам. И тогда социум начинает дробиться, в соответствии с вкусовыми предпочтениями индивидов, спорящих и непонимающих друг друга индивидуальностей. Если культура претендует на вытеснение культа, то общество нивелируется, упрощается, атомизируется, теряет свою свободу и способность самоопределяться в мире норм и ценностей. Культивирование духовных ценностей в любой социальной системе играет роль связи, скрепляющей членов общества.

Индивидуальное и личностное, дополняя друг друга, представляют характеристики конкретного человека в культурном пространственно-временном континууме. Характеристики иерархии ценностей могут быть смоделированы в виде типической фигуры, имеющей некоторый объем. Более подходит для моделирования пирамида. В плоскости ее основания находится материально индивидуальное ценностное начало. Оно общее для большинства людей. Все ценят хорошую пищу, домашний уют, стремятся продолжать род, чувствовать себя в безопасности. Вертикаль, а вместе с ней и объем, в культуре задается иерархической градацией духовных ценностей, образующих как бы верхние этажи духовной жизни общества, обеспечивающие его стабильность. Это происходит, если ценности, нормы и правила признаются бесспорными большинством. Люди определяют смысл жизни через соотнесение с такими ценностями.

Утрата верхних уровней пирамиды, занимаемых духовными ценностями, превратила структуру культуры в нечто, похожее на лоскутное одеяло: фрагментарное, мозаичное, эклектичное, то, что называется «массовой культурой» [Моль 2005: 215]. В этой модели структура недифференцирована, отсутствует центр, ядро. Обильный поток беспорядочных случайных сведений не может обеспечить того эффекта, который обнаруживается при систематическом образовании. У молодежи создается впечатление об исчерпывающей информированности, но бессистемные знания неглубоки, не пригодны для практического использования. СМИ – не учебные системы, их главной функцией является бизнес, они действуют по законам рынка, удовлетворяют его запросам. Это детерминированный хаос. Руководители СМИ тщательно фильтруют потоки ин-

формации, отбирая лишь то, что продается или способствует продаже. Здесь нет духовных ценностей, поскольку их нельзя продать.

Превалируют материальные ценности, пригодные для продажи, либо такие духовно-символические ценности, которые слишком связаны с материальным интересом – произведения искусства, прежде всего авангардного, возникает производство символического, как подсистема общественной деятельности. Деятели массовой культуры находятся в полной зависимости от медийных структур, выступающих в качестве посредников, заказчиков, контролеров. Потребители массовой популярной продукции лишаются права на альтернативу. Они вынуждены пользоваться предложенным товаром, выдаваемым продавцом за ценности (квазиценности). Этот неявный «довесок» духовности придает определенным предметам мнимую значительность и притягательность в безличном механизме рыночных отношений. Изменяется престиж многих профессий.

К восприятию квазиценностей особенно податлива молодежь. Символическая сущность квазиценного незамысловата до примитивности, доступна без напряжения сознания. Схемы овладения и использования продукции массовой культуры не сложны. Они порождают соответствующие последствия: необоснованное стремление к славе и господству, эгоизм и нарциссизм, безграничному богатству, страсть к разрушению, наркотическую эйфорию, проявление извращенных националистических идей, расизма и фашизма.

Общеобразовательная школа находится в очень сложном положении: с одной стороны, ее функцию проводника культуры никто не отменял, а с другой стороны, символические ценности, не обладающие товарной стоимостью, поверхностно усваиваются, существенно редуцируются до примитивов, порой утрачивая глубину, и используются потребительски. Например, культурная, правильная речь заменяется жаргонизмами.

Актуальность реализации действий по воспитанию молодежи позволит избежать развития грозных тенденций, наметившихся в подростковой и молодежной среде ксенофобии, этнического и политического экстремизма и других проявлений нетолерантности. Школа сегодня пока не предложила путей, ведущих к ценностям и смыслам, адекватным современному открытому миру, миру поликультурному, полиэтничному и поликонфессиональному.

Аксиологическая среда как субстрат российской педагогики

Проблема ценностной ориентации молодежи в сложившемся российском обществе весьма актуальна. Родители, преподаватели, молодежь – все испытывают потребность в упорядоченности целей общественного развития, осознании направленности совместных воспитательных усилий по локализации ценностных ориентиров.

История России XX века характеризуется постоянным смещением общественных целей и ценностных ориентиров. Слом в ходе революционных преобразований системы традиционных ценностей, сформировавшихся в самодержавном правлении (Вера, Царь, Отечество), потребовал ценностной переориентации граждан нового общества. Прочно укоренившиеся в сознании населения страны представления о морали являли собой фундаментальное культурное ядро, опорную структуру, прикрытую рыхлой идеологией.

Усилия пропагандистов-нигилистов, а затем и коммунистов, смогли достичь своих политических целей при одном условии – размывании, раздроблении, а затем и уничтожении культурного ядра, хранилища системы ценностей прошлого. Функционирование установившегося общественно-политического порядка, его развитие, поддерживалось пропагандистскими усилиями до тех пор, пока их несостоятельность стала очевидна для всех.

Следующий слом формаций в 90-х годах в России привел к очередному пересмотру системы ценностей, вызвав у молодежи серьезные проблемы в выборе целевых ориентиров. Массированное, безальтернативное, воспринимаемое без критики информирование через СМИ воздействует на детей и юношество ошеломляюще. Родители и учителя, воспитанные и образованные на ценностях прошлого, в определенной степени подвержены оглушающему воздействию хорошо организованного влияния рекламы, суггестивному и агрессивному, но лишенному высоких ценностных идеалов. Она предлагает образцы поведения либо выдуманных экранных героев, либо представителей «гламурной тусовки», ничтожно малых в объеме народонаселения. В большинстве случаев родители лишь наблюдают, не пытаясь изменить искаженное представление о перспективах развития своего ребенка, формируя мотивы существования в фантазийно-феерическом мире «роскош-

ной» жизни на сцене, подиуме, спортивной арене. Эти узкие представления вытесняют и заменяют культурную систему ценностей. Ценность – это не просто мотив. Это – явления, важные для субъекта в каком-либо отношении. Ценностно то, что, по словам Г. Гегеля, признается своим. Личные ценности всегда имеют нормативно-оценочный характер.

В этой связи обращают на себя внимание письменные работы подростков, которые отражают, в определенной степени, представления о ценностях современных школьников в возрасте 13-14 лет. Прежде всего, это школьные сочинения и «анкеты», тетрадки со стандартным набором вопросов, которыми обмениваются девочки-подростки. Родители в эту деятельность не вмешиваются. Ценности, как наиболее стабильный фактор, определяющий выбор конкретного жизненного пути, детьми не принимаются в расчет. Вопрос: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» предполагает ответы – «певицей, певцом, кем-нибудь в шоу-бизнесе, актрисой, адвокатом». Любимыми теле- и кинофильмами являются боевики, триллеры. Стоит ли удивляться коллизии? Ни одна семья не учит своих детей убивать, грабить, насиловать, ненавидеть. Но при этом насилие почему-то захлестывает наше телевидение, проявляется в повседневной жизни. Как подсчитали социологи, за неделю на центральных каналах совершается около 1600 убийств! А ведь и взрослые, и дети большую часть свободного времени проводят перед экраном, через него они постигают жизнь.

Для подростков, а затем и юношей, моделью ухода от действительности является погружение в игру. Формируется особый стереотип существования – игровое сознание. Анализ игрового интернет-общения молодежи, выполненный автором, выявляет существенные отклонения от нормы в речевом поведении, прежде всего, в дискурсе, рассудочных высказываниях. Погружаясь в игру, подросток не может быстро выйти из нее, переключаться и реагировать на окружающую реальность. Поэтому реалии игры, ориентация на фикцию, порой вытесняют логику в суждениях.

Появившиеся возможности синхронного письменного общения в чатах и блогах, как своеобразной игре, позволяют объединяться в виртуальные сообщества по интересам. Скрывшись за псевдонимом – ником, партнер ведет анонимную переписку от ли-

ца воображаемого героя. Самовыражение не стеснено рамками условных норм. Можно примерить на себя любую роль. Поведение расторможенное, обсуждаются мечты о «гламурной» жизни, пути достижения эфемерного общественного успеха (на сцене, в компании). Встречаются случаи работы в Интернете сутками без сна. Безусловно, обсуждение проблем затрагивает лишь гедонистические моменты жизни, либо касающиеся сохранения здоровья, формируется сексуальная аддикция. Такие ценности, как продолжение рода, однако, отодвигаются на периферию. В последнее десятилетие, наряду со ставшими привычными формами коммуникации, появилась новая форма опосредованного Интернетом асинхронного общения – блог. Любой желающий может выставить на всеобщее обозрение поток своих мыслей, идей, либо просто текстов-откровений. Предполагается, что найдутся желающие следить за ходом чужих мыслей. И они находятся. По мнению автора, это странная форма общения. От «естественного» ее отличают отсутствие обращенности к адресату, какой-то определенной аудитории, она бесформенна, аморфна. Индивидуальная обращенность позволяет строить дискурс с учетом контекста самобытности партнера по общению, его нетривиальности. В блоге любопытствующие читатели рассматриваются автором как «друзья», число занесенных в невещественную «френдленту» может достигать нескольких сотен, даже тысяч. Эта механистичность противоестественна, так как лишена ценности индивидуальной обращенности.

К этой же группе, стремящихся убежать от реальности в мир детства, относятся и футбольные болельщики, ролевики – любители ролевых исторических игр, воссоздающих события прошлого в костюмированных играх, с имитацией оружия, сектанты – приверженцы новых религий, вовсе не безвредных по своей идеологии. Попытки продемонстрировать пренебрежительное отношение к ценностям современного общества и играть, например, в сатанистов, настолько искривляют мысли, что со временем эта деструктивная секта целиком поглощает разум экспериментатора, приводя к усвоению антиценностей, которые противопоставляются «общечеловеческим». Деструктивен интерес к языческим ритуалам и обрядам, эзотеризму, оккультизму, восточным диетам, экологическому движению, медитации, магии, спиритизму, саентологии и тому подобно-

му, одним словом – всему, что ранее считалось предрассудками. Бездуховное, по своей сути, занятие искажает и подменяет систему реальных ценностей виртуальным суррогатом. Опираясь на представления, рожденные в виртуальных мирах, молодой человек или девушка пытаются перенести их исполнение в реальный мир. Появляются обширные сообщества ролевых игроков. В условиях всеобъемлющей карнавализации бытия *homo sapiens* трансформируется в *homo ludens*.

В.И. Карасик справедливо подчеркивает, что изучение ценностной картины мира в языке представляется весьма перспективным для понимания сущности языка и совершенствования межкультурной коммуникации. Подростки и студенты очень мало читают, их язык беден. Обедненный язык отражает и обедненную сферу мотивов, интересов. Именно язык является окном во внутренний мир, раскрывает побуждения того или иного поведения. Система ценностей молодого человека, система оснований, которые рассматриваются и переживаются им как его собственная, неотчуждаемая часть, существенно влияет на самоопределение, персонализацию в общении. Так, анализ речевого поведения сектантов с позиции аксиологической лингвистики позволяет выявить антиценностно насыщенные тексты. Во многих случаях в них выражается агрессия по отношению к окружающим и действительности.

Современная общеобразовательная школа очень мало может противопоставить целенаправленной антикультурной агрессии постиндустриального общества. Нарботанные ранее схемы оказываются совершенно неработоспособными. Педагоги не успевают отслеживать изменения, происходящие в замкнутых мирах чатов, виртуальных компьютерных игр. Проникнуть в духовный мир воспитанника очень сложно, а оказать воспитательное воздействие может лишь хорошо подготовленный специалист, способный диагностировать виды деструктивного или аддиктивного поведения и оказывать корректирующее влияние.

Погружение в виртуальную реальность мешает формированию гражданского самосознания, уводит от политической реальности, порождая политический инфантилизм. Грамотный рабочий начала XX века, безусловно, был более политически развит, чем современный студент. Структура политических партий, проблемы

демократии, политическая борьба, не вписываются в игровые и «гламурные» миры студентов. В этом видится опасность. Политически инфантильного недоросля легко увлечь манипуляциями политтехнологов и пиарщиков, спровоцировать на немотивированный протест против реалий, в которых он до конца и не разобрался. В этой области школе не удастся привить прочные представления о структуре власти, грамотном взаимодействии с ее органами, признавать ценности прав и обязанностей граждан России.

Совершенно очевидно, что российскому человеку нужно аксиологически повзреть. В его духовном мире должно найтись место таким ценностям, которые не просто удовлетворяли бы его потребности, но которым он был бы готов служить сам, готов был бы любить и оберегать их. Такие отношения человека с вещью или ценностью никак не подобны обладанию. Эту задачу должно решать государство, российское общество. Роль государства особенно велика, оно держится на аксиологии. Следует отказаться от убийства системы фундаментальных ценностей. Высшие учебные заведения России должны воспитывать интеллектуальную элиту, ее нужно сформировать заново. Следует создать современные программы воспитания и обучения, вобравшие в себя передовой опыт, развитых в области образования стран. Содержание программ должно быть ориентировано на пробуждение осознания ценностей, а формы, методы, средства обучения в современном вузе – отвечать не только требованию обеспечить технологическое преимущество России, но и транслировать систему культурных ценностей, гарантировать нравственное образование и гуманистические приоритеты.

Латиноамериканский конституционный интертекст в свете проблем кодификации специальной лексики языка

Неослабевающее внимание современной лингвистики к проблемам интертекста как феномена, фиксирующего два типа референтных связей - референцию к миру и к прецедентным текстам, нашло отражение в закономерном расширении объектов осуществляемых интертекстуальных исследований, в качестве которых стали рассматриваться вербальные продукты любых дискурсов. К их числу, несомненно, могут быть отнесены и конституционные тексты, определяемые сегодня как знаковые продукты юридического и политического дискурсов, как плоды овеществленного в языке правового сознания его носителей, — государственно-правовой «картины мира» отдельной личности и лингво-когнитивного сообщества.

Каждый из самостоятельных конституционных текстов и их различные системы и совокупности (вплоть до единого конституционного интертекста) обладают статусом мультиреферентных образований, поскольку отсылают к предшествующим редакциям, к источникам, существовавшим в юридической форме, и, соответственно, «цитируют» законодательные претексты национальной и иных лингвокультур. Так, тексты латиноамериканских конституций, возникающие в специфических исторических, идиоэтнических и политических контекстах, обнаруживают отсылки к испанским, французским, североамериканским и иным документам, регулирующим отношения государства и гражданина, и заимствуют у них отдельные идеологические и композиционные модели. Наряду с этим, системы специальных концептов и характер связей между ними, представленные в конституциях средствами современной испанской лексики, указывают на наличие многообразных соответствий между юридическими текстами самих латиноамериканских государств. Среди наиболее значимых следует отметить наличие интертекстуальных параллелей в лексической репрезентации и способах жанрового оформления концептов DERECHOS, GARANTÍAS, DEBERES, ESTADO, NACIÓN, PODER EJECUTIVO, PODER LEGISLATIVO и др.

Отразив длительный период национально-государственного становления, конституции латиноамериканских стран как интертексты зафиксировали появление и последующую эволюцию многих специальных концептов, часть из которых подверглась весьма значительному переосмыслению. Так, возникший в первой четверти XIX века концепт BOLIVIANO, представленный в Конституции Боливии 1826 г. соответствующим лексическим неологизмом, обладал следующим набором признаков:

*Artículo 11. Son bolivianos*²⁸:

1. *Todos los nacidos en el territorio de la República.*
2. *Los hijos de padre o madre bolivianos, nacidos fuera del territorio, luego que manifiesten legalmente su voluntad de domiciliarse en Bolivia.*
3. *Los que en Junín o Ayacucho combatieron por la libertad.*
4. *Los extranjeros que obtengan carta de naturaleza, o tengan tres años de vecindad en el territorio de la República.*
5. *Todos los que hasta el día han sido esclavos: y por lo mismo quedarán de derecho libres, en el acto de publicarse la Constitución; pero no podrán abandonar la casa de sus antiguos señores, sino en la forma que la ley especial lo determine* [www.bolivia-usa.org/constitucion, *Constitución política de 1826*]²⁹.

Представление содержания концепта или (в иных терминах) сигнификата имени³⁰ *boliviano*, в тексте, обладающем статусом Основного закона государства, свидетельствует о том, что все перечисленные выше признаки рассматривались авторами текста как прототипические. Однако уже в следующей редакции документа значение слова реструктурируется, и в Конституции Боливии 1831 г. кластер прототипических признаков сокращается до стереотипных пунктов 1, 2 и 4 [www.bolivia-usa.org/constitucion, *Constitución política de 1831, Art. 10*]. Это означает, что смена исторической и политической ситуации, по-своему зафиксированная в конституционном

---

²⁸ Статья 11. Боливийцами являются: 1. Каждый, кто родился на территории республики. 2. Дети, родившиеся от отца или матери боливийцев за пределами республики, впоследствии заявившие о желании законодательно оформить право на постоянное проживание в Боливии. 3. Те, кто сражался за свободу в битвах при Хунине и Айякучо. 4. Иностранцы, получившие свидетельство о натурализации, или прожившие три года на территории Боливии. 5. Те, кто до момента принятия Конституции являлись рабами и получили право на освобождение со дня ее публикации; все могут покинуть дом своих бывших хозяев только в соответствии со специальным законом.

²⁹ Здесь и далее перевод наш. – Т.Л.

³⁰ Содержание специального концепта и семантика специального имени (термина) в рамках юридического дискурса рассматриваются как тождественные.

интертексте, привела к изменению семантики слова, к переходу из центра на периферию, а затем и к утрате признаков 3 и 5. В результате этого соотносении имени *boliviano* со всеми теми, кто сражался за свободу в битвах при Хунине и Айякучо, а также с освобожденными новой властью рабами, оказалось юридически нерелевантным.

В конституционных интертекстах 1878 и 1880 гг. признаки, структурирующие концепт и имя *boliviano*, подразделяются на две группы: 1) боливийцы по рождению и 2) другие лица, признаваемые боливийцами. А в текстах Основных законов 1938, 1945, 1967, 1995, 2004 и 2008 гг. они представлены как элементы групп *bolivianos de origen* и *bolivianos por naturalización*, мотивированных международным юридическим правом и его вербализациями как претекстами боливийских конституций. В соответствии со стандартами, предусмотренными как международными, так и собственно национальными претекстами, каждая из названных конституций содержит одну или несколько статей, включающих развернутую дефиницию концепта и термина *boliviano*, по своей структуре подобных статьям из словаря. Ср.:

Artículo 36. Bolivianos de origen. Son bolivianos de origen:

1. **Los nacidos en el territorio de la República, con excepción de los hijos de extranjeros que se encuentren en Bolivia al servicio de su gobierno.**
2. **Los nacidos en el extranjero de padre o madre bolivianos por el solo hecho de avocindarse en el territorio nacional o de inscribirse en los consulados.**

Artículo 37. Son bolivianos por naturalización:

1. *Los españoles y latinoamericanos que adquieran la nacionalidad boliviana sin hacer renuncia de la de su origen, cuando existan, a título de reciprocidad, convenios de nacionalidad plural con sus gobiernos respectivos.*
2. *Los extranjeros que habiendo residido dos años en la República declaren su voluntad de **adquirir la nacionalidad boliviana y obtengan carta de naturalización** conforme a ley. El tiempo de permanencia se reducirá a un año tratándose de extranjeros que se encuentren en los casos siguientes: que tengan cónyuge o hijos bolivianos; que se dediquen regularmente al trabajo agrícola industrial; que ejerzan funciones educativas, científicas o técnicas.*
3. *Los extranjeros que a la edad legalmente requerida presten el servicio militar;*

4. *Los extranjeros que por sus servicios al país la obtengan de la Cámara de Senadores*³¹ [www.bolivia-usa.org/constitucion, Constitución política de 2004. Выделено нами. – Т.Л.].

Кроме характерной композиции на близость со словарем указывает и нормативный язык данных статей, призванных, по определению, быть понятными и обладающими объяснительным потенциалом для каждого гражданина Республики Боливия. Цели «толкования» служит и максимальная детализация признаков *boliviano*, потребовавшая значительного расширения содержания его дефиниции по сравнению с процитированной из претекста 1826г.

Следует отметить, что сравнение конституционного текста со словарным уместно еще и потому, что изначально именно конституции являлись основным и едва ли не единственным источником, содержащим определение рассматриваемого понятия и термина. Более того, эти тексты стали средством авторитетной фиксации слова *boliviano* как единицы испанского языка своего времени, релевантного для любого региона его распространения, включая и саму Испанию. Такое «перераспределение лексико-графических ролей» стало возможным из-за того, что выполняющий функцию закрепления и определения значения новой лексики Словарь Испанской Королевской академии языка ввел в свой состав слово *boliviano* только в 1899 г. Последнее означает, что к моменту своего появления на страницах *Diccionario de la lengua castellana* слово *boliviano* было подвергнуто терминологическому описанию в одиннадцати вариантах боливийской конституции (интертексты-редакции 1826, 1831, 1834,

---

³¹ Статья 36. Боливийцы по рождению. Боливийцами по рождению являются: 1. Те, кто родился на территории Республики, за исключением детей иностранцев, находящихся в Боливии на службе у своего правительства. 2. Те, кто родился за границей от отца или матери боливийцев, проживают на территории Боливии или состоят на консульском учете.

Статья 37. Натурализованными боливийцами являются: 1. Испанцы и латиноамериканцы, приобретшие боливийское гражданство без утраты своего собственного, при наличии взаимных соглашений о предоставлении двойного гражданства, подписанного соответствующими правительствами. 2. Иностранцы, прожившие на территории Республики в течение двух лет, заявившие о своем желании получить боливийское гражданство и имеющие свидетельство о натурализации, полученное законным путем. До одного года период проживания сокращается для иностранцев: а) имеющих супруга или детей боливийцев; б) регулярно занимающихся сельскохозяйственным трудом. 3. Иностранцы, которые, находясь в призывном возрасте, поступили на военную службу. 4. Иностранцы, чьи особые заслуги отмечены Сенатом страны.

1839, 1843, 1851, 1861, 1868, 1871, 1878, 1880 гг.), но не было признано единицей лексикона 7-м (1832 г.), 8-м (1837 г.), 9-м (1843 г.), 10-м (1852 г.), 11-м (1869 г.) и 12-м (1884 г.) изданиями Diccionario RAE.

Вместе с тем, статус и дискурсивные особенности конституций позволяют предположить, что они и сами могли послужить претекстом для позаимствовавших их ключевой элемент 13-го и последующих изданий Словаря, в котором, однако, «цитата» была охарактеризована как лишенное юридических подробностей прилагательное с пометой «употребляется также как существительное»: *Boliviano, na. adj. Natural de Bolivia. U.t.c.s. | | Pertenciente o relativo de esta república de América* [RAE U 1899: 146, 3]³².

Отметим, что тенденция достаточно ощутимого запаздывания кодификации терминов, обозначающих национальную принадлежность, наблюдалась и в отношении других латиноамериканских государств. Так, первые употребления слова *venezolano* присутствуют в Конституции Венесуэлы уже 1811 г. В Конституции 1830 г. этому термину посвящен самостоятельный раздел *De los venezolanos*, построенный по ранее представленной интертекстуальной модели, в которой специальному понятию и его имени соответствуют две группы семантических признаков, правда, первая из них определена с использованием иного лексического синонима: *Los venezolanos lo son por nacimiento y por naturalización* [www.cervantesvirtual.com, Constitución del Estado de Venezuela de 1830, Art. 9. Выделено нами. – Т.Л.].

В дальнейшем именно такая юридическая формула, тождественная боливийской *de origen*, будет воспроизводиться как дискурсивный стереотип, реализованный в большинстве венесуэльских конституций (тексты 1858, 1893-4, 1901, 1904, 1909, 1914, 1922, 1925, 1928, 1929, 1931, 1936, 1945, 1947, 1953, 1961 гг.), включая последнюю редакцию с ее особой гендерной стратегией: *Son venezolanos y venezolanas por nacimiento <...> Son venezolanos y venezolanas por naturalización* [www.cervantesvirtual.com, Constitución de la República Bolivariana de Venezuela de 1999, Art. 32, 33].

В других интертекстах будет использован еще один синоним: *La calidad de venezolano procede de la naturaleza o se adquiere por naturalización... Son venezolanos por naturaleza*

---

³² Все цитаты из Diccionario da la lengua española см. на сайте www. drae.es.

[www.cervantesvirtual.com, Constitución de 1857, Art. 7 и 8. Выделено нами. — Т.Л.], либо менее четкая в структурном отношении перифраза, сохраняющая, однако, основные дефиниционные признаки *venezolano*. Что же касается Словаря RAE, то в нем данное слово появится только в издании 1852 г.

В целом, сопоставление текстов конституций латиноамериканских государств и Словаря Испанской Королевской академии как двух важнейших кодифицирующих институтов показывает, что различие в оценке важности тех или иных слов, необходимости их активного использования, затрагивает не только сроки. Так, конституции избегают вариативности в использовании терминов национальной принадлежности, в то время как словарный интертекст фиксирует их в нескольких вариантах.

К числу таких вариантов могут быть отнесены графические, морфологические и лексические дублиеты национальных терминов. Например, слово *мексиканец* впервые фиксируется 4-м изд. Словаря RAE в форме допускающего субстантивацию прилагательного *mexicano*, обозначающего связь по происхождению или принадлежность к древнему мексиканскому царству: *mexicano*, na. adj. *El natural de México y lo perteneciente a este reino. Usase también como sustantivo* [RAE U 1803: 557, 1]. В следующих за ним изданиях 1817, 1822, 1832, 1837, 1843 гг. написание слова, все еще сохраняющего статус историзма, изменяется: *mejicano*, na. adj. *Natural de Méjico y lo perteneciente a este reino. Usase también como sustantivo* [RAE U 1843: 469, 1]. В изданиях, начиная с 1852 г. и след. сохраняется орфография, но обновляется значение слова *королевство*, которое заменяется сначала на *страну* (país), затем на *государство в Америке* (estado de América), и наконец, на *республику в Америке* (república de América). При этом в изданиях Словаря 1927, 1950 гг. и последующих, начиная с 1970 г., приводятся оба варианта, из которых до 1992 г. как основной оформляется *mejicano*, а в издании 2001 г. — *mexicano*. Между тем тексты мексиканских конституций включают только слово *mexicano*, использование которого отмечается уже в документе «Reglamento provisional político del Imperio Mexicano» 1822 г. и остается графически неизменным во всех последующих интертекстах.

Следует сказать, однако, что в отличие от формы, содержание концепта и термина *mexicano* не являлось изначально стабильным, а

было неоднократно реструктурировано в ходе уточнения числа его признаков. Так, из его первоначальной дефиниции, данной в тексте 1822 г., были элиминированы не соответствующая строгим дискурсивным нормам метафора акта объявления государственной независимости и ряд политических реалий, переставших соответствовать действительности: *Son mexicanos, sin distinción de origen, todos los habitantes del Imperio, que en consecuencia del glorioso grito de Iguala han reconocido la independencia; y los extranjeros que vinieren en lo sucesivo, desde que con conocimiento y aprobación del Gobierno se presenten al ayuntamiento del pueblo que elijan para su residencia y juren fidelidad al emperador y a las leyes*³³ [www.cervantesvirtual.com, Reglamento 1822, Art. 7. Выделено нами. — Т.Л.].

В дальнейшем описание концепта и термина было в значительной мере стандартизировано и расширено, в результате чего в своем окончательном виде он вообрал в себя не только традиционное деление на урожденных и натурализованных жителей, но и актуализировал гендерные аспекты субъектов права, а также ряд специфических новых обстоятельств действия Основного закона (рождение на борту самолета или корабля мексиканского военного или торгового флота).

К числу морфологических вариантов терминов со значением *natural de* относятся регистрируемые Академическим словарем пары *chileno / chileno*, *costarricense / costarricense*, *guatemalteco / guatemalteco*, *nicaragüense / nicaragüense*, *paraguayo / paraguayo*, а также группа имен *peruano / peruano / peruano*. Каждое из перечисленных имен обладает своим дискурсивным статусом, своим периодом фиксации и особенностями словарного описания, косвенно свидетельствующими о месте и активности данного слова в языке.

Так, кодификация соответствующего концепта в виде слова *guatemalteco* происходит в 11-м изд. Словаря RAE: *guatemalteco*, ca. adj. *El natural de la república de Guatemala, en la América del Sur* [RAE U 1869: 389, 1] и воспроизводится с пометой о том, что оно употребляется и как существительное, вплоть до последнего 22-го изд. 2001г.

---

³³ Мексиканцами, без различия их происхождения, являются все жители Империи, которые после славного клича о свободе, раздавшегося в Игуала, признали независимость страны; а также иностранцы, которые будут жить на ее территории, поставив об этом в известность Правительство и получив согласие на проживание. Иностранцы обязаны заявить о себе в муниципалитете того города, который они выберут для проживания и присягнуть на верность императору и законам страны.

Расширение лексической системы за счет нового элемента *guatemalense* отмечается Словарем только в 20-м изд. (1984 г.) и включается как в его непосредственные переиздания 1992 и 2001 гг., так и в публикуемые Королевской Академией версии Словаря, выходящие под названием «Diccionario manual e ilustrado de la lengua española» (изд. 1984, 1989 гг.). Во всех указанных публикациях дефиниция второго слова заменяется отсылкой к первому, ср.: *guatemalense*. adj. *guatemalteco*, Apl. a pers. U.t.c.s. [RAE U 2001]. Между тем, тексты конституций кодифицируют как дискурсивный элемент только слово *guatemalteco*.

Не наблюдается вариативности в конституционном интертексте и в означивании концепта NICARAGÜENSE, фиксируемого в тринадцати конституциях страны 1826-1987 гг. (в том числе, с изменениями 2000 г.) только словом *nicaragüense*. Вместе с тем, Словарь RAE, первоначально (и практически лишь через девяносто лет) закрепляет иной морфологический вариант: *nicaragüeño*, ña. adj. 1. *Natural de Nicaragua*. U.t.c.s. 2. *Perteneciente a este Estado de América* [RAE U 1914: 713, 1]. Начиная со следующего выпуска (1925 г.) и вплоть до издания 1992 г., Словарь регистрирует в лексическом составе языка оба слова – *nicaragüeño* и *nicaragüense*, причем выбор в пользу основного варианта знака постоянно меняется. Так, в изданиях 1925, 1927, 1936, 1939, 1947, 1950, 1956 гг., а также в «Diccionario manual e ilustrado de la lengua española» 1984 и 1989 гг. основным вариантом, имеющим самостоятельную дефиницию, остается *nicaragüeño*, а его дублет определяется как *nicaragüense*, adj. *nicaragüeño* Apl. a pers., u.t.c.s. [RAE U 1956: 919, 2].

В Словарях 1970 и 1984 гг. дефиницию получают оба слова, но у *nicaragüeño* определение заметно сужается, придавая самому слову черты вторичности. В издании 1992 г. оценка *nicaragüeño* как периферийного элемента системы становится более очевидной. Наконец, в 22-м изд. Словаря (2001 г.) слово *nicaragüense* остается единственным именем концепта, что свидетельствует не только о возможности его специального дискурсивного использования, но и о приобретении им широкого общезыкового (или интердискурсивного) статуса.

В отношении остальных параллельных терминов конституционный интертекст сохраняет ранее указанные закономерности: он кодифицирует их значительно раньше Словаря и только в одном варианте. Так, существительное *chileno* используется для обозначения национально-государственной принадлежности граждан

уже в «Proyecto de Constitución Provisoria» 1818 г. и включается в четыре другие текста как ключевой термин раздела *De los chilenos* (Constituciones de 1822, 1823, 1828, 1833) до момента своей фиксации в Словаре RAE 1852 г. При этом Словарь сразу включает в свой состав оба слова *chileno* и *chileno*, которые конкурируют между собой вплоть до изд. 1983 г., когда остается только лексема, актуализируемая юридическим дискурсом.

Аналогично этому из членов пары *paraguayo / paraguayano* и *costarricense / costarricense*, синхронно фиксируемых Словарем, соответственно в 1869 и 1927 гг., сохраняются только варианты, изначально кодифицируемые конституциями этих стран: *paraguayo* и *costarricense*.

Что же касается тройного соотношения имен *perulero / peruano / peruano*, то первое из них, *perulero*, появляется в Словаре RAE еще в 1737 г. и до 10-го изд. 1852 г. трактуется как обозначение жителей принадлежавшего Испании (вице)-королевства Перу, ставшего независимым государством уже в 1821 г. Словарь включает в свой тезаурус с 1803 г. параллельную единицу *peruano*. При этом слово *perulero*, сохраняет наиболее развернутую дефиницию, но традиционно сопровождается рядом уточняющих элементов — «тот, кто недавно приехал в Испанию из королевства Перу. Человек с деньгами», сужающих сферу его дискурсивного употребления: *peruano*, па. adj. *Lo mismo que perulero*; *perulero*, га. adj. *El natural del Perú y lo perteneciente a este reino. Peruanus. Peruvianus. • El que ha venido desde el reino del Perú a España. Peruvianus. • El sujeto adinerado. Di ves, pecuniosus* [RAE U 1843: 556, 2. Выделено нами. – Т.Л.].

С 1852 г. словарем фиксируется имя *peruviano*, дублирующее *peruano* по значению и латинизированному происхождению. А остающимся базовым вариантом слово *perulero* меняет свое значение, став названием жителей страны Перу [RAE U 1852: 532, 3]. Начиная с 11-го изд. 1869 г. система соответствий трех словарных единиц взаимоизменяется, в результате чего основным нейтральным термином становится *peruano*, при сохранении, однако, главного признака сигнификата *natural del Perú*. Между тем, перуанский конституционный интертекст не признает выше указанной вариативности. В нем, начиная с 1823 г., в качестве знака, онтологизирующего соответствующий концепт, допускается исключительно имя *peruano*, ставшее средством обозначения представителя этой национальности и в юридическом, и в любых иных дискурсах.

К числу лексических дублетов или синонимов, не имеющих

морфологического сходства, относятся термины *uruguayo* и *oriental*, обозначающие жителя страны, чье точное название *República Oriental del Uruguay* послужило источником для обоих членов пары. Их особенностью является то, что первый из них, *uruguayo*, ставший единицей Словаря RAE еще в 1869 г. и получивший в настоящее время максимальное распространение, в конституционных текстах никогда не встречается. Напротив, его дублет *oriental*, представленный в конституциях, начиная с 1830 г., был зафиксирован академическим словарем лишь в 1970 г. и в наши дни резко ограничен в употреблении юридическим и политическим дискурсами. Иными словами, при отсутствии вариативности и наличии стабильного значения *oriental* как дискурсивно маркированный термин максимально уступает своему корреляту по коммуникативным возможностям. Это обстоятельство, как представляется, объясняется как экстралингвистическими, так и собственно языковыми причинами, в том числе очевидной полисемией слова: неустранимостью в его содержательной структуре доминирующего признака *восточный*, препятствующего эффективной коммуникации.

Необходимо отметить, что приоритет в процессе кодификации лексики не только в определенном морфологическом, но и семантическом облике не ограничивался в конституциях латиноамериканских стран лишь так называемыми *gentilicios*. Закрепление устойчивой формы и значения имен, внедрение их в активный словарный фонд языка благодаря фиксации в Основных законах государств коснулось и таких специальных терминов, как *национальность* и *гражданство*.

Наиболее показательна в этом отношении лексикографическая и интертекстуальная история термина *ciudadanía*. Данное имя впервые регистрируется в 9-м изд. Словаря RAE, в котором оно трактуется как *la calidad y el derecho de ciudadano* [RAE U 1843: 165, 3].

Как показывает приведенное определение, *ciudadanía* рассматривается здесь в качестве морфологического и семантического деривата, производного от слова *ciudadano*, которое, в свою очередь, отмечается всеми изданиями академического Словаря, начиная с 1729 г. Однако, в первом и во всех последующих публикациях, вплоть до 1843 г., *ciudadano* не обнаруживает столь важного для юридического и политического дискурсов лексического значения

гражданин, а рассматривается как *простолюдин; житель города; тот, кто в месте своего проживания занимает промежуточное положение между дворянином и человеком, живущим за счет ручного труда: El vecino de alguna ciudad. Civis. □ ant. El que en el pueblo de su domicilio tiene un estado medio entre el de caballero y el de oficial mecánico. Hoy se usa en Cataluña y otras partes* [RAE U 1843: 165, 3].

Все это свидетельствует о том, что и слово *ciudadanía* в процитированной выше дефиниции должно пониматься не как *сущностное свойство и сумма прав гражданина*, т.е. *гражданство*, а лишь как набор качеств и прав, принадлежащих горожанину либо лицу незнатного происхождения. Отметим, что в формально неизменном виде определение слова *ciudadanía* сохраняется вплоть до 1970 г. Что же касается определения *ciudadano*, позволяющего понять истинный смысл производного от него термина-деривата, то его первые качественные изменения регистрируются лишь в 16-м изд. 1936 г. По сути дела, только в этом издании Словаря RAE к дефиниции слова добавляется сигнификативный признак, расширяющий значение *ciudadano* до уже практически столетие актуализируемого конституциями значения *гражданин*.

Еще одно уточнение значения слова *ciudadano* с приданием ему содержания, присущего знаку юридического и политического дискурсов, происходит в параллельно издаваемого Академией иллюстрированной версии Словаря, где *ciudadano* обозначает лицо, наделенное определенными правами и обязанностями общественного характера и являющееся членом сообщества, созданного в рамках государственного устройства: *Persona titular de determinados derechos y deberes de carácter público, como miembro de la comunidad organizada en Estado* [RAE M 1984: 503, 1]. Наконец, последняя по времени реструктуризация словарной статьи предложена в заявленном на официальном сайте Академии проекте 23-го изд. Словаря RAE, в котором дискурсивно маркированные признаки значения представляют *ciudadano* так – личность, рассматриваемая как активный член государства, наделенный политическими правами и подчиняющийся его законам: *Persona considerada como miembro activo de un Estado, titular de derechos políticos y sometido a sus leyes* [RAE U 2010].

Одновременно с этим уточняется и расширяется семантика слова *ciudadanía*, в содержательной структуре которого, наряду со стандартно воспроизводимыми, выделяются и специальные терминологические признаки, отражающие совокупность прав, гарантий,

мер по защите и др., признаваемых какой-либо из стран в отношении своих граждан: *Calidad y derecho de ciudadano*. || *Conjunto de derechos, garantías, protecciones, etcétera, que un país reconoce a sus ciudadanos* [RAE M 1984: 503, 1]. Можно утверждать, что приведенная дефиниция в значительно большей степени соответствует социолингвистическим реалиям своего века, чем данное в уже упомянутом издании 1970 г. определение, регистрирующее собирательное значение этого имени (совокупность граждан какого-либо народа или нации): *Conjunto de los ciudadanos de un pueblo o nación* [RAE U 1970: 307, 1]. Или же дополняющее указанную дефиницию определение 2002 г., приобретающее, кроме двух вышеназванных, третий признак, в котором отмечается деятельностный аспект гражданства: *Comportamiento propio de un buen ciudadano* [RAE U 2001].

Возвращаясь к проблемам лексики конституций, как текстов, кодифицирующих знаки новых дискурсов, укажем еще раз на черту, продемонстрированную ранее словарями. Рассматривая последовательность их тезаурусов как особую совокупность интертекстов, актуализирующих процесс эволюции концептов и фиксации соответствующих имен, можно увидеть, что в них важная роль отводится онтологизации деривационных смыслов. Так, концепт и (идентичное ему в рамках словаря) содержание термина-слова *ciudadanía* могут быть осмыслены только с учетом эволюции мотивирующего их элемента *ciudadano*. И действительно, изменение содержания первого концепта и термина, определение которого во всех статьях содержит формулу *calidad y derecho de ciudadano* невозможно без понимания изменений, произошедших в его производящей основе. Отсюда, изначально отсутствующее у *ciudadano* точно идентифицируемое значение *гражданин* не позволяет приписывать слову *ciudadanía* значение *гражданство*. И напротив, обретение мотивирующим источником *ciudadano* новой дискурсивной семантики порождает новую семантику и у *ciudadanía*, при сохранении у него той же самой стереотипной, цитатной, дефиниции.

Между тем конституционный интертекст сразу же вводит в употребление оба слова со значениями *ciudadano* (гражданин) и *ciudadanía* (гражданство). Тем самым фиксируются не только само их наличие как специальных дискурсивных единиц, но и объективируется ключевой этап процесса, приводящего к последующему доминированию у этих слов в языке новых смыслов.

В связи с последним положением следует, однако, отметить, что процесс объективации структур новой гуманитарной парадиг-

мы в лексике испанского языка кодифицировался конституциями неравномерно. Точнее говоря, явный приоритет здесь принадлежал латиноамериканским конституциям, что было обусловлено целым рядом экстралингвистических (республиканская / монархическая форма правления в стране; декларируемая роль личности в системе политических институтов государства; наличие декларируемых политических свобод и гарантий для всех субъектов конституционного права и пр.) и лингвистических факторов (языковая традиция оформления текстов юридического дискурса; синонимия *ciudadano* и *ciudadanía* с другими юридическими и политическим терминами, прежде всего, с репрезентантами концептов NACIONALIDAD и HOMBRE EN SOCIEDAD).

Что же касается Испании, то хотя термин *ciudadano* становится важным дискурсивным элементом уже в знаменитой Кадисской конституции, (признающей, кстати сказать, *гражданами* Испании и жителей всех ее заморских территорий), в дальнейшем он, как и термин *ciudadanía*, надолго оказывается фактически лакунарным. И действительно в Конституции 1812 г. словом *ciudadano* номинируется концепт, репрезентируемый специальными разделом и главой этого документа: Título II. *Del territorio de las Españas, su religión y gobierno y de los ciudadanos españoles* [www.cervantesvirtual.com, Constitución de Cádiz 1812. Выделено нами. – Т.Л.]. Сам знак насчитывает в тексте 39 употреблений, но затем он утрачивает свою особую значимость вплоть до появления Конституции 1978 г.

Точнее говоря, в 40 текстах Основных законов, их проектов, новых редакций, поправок, соглашений и пр., представленных на тематическом портале сайта cervantesvirtual.com, слово *ciudadano* встречается лишь в четырех проектах конституций: Proyecto de Constitución de 1834 (1 употр.), Proyecto de Constitución Federal de 1873 (11 употр.), Anteproyecto de Constitución de la Monarquía española de 1929 (3 употр.) и Anteproyecto de la Constitución de la República española, julio 1931 (15 употр.). В действующей Конституции 1978 г. термин *ciudadano* насчитывает 19 употреблений, включая обозначение специального раздела, определяющего права и обязанности граждан. Наконец, в трех последних документах, опубликованных на этом сайте (Acuerdos autonómicos de 1981, Acuerdos autonómicos de 1992, Reforma de la Constitución de 1978 (1992)), ана-

лизируемый термин представлен еще 7 раз. Намного менее частотным в испанском конституционном интертексте 1808-1992 гг. оказался термин *ciudadanía*, использованный во всех его репрезентациях только 8 раз.

Напротив, в латиноамериканском интертексте и слово *ciudadano*, и слово *ciudadanía* очень рано приобретают особый аксиологический статус, о чем свидетельствует их многократные употребления с целью выражения ценностных концептов дискурса. Не имея возможности привести всю сумму примеров, доказывающих это утверждение, укажем лишь на некоторые из них.

Так, уже в первых четырех проектах конституции Аргентины 1813 г. (а точнее, территории, впоследствии названной этим именем) слово *ciudadano*, объективирующее соответствующий концепт, используется 128 раз. Кроме того, в «Проекте, предложенном группой по подготовке конституции», номинируемый концепт, репрезентируется двумя специальными главами документа: «Capítulo 5. De los derechos del ciudadano» и «Capítulo 6. De los ciudadanos». В них представлены семантические признаки концепта, ставшие базовыми в приобретшем новую политическую направленность дискурсе: *igualdad ante la ley, libertad civil, libertad de sufragar y derecho a ser elegidos* [www.cervantesvirtual.com, Proyecto <...> ad-hoc, 1813] и закреплённые в новом значении слова в языке.

Аналогичная тенденция активного использования слова *ciudadano* прослеживается и в других конституциях начала XIX века. Так, в частности, в Конституции Венесуэлы 1811 г. этот термин насчитывает 53 употребления; в Конституции Чили 1823 г. – 40 употреблений; в Конституции Колумбии 1811 г. – 42 употребл. [www.cervantesvirtual.com, Constitución de Cundinamarca] и т.д.

В большинстве конституционных текстов этого и последующего периодов содержатся специальные разделы, посвященные экспликации анализируемых понятий и заключающие их краткие или развернутые дефиниции. Примером краткой дефиниции, кодифицирующей слово *ciudadanía* в его специальном политическом значении, может служить статья из конституции Коста Рики 1949 г. в редакции 1971 г., где гражданство рассматривается как совокупность политических прав и обязанностей, которыми наделяются костариканцы, достигшие 18 лет: *La ciudadanía es el conjunto de*

derechos y deberes políticos que corresponde a los costarricenses mayores de dieciocho años [www.cervantesvirtual.com, Constitución política de la República de Costa Rica 1949].

За два столетия действия конституций многие из признаков *ciudadano* перешли в разряд историзмов, как, например, большинство из тех, что зафиксированы в чилийской конституции 1823 г. В этом документе для получения статуса гражданина было необходимо подтверждение лицом своей финансовой состоятельности в виде недвижимости или иного имущества на определенную законом сумму, наличие у него полезной профессии и т.п. (*una propiedad inmueble de doscientos pesos; un giro o comercio propio de quinientos pesos; el dominio o profesión instruida en fábricas permanentes; alguna invención, industria, ciencia o arte, cuya utilidad apruebe el Gobierno*). Наряду с имущественным цензом в виде признака *ciudadano* выдвигался ценз образовательный (*saber leer y escribir*), принадлежность к римско-католической церкви (*todos deben ser católicos romanos*), наличие заслуг перед Отечеством (*el que hubiere cumplido su mérito cívico*) и включение сведений о лице в государственный реестр (*hallarse inscritos en el gran libro nacional*). Кроме традиционных причин отмены гражданства указывалось умышленное банкротство (*se pierde la ciudadanía <...> por quiebra fraudulenta*). Наконец, в этом конституционном тексте фигурирует статья о приостановлении гражданства, касающемся лиц, осужденных на телесные наказания, неполноценных морально или физически, не уплативших налоги, не имеющих постоянного источника дохода, служащих домашней прислугой, привлеченных к уголовному преследованию, а также имеющих привычку к пьянству и азартным играм: *Se suspende la ciudadanía: por condenación a pena aflictiva...; por ineptitud física o moral...; por ser deudor fiscal...; por falta de empleo, o modo de vivir conocido; por la condición de sirviente doméstico; por hallarse procesado criminalmente; por hábitud de ebriedad o juegos prohibidos* [www.cervantesvirtual.com, Constitución de Chile 1823. Art. 11, 12, 13].

Вариативность концептуальной структуры CIUDADANO, характерная для интертекста в целом, имеет, как уже указывалось, несколько причин и следствий. Ряд из них не носит лингвистического характера и связан с общим ростом уровня демократичности стран (иногда лишь в рамках дискурса) и с приведением национальных конституций в соответствие с нормами международного права. Это повлекло за собой утрату многих ограничительных при-

знаков, потерявших свою значимость в ходе эволюции концепта: образовательный ценз, имущественный ценз, вероисповедание, образ жизни и пр. Кроме того, произошла своеобразная вторичная специализация CIUDADANO, консолидация его признаков вокруг уникального ядра – избирательного права.

В то же время отмеченные явления нашли отражение и в языке. Они привели к тому, что изначально не связанные и имеющие разную дискурсивную историю концепты CIUDADANO и NACIONAL, а вслед за тем и более абстрактные NACIONALIDAD и CIUDADANÍA существенно сблизились по своему понятийному содержанию, в результате чего и они сами, и номинирующие их знаки стали рассматриваться как синонимичные.

Как и в случае с существительным *ciudadanía*, изменения значения *nacionalidad* хорошо заметны при анализе словарных дефиниций. Впервые слово *nacionalidad* фиксируется Словарем RAE в издании 1734 г., опередив, таким образом, кодификацию слова *ciudadanía* на 109 лет. В этом (и каждом последующем) издании Словаря оно приводится вслед за своими словообразовательными источниками *nación* и *nacional*, которые изначально позволяют выявить у него только деривационное значение *национальность*: *Nación*. s. f. *El acto de nacer. ... La colección de los habitantes en alguna Provincia, País o Reino. ... Se usa frecuentemente para significar cualquier extranjero* (акт рождения; совокупность жителей какой-либо провинции, страны или королевства; ... используется для обозначения иностранца). А также: *Nacional*. adj. *de una term. Lo que es propio de alguna Nación o es natural de ella* (присущий какой-либо нации или связанный с ней происхождением). *Nacionalidad*. s.f. *Afección particular de una Nación, o propiedad de ella* (отличительный признак какой-либо нации или присущее ей свойство) [RAE A 1734: 644, 1].

Изменение дефиниции слова *nacionalidad* происходит в 11-м изд. Словаря RAE, в котором оно определяется как особый характер группы народов, образующих независимое государство, как то, что приобретает индивид в случае принадлежности к определенной нации по рождению или вследствие натурализации: *«a condición y carácter peculiar de la agrupación de pueblos que forman un Estado independiente. | | La que adquieren los individuos de pertenecer a una nación*

determinada, o por haber nacido en ella, o a consecuencia de la naturalización» [RAE U 1869: 531, 1].

Следующая модификация значения фиксируется 13-м изд. Словаря, в котором усиливается семантический сдвиг слова, позволяющий трактовать *nacionalidad* и как «национальность», и как «гражданство». Ср.: *Nacionalidad. (De nacional). f. Condición y carácter peculiar de los pueblos e individuos de una nación. || Estado propio de la persona nacida o naturalizada en una nación* [RAE U 1899: 686, 1]. При этом первый из его мотивирующих источников – *nación* – приобретает к указанному времени дополнительное значение «государство, страна», а второй, непосредственный источник – *nacional* – семантический признак «житель страны, гражданин».

Что же касается конституционного интертекста, то ему вновь принадлежит приоритет в актуализации нового содержания концептов, и прежде всего, концепта NACIONAL, превратившегося в дискурсивный синоним CIUDADANO. Факт их синонимии, засвидетельствованный многими политологами и юристами, может быть подтвержден большим количеством примеров из текстов уже первой половины XIX в. Но поскольку важным аспектом в данном случае является вопрос, касающийся кодификации лексики, отметим, что в качестве имени концепта субстантивированное прилагательное *nacional* само по себе стало использоваться довольно поздно³⁴. Последнее связано как с устоявшейся языковой традицией оформления текстов конституционного жанра, так и, главным образом, с широкой семантикой самого слова *nacional*, потребовавшей его замены в конкретном тексте на менее абстрактный термин национально-государственной принадлежности (*gentilicio*) как на гипоним.

Так, в конституции Эквадора 1830 г. синонимия терминов нашла следующее выражение [www.cervantesvirtual.com, Constitución del Estado del Ecuador, 1830]:

Artículo 10. *Los deberes de los ecuatorianos son: obedecer a las leyes y a las autoridades; servir y defender la patria; y ser moderados y hospitalarios.*

Artículo 11. *Los derechos de los ecuatorianos son, igualdad ante la ley y opción igual a elegir y ser elegidos para los destinos públicos teniendo las aptitudes necesarias*³⁵.

---

³⁴ См. пример его употребления в статьях 8–16 конституции Колумбии 1886 г. и др.

³⁵ Раздел III. Об эквадорцах, их политических правах и обязанностях: <...> Статья 10. Обязанностями эквадорцев являются: подчинение законам и властям; служение родине и ее защита; сдержанность и гостеприимство. Статья 11. Правами эквадорцев

Как видно из текста, субъект, наделяемый политическими правами и обязанностями, включая право избирать и быть избранным, обозначается словом *ecuatoriano*, замещающим *ciudadano* – «гражданин».

Впрочем, обусловленная лингвистическими и экстралингвистическими факторами синонимия, могла проявляться и по-иному. К примеру, во всех конституциях Уругвая при единичных употреблениях термина *oriental* его ключевые позиции были заняты словом *ciudadano*, в результате чего статьи, касающиеся статуса уругвайцев по рождению, оказались сформулированными следующим образом:

Artículo 7. *Ciudadanos naturales son todos los hombres libres, nacidos en cualquier punto del territorio del Estado* (Constitución de 1830).

Artículo 74. *Ciudadanos naturales son todos los hombres y mujeres nacidos en cualquier punto del territorio de la República. Son también ciudadanos naturales los hijos de padre o madre orientales, cualquiera haya sido el lugar de su nacimiento, por el hecho de avecinarse en el país e inscribirse en el Registro Cívico* (Constitución de 1967)³⁶.

Строго говоря, согласно указанным статьям любой уругваец наделялся всеми политическими правами и обязанностями с момента рождения, чье действие, однако, приостанавливалось другими статьями, в частности, до наступления его совершеннолетия: Artículo 80. *La ciudadanía se suspende: 3.º) Por no haber cumplido dieciocho años de edad* (Constitución de 1967).

В целом же, повторим, двухсотлетний конституционный интертекст демонстрирует очевидную тенденцию к специализации значения слова *ciudadano* и, одновременно, к закреплению за терминами национально-государственной принадлежности коррелирующей с ним юридической семантики, наделяющей номинируемых этими терминами субъектов суммой прав, обязанностей, сво-

---

являются: равенство перед законом и возможность избирать и быть избранным на государственные должности при наличии необходимых личных качеств.

³⁶ Статья 7. Гражданами по рождению являются все свободные жители, родившиеся в любом месте на территории Государства (Конституция 1830 г.).

Статья 74. Гражданами по рождению являются все свободные мужчины и женщины, родившиеся в любом месте на территории Республики. Также гражданами по рождению являются дети от отца или матери уругвайцев, появившиеся на свет в любой стране, при условии их постоянного проживания на территории Республики и наличии свидетельства о регистрации (Конституция 1967 г.).

бод и гарантий. Наличие такой корреляции зафиксировано многочисленными главами и разделами конституций разных стран, среди них: «Derechos y obligaciones de los mexicanos y habitantes de la República» (Leyes Constitucionales de 1836); «Del derecho público de los bolivianos» (Constitución política de 1851); «Garantías de los venezolanos» (Constitución de 1874) и т.д.

Наконец, изменение значения слов *ciudadano* и *nacional* привело к изменению деривационной семантики производных от них терминов *ciudadanía* и *nacionalidad*, также кодифицированных конституционным интертекстом в своем новом юридическом значении. Ср. их употребление в одноименных специальных разделах «Nacionalidad y ciudadanía» в конституциях Боливии 1938, 1945, 1947, 1967, 2005, 2008; Чили 1925, 1980; Эквадора 1946, 1967, 1978; Коста Рики 1917, Гондураса 1982, Колумбии 1991 гг. и др.

ГЛАВА VI СЕМИОМЕТРИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ МИРОВ

Аксиологические характеристики пространства и времени в языковой картине мира древних китайцев (на материале главы «Небеса» словаря «Эр'я»)

Моделью представлений о мире, складывающейся в данном обществе, человек руководствуется при осмыслении мира, отборе значимого на фоне незначимого, ориентируется на нее в своем поведении. В этом плане национальная модель мира отражает категоризацию коллективного опыта, а ее основные категории как бы предшествуют идеям и мировоззрению, формирующимся у отдельных членов общества, выступая в роли системы ценностных ориентиров для членов лингвокультуры.

Время и пространство являются определяющими параметрами существования мира и основополагающими формами человеческого опыта, претерпевающими изменения в ходе эволюции. Современные представления и, шире, категории времени и пространства значительно отличаются от тех, которые складывались в восприятии мира и переживаниях людей более ранних исторических эпох. Человек не рождается с «чувством времени», его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит [Гуревич 1984: 44].

В так называемом примитивном, или мифологическом, сознании эти категории не существуют как чистые абстракции, поскольку само мышление людей на архаических стадиях развития было по преимуществу конкретным. Их сознание охватывает мир одновременно в его синхронной и диахронной целостности, и поэтому оно, по определению Дж. Уитроу, «вневременно» [Уитроу 1964: 16].

Окружающий мир представляется человеку сквозь призму его культуры и языка. Язык, культура и этнос детерминационно

взаимозависимы. Если понимать культуру как передаваемую из поколения в поколение «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица» [Сорокин 1996: 69], а язык как «инструмент культуры и одну из ее ипостасей» [Толстой 1997: 312], то становится очевидным, что именно язык образует сущностное ядро этнической личности. При этом любая этнокультура существует и развивается в среде определенного этнического языка. Язык, понимаемый как особый способ существования культуры, является фактором формирования картины мира.

В качестве протомodelей социальных ситуаций, вероятно, можно рассматривать древние тексты, которые ряд ученых называют мифологемами исходя из их характеристики «замкнутых и самодостаточных смысловых структур, моделирующих внутренне целостный образ пространственно-временного континуума» [Пелипенко, Яковенко 1998: 136].

В этом смысле идеографический словарь «Эр'я» «尔雅» (приблизительно I в. до н.э.) следует рассматривать в качестве первичного семантического материала, хранящего базовый набор ценностных характеристик мира древних китайцев и представляющего поэтому особый интерес для этносемиологии ценностных смыслов в структуре данного хронотопа. Ввиду своего синкретизма и колоссальной коннотативной валентности материал книги «Эр'я» фиксирует стержневые каркасы культурного целого китайской традиции.

В содержательном плане архетипическая Модель мира ориентирована на предельную космологизированность сущего и, тем самым, на описание основных параметров *Вселенной*. К одним из базовых составляющих *Вселенной* древнего человека можно отнести пространственно-временные характеристики.

С особой убедительностью целостный образ пространственно-временного континуума древних китайцев представлен в главе «Небеса» «释天» словаря «Эр'я» «尔雅».

Знак «天», вынесенный в заглавие этой главы, имеет следующие значения: 1) *небо, небеса*; 2) *сутки, день*; 3) *время*; 4) *сезон*; 5) *погода*; 6) *природа*. Кроме того, интересна и прозрачность формы данного знака, который прочитывается через свои составляющие – «大» «человек с раздвинутыми ногами и распахнутыми руками» и «一» «линия горизонта». Знак как бы рисует нам картину стоящего человека, об-

рашающегося к небесам. Исходя из этого данную главу, вероятно, следует назвать «Истолкование небес».

В данное понятие древние китайцы включали: представления о четырех временах года; добрые и плохие знаки; погоду и ветры; представления о названиях небесных тел; календаре; обозначении возраста человека; погодные явления; необходимость проведения определенных жертвенных ритуалов, военную атрибутику. Все эти представления в понятийном плане можно разделить на две смысловые группы: 1) характеризующие пространство и 2) характеризующие время.

В понятие «пространство» включаются лексико-семантические группы лексических единиц, обозначающих добрые и плохие знаки, небесные тела, погоду и ветры, жертвенные ритуалы, военную атрибутику. В понятие «время» включаются лексико-семантические группы, обозначающие времена года, периоды движения небесных светил, календарь, обозначение возраста человека. Однако следует уточнить, что в смысловом плане все группы взаимосвязаны и не образуют автономий, поэтому подразделение на две вышеозначенные группы в какой-то мере условно. Лексические единицы данной главы образуют единую макроструктуру, организуясь между собой гипонимическими и паритивными отношениями. Такую организацию лексических единиц, очевидно, можно объяснить единым образом пространственно-временного континуума, который сложился в древнекитайском этносознании.

Под гипонимическими отношениями, вслед за М.В. Никитиным, понимаем «род классификационных концептуальных связей, отражающих уровни сходства-различия вещей, даже если эти вещи никак не взаимосвязаны». Под паритивными связями – «род импликационных концептуальных связей взаимодействующих, взаимозависимых вещей» [Никитин 1997: 443–444].

Знак «天» со значением «небеса» рассматривается как гипероним-холоним (греч. *holos* – весь, целый) по отношению к гипонимам-партонимам, толкующий разные имена явлений, входящих в понятие «небеса». Партонимами считаются все лексические единицы, рассматриваемые в данной работе. В силу того, что целые представляют собой множества вещей с достаточно свободной структурой, мы рассматриваем такие объединения как гипонимические конгломеративы.

Следующие знаки рассматриваются как гиперонимы по отношению к гипонимам соответствующих рядов: «四时» «времена года», «祥» «добрые знаки», «災» «дурные знаки», «岁阳» «знаки десятилетнего и двенадцатилетнего циклов», «岁名» «лета, возраст», «月阳» «знаки десятилетнего цикла», «月名» «названия месяцев», «风雨» «погода и ветры», «星名» «небесные тела», «祭名» «ритуальные жертвоприношения», «旌旗» «военная атрибутика». Знаки «星名» «небесные светила», «祭名» «ритуальные жертвоприношения», «风雨» рассматривается также как холонимы, по отношению к партонимам, входящим в данные рубрики. Гипонимы, в свою очередь, в рамках каждого ряда организуются отношениями одного уровня обобщения, которые мы, вслед за М.В. Никитиным, понимаем как эквонимические.

Таким образом, нами выделены следующие лексико-семантические группы лексических единиц, толкующих пространство и время:

1. «Добрые знаки» с гиперонимом «祥»: 發生 – признак расцвета природы весной; 長 贏 – признак расцвета природы летом; 收成 – признак расцвета природы осенью; 安寧 – признак расцвета природы зимой; 玉 燭 – признак гармонии небес; 景 風 – признак гармоничной смены сезонов года; 醴 泉 – признак благодатного дождя.

Данная лексико-семантическая группа представляет собой гипер-гипонимический ряд и характеризует пространство как «доброе». Гиперсема маркирует общую семантическую часть «добрые знаки», а гипосемы маркируют разные признаки «добрых знаков».

2. «Дурные знаки» с гиперонимом «災»: 饑 – неурожай злаковых; 饑 – овощей; 荒 – фруктов, 荐 – неурожайный год.

Данная лексико-семантическая группа представляет собой гипер-гипонимический ряд и характеризует пространство как «злое». Гиперсема называет общую семантическую часть «дурные знаки», гипосемы дифференцируются признаками проявления «дурных знаков».

3. «Небесные тела» с гиперонимом-холонимом «星名»: 大星 – большие небесные тела: 大 歲 – Юпитер, 月亮 – Луна, 太阳 – Солнце; 四组 – четыре звездных дома: «东方苍龙» «Восточный седой дракон», «北方玄武» «Северная черная черепаха», «西方白虎» «Западный белый тигр», «南方朱雀» «Южный красный воробей»; 二十八宿 – 28 созвездий:

角、亢、氐、房、心、尾、箕、角、亢、氐、房、心、尾、箕、斗、牛、女、虛、危、室、壁、奎、婁、胃、昴、畢、觜、參、井、鬼、柳、星、張、翼、軫; 十二星 - 12 звезд: 降婁、大梁、實沈、鶉首、鶉火、鶉尾、壽星、大火、析木.

Данная лексико-семантическая группа представляет собой гипонимический конгломератив, организованный гипонимическими и партитивными связями. Гипероним-холоним «星名» обладает родовым значением «небесные тела» и несет в себе помимо общего родового значения значение целого, а другие единицы, составляющие конгломерат, рассматриваются по отношению к гиперониму как гипонимы-партонимы. Гипонимы задаются на следующих основаниях: название основных небесных тел; преобразование космоса различного рода объединениями от обширных «звездные дома» до точечных – «звезды». Гипонимы организуются четырьмя рядами, в каждом из которых также выделяется гипероним. Гипероним «大星» со значением «большие звезды» объединяет гипонимы 大歲 (Юпитер), 月亮 (Луна), 太阳 (Солнце). Эквонимы данного ряда дифференцируются за счет гипосем, маркирующих разные названия «основных тел». Гипероним «四組» объединяет гипонимы названия звездных домов 东方苍龙, 北方玄武, 西方白虎, 南方朱雀. Гипосемы данного ряда маркируют названия звездных домов с точки зрения их географического расположения и содержания одного из зверей-символов в названии. Между собой гипонимы рассматриваются как эквонимы.

Гипероним «宿» (созвездие) объединяет гипонимы 角、亢、氐、房、心、尾、箕、斗、牛、女、虛、危、室、壁、奎、婁、胃、昴、畢、觜、參、井、鬼、柳、星、張、翼、軫. Эквонимы данного ряда задаются общим семантическим признаком «созвездие» и дифференцируются гипосемами – именами созвездий. Гипероним «星» (звезда) объединяет гипонимы имена-звезд 降婁、大梁、實沈、鶉首、鶉火、鶉尾、壽星、大火、析木. Гипонимы по отношению друг к другу рассматриваются как эквонимы, дифференцирующиеся гипосемами.

4. «Погода и ветры» с гиперонимом-холонимом «風雨»: 凱風 – южный ветер, 谷風 – восточный ветер, 涼風 – северный, 泰風 – западный, 積 – ветер, дующий сверху вниз, 焱 – попутный ветер, 屯 – ветер, разносящий пожар, 飄 – непрерывный ветер; 暴 – ясный день с сильным ветром, 霾 – ветер и дождь, 曠 – пасмурный день с ветром; 霧 – туман, 晦 –

роса; 霓 – радуга с размытым контуром, 虹 – цветная и яркая радуга, 挈貳 – след от радуги; 蔽雲 – черные тучи, 霆霓 – гроза, 霽雪 – снег хлопьями, 凍 – ливень, 霖霖 – скудный дождь, 淫、霖 – затяжной дождь.

Данная лексико-семантическая группа также рассматривается как гипонимический конгломератив, организованный гипонимическими и партитивными связями. Гипероним-холоним «风雨» обладает родовым значением «погода и ветры» и, как холоним, объединяет разные природные явления в целостную структуру. Лексические единицы, составляющие конгломерат, рассматриваются по отношению к гиперониму-холониму как гипонимы-партонимы. Гипонимы маркируют разные стороны проявления погодных явлений от названия общих признаков: *ясный день с сильным ветром* до частных признаков *туман, дождь, ветер*, включая названия степени проявления данных признаков *направление ветра, цвет радуги* и т.п.

5. «Ритуальные жертвоприношения» с гиперонимом-холонимом «祭名»: 師祭 – жертвы «небесам» для удачи в военном походе, 宜 – жертвы «богу войны», 馬祭 – жертвы «духу лошади» для удачной охоты, 禘 – большое жертвоприношение, 繹 – жертвоприношение на второй день жертвенного ритуала в эпоху Чжоу, 彤 в эпоху Шан, 復胙 в эпоху Ся, 布 – жертвоприношения «звездам»; 祠 – весенние жертвоприношения, 禘 – летние жертвоприношения, 嘗 – осенние жертвоприношения, 蒸 – зимние жертвоприношения; 燔柴 – сжигать жертвоприношения, 瘞蕪 – закапывать, 瘞縣 – оставлять в горах, 浮沈 – предавать воде; 蒐 – охота весной, 苗 – летом, 獮 – осенью, 狩 – зимой, 獠 – ночная охота, 狩 – охота при помощи поджога полей.

Данная лексико-семантическая группа рассматривается как гипонимический конгломератив. Лексические единицы данного ряда объединяются общей гиперсемой-холонимом «祭名» «жертвоприношения». Гипосемы маркируют названия жертвоприношений в зависимости от времен года, объекта, исторической эпохи, дифференцируются способы и правила совершения жертвоприношений. Также в данную группу включены лексические единицы, толкующие способы и виды охоты. Это, вероятно, можно объяснить тем, что охота для древних китайцев составляла такую же важную часть жизни, как и ритуалы, и была способом освоения пространства. В представлениях древних китайцев без соблюдения жертвенных ритуалов спокойная, сытая жизнь была невозможна, а охота – это и часть ритуала, и возможность прокормиться. Лексические

единицы, толкующие «охоту», мы рассматриваем как гипонимы-партонимы, связанные между собой эквонимическими отношениями.

6. «Военная атрибутика» с гиперонимом «旌旗»: 龙旗 – традиционное знамя-дракон из белого шелка с девятью вставками из красного шелка, 旒 – знамя из черного шелка в восемь чи, 旃 – знамя в виде ласточкиного хвоста, 旆 – знамя, в верхней части которого прикреплен хвост быка, 旛 – знамя с бубенцами, 旗 – знамя с изображением стремительно летящей птицы, 旂 – флаг натурального цвета без украшений.

Данная лексико-семантическая группа рассматривается как гипер-гипонимический ряд. Лексические единицы данного ряда объединяются общей гиперсемой «旌旗» «военная атрибутика». Гипосемы маркируют названия разных видов флагов в зависимости от цвета, рисунка, способа выполнения. Гипонимы рассматриваются как эквонимы, дифференцирующиеся гипосемами.

7. «Времена года» с гиперонимом «四时»: 蒼天 – весна, 昊天 – лето, 旻天 – осень, 上天 – зима, 青陽 – весна, 朱明 – лето, 白藏 – осень, 玄英 – зима.

Данная лексико-семантическая группа также представляет гипер-гипонимический ряд. Лексические единицы объединяются общей содержательной частью «времена года». Гипосемы маркируют названия времен года, задаваясь цветом неба / солнца в разные времена года: 蒼天 (весна) – «седое небо», 昊天 (лето) – «яркое голубое небо», 旻天 (осень) – «пасмурное небо», 上天 (зима) – «высокое небо»; 青陽 (весна) – «солнце ясное и тепло», 朱明 (лето) – «солнце красное и яркое», 白藏 (осень) – «белое солнце», 玄英 (зима) – «время, когда рано темнеет и солнце садиться». Гипонимы рассматриваются как эквонимы, дифференцирующиеся гипосемами.

8. «Небесные стволы и земные ветви» с гиперонимом «岁阳»: 天干 – небесные стволы: 甲、乙、丙、丁、戊、己、庚、辛、壬、癸; 地支 – земные ветви: 地支 – 寅、卯、辰、巳、午、未、申、酉、戌、亥、子、丑; 闕逢、旃蒙、柔兆、強圉、著雍、屠維、上章、重光、玄默、昭陽 – названия расположения Юпитера в знаках десятиричного цикла; 攝提格、單閼、執徐、大荒落、敦牂、協洽、涪灘、作噩、闔茂、大淵獻、困敦、赤奮若 – названия расположения Юпитера в знаках двенадцатеричного цикла.

Данная лексико-семантическая группа рассматривается как гипер-гипонимический ряд. Лексические единицы объединяются

общей родовой семьей «岁阳» «небесные стволы и земные ветви». Гипосемы маркируют названия разных видов «стволов» и «ветвей», названия расположений Юпитера в этих знаках во время его движения по зодиакальному кругу. Гипонимы рассматриваются как эквонимы, дифференцирующиеся гипосемами. Наличие данной лексико-семантической группы поясняется представлениями древних китайцев о цикличности времени. Традиционное китайское летоисчисление основано на лунном календаре. Продолжительность месяца по лунному календарю определялась периодом полного обращения Луны вокруг Земли. Существовало два способа летоисчисления: «天干» «небесные стволы» и «地支» «земные ветви».

В соответствии с первым способом Луна совершала виток вокруг Земли, и один цикл включал десять лет, каждый год имел соответствующее название. Позже эти знаки стали называть знаками десятилетнего цикла. В соответствии со вторым способом Луна совершала виток вокруг Земли, и один цикл включал двенадцать лет, каждый год также имел соответствующее название.

9. «Названия месяцев» «月名»: 陬 - январь, 如 - февраль, 寗 - март, 余 - апрель, 皋 - май, 且 - июнь, 相 - июль, 壯 - август, 玄 - сентябрь, 陽 - октябрь, 辜 - ноябрь, 涂 - декабрь.

Данная лексико-семантическая группа рассматривается как гипер-гипонимический ряд. Лексические единицы объединяются общей родовой семьей «月名» «названия месяцев». Гипосемы маркируют названия месяцев входящих в уже известные 4 сезона года. В соответствии с пояснениями Го Пу (郭璞), первого комментатора «Эр'я», этот список может быть расширен за счет деления года на 24 сезона в соответствии с проходящими в течение четырех времен года изменениями атмосферных условий. Эти сезоны отражали изменения климата в течение года, вызванные наклоном земной оси в связи с движением Земли вокруг Солнца. Это так называемый аграрный календарь, который уже в I в до н. э. существовал в Древнем Китае. Он отражает смену времен года и последовательность сельскохозяйственных работ. 24 сезона сельскохозяйственного года по старому китайскому календарю следуют друг за другом в приведенном ниже порядке:

Названия вышеперечисленных сезонов также рассматриваются как гипонимы по отношению к гиперсеме «月名» «названия месяцев» и как эквонимы относительно друг друга.

	Название	Начало по лунному календарю
立春	Начало весны	С 3-5 февраля
雨水	Дождевая вода	С 18- 20 февраля
惊蛰	Пробуждение насекомых	С 5-6 марта
春分	Весеннее равноденствие	С 20-21 марта
清明	Ясная погода	С 4-6 апреля
谷雨	Хлебные дожди	С 20-21 апреля
立夏	Начало лета	С 5-7 мая
小满	Малое изобилие	С 20-22 мая
芒种	Колошение хлебов	С 5-7 июня
夏至	Летнее солнцестояние	С 21- 22 июня
小暑	Малая жара	С 6-8 июля
大暑	Большая жара	С 23-24 июля
立秋	Начало осени	С 7-9 августа
处暑	Конец жары	С 22-24 августа
白露	Белые росы	С 8-9 сентября
秋分	Осеннее равноденствие	С 23-24 сентября
寒露	Холодные росы	С 8-9 октября
霜降	Выпадение инея	С 23-24 октября
立冬	Начало зимы	С 7-8 ноября
小雪	Малые снега	С 22 -23 ноября
大雪	Большие снега	С 6-8 декабря
冬至	Зимнее солнцестояние	С 21-22 декабря
小寒	Малые холода	С 5-7 января
大寒	Большие холода	С 20-21 января

10. «Знаки десятиричного цикла» «月阳»:
 畢、橘、修、圉、厲、則、室、塞、終、極 – названия знаков десятиричного цикла.

Данная лексико-семантическая группа представляет собой гипер-гипонимический ряд. Выше мы уже поясняли данные единицы как «небесные стволы». Дублирование данной группы в главе «释天», очевидно, объясняется тем, что словарь «尔雅» создавался не

одним поколением ученых и претерпевал изменения от поколения к поколению. Данные лексические единицы в плане значений повторяют вышеперечисленные, здесь лишь уточняется их иное название. Гиперсема называет общую содержательную часть «знаки десятиричного цикла», гипосемы дифференцируются названиями знаков в хронологическом порядке. Гипонимы соотносятся между собой как эквонимы.

11. «Лета, возраст» с гиперонимом «岁名»: 歲 – год, лета в эпоху Ся, 祀 – в эпоху Шан, 年 – в эпоху Чжоу, 載 – в эпоху Тан.

Данная лексико-семантическая группа представляет собой гипер-гипонимический ряд. Гиперсема обозначает общее название для гипонимов данной группы. Гипосемы маркируют название «возраст, лета» указывая на эпоху употребления в хронологическом порядке от Ся (21-16 вв. до н.э.) до Тан (618-907 гг.). Гипонимы организуются эквонимическими отношениями.

В связи с рассматриваемым материалом возникает важный аспект, касающийся грамматологического анализа некоторых идеограмм главы «Небеса». Рассмотрим его на примере идеограмм со значениями погодных явлений и названиями разных видов охоты.

В идеограммах со значениями погодных явлений: 霾 – ветер и дождь, 霧 – роса, 雥 – радуга с размытым контуром, 霓 – яркая радуга, 雲 – тучи, 霆霓 – гроза, 霄雪 – снег хлопьями, 凍 – ливень, 霖霖 – скудный дождь, 淫、霖 – затяжной дождь выделяют морфограммы 雨 дождь и 水 вода. Под морфограммой мы понимаем «простую, семантически значимую неделимую часть логограммы» [Готлиб 2007: 30]. Морфограммы 雨 дождь и 水 вода являются не только семантическими маркерами, указывающими, что все идеограммы из данного списка в смысловом плане связаны с водой, но и одновременно рассматриваются как гиперсемы идеограмм.

В идеограммах называются их разные виды охоты: 蒐 – охота весной, 苗 – летом, 獮 – осенью, 狩 – зимой, 獠 – ночная охота. В двух первых знаках выделяется морфограмма «艹» трава, которая по всей вероятности маркирует гиперпризнак «летний и весенний периоды», когда поверхность земли покрыта травой. В остальных знаках выделяется морфограмма «犬» собака, которая, вероятно, является и семантическим маркером, указывающим на зверя, как объекта охоты и одновременно является гиперсемой.

В идеограммах со значением «флаги, военная атрибутика» в качестве семантического маркера и гиперсемы используется морфограмма «方», которая, по мнению исследователя древнекитайского языка Цзоу Сяоли (邹晓丽), этимологически многозначна. У данной морфограммы со времен династии Чжоу выделяются следующие значения: 1) орала; 2) сторона света; 3) вид колющего холодного оружия; 4) квадратный. В нашем исследовании морфограмма «方» включается в состав знаков со значениями названий флагов: «龙旗» – традиционное знамя-дракон из белого шелка с девятью вставками из красного шелка, 旒 – знамя из черного шелка в восемь чи, 旆 – знамя в виде ласточкиного хвоста, 旂 – знамя, в верхней части которого прикреплен хвост быка, 旃 – знамя с бубенцами, 旗 – знамя с изображением стремительно летящей птицы, 旓 – флаг натурального цвета без украшений.

На наш взгляд, чтобы определить, с каким семантическим наполнением данный знак входит в состав вышеперечисленных, необходимо обратиться к эволюции данного знака.

Период 甲骨文 (надписи на черепаших панцирях и костях животных):

𠄎 𠄎 𠄎 𠄎

В период 金文 (бронзовое письмо):

𠄎 𠄎 𠄎 𠄎

Очевидно, что и орала, и холодное оружие имеют основание или древко. Внешняя форма знака 方 в разные исторические периоды очень напоминает вид традиционного флага. Поэтому полагаем, что 方 в данных идеограммах рисует древко флага.

Итак, в рассмотренный лексический массив входит 11 лексико-семантических групп, которые в смысловом плане организуются в некое целое с общим значением «Небеса» и представляет собой гипонимический конгломератив. Анализ лексико-семантических групп главы «Небеса» дает основание полагать, что пространство и время представляются древними китайцами в качестве целостного континуума, наполняющего Вселенную.

Пространство и время образуются из хаоса вместе с вещами, с которыми находятся в отношениях взаимообуславливания. Про-

странство и время образуют некий качественно неоднородный континуум, в рамках которого действует древний китаец. Вне пространства и времени, сцепленных с вещами мира, ничего нет.

Космос рассматривался древнекитайскими мыслителями не как сотворенный каким-то сверхъестественным существом, а как развивающийся естественным образом из некоего первичного начала. Для сравнения можно отметить, что, если древнегреческие модели мира были по большей части также эволюционистскими (при наличии варианта стационарной модели мира), то с приходом христианства в Европе надолго утвердилась креационистская модель, модель порождения мира высшим началом.

Человек, как отдельный индивид, и как все человечество в целом в определенном смысле не только занимает все пространство между Небом и Землей, но и вбирает их в себя. Человек представляет себе не только элементы мира в системном расположении, но и их содержательные ценности.

В качестве связующего звена между человеком и миром, древние китайцы рассматривают ритуалы, правила, без которых их мир невозможен. «Ритуал» (礼), по сути, для древних китайцев являлся воплощенной «мудростью» (智). В своей первоначальной форме он был призван имитировать основные закономерности мироздания. Должное выполнение ритуала сопровождалось памятованием сакральной традиции, которое, соединяясь с символическим действием, становилось зримым. Для древнего человека знание не ограничивалось понятийным уровнем. Знать — это значит актуально действовать и воспринимать. При ритуале происходило совпадение действия со словом и образом. Во время ритуала Небо как бы соединялось с Землей, а человек исполнял роль посредника. Тем самым человек осуществлял свое предназначение и в ритуальном действии находил состояние гармонии с самим собой и миром.

При этом, по данным анализируемого словаря, человек в целом усваивает мир особым образом: практически не опираясь на собственный реальный опыт и весьма ограниченно опираясь на коллективный опыт. Он заучивает его как нечто имманентное. Он как бы ввергает себя вечному и неизмеримому миру, в котором все предопределено и в котором его благополучие обеспечено беспрекословным выполнением неких правил.

Фундаментальность хронотопических параметров в модели мира хорошо известна: для адекватной ориентировки в мире человеку необходимо осознавать себя в данном месте и в данный момент.

Превосходно ориентируясь в пространстве, древние китайцы вместе с тем мало восприимчивы к нему вне практических действий. Этим объясняется наличие лексики, характеризующей деятельность человека (охота, жертвенные ритуалы).

Время имело ценность только лишь при регулярном повторении. Люди были еще не в состоянии преодолеть круговое движения природы. Повторение являлось определяющим моментом их сознания и поведения. Жизнь человека в традиционном обществе представляет собой постоянное повторение поступков, следует установленным ритуалам. Подобно тому, как каждое из времен года меняет другое, человек должен следовать некоему образцу и совершать ритуалы, которые совершали предки, для того, чтобы были приплод и урожай, удача в делах, победа в сражениях. Если что-то выбивается из привычного ритма, это рассматривается как дурной знак.

По данным анализируемого материала, время предстает как некое абсолютное немаркированное настоящее и одновременно некое относительное время, идущее по кругу «вечного возвращения». Под абсолютным временем, понимается не время в определении Ньютона, которое «само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью» [Ньютон 1989: 30]. Проявляется видение времени как вечно дрящегося настоящего, неразрывно связанного с прошлым, в котором собственно и находится носитель модели.

Относительное время, это сезонное время, отражающее смену времен года, месяцев, сезонов сельскохозяйственного года и, наконец, смену дня и ночи.

Время, одновременно являясь таинственной силой, управляющее всеми вещами, жизнью людей и даже богов, переживается древними китайцами в процессе освоения пространства. Время, как и пространство, может быть добрым и злым, благоприятным для одних видов деятельности и опасным для других; существует сакральное время, время жертвоприношений, точно так же, как и сакральное пространство.

Корпус правил накладывается и на космическое пространство, небесные тела двигаются по определенной траектории, каждая точка на зодиакальном круге имеет свое название, пространство поделено на зоны звездных домов, созвездий, звезд.

Членение времени на определенные периоды говорит о том, что древние китайцы, наблюдая за изменениями природы, подстраивались под нее. Например, в «сезон малого изобилия» сеяли бахчевые и бобовые культуры, если в «сезон прекращения жары» не показывались ростки гаоляна, то он шел не в пищу людям, а на корм скоту, при «малом снеге» замерзают малые реки, а при большом – большие.

Все эти представления, на наш взгляд, объясняются антикаузальностью мышления древнего человека, т.е. таким свойством, при котором «причина одного явления лежит в явлении смежном, где цепь причин и следствий представляется в виде круга, замкнутой линии, где каждый член ряда был и причиной и следствием» [Фрейдсберг 1998: 20]. Такая причинность вызывает представление об окружающем как о сменяющейся неизменности, где истинность правил принадлежит уровню, признаваемому высшим и неоспоримым. Мир, видимый древними китайцами, казался статичным, но эта статичность имела для них свои фазы. Таким образом, этносемиометрия значимых смыслов текста словаря «Эр'я» выявляет ценностный характер модели мира древних китайцев, определяющий его познавательный, мировоззренческий и ориентирующий потенциал.

Дискурс симпатии и его этносемиометрические показатели

Человек говорит, используя речевой аппарат и систему языковых единиц, которые являются строительным материалом для текстов и дискурсов. Вся речевая деятельность человека протекает в неевклидовом пространстве, ее основными проявлениями являются материальность (физическая осязаемость, физическое присутствие) и виртуальность (ментальность, отсутствие физического присутствия). Объектом настоящего размышления является анализ соотношения текста и дискурса, метафоры и дискурса в плане постановки проблемы выявления дискурса симпатии.

Представляется необходимым прежде всего развести термины «текст» и «дискурс», не ставя между ними знака тождества. Текст как объект лингвистического исследования конвенционализован, в определении И.Р. Гальперина, как «произведение речетворческого процесса, обладающего завершенностью, объективированное в виде письменного документа; произведение, состоящее из названия и ряда особых языковых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, стилистической связи, имеющих определенную целенаправленность и прагматическую установку» [1981: 18–19]. Из приведенного определения вытекают такие параметры текста, как: завершенность, письменность, наличие названия, лексическая связь, грамматическая связь, стилистическая связь, целенаправленность, прагматическая установка.

Релевантными представляются исследования текста в немецкой школе лингвистики текста, в частности, в работах Богранда, Дресслера, где свойства текста сведены к основным семи:

- когезия;
- когерентность;
- ситуативность;
- акцептабельность;
- информативность;
- интенциональность;
- интертекстуальность.

Вслед за В. Мочем, считаем необходимым провести параметризацию текста, в соответствии с которой релевантными являются два основных уровня: прагматический и информационный. Свойства текста сведены к основным трем – грамматичность, прагматичность, информативность.

Таким образом, текст представляет собой высшую коммуникативную единицу материального плана, реализуемую совокупностью языковых знаков, зафиксированную при помощи конвенциональных норм и правил естественного языка. Текст материален, фиксирован на материальном носителе: бумаге, записан на диске, начитан на пленку, произнесен и т.д. Это важный параметр текста.

Текст как линейная структура является закрытой системой, где представлен ряд интенций или комплекс семантически связанных между собой интенций, иерархия которых состоит в наличии доминирующей интенции и поддерживающей ее второстепенной. Прагматический уровень в структуре текста позволяет обнаружить разные речевые акты порождения текста: иллокуцию, локуцию, пропозицию, перлокуцию. Отсюда свое значение приобретает интенциональность как особая характеристика текста.

Как утверждает В. Моч [Motsch 1996], иерархия является важным текстоорганизующим свойством, она лежит как в основе иллокуций, так и в основе членения текста, определяет уровень структуры речевых актов. Обратим внимание на то, что уровень информационной структуры В. Мочем не рассматривается. Проанализировав и сопоставив его размышления и размышления К. Бринкера [Brinker 1997: 83], мы пришли к выводу о том, что именно на уровне информационной структуры следует вести речь о темарематическом развертывании, логическим следствием которой является линейность. Таким образом, вторым параметром текста является его линейность, которая обнаруживается в виде темарематического развертывания в пяти вариантах одной прототипической модели темарематического развертывания: простая линейная прогрессия; прогрессия со сквозной темой; прогрессия с производными темами; развитие расщепленной ремы; прогрессия с разорванной темой.

Представленные пять вариантов одной прототипической модели развертывания текста доказывают, что текст находится в двух-

мерном пространстве вертикали и горизонтали, проявляясь как в виде катафорического, так и анафорического видов сцепления языковых знаков [Хахалова 1986: 14]. Таким образом, третьим параметром текста является его двухмерность.

Четвертым параметром текста является его интенциональность, которая вытекает из параметризации текста, по В. Мочу [Motsch 1996], в части, касающейся прагматического уровня структуры текста. Ч. Моррис, исследуя текст в семиотической перспективе, обратил внимание на его уровни: синтактику (грамматический уровень, по В. Мочу), прагматику (прагматический уровень, по В. Мочу) и семантику. Ученый доказал, что термин «текст» является гиперонимом по отношению к термину «тип текста» и выделил ряд когипонимов – 16 типов текста: научные, фиктивные, нормативные, космологические, мифические, поэтические, моральные, критические, технологические, политические, религиозные, пропагандистские, логико-метаматические, риторические, грамматические, метафизические. Предложенная Ч. Моррисом типология оказалась возможной в результате выделения двух параметров – модальности текста и ситуации (способов его употребления). Другими словами, речевые акты информирования, оценивания, систематизации и побуждения к действию, а также функции констатации, оценки, предписания и формальной организации определяют сущность текстов, позволяя отграничивать одни типы от других.

Термины «модальность» и «особенности ситуативного употребления текстов» позднее были заменены К. Бринкером на термин «функция текста», которая находится в непосредственной зависимости от интенции адресанта, что при создании текста определяет четыре основных функции текста: выражение экспрессивности, побуждение к действию, описание и информирование. Интенциональность как текстовая категория определяет и три типа текста (по К. Бринкеру): преимущественно экспрессивные, преимущественно побуждающие к действию, преимущественно информативные, или описательные.

В функционально-коммуникативной парадигме Лейпцигской школы немецкой стилистики (Г. Михель, В. Фляйшер) поднимается проблема выделения видов описания (Darstellungsarten). К видам описания были отнесены рассказ, описание, сообщение, объясне-

ние, разъяснение и аргументация. По сути, эти виды описания явились основанием для описания интенций адресанта в парадигме немецкой лингвистики текста. Объектом лингвистики текста являются тексты с интенциями информирования, оценивания, систематизации, побуждения к действию, констатации, предписания и формализации. Объектами текста являются: состояния, процессы, проблемы, субъективное / объективное отношение к состоянию, процессу, проблеме.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что текст, представляет собой произведение речетворческого процесса, реализуется в устной или письменной формах, а его параметрами являются материальность, линейность, интенциональность, политематичность, и постоянный состав коммуникантов (адресант – адресат).

Перейдем к анализу дискурса. В 1978 году было обращено внимание на то, что дискурс состоит из последовательности взаимосвязанных речевых актов [ван Дейк, Кинч 1978]. В 1990 году была установлена взаимосвязь понятий *дискурс – текст – контекст*. По Т. ван Дейку, дискурс есть текст в контексте [ван Дейк 1990: 164]. В 1995 году понятие дискурса расширяется до границ ментального мира. В трактовке Ю.С. Степанова, дискурс есть особый «ментальный мир». Далее исследователи обращают внимание на знаниевую составляющую человеческой коммуникации. В соответствии с этим, З. Йегер понимает под дискурсом поток знания во временном пространстве (*Fluß von Wissen durch die Zeit*) [Jäger 1996: 172]. Ментальность, знания, время, пространство, коммуникация находятся в состоянии социального взаимодействия и субординации. Именно поэтому Ю. Линк [1997] обращает внимание на социальные институты и понимает под дискурсом институализированные, конвенционально закрепленные виды речи, в случае, когда они связаны с действиями и производят эффект подчинения (*institutionalisierte, geregelte redeweisen, insofern sie an handlungen gekoppelt sind und also machwirkungen ausüben*) [Schröter, Carius 2009: 98]. В продолжение этой мысли Р. Водак [Wodak 1998] утверждает, что дискурс есть социальная практика, связанная с языком (*sprachgebundene soziale Praxis*). В цепочке *дискурс – социум – язык* обнаруживается нелинейность. На это обращает внимание С.Н. Плотникова, утверждая, что

дискурс «является во многих случаях нелинейным образованием, в котором действуют дистантные межфразовые связи» [Плотникова 2000: 216]. Скорее всего, такая нелинейность или отсутствие линейности, так как это происходит в тексте, предполагает наличие смыслов, стоящих за текстами, которые М. Хайнеманн и В. Хайнеманн обозначают термином *абстрактная борьба отношений* (*abstraktes Beziehungsgeflecht*) и понимают под дискурсом именно такую борьбу отношений [Heinemann 2002: 112]. Важным моментом для развития теории дискурса представляется исследование корпуса текстов, составляющих дискурс с точки зрения лингвистической и исторической перспективы Р. Келлер [Keller 2004]. СМИ тематизируют проблему среди населения и средств массовой информации на разных дискурсивных уровнях (политика, экономика и др.). Эти дискурсивные процессы оказывают влияние на отношения между людьми.

Итак, дискурс составляют корпуса разных типов текстов. Именно поэтому дискурс ментален, а текст материален. Дискурс, в отличие от текста, принадлежит виртуальности, ментальному сознанию в том плане, что он стоит за текстами или над текстами, объединяет множество разных типов текста и видов текста в пределах одной темы, которые определяются Шрётер и Кариусом как фрагменты дискурса (*Diskursfragmente*).

Например, виртуальная реальность разных типов текстов, объединенных одной темой неискренности организует неискренний дискурс [Плотникова 2000]; виртуальная реальность разных типов и видов текста, объединенных одной темой «спорт» организует спортивный дискурс [Хахалова 2008]; виртуальная реальность разных типов и видов текста, объединенных одной темой «юриспруденция» организует юридический дискурс [Warnke 1999: 17–18] и т.д.

Достаточно большой корпус текстов позволяет исследовать процесс дискурсообразования, в то время как малый корпус текстов ориентирован на исследование дискурсивного контекста [Schröter, Carius 2009: 123].

Таким образом, первой параметрической характеристикой дискурса является виртуальность, второй – монотематичность гипертемы. Вслед за М. Фуко, согласимся с тем, что общественная

практика использует языковые выражения, которые определенным образом упорядочены и систематизированы. За системой и порядком стоит особая, идеологически и национально-исторически обусловленная ментальность. Но если М. Фуко [1994] делает главный акцент на идеологическом факторе, сводя текстопорождение к дискурсу и определяя дискурс как «множество высказываний, принадлежащих одной формации», то мы бы заострили внимание на дискурсе как «сегменте человеческого знания».

Важной параметрической характеристикой является нелинейность/нелинейность, так как дискурс существует не только в рамках вертикального и горизонтального членения пространства, он существует в многомерном пространстве мыслительной активности и сознания. Именно сознание представляет собой нелинейную систему, с многовариантными решениями, альтернативными путями развертки различных процессов и неопределенным будущим [Улановский 2005: 17].

К четвертой параметрической характеристике следует отнести фрактальность как способность дискурса к расщеплению на многочисленные «осколки» – гипертемы, темы, подтемы и т.д. В основе организации дискурса лежат общие сквозные принципы восприятия, анализа, синтеза, категоризации, концептуализации, актуализации. Они соотносимы с нелинейными и фрактальными динамическими системами.

Пятой параметрической характеристикой дискурса является его технологичность. Шестой, соответственно – его стратегичность, седьмой – непостоянный состав коммуникантов. У каждого человека свой дискурс, именно это обусловило особенности личностных смыслов каждого отдельно взятого члена социума. То, что творится в «черном ящике» каждого человека, является его особым ментальным миром, его собственным дискурсом, вторжение в который происходит при помощи текстов разного типа.

С точки зрения дискурсивного анализа исследуется совокупность текстов, определяющих ход ведения дискурса [Girnth 2002: 77]. Х. Гирнт считает, что все тексты находятся между собой в отношениях дискурсивности, которые составляют суть макродискурсивного пространства. Он указывает на следующие характеристики дискурсивных функций: инициальность (initial), процессуальность

(prozessual), терминальность (terminal), первичный текст (Primärtext), вторичный текст (Sekundärtext) или метатекст (Metatext), дискурсивная трансцендентность (diskurstranszendent), дискурсивная имманентность (diskursimmanent), дискурсивная периферийность (diskursperipher), доминантность (dominierend), вариативность (variabel), метадискурсивность (metadiskursiv). Три первые характеристики – инициальность, процессуальность, терминальность – относятся к позиции любого текста в дискурсе. Спорным остается вопрос о границах между характеристиками начала и продолжения, они взаимопереходны. Точно также взаимопересекаются характеристики начала и конца в текстах с композиционным членением. Две следующие характеристики указывают на присущие общественно-политическому дискурсу метатексты, которые являются продуктом способности к производству текстом одним или несколькими реципиентами. Объясняется это тем, что СМИ используют и передают как первичные тексты (предвыборные речи, материалы заседаний партии), так и основанные на них вторичные тексты типа сообщений, основных статей, комментариев.

Характеристика трансцендентности проявляется в том, что один и тот же текст может быть отнесен к нескольким типам дискурсов. Определяющим является выбор темы. Характеристика дискурсивной имманентности определяет текст, который может быть отнесен только к одному типу дискурса. С этими характеристиками теснейшим образом связана дискурсивная периферийность. Трансцендентные тексты, как правило, периферийны. Доминирующими в дискурсе могут быть такие типы текстов, которые «ведут» за собой группу текстов, определяющих тип дискурса. Вариативность относится к возможностям позиционирования текстов в дискурсе. Определенный вид текста считается максимально вариативным в том случае, если он может появляться в любой момент и в любой части дискурса. Минимальная вариативность относится к тем случаям, когда определенный тип текста возможен только в одном конкретном месте дискурса, например, механизм издания законов. Метадискурсивность проявляется в тех случаях, когда множество разных текстов объединены в одном дискурсе с одной темой [Girnth 2009: 77–78].

Таким образом, важными характеристиками дискурса являются начало, процесс, окончание, первичность текста, вторичность текста, дискурсивная трансцендентность, дискурсивная имманентность, дискурсивная периферийность, доминантность, вариативность, метадискурсивность.

Р. Келлер [Keller 2004] определил на настоящий момент шесть основных направлений исследования дискурса: исследование корпуса текстов, составляющих дискурс с точки зрения лингвистической и исторической перспективы; дискурсивный анализ; критический анализ дискурса; культурно-ориентированный анализ дискурса; знаниево-социологический анализ дискурса, дальнейшая разработка теории дискурса. Три первых направления ориентированы преимущественно на лингвистическую парадигму исследования дискурса, три следующих – на социальную. При этом критический анализ дискурса сочетает в себе нелингвистические и социальные основания.

Таким образом, мы подходим к мысли о том, что текст и дискурс находятся между собой в отношениях взаимной дополнительности. Зоной бленда при взаимодействии текста и дискурса является речевой акт, где обнаруживаются их общие признаки. Иерархичность, как имманентное свойство текста, определяет уровень его иллюкутивной структуры, тогда как в структуре дискурса обнаруживается фрактальность.

Одним из доказательств выше изложенного является проявление дискурса симпатии в немецкоязычном сообществе. Нельзя сказать, что существует симпатия как тип текста, но вполне можно утверждать, что существует дискурс симпатии, фрагментами которого являются отдельные тексты. Дискурс симпатии составляет корпус текстов с гипертемой СИМПАТИЯ. В этом проявляется его дискурсивная имманентность. При этом дискурс симпатии у каждого человека свой, но у каждого культурно-языкового сообщества он может быть общим. В этом проявляется его дискурсивная трансцендентность.

При рассмотрении дискурса симпатии в немецком культурно-языковом сообществе будем исходить из допущения, что дискурс симпатии протекает в определенном пространстве, которое заполняется разными концептами, а те, в свою очередь, материализи-

зуются в телах языковых знаков, которые можно отнести к знакам первичной номинации и знакам вторичной номинации. Исходным является концепт SYMPATIE, вокруг которого формируются языковые и концептуальные метафоры, наряду с неметафорическими языковыми средствами.

Исследование симпатии в немецкой картине мира показывает, что она многогранна, не иерархична, фрактальна и представляет собой совокупность таких характеристик, как:

- психофизиологическое свойство человека, в котором выражается положительное отношение в одушевленному лицу или неодушевленному объекту;
- одну из первоначальных эмоций – эмоцию сопереживания;
- один из видов коммуникации – со-коммуникацию, которая находит выражение в со-участии;
- форму понимания – сочувствие;
- морально-этическую и нравственную категорию, выражающуюся в уважении по отношению к человеку;
- интенциональный акт информирования о наличии схожести;
- чувство внутреннего единения;
- отношение взаимного понимания внутри сообщества.

Как показывает анализ материалов немецких СМИ, пять характеристик симпатии – форма понимания, морально-этическая и нравственная категория, интенциональный акт информирования, чувство внутреннего единения и отношение взаимного понимания внутри сообщества представлены в концептуальных метафорах, которые организуют дискурсивное пространство симпатии как особый ментальный мир: SYMPATIE IST RAUMINHALT, SYMPATIE IST BEWEGUNG, SYMPATIE IST FLÜSSIGKEIT, SYMPATIE IST KAPITALANLAGE, SYMPATIE IST RESSOURCE, SYMPATIE IST GESCHENK, SYMPATIE IST ZEICHEN, SYMPATIE IST ERRUNGENSCHAFT.

Концептуальные метафоры можно отнести к разряду метафор сознания, последние занимают определенное место в оппозиции «действительность / трансцендентность» [Анкерсмит 2003: 85], функционируя как инструмент познания адаптированной действительности, средство организации нашего знания аспектов мира таким образом, чтобы позволить сделать этот мир лучше. Метафора

эффективна в организации знаний способами, которые могут обслуживать социальные и политические цели. Согласимся с Ф.Р. Анкерсмитом в том, что метафоры являются наиболее мощным лингвистическим инструментом, который мы имеем в распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека. Ему присущи метафорические значения, в которых происходит акцентуация семантических признаков, доминанция одних и затухание других.

Можно бы добавить к этому положению мысль о том, что метафоры являются не только лингвистическим, но и ментальным инструментом. В работе «Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков» [Перспективы 2000: 128] утверждается, что метафора представляет собой знак неполноты бытия. Делается вполне правомерный вывод о том, что метафора всегда говорит о возможном. Действительно, возможное и реальное, потенциальное и актуальное, объединены в метафоре – а) языковой единице; б) единице ментального лексикона памяти. Обращается внимание на так называемые фундаментальные метафоры, первым аналогом которых были антропоморфные образования, заставлявшие древних людей видеть в многообразных проявлениях внешнего мира аналог собственной жизни. Следовательно, антропоморфная модель метафоры является одной из первых в аналоговых возможностях человеческого ментального разрешения.

Вторым вариантом фундаментальных метафор являются социоморфные, в них переносились родовые отношения одушевленных существ на весь окружающий мир и весь мир представал огромной родовой общиной. Третьим вариантом фундаментальных метафор являются перцептивные образования, в них шло переосмысление собственной личности в терминах другой. Так, эволюция деятельности человека привела к возникновению машинной метафоры на смену фундаментальной [Перспективы 2000: 137].

Важным представляется признание концептуальной метафоры, в трактовке и механизме образования которой отводится особая роль формам мыслительно-языковой деятельности и их сочетанию между собой. Назревает метафора сознания, которая стоит на положениях когнитивной лингвистики, основным объектом которой становится в теории метафоры когнитивная или концептуальная

метафора. В теории концептуальной метафоры определяющим является положение о существовании центральной метафоры и развернутой системы метафорических выводов. Дж. Лакофф [2004: 500, 501] исходит из того, что центральная метафора ориентирована на область источника метафоризации, а система метафорических выводов составляет область мишени метафоризации.

Продуктом взаимодействия области-источника и области-мишени является концептуальная метафора, продуктивность которой идет в двух направлениях – лексическом и структурном. Лексическое направление ориентировано на восприятие слов – тел языковых знаков, которые могут кодировать и расширять концептуальную метафору. Структурное направление ориентировано на восприятие онтологических и эпистемических состояний.

Обратимся к анализу онтологических и эпистемических состояний, лежащих в основе концептуальных метафор, которые передают симпатию, реализуя концепт SYMPATIE. В объем данного концепта входят концептуальные признаки *gern, wohlwollen, wohlgefallen, positiv, freundlich, gleich, Empfindung, Stimmung, Teilnahme, Anteilnahme, Übereinstimmung, Ergänzung von Individualitäten, Seelenverwandtschaft, Hang, Emotion, Miterleben, Vorliebe, Ähnlichkeit im Erleben, Ähnlichkeit in der Gesinnung*.

Опираясь на положение Дж. Лакоффа, проведем анализ концептуальной метафоры SYMPATIE IST RAUMINHALT. Начнем с лексемы *Rauminhalt*, которая представляет собой сложносоставное имя существительное, с корнем *Raum* и корнем *Inhalt*. Анализ словарной дефиниции лексемы *der Raum* дает следующие семантические признаки в объеме лексического значения:

- *Inhalt: Ausdehnung, Platz, Weltraum, Gebiet, Bereich.*
- *Inhalt: etw. was in einem Gefäss enthalten ist; Grösse einer umgeschlossenen Fläche, eines umgeschlossenen Raumes; Gehalt, Aussage.*

Анализ словарной дефиниции лексемы *der Inhalt* дает следующие семантические признаки в объеме лексического значения: *das Enthaltene; der Gehalt*. В зоне бленинга находятся семантический признак *der Gehalt* с семантическими множителями *Inhalt, Wert*. Итак, главным концептуальным признаком концепта RAUMINHALT является признак «содержимое с определенной ценностью». Содержимое не может существовать без содержащего, коим может

являться некий «контейнер». Таким образом, мы выходим на концептуальную метафору контейнера с определенным объемом пространства внутри него и вне его.

Языковыми средствами выражения пространственного перемещения симпатии внутри контейнера/сосуда/тела являются словосочетания: *in der Sympatie oben angesiedelt sein, in der Sympatie gefallen sein, in der Sympatie steigen*.

Рассмотрим пример, в котором симпатия представлена как содержимое некоего пространства:

Zudem tänzelt sie mit souveräner Leichtigkeit durch EU-Gipfel oder Pressekonferenzen und lässt dabei Witzfiguren... , die abwegige Fragen stellen, auf hübsche Weise dumm aussehen. Kaum einer kann sich dem Sog der Sympatie entziehen.

Симпатия представляется как вместилище с характерными семантическими признаками воронки или потока в течении реки (*der Sog der Sympatie*), которому можно сопротивляться, но чаще всего такое сопротивление бессмысленно. Воронка затягивает и пловец, как правило, погибает, тонет (*der Einflußbereich*). В данном примере интерес представляет не только метафора - именное словосочетание *der Sog der Sympatie*, но и метафора - глагольно-именное словосочетание *dem Sog der Sympatie entziehen*. Анализ словарной дефиниции глагола *entziehen* показывает его потенциальный лексический объем: 1) j-m etw. wegziehen, 2) nicht länger zuteilwerden lassen, wegnehmen, 3) a) sich von j-m etw. Befreien (ü) dem Charme, b) (geh.) sich fernhalten, c) nicht nachkommen, d) (geh.) entkommen, 4) sich etw. D.: nicht Gegenstand von etw. sein.

Симпатия представляется как нечто неминуемое в определенной ситуации, подобно тому, как если бы пловец попал в воронку и она его засосала. Есть два варианта решения этой ситуации: пловец либо тонет, либо выплывает. Итог ситуации может положительным, при условии, что человек - хороший пловец, физически и морально сильный. Отрицательный финал наступает в том случае, если человек не умеет плавать и не борется до конца. Эти условия можно спроецировать на ситуацию проявления симпатии. Человек, с одной стороны, неминуемо подвержен симпатии, с другой стороны, он может ей оказывать сопротивление. Стать симпатичным или несимпатичным для кого-то - два выбора в коммуникации. Симпатия, как контейнер или вместилище, указывает на это. Можно быть

частью этого вместилища, а можно иметь это вместилище внутри себя. Пространство, вместилище – непременно часть проявления жизни человека, поскольку симпатия относится к пространству, то она является необходимым свойством человеческой природы.

Пространство нахождения симпатии может быть сверху:

Denn Ökostrom ist in der Sympatie der Verbraucher oben angesiedelt.

Nach dem Bekenntnis ihrer Liebe zu der Professorin Miriam Meckel ist ARD-Moderatorin Anne Will in der Sympatie der Deutschen leicht gestiegen.

Пространство нахождения симпатии может быть и снизу:

In der Sympatie der Wähler gefallen ist auch SPD-Chef Kurt Beck.

Meine Sympatien für Ver.di und die 200 000 Arbeitnehmer dieser Branche tendiert stark nach unten.

Наряду с метафорическими словосочетаниями *der Sog der Sympatie*, *dem Sog der Sympatie entziehen*, функционирует атрибутивное метафора-словосочетание *düstere Sympatie*, в которой представлена качественная характеристика вместилища с коннотативным значением отрицательной оценки:

Und da war der Versuch des Grünen-Fraktionschefs Volker Ratzmann im Abgeordnetenhaus, CDU und FDP eine düstere Sympatie mit diesem Vorgehen zu unterstellen. Da war schließlich die Frage, ob man fraktionsübergreifend einen neuen Versuch befürworten würde, die NDP zu verbieten.

В приведенном примере интерес для анализа представляет словосочетание *eine düstere Sympatie*, в котором проявляются следующие семантические дескрипторы имени прилагательного *düster*: *dunkel und unfreundlich; gedrückt, freudlos; negative*. Наблюдается зона пересечения положительного в том, что заложено в концептуальном объеме симпатии, и отрицательного, заложенного в концептуальном объеме имени прилагательного. Следовательно, все словосочетание имеет отрицательное значение. А симпатия, в некоторых случаях под влиянием взаимопересекающегося с ней явления, лишается концептуального признака *positiv*, приобретая концептуальный признак *negativ*, но сохраняя при этом концептуальные признаки *gleich, Stimmung, Teilnahme, Ergänzung von Individualitäten, Seelenverwandschaft, Ähnlichkeit im Erleben, Ähnlichkeit in der Gesinnung*. В этом проявляется парадоксальность и динамичность симпатии: быстрый переход в настроении от симпатии к антипатии и наоборот.

Обратим внимание на дистрибуцию абстрактного имени существительного *Sympatie* в рассматриваемом примере: *eine düstere*

Sympatie mit diesem Vorgehen unterstellen. Анализ словарной дефиниции глагола *unterstellen* дает основания говорить о семантических признаках: 1) *zur Aufbewahrung abstellen (ein Fahrrad, die Möbel)*, 2) *sich unter etw. Schützendes stellen*. Происходит подмена имени конкретного на имя абстрактное, нарушение семантической сочетаемости глагола с именем существительным в синтаксической функции прямого дополнения. Результатом является передача смысла отношений между разными политическими партиями CDU und FDP и партией зеленых. Политические отношения не вписываются в семантическую шкалу симпатии. Отсюда вывод – союз христианско-демократической и свободно-демократической партии и партия зеленых не испытывают друг к другу никакой симпатии, они сохраняют в своем подчинении «теневую/темную симпатию».

Онтологическое состояние есть тело – вместилище, которое обладает шириной, высотой, длиной. Эпистемическое состояние включает источник и мишень. Источником является размер контейнера, а мишенью – эффект усиления симпатии, который влечет за собой изменения внутри вместилища. Отсюда следует вывод: внутреннее положительное состояние симпатизирующего изменяет степень возрастания и уменьшения по вертикальной шкале. Величина увеличения зависит от степени проявления симпатии. Таким образом, выстраивается прототипическая модель симпатии, которая имеет пространственное измерение, и может быть представлена в виде сценария, состоящего из последовательности этапов:

- событие,
- симпатия как чувство и как отношение (дополнение индивидуальностей, положительные эмоции, предрасположенность, благосклонность, сходство в настрое и мыслях)
- попытка контроля,
- потеря контроля,
- акт передачи чувства и отношения.

Центральная метафора – тело, метафорический вывод – чувство взаимопонимания от того, что кто-то разделяет твои эмоции, мысли, чувства.

Парадоксальность и динамичность симпатии являются, по всей видимости, основанием для возникновения концептуальной метафоры SYMPATIE IST BEWEGUNG, где движение (BEWEGUNG)

– это: а) *Veränderung der Lage, Haltung*, б) *Ergriffenheit*, в) *gemeinsames Bestreben einer Gruppe*. Подтверждением этому мнению являются несколько вариантов дистрибуции имени абстрактного *Sympatie*: *die Sympatie springt entgegen, fast an, entwickelt sich, zufließt, fliegt, sturmt*.

Онтологическое состояние есть тело, которое обладает свойством изменения состояния посредством движения. Эпистемическое состояние включает источник и мишень. Источником является динамика. Мишенью является проявление симпатии, которое влечет внутреннее движение. Отсюда следует вывод: когда человек кому-то симпатизирует, то происходит внутреннее движение первоначальных эмоций, направленное на определенного человека. Симпатия изменяется, она находится в процессе постоянного движения и, вполне вероятно, поэтому очень трудноуловима. Симпатия выпрыгивает или летит навстречу:

Ich bin wieder sehr gerührt über die Sympatie, die mir da entgegen-springt.

Симпатия развивается:

Freilich entwickelt sich Sympatie von deutscher Seite nicht symmetrisch, aber sie entwickelt sich.

Симпатия «штурмует и берет в плен»:

Den Sturm der Sympatie bildeten schließlich die Freiwilligen.

Таким образом, выстраивается прототипическая модель симпатии, которая имеет пространственное и временное измерение, и может быть представлена в виде сценария, состоящего из последовательности этапов: событие, симпатия как чувство, попытка контроля, потеря контроля, акт движения, симпатия как отношение. Центральная метафора – движущееся тело, метафорический вывод – динамичность, изменчивость, непостоянство.

В виртуальном пространстве концептуальной метафоры SYMPATIE IST BEWEGUNG обнаруживается концептуальная метафора SYMPATIE IST FLUESSIGKEIT. Обе концептуальные метафоры находятся в отношениях вложенности друг в друга. Зоной бленда является подвижность, динамичность как характеристика движения жидкого вещества.

Имеется центральная метафора – метафора симпатии, и развернутая система метафорических выводов, в которых симпатия сравнивается с жидкостью во всех ее проявлениях. Центральная метафора – область-источник метафоризации, отсюда происходит

сравнение симпатии на основе аналогии по сходству, с жидким веществом, у которого есть свойство текучести: *In seinem Schatten wächst ein Aufbauspieler zum Superstar heran, dem allgemeine Sympatie zufließt.*

Известно, что имманентными свойствами жидких веществ являются способность заполнять объем, способность вытекать в любую дыру, свойство нагреваться и охлаждаться, изменяя объем тела, в котором она находится. Жидкость может быть прозрачной и непрозрачной, чистой и грязной, вязкой и невязкой, разной по цвету и запаху. Система метафорических выводов, составляя область мишени метафоризации, ориентируется именно на одно из указанных специфических свойств. Продуктом взаимодействия области-источника и области-мишени является концептуальная метафора. Продуктивность взаимодействия симпатии и жидкости идет в лексическом и структурном направлениях.

Лексическое направление ориентировано на языковую кодировку концептуальной метафоры, например: *Sympatie für die neue Präsidentenfamilie (Obamas) ist überbordend.* По отношению к семье Б. Обамы употребляется метафора-предложение, в котором смысловая нагрузка лежит на глагольной метафоре *überborden*, в значении *tritt über die Ufer, geht über das normale Maß hinaus, geht über gesetzte Grenzen hinaus*. Употребляются два языковых знака *Sympatie, überborden*. С их помощью выражается огромный объем симпатии, которая может выходить за пределы объема, за пределы границ, за пределы обозначенной нормы.

Структурное направление ориентировано на восприятие онтологических и эпистемических состояний. Если следовать методологии анализа Дж. Лакоффа, то результат анализа выглядит так. Онтологическое состояние – вместилище жидкого вещества (русло реки, сосуд) – *volle Sympatie*. Эпистемическое состояние включает источник и мишень. Источником является любое изменение свойства жидкого вещества. При повышении температуры жидкости повышается температура вместилища, усиливается его внутреннее давление и волнение жидкости. При изменении качества хранилища жидкого вещества – пробоина, негерметичность и т.п. проявляется свойство жидкости искать отверстие. В результате жидкость начинает вытекать, перетекать за край: *ein Glücksgefühl überströmt*. Итак, источником концептуальной метафоризации является любое

изменение первоначального вида хранилища жидкости. Отсюда делаем вывод, что источником концептуальной метафоризации SYMPATIE IST FLUESSIGKEIT является любое изменение свойства жидкого вещества, определяемое его внутренними качествами.

Мишенью концептуальной метафоры SYMPATIE IST FLUESSIGKEIT становится симпатия. Эффект усиления симпатии влечет за собой повышение температуры тела, внутреннего эмоционального состояния положительного отношения или появление положительного чувства, отсюда происходит усиление эмоционального возбуждения, которое выходит наружу в речи, в поведении. А источником концептуальной метафоры SYMPATIE IST FLUESSIGKEIT становится жидкое тело во всех его проявлениях и свойствах. Например:

Aber auch außerhalb der USA trifft Obama auf viel Sympatie: so strömten Zehntausende im Juli zu Berliner Siegessäule, um den Senator bei seinem einzigen öffentlichen Auftritt in Europa zu sehen.

Проанализируем глагол *strömen*: 1) *breit, gleichmäßig* [aber mit großer Gewalt] *dahinfließen*, 2) (von Flüssigkeiten oder Luft) *sich von einem Ausgangspunkt her oder in eine bestimmte Richtung [fort-hinunter] bewegen*, 3) (von Menschen) *sich in Massen in eine bestimmte Richtung fortbewegen*. Сочетание с абстрактным именем *Sympatie* не является нормативным. *Viel Sympatie u Zehntausende strömen* показывают размер симпатии жителей Германии к Б. Обаме. *Viel* и *strömen* имеют общий семантический признак множества «много».

Когда человек кому-то симпатизирует, то проявляется его личностная пристрастность к объекту симпатии, она, подобна жидкости, не вмещающейся в сосуд, выходит наружу. Объект симпатии становится симпатичен. В терминах онтологии это значит следующее. Симпатизируя кому-нибудь, человек передает свою симпатию другому человеку по каналу связи, подобно трубе, по которой перетекает жидкость. Симпатия перетекает в конкретном направлении, становится средством эффективной коммуникации и установления контакта. Так возникают две функции симпатии — коммуникативная и фатичная, отражающиеся в концептуальной метафоре SYMPATIE IST FLUESSIGKEIT. Человек симпатизирующий вступает в отношения взаимодействия, устанавливая контакт с тем, кому он симпатизирует.

Таким образом, выстраивается прототипическая модель симпатии, которая имеет временное измерение и может быть представлена в виде сценария, состоящего из последовательности этапов:

- есть некое событие,
- в результате наступления этого события возникает чувство сопричастности, сопереживания, участия, душевного родства,
- наблюдается попытка контроля над чувством симпатии (радость, удовольствие, внутреннее удовлетворение, охотно, положительно),
- при обнаружении общности в сопереживании, мыслях, канале коммуникации происходит потеря контроля над чувством,
- оно превращается в доброе отеческое отношение, наблюдается акт приема чувства симпатии, которое становится отношением между взаимодействующими индивидами. Оба начинают симпатизировать друг другу. Так работает понятийный объем симпатии немецкого сообщества.

Этот сценарий, на наш взгляд, и является одним из способов представления способа проецирования сферы-источника (жидкость) на сферу-мишень (симпатия) метафоризации. В этом контексте важным выводом является признание того, что элементы онтологии симпатии существуют независимо от каких-либо метафор. Симпатия, как и любое чувство, есть физиологическое свойство человека, заложенное его природой. Она представляет собой синэргетическую систему самопорождающей и самоорганизующей природы, возникающей в недрах психофизиологической сущности и исчезающей там же. Так проявляется саморефлективный характер выражения сущности человека в актуальный период его проявления в нелинейной сути того, что называется жизнью, преобразованной в речевую деятельность. Способы преобразования и «способы связи значений слов отражены в концептуальной метафоре» [Лакофф 2004: 500, 539] – SYMPATIE IST FLUESSIGKEIT.

С одной стороны, человек, как физическое тело, является вместилищем симпатии, с другой стороны, он сам находится внутри некоего виртуального вместилища – симпатии. Наблюдается принцип вложенности симпатии в человека и человека в симпатию по модели матрешки. Ментальное пространство симпатии объединяет представителей социума, в котором свойство текучести проявляется

в процессе перетекания из одного тела в другое. Ментальное пространство симпатии, как «жидкого вещества», коррелирует с представлением о жидкости как основе жизни человека. Центральная метафора – тело, метафорический вывод – жидкость. Отсюда напрашивается вывод – симпатия представляет собой основу жизни человека. Это является основанием для утверждения об эмпатичности симпатии и ее экспрессивности [Малинович 1989].

Рассмотрим еще один пример: *Im Stern bekannte sich Wowereit auch zu seiner Sympatie für Bundeskanzlerin Angela Merkel. Als Person ist sie mir sympatisch. Über diese Frau ist kübelweise Gülle ausgeschüttet worden. Und sie hat bestanden. Sie hat sich in der CDU-Männerwelt durchgesetzt. Das könne man auch als politischer Gegner anerkennen.*

Слово *die Gülle* со значением *flüssiger Stalldünger, der sich aus Jauche, Kot und Wasser zusammensetzt* имеет на юго-западе Германии и в Швейцарии стилистическое значение уничижительности, предельной степени отрицательности. Оно включается в состав метафорического словосочетания *kübelweise Gülle ausschütten*. В значение метафоры словосочетания входят семантические признаки большого количества грязи, жидкого состояния, процесса вытекания, выливания. Парадокс метафоры объясняется ее фрактальностью, отрицательность метафорического значения в контексте проявляется в предложении *Als Person ist sie mir sympatisch* с положительным смыслом. Симпатия возникает в результате проявления характера и внутренних свойств человека. Немецкий канцлер Ангела Меркель прошла через ряд испытаний, которые, как считалось, могут вынести только мужчины. Женщина-политик вынуждена проявлять себя и как политик, и как человек, который может проявить маскулинные качества. Только за то, что она женщина, она получила огромное количество испытаний, которые не доводится испытать мужчинам-политикам. Антипатия, чувство превосходства по гендерному признаку, недоверие – вот те качества, которые создавали дополнительные трудности для А. Меркель, сформировав, в конечном счете, ее положительный багаж. В результате, первоначальная антипатия Клауса Воверейта переросла в симпатию по отношению к Ангеле Меркель. Таков один из сценариев дискурса симпатии на страницах СМИ Германии. Так проявляется фрактальность метафоры как мыслительного синергетического феномена.

Рассмотрим следующую концептуальную метафору SYMPATIE IST RESSOURCE. Онтологическое состояние есть природное вещество, генотип, с определенной значимостью, ценностью и свойством. Главное предназначение ресурса, как такового, приносить пользу. По отношению к дискурсу симпатии в качестве ресурсов могут быть природные ресурсы.

ГУМУС:

Humus für Offenheit – Stiftverband für die deutsche Wissenschaft – elitäre Institution.

В значении слова *Humus* заложен семантический признак *Bestandteil des Bodens von dunkelbrauner Färbung, der durch mikrobiologische und biochemische Zersetzung abgestorbener tierischer und pflanzlicher Substanz in einem ständigen Prozess entsteht*, который входит в концептуальную область ПЛОДОРОДИЕ, УРОЖАЙ, РЕЗУЛЬТАТ, УСПЕХ. Актуализуется семантический признак часть почвы, что сигнализирует об устойчивости, прочности, включает процесс разложения как непрерывный биологический процесс синэргетической системы. Подчеркивается симпатия немецкого общества к союзу немецкой науки как элитарной прослойке социума.

КОРНЕВАЯ СИСТЕМА РАСТЕНИЙ:

Als Europäer habe ich meine Wurzeln in der christlichen Tradition des Kontinents.

В семантический объем лексемы *die Wurzel* входят семантические признаки 1) *Pflanzenwurzel*, 2) *Ursache*, 3) *Zahnwurzel*, 4) *(Math.) Grundzahl einer Potenz*, 5) *(Sprachwis.) Wortwurzel*, которые имеют прямое отношение к концептуальной области ОСНОВА ЖИЗНИ, ПРИЧИНА ЖИЗНИ, тем самым соприкасаясь с концептуальной областью ЖИДКОЕ ВЕЩЕСТВО.

Симпатия к традициям христианства на европейской территории.

ДРОВА:

Er ist eben aus dem gleichen Holz geschnitzt wie sie.

В семантический объем лексемы *das Holz* входят семантические признаки: 1) *feste harte Substanz des Stammes, der Äste und Zweige von Bäumen und Sträuchern* (die als Baustoff und Brennmaterial verwendet werden); *aus dem gleichen/aus anderem Holz geschnitzt sein* (die gleiche / eine andere Wesensart, den gleichen/einen anderen Charakter haben) [Duden 1999]; 2) *Baumaterial, hölzerner Gegenstand, aus ande-*

rem/feinerem/hartem/härterem Holz geschnitzt sein (ein anderes feineres/hartes/härteres Wesen haben) [Synonymwörterbuch 1991].

Признаки *gleich, Übereinstimmung, Seelenverwandschaft, Ähnlichkeit im Erleben, Ähnlichkeit in der Gesinnung* являются значимыми для выражения симпатии при помощи данного предикативного знака фразеологического характера с метафорическим основанием. Симпатия проявляется в метафорах *Humus, Wurzel, gleiches Holz*.

К природным ресурсам, вполне возможно, относится и
ОТЦОВСТВО:

Eine Unterstützung für Obama wird nun als weiterer Beweis für seinen geistigen Wandel gesehen. Doch tatsächlich hatte Byrd seit Längerem ein väterliches Verhältnis zu dem jungen Afro-Amerikaner. Wie jeder neue Senator suchte auch Obama zu Beginn seiner Amtszeit Rat bei dem Fuchs des Sena ein väterliches Verhältnis. В семантический объем лексемы *der Vater* входят семантические признаки 1) *Mann, der ein oder mehrere Kinder gezeugt hat* [Duden 1999]; 2) *liebevoll, besorgt, treu sorgend, streng* [Synonymwörterbuch 1991].

В семантическом объеме деривата *väterlich* заложены семантические признаки: 1) *dem Vater zugehörend, liebevoll und fürsorglich* [Synonymwörterbuch 1991], 2) *dem Vater gehörend, vom Vater kommend, stammend*, 3) *wie ein Vater fürsorglich und voller Zuneigung*. Признаки *positiv, Vorliebe* являются значимыми для выражения симпатии при помощи метафоры – словосочетания *ein väterliches Verhältnis*.

Эпистемическое состояние включает источник и мишень. Источником является наличие качества (материального и нематериального), которое влечет за собой изменение параметров симпатии. Мишенью является эффект усиления симпатии, который влечет за собой улучшение качества исходного материального ресурса, внутреннего состояния человека и усиление его эмоционального возбуждения. Отсюда следует вывод – когда человек кому-то симпатизирует, то происходит изменение в качестве отношения к людям и к самому себе. Он становится потенциальным носителем положительных чувств, которые стремится привнести во внутреннее состояние других людей. Ресурс может быть природным и синэргетическим, следовательно, симпатия может быть описана в языковых единицах лексико-семантических полей «природное состояние», «психо-физио-биологическое состояние».

Таким образом, выстраивается прототипическая модель симпатии, которая имеет пространственное измерение и может быть представлена в виде сценария, состоящего из последовательности этапов:

- событие, создающее со-чувствие, положительное настроение, сходство в мыслях и настроении,
- симпатия как чувство с положительным потенциалом,
- попытка контроля,
- потеря контроля,
- акт перехода из одного качества в другое,
- симпатия как отношение с большим коэффициентом полезного действия для адресанта и адресата.

Центральная метафора – симпатия, сферы-источники метафоризации – природные и человеческие ресурсы, метафорический вывод – возможность для проявления симпатии в силу возникающего чувства сопричастности в форме со-чувствия, положительного настроения, личностного положительного пристрастия, личностного положительного смысла.

С концептуальной метафорой SYMPATIE IST RESSOURCE тесно связана концептуальная метафора SYMPATIE IST KAPITALANLAGE. Онтологическое состояние есть тело, которое обладает ценностью и свойством быть посредником товарно-денежных отношений. Эпистемическое состояние включает источник и мишень. Источником является наличие ценности, которая влечет за собой изменение уровня благосостояния социума, уровня материального развития. Например: *Sympatie schaffen, verdienen, einbringen, leihen, gewinnen, das kostet Sympatie, Vorschuß an Sympatie, auf Sympatie setzen, die Sympatien (nicht) aufs Spiel setzen, Sympatiewerte kassieren, Sympatiewerte nachlassen.*

Рассмотрим пример: *Er schafft sich Sympatie.* В данном случае интерес представляет глагол *sich schaffen*, лексическим значением которого является 1) *so arbeiten, dass ein Körperteil in einen bestimmten Zustand gerät*, 2) *in bestimmter Weise arbeiten*. В объем лексического значения входят семантические признаки: 1) работать, 2) прилагать усилия. В данном случае употребление рефлексивного глагола *sich schaffen* является свидетельством того, что приобретение симпатии

со стороны партнера или партнеров по коммуникации является достаточно сложной, трудоемкой работой.

Приобретение симпатии служит человеку определенную положительную службу: *Dieser Frau (A. Merkel) ist sich darüber hinaus bewusst: im Moment segelt sie im Wind geliehener Sympatie.*

В предложении *sie segelt im Wind geliehener Sympatie* обратим внимание на словосочетание *Sympatie leihen*, производным членом которого является атрибутивное словосочетание с причастием вторым в функции определения *geliehene Sympatie*. Словарные дефиниции глагола *leihen* позволяют выявить его семантические признаки: *ausleihen, sich ausleihen, (geh.) zuteil werden lassen – Bestand, Aufmerksamkeit, Ohr*. К третьему значению можно отнести искомое словосочетание *Sympatie leihen*. Стилистическое значение глагола в контекстуальном окружении имеет показатель возвышенного стиля, который в данном контексте выполняет функцию ироничного отношения к канцлеру Германии Ангеле Меркель, понятийное значение скрывает в себе признак присвоения. В синтагматическом ряду с глаголом в форме причастия второго словосочетание *geliehene Sympatie* приобретает значение несколько ироничного отношения к симпатии, которую Меркель получила от электората. Но далее возникает генитивная расширенная метафора *der Wind geliehener Sympatie*.

Обратимся к анализу значения слова *der Wind*, семантическими признаками являются *heftig, stürmisch, stark, kühl, eisig, kalt, Frisch, lauer, warm, sanft, schwach, mäßig*. В этой палитре семантических признаков заложены все возможные характеристики ветра. Имеет место метафора со значением динамики полученной от электората симпатии. Динамика в значении метафоры выявляется из семантических дескрипторов, употребляемых по отношению к характеристике ветра: он может быть разным в зависимости от погоды и конкретных гео- и метеоусловий. Но дальнейшее контекстуальное окружение имени существительного *der Wind* указывает на его зависимость от глагола *segeln*. Рассмотрим значение указанного глагола: 1) *mit Hilfe eines Segels fahren*, 2) *segelnd zurück legen; segelnd ausführen, erzielen*; 3) *schweben*, 4) *(salopp) [hin] fallen*. В первом значении обнаруживаются семантические дифференциальные множители: *gegen den Wind, mit dem Wind, mit halbem, vollem Wind, vor dem Wind, hart am Wind*. В приведенном примере имеет место употребление метафоры-

предложения *Sie segelt im Wind geliehener Sympatie*. Это предложение мы относим к предикативным знакам фразеологического характера с метафорической мотивацией второго порядка окказиональности [Хахалова 1998: 101], поскольку у инвариантной части фразеологизма *mit dem Wind segeln* произошла модификация предлога – вместо *mit* употребляется *im*. Смысл предложения представляет собой не арифметическую сумму значений составляющих его слов, а квант информации в его живости и непосредственности, фракталы которого позволяют выявить семантические декрипторы ‘приобрести без препятствий – легко’, ‘иронично’, ‘определенная степень опасности’, ‘концентрация внимания’. Глагол отсылает по ассоциации к легкому скольжению по поверхности воды, которое может быть и небезопасным. Существует опасность потерять равновесие и упасть, как только изменится направление ветра, скорость движения судна, или концентрация скользящего. Стабильность передвижения определяется еще и тем, насколько спокойна вода – состояние штиля или шторма. Это все свидетельствует о том, что симпатия как отношение является достаточной капризной дамой и для ее сохранения нужно прилагать всегда определенные усилия. Вывод – симпатию завоевать нелегко, легко потерять, требуются определенные усилия, для того, чтобы ее удержать. Отсюда в предложении *...segelt sie im Wind geliehener Sympatie* обнаруживается некоторая опасность потери приобретенной симпатии. Симпатия изменчива по отношению к объекту и субъекту: немецкое общество симпатизирует своему канцлеру, но эта симпатия может быть достаточно быстро утрачена под воздействием как внутренних, так и внешних обстоятельств. Для ее сохранения нужна постоянная внутренняя работа.

Такая работа по присвоению себе отдельным индивидом симпатии окружающих его членов сообщества, выражена и в глаголе *verdienen* в составе словосочетания *Sympatie verdienen: Dass Autorenfans, die sich durch endlose Ausführungen bei Lesungen blamieren, unsere Sympatie verdienen*. Семантический множитель повторяемости действия и постоянства в действиях и поступках читателей-фанатов способствует тому, что к читателям проявляется симпатия как отношение. Словари показывают сочетаемость глагола *verdienen* в следующем контексте: 1) *Geld*, 2) *Anerkennung*, 3) *Respekt*, 4) *Unterstützung, eine Prämie, einen Tadel, eine Strafe, kein Vertrauen, ein besseres Schick-*

sal. Словари не регистрируют сочетаемость анализируемого глагола со словом *Sympatie*. Следовательно, возникает новая дистрибутивная возможность, открывается новая семантическая валентность, одной из разновидностей которой является метафорическая валентность. Ее актуальным значением становится достаточно трудоемкий процесс, результатом которого является присвоение, приобретение нового качества.

Фразеологизм *aufs Spiel setzen* в дискурсе симпатии встречается как в качестве фразеологической единицы с метафорической мотивацией первого порядка: *Die Lufthansa dürfte die Sympatien und das Vertrauen ihrer Kunden «nicht aufs Spiel setzen»* (не ставить на симпатию, верить в симпатию), так и второго: *Darüber hinaus zeichnen sich Öko-Styletrends ab: optisch dominiert das Runde, Bunte. Florale Muster, kinderbuchhafte Illustrationen und Humor setzen eher auf Sympatie als auf Überwältigung* (поставить на симпатию, верить в симпатию). В двух случаях речь идет о том, что на симпатию можно ставить, но можно и не ставить. Все зависит от ситуации.

Рассмотрим семантический объем лексемы *setzen auf etw.* Его составляют семантические признаки *bei einer Wette, einem Glücksspiel als Einsatz geben* [Duden 1999]. В словаре также фиксируется нормативная сочетаемость *auf j-n setzten* с переносным значением *an j-s Erfolg, Sieg glauben und ihm sein Vertrauen schenken*. Окасиональная метафора-словосочетание *die Sympatien ihrer Kunden «nicht aufs Spiel setzen»* имеет переносное значение «дорожить доверием клиентов», что предполагает сохранение и увеличение числа клиентов, пользующихся услугами, предоставляемыми фирмой. Это, в конечном счете, равно успеху и процветанию фирмы: *als Einsatz geben, ich setze auf ihn* (ü.) = *ich glaube an seinen Erfolg*. Метафорические перифразы *auf Sympatie setzen, die Sympatie nicht aufs Spiel setzen* являются свидетельством достаточно большого веса и значимости симпатии для немецкого общества. Симпатия служит источником доверия клиентов в пользу производства полиграфической продукции для детей с отсутствием признаков насилия, она призвана содействовать выработке положительного морально-этического и нравственного потенциала немецкого общества. Актуализируется семантический дескриптор 'вырастить нравственно здоровое поколение'. Налицо обращение к морально-этическим и нравственным ценностям – со-

хранение будущего поколения, что выражается в уважении по отношению к человеку. Наряду с этим, симпатия служит и средством привлечения внимания к услугам такой фирмы на рынке потребительских услуг.

Симпатия есть ценность, которая приобретается в процессе социальной коммуникативной деятельности, притом, что ценности имеют свойства накапливаться, уменьшаться, теряться, восстанавливаться. Динамика проявления ценностей определяется социумом, например: *Sparkassen und Landesbanken kassieren 16 Prozent nachlassende Sympatiewerte*. В значение глагола *nachlassen* входят семантические признаки: 1) *geringer, schwächer werden, (umg.) bringt wenig Gewinn, (Kaufmannspr.)* 2) [*teilweise*] *erlassen*, 3) *locker*. Глагол сочетается с именем существительным *der Wert*, значение которого составляют семантические признаки: 1) [*Kauf*]preis, 2) (Pl.) *Dinge, Besitz von großem Wert*, 3) *Bedeutung, Wichtigkeit*, 4) (*Fachspr.*) *Zahlenwert*. Дистрибутивная сочетаемость имени существительного *der Wert* допускает употребление глагола *kassieren*, значение которого складывается из семантических признаков 1) *einen Betrag einziehen, (ugs.) i-m einen Betrag abverlangen*, 2) (ugs.) *einnehmen, erringen, hinnemen müssen*, 3) (ugs.) *sich aneignen, beschlagnahmen, gefangennehmen*, 4) (*Rechtspr.*) *für nichtig erklären, streichen, widerrufen*.

Употребление глагольной метафоры *kassieren* по отношению к симпатии указывает на ее разговорное стилистическое значение, принадлежность к концептуальной области ФИНАНСЫ. Употребление множественного числа имени существительного *der Wert* является показателем достаточной большой социальной и финансовой значимости симпатии. Употребление причастия первого *nachlassend* в синтаксической функции определения дает основания утверждать, что отношение симпатии и чувство симпатии имеют свойство изменяться с течением времени и под влиянием определенных общественных, экономических тенденций. Отсюда следует, что нужно всегда «держать руку» на пульсе, для того, чтобы оставаться симпатичным, в том числе, и для клиентов сберегательных банков и сберегательных касс. Материальная выгода банков зависит от степени проявления симпатии клиентов по отношению к их работе.

Еще один аспект проявления дискурса симпатии относится к политической жизни немецкого общества. Оказывается, симпатию можно вкладывать в качестве инвестиции в предвыборную компанию, но эта инвестиция не всегда приносит доход: *Denn in diese Kandidaten hineingelegte Sympatie ist eine Fehlinvestition. Sie wird wirkungslos verpuffen. Man kann Sodannns Nominierung getrost als Irreführung annehmen.*

Из приведенного примера вычленим следующие лексемы *hineinlegen, die Fehlinvestition, verpuffen*. Значение глагола *hineinlegen* включает семантические признаки: 1) *nach [dort] drin ins Innere legen*, 2.а) *sein Gefühl o.Ä. bei etw. beteiligt sein lassen*, б) *hineindeuten*, 3. (ugs.) *hereinlegen*. Актуализируется и доминирует третий семантический признак с пометой переносное значение, который обуславливает дистрибуцию с именем существительным *die Fehlinvestition* (с пометой *verneint*), что означает совокупность семантических признаков: *der Fehler, Unrichtigkeit, Mangel, schlechte Eigenschaft*. Отрицательное значение составляет коннотативное значение слова *die Fehlinvestition*, противопоставленного слову *die Investition* и его производному *investieren* с семантическими признаками: а) *anlagen*, б) *auf j-n etw. verwenden*, определяющими положительное коннотативное значение лексемы. В данном случае также проявляется парадоксальность симпатии, о которой говорилось выше. Далее идет развертывание метафоры *die Fehlinvestition: Sie wird wirkungslos verpuffen*. Семантические признаки глагола *verpuffen* – *schwach explodieren u wirkungslos bleiben* – определяют отрицательную коннотацию вложения инвестиций. Атрибутивная группа *in <...> Kandidaten hineingelegte Sympatie* имеет прямое отношение к процессу вложения инвестиций.

Все метафорическое словосочетание, ориентированное на концептуальную сферу ВМЕСТИЛИЩЕ/КОНТЕЙНЕР, показывает, что симпатия является тем, что можно поместить вовнутрь какого-то тела с определенной целью. Но ее перемещение в «тело» кандидатов является неликвидной инвестицией, которая не приносит прибыли. Отсюда следует вывод – проявление чувства симпатии в партии FDP не приносит социальной прибыли. Прагматический эффект глагольной метафоры *verpuffen* играет роль рекламного слогана, за которым стоит достаточно емкий смысл: симпатия может иметь политическую окраску, быть средством воздействия на язы-

ковое и внеязыковое сознание членов общества, быть средством пропаганды определенных идей. Она дискретна, может: а) мгновенно произвести положительный/отрицательный эффект, б) иметь или не иметь тяжелые разрушительные последствия, в) иметь или не иметь никакого влияния. Все эти концептуальные признаки зависят от ситуации общения, особенностей коммуникации, способов проявления участия, со-участия, со-чувства и со-переживания.

Мишенью концептуальной метафоры является эффект усиления симпатии, который влечет за собой изменение внутреннего состояния человека симпатизирующего и человека, на которого направлена симпатия. Наблюдается усиление ценностно-значимого восприятия объекта симпатии: когда человек кому-то симпатизирует, то происходит переоценка ценностей по отношению к людям и к самому себе. Симпатизирующий человек становится носителем ценностно-значимых чувств, которые стремится инвестировать в межличностные отношения, показывая тем самым значимость отношения симпатии. Но недостаток внимания к объекту симпатии чреват потерей симпатии с его стороны. Симпатизируя, человек всегда находится «на острие ножа» или на «лезвии бритвы». Сохранить симпатию по отношению к другому – работа, которая требует немалых усилий.

Таким образом, выстраивается прототипическая модель симпатии, которая имеет пространственное и временное измерение, и может быть представлена в виде сценария, состоящего из последовательности этапов: ценностно-значимое событие, которое надо создать, заслужить, одолжить, выиграть, вложить в дело, заложить, которое имеет стоимость, она имеет свою значимость, которую можно вложить вовнутрь кого-то, считать, которой можно и пренебречь, которую можно растратировать.

Симпатия динамична, а инвестиции в нее требуют хорошей головы и ума (*Sympatie schaffen, verdienen, einbringen (hineinschaffen, Gewinn bringen), leihen, gewinnen, hineinlegen, verpuffen, das kostet Sympatie, Vorschuß an Sympatie*);

- симпатия как чувство со-участия и участия (*Teilnahme, Anteilnahme*);
- попытка контроля со-участия и участия, чувства схожести, со-чувства, со-переживания;

- потеря контроля;
- акт перехода симпатии как чувства в симпатию как отношение;
- симпатия как положительное отношение в одушевленному лицу или неодушевленному объекту;

Центральная метафора – тело, приносящее доход, метафорический вывод – вложенные инвестиции, приносящие прибыли и дивиденды.

Рассмотрим концептуальную метафору SYMPATIE IST GESCHENK. Онтологическое состояние есть тело – вместилище артефактов, которое обладает ценностью и свойством доставлять радость. Эпистемическое состояние включает источник и мишень. Источником является наличие артефактов со свойством «приносить радость»: *Sympatie entgegenbringen, schenken, zufallen*.

Рассмотрим пример, который относится к дискурсу симпатии: *Breite Sympatie wurde ihr entgegengebracht. Denn sie engagierte sich für die vielen Menschen, für die der Neuanfang mit Zukunftsängsten, mit dem Verlust des Arbeitsplatzes einherging*. Значение глагола *entgegenbringen* составляют семантические признаки: 1) *mit etw. (einem Gefühl, einer Geisteshaltung) begegnen, bezeigen, erweisen*; 2) *i-m Wohlwollen, Achtung, Respekt, Sympatie, großes Vertrauen, wenig Verständnis* [Synonymwörterbuch 1991].

Дистрибутивные возможности глагола допускают сочетания *Zuneigung, großes Vertrauen, Interesse entgegenbringen* [Duden 1999]. Если допустить, что одним из вариантов проявления симпатии является *Zuneigung*, то словосочетание *Sympatie entgegenbringen* является вполне нормативным. Для него доминирующим является семантический множитель *j-m zuteil werden lassen, j-m zuteil-übertragen werden*, он же присущ симпатии как подарку.

Мишенью концептуальной метафоры является эффект усиления симпатии, который влечет за собой положительное изменение внутреннего состояния уважения, доверия до передачи другому лицу. Выражение симпатии одним человеком к другому человеку или живому существу (животному) сродни подарку, который неизменно является проявлением внимания, предназначенного судьбой или лицом, стоящим выше по служебной или социальной иерархии. Следовательно, симпатия служит средством выражения

морально-этической и нравственной категории уважения в отношениях между людьми, определенный способ выстраивания иерархии в социальных отношениях. Таким образом, выявляется еще одна прототипическая модель симпатии, которая имеет пространственное измерение, и может быть представлена в виде сценария, состоящего из последовательности этапов: 1) событие, 2) симпатия как дружеское отношение, положительное настроение, благосклонность, 3) попытка контроля, 4) потеря контроля, 5) акт передачи дружеского отношения. Центральная метафора – физическое тело или предмет, приносящие радость, метафорический вывод – внимание, благосклонное отношение, уважение.

Рассмотрим концептуальную метафору SYMPATIE IST ERRUNGENSCHAFT. Концепт ERRUNGENSCHAFT включает концептуальные признаки 1) *etw.was durch große Anstrengung erreicht, errungen wurde, (ii. scherz) Anschaffung* [Duden 1999]: a) *einer Forschung*, b) *ugs., scherzh.* (достижение, приобретение) [Synonymwörterbuch 1991]. Основываясь на этом, можно предположить, что онтологическое состояние есть тело, которое представляет собой вместилище определенных положительных качеств, положительных результатов. Эпистемическое состояние включает источник и мишень. Источником является упорная, нелегкая деятельность, в результате осуществления которой обнаруживается накопление положительного качества продукта труда (материального и нематериального), которое влечет за собой изменение параметров тела до ценностно значимых величин и объемов. Мишенью является эффект усиления симпатии, который влечет за собой качественно новую ступень внутреннего состояния и усиление эмоционального возбуждения: когда человек кому-то симпатизирует, то это становится его личным достижением. Следовательно, симпатизировать кому-то – это труд личности, который вознаграждается симпатией по отношению, в том числе, и к симпатизирующему человеку.

Рассмотрим пример: *Er (CSU-Abgeordnete) habe «große Hochachtung», welche großartigen Leistungen bei den Paralympics erbracht worden seien. Die Leistung an den Spielen in Peking teilzunehmen, sei schon so herausragend, dass der Gewinn einer Medaille davor in den Hintergrund trete. Dass die Sportler ihr schweres Schicksal gemeistert hätten, sei der «größte Gewinn».*

...Damit verscherzten sich die Vereinigten Staaten ein Großteil der Sympatien, die sie sich mit der Niederschlagung des Faschismus und der Hilfe in den Aufbaujahren erworben hatten. Man wolle an diesem Abend vor allem um Sympatie werben, so Senatsdirektor Franz J.Klein zur Begrüßung.

В данном тексте интерес представляют два словосочетания: *sich in Großteil der Sympatien verscherzen, um Sympatie werben.*

Симпатия, как чувство и как отношение, рефлексивирует на его продуцента. Таким образом, выстраивается прототипическая модель симпатии, которая имеет пространственное измерение и может быть представлена в виде сценария, состоящего из последовательности этапов:

- событие, потенциально приводящее к успеху,
- симпатия как чувство,
- попытка контроля,
- потеря контроля,
- акт успешности,
- симпатия как отношение.

Центральная метафора – усилия, метафорический вывод – успех.

Рассмотрим концептуальную метафору SYMPATIE IST ZEICHEN. Словарная дефиниция лексемы *das Zeichen* отсылает к следующим семантическим признакам: 1) *etw.Sichtbares, Hörbares (bes. eine Geste, Gebärde, ein Laut o.Ä., das als Hinweis dient, etw. deutlich macht, mit dem j-d auf etw. aufmerksam macht, zu etw. veranlasst wird.* 2) *etw. Sichtbares, Spürbares, bes. eine Verhaltensweise, Erscheinung, ein Geschehen, Vorgang, Ereignis o.Ä., was j-m etw. zeigt, für j-n ein Anzeichen, Symptom, Vorzeichen darstellt* [Duden 1999]. Например:

Gegenseitige Sympatie gestehen, Respekt zollen, Sympatie erkennen lassen...

Sie (Hillary Clinton) gab sich entspannt und charmant. Selbst ihre schärfsten Kritiker zollten ihr Respekt, manche ließen sogar Sympatie erkennen.

Следует заметить, что стилистическое значение глагола *zollen* – значение возвышенной стилиевой окраски и устаревшее значение. Ироничное отношение скрыто по отношению к противникам Хиллари Клинтон. Хотя, в целом, неязыковое поведение Х. Клинтон

входит в дискурс симпатии, что проявляется в позиции 'хорошо' по отношению к ней.

Онтологическое состояние есть вместилище знаков внимания, обладающее таким свойством, как иконичность и символичность. Эпистемическое состояние включает источник и мишень. Источником является свойство знака – давать наименование, выполнять коммуникативную функцию, устанавливать контакт. Мишенью является эффект усиления симпатии, который влечет за собой появление знака внимания. Отсюда следует вывод: когда человек кому-то симпатизирует, то он оказывает объекту симпатии знаки внимания.

Таким образом, выстраивается прототипическая модель симпатии, которая имеет знаковый характер и может быть представлена в виде сценария, состоящего из последовательности этапов:

- событие,
- симпатия как эмоция сопереживания,
- попытка контроля,
- потеря контроля,
- акт со-переживания.

Этот сценарий является одним из способов представления способа проецирования сферы-источника на сферу-мишень метафоризации.

Элементы онтологии симпатии существуют независимо от каких-либо метафор. Симпатия, как и любое другое чувство, есть физиологическое проявление человека, заложенное его природой и одновременно с этим эмоция сопереживания. Она заложена в недрах синэргетической системы самопорождающей и самоорганизующей природы, возникающей в психофизиологической сущности человека и исчезающей там же. Так проявляется саморефлектирующий характер выражения сущности человека в актуальный период его проявления в нелинейной сути того, что называется жизнью, преобразованной в речевую деятельность. Выявленные нами прототипические модели симпатии имеют временное, пространственное и 3-D-измерение и могут быть представлены в виде вариативных сценариев.

Симпатия в немецких СМИ коммуникативна, социальна, фатична, имеет знаковый характер, несет функциональную нагрузку

отражения культурной специфики немецкого народа. Ее концептуальные признаки *gern, wohlwollen, wohlgefallen, positiv, freundlich, gleich, Empfindung, Stimmung, Teilnahme, Anteilnahme, Übereinstimmung, Ergänzung von Individualitäten, Seelenverwandschaft, Hang, Emotion, Miterleben, Vorliebe, Ähnlichkeit im Erleben, Ähnlichkeit in der Gesinnung* проявляются в дискурсе симпатии.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что дискурс симпатии в немецких СМИ действительно организуется вокруг концепта SYMPATIE. Элементы онтологии симпатии существуют независимо от каких-либо метафор в сознании человека, они заложены его био-психо-социальной природой. Концепт, концептуальная метафора, дискурс – это явления одной парадигмы – фрактальной, которые находятся в одной области познания – ментальной. Дискурс симпатии также опирается на ментальную часть человеческой природы. Концептуальные метафоры, обслуживающие дискурс симпатии, оперируют концептуальными областями RAUMINHALT, KAPITAL, RESSOURCE, GESCHENK, ZEICHEN, ERRUNGENSCHAFT. Именно концептуальные метафоры вместилища и движения, финансовая и жидкостная организуют ментальную составляющую дискурса симпатии.

Моделирование концептуальной метафоры является теоретическим открытием зоны действия сознательного на границе с бессознательным. Моделирование есть инструмент для познания того, каким образом симпатия формируется и хранится в ментальной памяти. Благодаря выявленным моделям концептуальной метафоры можно сделать вывод о том, что за концептуальными метафорами, поддерживающими дискурс симпатии, стоит определенный смысл. Симпатия – это чувство и отношение, которое находится в пространственном измерении, может накапливаться и расходоваться, представляет ценность как знак внимания и является результируемым достижением.

По сути, происходит воздействие на языковое сознание адресата через внедрение концептов ФИНАНСЫ (КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ и РЕСУРЫ, ДВИЖЕНИЕ (ЖИДКОСТЬ и ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ЗАКРЫТОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ДВУХ ПЛОСКОСТЯХ – по горизонтали и по вертикали), ЗНАКИ, ПОДАРКИ, ДОСТИЖЕНИЯ. Эти концепты связаны на основе ассоциативных связей по сходству ме-

жду собой через бленд СИМПАТИЯ. Поэтому есть основания утверждать, что инициировать чувство и отношение симпатии можно через «возбуждение» импульсов в коре головного мозга на ассоциации с ключевыми концептами ФИНАНСЫ, ДВИЖЕНИЕ, ЗНАКИ, ПОДАРКИ, ДОСТИЖЕНИЯ. В долговременной памяти активизируются все образы, связанные с ними, а они имеют всегда положительную коннотацию.

Дискурс симпатии вербализуется разными языковыми средствами с положительным коннотативным значением. Одним из них являются многочисленные сочетания имени существительного *Sympatie*:

- именные: *ihre Sympatie für die Bauer, ein auf Sympatie gegründetes Vertrauensverhältnis, Sympatie für den eigenen Arbeitgeber, ein bisschen Mitleid und Sympatie,*
- глагольно-именные: *sich von Sympatiebekundungen kaum retten, Sympatie für j-n betonen, Sympatie für etwas erklären, mit Sympatie registrieren, große Sympatien haben, leichte Sympatien haben, mit Sympatie schauen;*
- адъективные: *sympatische Memorien, unbändige Sympatie.*

Следующим лексическим маркером проявления дискурса симпатии являются производные от слова *Sympatie*: *Sympatisanten, sympatisch, Sympatie-Bekundung, Sympatieträger, nicht ohne Sympatie.*

Языковыми средствами выражения дискурса симпатии являются слова и словосочетания без основного слова *Sympatie*, имеющие в своем значении семантический множитель оценки:

- имена прилагательные: *elitär, konstruktiv, kaum begreifbar, großartig, begrüßenswert, vertrauenswürdig;*
- имена существительные: *die Leistung, die Unterstützung, der Liebling;*
- глаголы: *willkommen sein, j-n umarmen, begeistern an j-n, j-n betreuen;*
- причастие I: *herausragend, nicht nachlassend;*
- сложносоставные слова: *die Überzeugungskraft, Hochachtung, Seelenverwandte (= Soulmate), Traumpaar;*
- именные словосочетания: *große Hochachtung, Dankesrede an das Publikum, Menschen mit ähnlichen Meinungen, eine erstaunlich hohe Akzeptanz;*
- глагольно-именные словосочетания: *den König Spaniens hochleben lassen, gegenseitigen Respekt betonen, liebe Worte sagen, sehr herzlich gratulieren, Verständnis für die Gegnerin haben, Menschen mögen, Einstellungen*

und Interessen mögen, etwas gut finden, eine Initiative unterstützen, jederzeit zur Verfügung stehen, großes Vertrauen bekunden, auf ungerechtfertigte Weise leiden, herzlich danken den Autoren für die lieben Kommentare und Gästebuch-einträge.

Наряду со средствами первичной номинации важную роль в организации дискурса симпатии играют средства вторичной номинации: а) метафоры *eine Welle der Sympatie, die Sympatie springt mir entgegen*; б) фразеологизмы и др.

Роль фразеологизмов невелика, языковые метафоры встречаются в небольшом количестве. Очень значима роль концептуальных метафор. Мы приходим к выводу о том, что концептуальные метафоры не всегда являются языковыми метафорами. Наблюдаются два пути. Первый – концептуальная метафора выражается посредством языковых метафор. Второй путь – концептуальная метафора выражается посредством языковых средств первичной номинации. Во втором случае имеет место взаимодействие и ассоциативное сходство двух концептуальных областей, одну из которых принято называть областью-источником метафоризации, а другую – областью-мишенью. Парадокс проявляется в том, что стратегия проецирования порождает концептуальную метафору типа SYMPATIE IST KAPITALANLAGE, но языковыми средствами ее реализации могут быть как единицы первичной, так и вторичной номинации.

В дискурсе симпатии в немецких СМИ обнаруживается симпатия к женщинам, занимающим лидирующие позиции на политической арене, а именно, к Ангеле Меркель и Хиллари Клинтон (*Sympatie für die Frauengesellschaft – der Kampf gegen die Männer-Gesellschaft. Ministerin für Verteidigungsressorts in Spanien, Bundeskanzlerin in Deutschland*). Вполне возможно, что это наблюдение является симптомом признания продуктивной инициативы женщин, которым природой предназначено большее чувство со-переживания, сочувствия, со-единения, со-понимания, со-уважения.

Объектами симпатии являются футбольная команда Германии, чемпионат мира по футболу, все службы, занятые прямо или косвенно в проведении чемпионата мира по футболу. В ряд объектов симпатии в немецких СМИ входят качества – тяжелый труд, прилежание, совершенство и основательность. Симпатия противопоставлена унынию, она указывает на наличие будущего у общест-

ва. Проявление симпатии в немецких СМИ является маркером проявления духовности, которая существует в трехмерном пространстве макрокосма. Для дискурса симпатии ведущим дискурсивным признаком является *j-m etw. zuteilwerden lassen, j-m zuteil werden lassen, j-m zuteil-übertragen werden*. Он сигнализирует о наличии обоюдного контакта-понимания.

При рассмотрении дискурса симпатии важным представляется ответить на вопросы, какое знание транслирует дискурс симпатии и какие социальные отношения он тематизирует. Это – знание о нравственных и морально-этических категориях сочувствия, радости, схожести и единения в мыслях и поступках.

Содержание дискурса симпатии носит социально обусловленный характер и имеет две стороны: с одной стороны, оно выражает симпатию как положительное отношение или чувство соучастия, со-радости, схожести. С другой стороны, оно отражает те всплески в обществе, которые вызывают или должны вызвать положительное отношение к какому-то событию, лицу. Прагматическая функция у средств массовой информации выходит на первый план – заставить читателей проявить симпатию к тому, о чем пишут СМИ.

Фрактальность дискурса симпатии обнаруживается в многообразии общественно значимых проблем, раскрывающихся в ряде тем, подчиненных одной гипертеме – СИМПАТИЯ. Технологичность дискурса симпатии в немецких СМИ складывается из процессов повторения (*Deutsch, deutsch*), процесса семантической связности (трудно, но важно; трудно, но приносит радость; трудно, но приносит удовлетворение), смысла *j-m etw. zuteilwerden lassen*, заложенного в концепте SYMPATIE, процессов создания сценария успеха и сценария дискредитации, которые актуализируются в разных стратегиях.

Для дискурса симпатии релевантными являются стратегия аргументации, стратегия создания позитивной самопрезентации (*positive Selbstdarstellung*) [Schröter, Carius 2009: 115], стратегия создания успеха, стратегия создания схожести, стратегия получения моральной прибыли. Стратегия аргументации в дискурсе симпатии выстраивается по следующему сценарию: *тезис – аргумент – доказательство – вывод*. Тезис: я как автор статьи должен, информации

ровав читателей, заставить их проявить симпатию к участнику дискурса. Аргумент и доказательство происходят по указанным сценариям успешности или дискредитации. Выводы ориентированы на создание сочувствия, сопереживания, единства в мыслях, взаимопонимания, положительного отношения. Так выстраиваются следующие четыре сценария: 1) Я симпатизирую этому человеку, потому что хочу создать (улучшить) свой положительный имидж; 2) Я симпатизирую этому человеку, потому что хочу создать себе успех; 3) Я симпатизирую этому человеку, потому что хочу получить моральное удовлетворение; 4) Хочешь заставить симпатизировать кому-то или чему-то, употребляй слова и выражения из концептуальных областей RAUMINHALT, KAPITAL, RESSOURCE, GESCHENK, ZEICHEN, ERRUNGENSCHAFT.

Дискурс симпатии имеет начало, процесс и окончание. В его дискурсивном пространстве обнаруживаются первичные и вторичные тексты, он трансцендентен, имманентен, обладает дискурсивной периферийностью, проявляет свойство дискурсивной доминантности, и вариативности, метадискурсивен.

Трансцендентность, периферийность и фрактальность являются объяснением тому, что дискурс симпатии находится в отношениях смежности и вложенности с дискурсом антипатии и общественно-политическим дискурсом. Тексты, в которые выражена антипатия, находятся на периферии дискурса симпатии, в них проявляется трансцендентность как дискурсивная характеристика.

Список использованной литературы

- Автономова Н.С.* Актуальное прошлое: структурализм и евразийство // Серию П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе: 1920–30-е гг. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 9–30.
- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л.: ЛГУ, 1969. – 326 с.
- Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
- Антипов Н.П.* Об эстетической ценности литературного произведения // Вестник ИГЛУ. Сер. «Лингвистика». – 2007. – Вып. 1. – С. 15–25.
- Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: [колл. монография] / под ред. и общ. науч. руководством д-ра филол. наук, проф. Ю.М. Малиновича. – М.: Институт языкознания РАН; Иркутск: ИГЛУ, 2003. – 251 с.*
- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 766 с. – (Избранные труды. [В 2 т.]. Т. 2).
- Арутюнова Н.Д.* Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. – М.: Индрик, 2004. – С. 5–29.
- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык цели // Логический анализ языка: Избранное, 1988–1995 / сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Индрик, 2003. – С. 386–396.
- Асмолов А.Г.* Непройдённый путь: от культуры полезности – к культуре достоинства // Вопросы психологии. – 1990. – № 5. – С. 5–12.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с франц. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.

Список использованной литературы

- Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74–90.
- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
- Баранов А.Н. Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 114–124.
- Баранов А.Н. Расщепление субъекта и метафоры персонификации в политическом языке эпохи перестройки // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания: сб. научно-аналитических обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 35–47.
- Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. – М.: Академкнига, 2002. – 455 с.
- Барышков В.П. Аксиология личностного бытия. – М.: Логос, 2005. – 192 с.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Рус. словари, 1997. – 731 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
- Беляевская Е.Г. Понятие коннотации с когнитивной точки зрения // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 58–69.
- Беляков В. О концептуальных основаниях семантических изменений слова «олигарх» / В. Беляков, Е. Серебренникова // Russian Linguistics. – 2005. – № 1007. – P. 365–382.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 447 с.
- Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2006. – 258 с.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 123 с.
- Бордовский Г.А. Управление качеством образовательного процесса / Г.А. Бордовский, А.А. Нестеров, С.Ю. Тряпицын. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 395 с.
- Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. – М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. – 416 с.
- Бубер М. Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – 592 с.
- Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда. – М.: Высшая школа, 1993. – 175 с.
- Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
- Вейнрейх У.О. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V. – М.: Прогресс, 1970. – С. 163–249.

Список использованной литературы

- Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.
- Великовский С.И.* Грани «несчастливого сознания». – М.: Искусство, 1973. – 240 с.
- Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: УрГУ, 2002. – 379 с.
- Вешинский Ю.Г.* Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) // Мир психологии. – 2005. – № 4. – С. 226–235.
- Викулова Л.Г.* Элементы французской национальной аксиосферы по данным ценностных суждений о родной стране / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова // Вестник ИГЛУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2006. – № 3. – С. 66–74.
- Вишневский Е.И.* Аппарат упражнений в свете разных подходов к обучению иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 1983. – № 6. – С. 58–63.
- Внутренний мир человека: Семантические константы: [коллектив. моногр.].* – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – 476 с.
- Вригт Г.Х. фон.* Психико-физическое взаимодействие и замкнутость физического миропорядка // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – С. 11–17.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
- Гловинская М.Я.* Постулат искренности vs постулат толерантности и их производные в разных культурных и языковых моделях поведения // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург: УрГУ, 2003. – С. 362–370.
- Глюксманн А.* Философия ненависти. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзит-книга, 2006. – 284 с.
- Горький М.* О том, как я учился писать // Собр. соч.: в 16 т. – М.: Правда, 1979. – Т. 16. – С. 281–314.
- Готлиб О.М.* Основы грамматики китайской письменности: учеб. издание. – М.: Восток-Запад, 2007. – 282 с.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. – М.: Рольф, 2002. – 506 с.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
- Гуревич П.С.* Философия культуры. – М.: Nota Bene, 2000. – 352 с.

Список использованной литературы

- Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 1: Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 146 с.
- Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 4: Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 141 с.
- Давидович В.Е.* В зеркале философии. – Ростов-н/Д: Феникс, 1997. – 235 с.
- Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / составление В.В.Петрова ; пер. с англ. яз.; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Добровольский Д.О.* Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.
- Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. – М.: Прогресс, 1973. – 284 с.
- Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ПРИОР, 1996. – 265 с.
- Зимняя И.А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: авт. версия. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалиста, 2004. – 38 с.
- Ивин А.А.* Аксиология. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
- Ильин В.В.* Аксиология. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.
- Ильин В.В.* Философская антропология. – М.: КДУ, 2006. – 232 с.
- Иоанесян Е.Р.* Функциональная семантика французских эпистемических предикатов: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.05. – М., 2000. – 38 с.
- Искусствометрия: методы точных наук и семиотики / сост. и ред.: Ю.М. Лотман, В.М. Петров; предисл. Ю.М. Лотмана; послесл. В.М. Петрова. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 368 с.*
- Каган М.С.* Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1999. – 205 с.
- Кант И.* Критика эстетической способности суждения // Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 201–380. – По изд. 1798 г.
- Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 349–588. – По изд. 1798 г.
- Карасик В.И.* Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. – С. 28–32.
- Карасик В.И.* О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. – Волгоград: ВГУ; Саратов: СГУ. – 1998. – С. 185–197.

Список использованной литературы

- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: ВГУ, 2002. – 476 с.
- Касевич В.Б.* Лексикон и лексикология // Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В.С. Храковского / отв. ред. А.П. Володин. – М.: Знак, 2004. – С. 201–215.
- Кимилев Ю.А.* «Субъект» и «Субъективность» в современной западной социальной философии: науч.-аналитич. обзор. – М.: ИНИОН РАН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. – 2006. – 95 с.
- Ковалева Л.М.* Роль SELF в концептуализации Я / Л.М.Ковалева, Л.Г. Александрова // Когнитивный анализ слова. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – С. 87–125.
- Колесов В.В.* Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 1992. – Вып. 3 (16). – С. 30–40.
- Колшанский Г.В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований / редкол. В.Н. Ярцева и др. – М.: Наука, 1976. – С. 5–30.
- Кравченко А.В.* Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 212 с.
- Кроче Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. – М.: Intrada, 2000. – 157 с.
- Крысин Л.П.* Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 24–42.
- Крысин Л.П.* Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллектив. моногр. / [М.Б. Хомяков и др.] – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 536 с. – С. 450–455.
- Крючкова Т.Б.* Развитие отечественной социолингвистики // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. науч. тр. – 2-е изд., доп. – М.: ИНИОН РАН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., 2008. – С. 8–49.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, – 2004. – 560 с.
- Кузанский Н.* Об ученом незнании. – СПб.: Азбука, 2001. – 320 с.
- Кузнецов М.* Как позволить другим делать по-вашему (речевые и поведенческие стратегии журналиста): учеб.-практ. пособие / М. Кузнецов, И. Цыкунов. – М.: ПРИОР, 2000. – 112 с.
- Лакофф Д.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Список использованной литературы

- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка: от теории словесности к структуре текста: антология. – М.: Гнозис, 1997. – С. 280–287.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Философия. Мифология. Культура* / А.Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 524, [1] с. – (Мыслители XX в.). – Гл. 3. – С. 150–155.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – 704 с.
- Малинович Ю.М.* К проблеме семантически сопряженных категорий типа «Жизнь – Смерть», «Добро – Зло», «Любовь – Ненависть», «Преступление – Наказание» // *Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы VII междунар. науч.- практ. конф.* – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. – С. 97–99.
- Малинович Ю.М.* Семантика личностной пристрастности как одна из актуальных проблем современной лингвистики // *Язык в эпоху знаковой культуры: тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф.* – Иркутск: ИПИИЯ, 1996. – С. 87–89.
- Малинович Ю.М.* Семиосфера внутреннего мира человека // *Внутренний мир человека: семантические константы* / Ю.М. Малинович [и др.]; отв. науч. ред. М.В. Малинович. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – 475 с. – С. 12–58.
- Малинович Ю.М.* Экспрессия и смысл предложения: проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1989. – 215 с.
- Материалы по реформе средней школы: примерные программы и объяснительные записки*, изд. по распоряжению г. Министра нар. просв. – Петроград: Сенат. тип., 1917. – 547 с.
- Матурана У.* Биология познания // *Язык и интеллект: [сборник]* / сост. и вступ. ст. В.В. Петрова; пер. с англ. и нем. яз. под общ. ред. В.И. Герасимова, В.П. Нерознака. – 413, [2] с. – С. 95–142.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. Д. Кудрявского. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1938. – 509 с.
- Миролюбов А.А.* История отечественной методики обучения иностранным языкам. – М.: СТУПЕНИ, ИНФРА-М, 2002. – 448 с.
- Моль А.* Социодинамика культуры. – М.: КомКнига, 2005. – 416 с.
- Наркирьер Ф.С.* Роже Мартен дю Гар. – М.: ГИХЛ, 1963. – 101 с.
- Невская В.И.* Диалектика обучения: (На материале иностр. яз.). – Владимир: Владим. гос. пед. ун-т, 2000. – 144 с.
- Нечепуренко Т.Л.* Социокультурный компонент языковой личности как предпосылка развития системы оценки // *Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения: вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой.* – М.: МГПУ, 2006. – С. 173–179.

Список использованной литературы

- Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. – СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. – 758 с.
- Ньютон Ис.* Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989. – 862 с.
- Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2004. – 40 с.
- Осипов В.Д.* Потаенный смысл слова. – М.: Поколение, 2006. – 464 с.
- Павлов В.М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – Л.: Наука, ЛО, 1985. – 298 с.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Едиториал УРСС, 1985. – 288 с.
- Пассов Е.И.* Методика как теория и технология иноязычного образования: кн. 1. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – 543 с.
- Пелипенко А.А.* Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 371 с.
- Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г.Л. Гульчинского, М.С. Уварова.* – СПб.: Алетейя, 2000. – 415 с.
- Плеснер Х.* Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
- Плотникова С.Н.* Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2000. – 244 с.
- Плотникова С.Н.* Счастье как возможный мир и его дискурсивная реализация // Вестник ИГЛУ. Сер. 3: материалы конференций. – 2003. – Вып. 1. – С. 108–116.
- Плотникова С.Н.* Дискурсивная фрустрация и бытие Другим // Языковая фрустрация. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 82–89.
- Подорога В.А.* Выражение и смысл. – М.: Ad Marginem, 1995. – 426 с.
- Поливанов Е.Д.* Круг очередных проблем современной лингвистики // Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М.: Наука, 1968. – С. 178–186.
- Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: рост научного знания. – М.: АСТ, 2004. – 638 с.
- Постовалова В.И.* Истина, добро и красота в учении о Божественных именах Деонисия Ареопагита // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного: [сборник] / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 79–110.

Список использованной литературы

- Почепцов Г. Г.* Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Рефлбук; Киев: Ваклер, 2001. – 352 с.
- Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. Н.В. Воробьева. – Киев: Ника-Центр, 2001. – 560 с.
- Растье Ф.* Интерпретирующая семантика: пер. с франц. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. – 272 с.
- Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1973. – 364 с.
- Рябцева Н.К.* Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 451–458. – (Язык. Семиотика. Культура).
- Садохин А.П.* Этнология: учеб. / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М.: Высшая школа, 2000. – 304 с.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с франц., предисл., примеч. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2004. – 639 с.
- Сартр Ж.-П.* Трансцендентность эго. набросок феноменологического описания. – URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2003_02_37.htm, свободный.
- Сепир Э.* Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 43–78.
- Серебрянникова Е.Ф.* Способы представления лица личными местоимениями во французском языке. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. – 200 с.
- Серебрянникова Е.Ф.* Этносемиотика как способ лингвистического аксиологического анализа // Этносемиотика ценностных смыслов: [коллектив. моногр.] / [авт. Л.Г. Викулова и др.]. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008. – 529 с. – Гл. 1. – С. 8–49.
- Ситарам К.* Основы межкультурной коммуникации / К. Ситарам, Р. Когделл // Вестник МГУ. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1992. – № 3. – С. 63–67.
- Склизков Ю.А.* Человек. Земля и Небо в древней Индии: в 2 кн. Кн. 1. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2002. – 156 с.
- Скрелина Л. М.* Школа Гийома: психосистематика: учеб. пособие к курсу «История лингв. учений и методов анализа». – М.: Высшая школа, 2009. – 367 с.
- Слышкин Г.Г.* Аксиология языковой личности и сфера активной лингвистики // Социальная власть языка: сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 53–64.

Список использованной литературы

- Сорокин Ю. А. Попытка осмысления феномена культуры в рамках нового концептуального аппарата // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 67–74.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Стивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. – Л.: Наука, ЛО, 1986. – 91 с.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. – М.: Гнозис, 1995. – С. 35–73.
- Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX веке // Язык и наука конца 20 века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 7–34.
- Степанов Ю.С. Протей: очерки хаотической эволюции. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 264 с.
- Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. – 166 с.
- Степанов Ю.С. «Уходящая натура»: с этюдником по московской школе семиотики. Ст. вторая: «Московская нота» // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. – 2005. – Т. 64, № 3. – С. 63–73.
- Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерки истории эстетической аксиологии. – М.: Республика, 1994. – 464 с.
- Столович Л.Н. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 86–97.
- Стратегия модернизации содержания общего образования: материалы для разработки документов по обновлению общего образования. – М.: Просвещение, 2001. – 103 с.
- Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / А.С. Ахиезер [и др.]; отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2006. – 598 с.
- Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин. – М.: Academia, 1997. – 336 с.
- Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые ее частные приложения. – М.: Языки славянских культур, 2004. – 816 с.
- Трошина Н.Н. Социокультурные параметры дискурса // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. науч. тр. – 2-е изд., доп. – М.: РАН ИНИОН, Центр гуманитар.науч.-информ. исслед., 2008. – С. 103–126.
- Уитроу Дж. Естественная философия времени. – М.: Прогресс, 1964. – 276 с.
- Улановский А.М. Синергетическая метафора сознания // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. – 2005. – № 1. – С.17–29.
- Урысон Е.В. Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

Список использованной литературы

- Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение: [Принцип семиологического описания лексики]. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
- Файерабенд П. Наука в свободном обществе // Избранные труды по методологии науки / П. Файерабенд. – М.: Прогресс, 1986. – С. 467-523.
- Фрейденберг О.М. Введение в теорию античного фольклора // Миф и литература древности. – М.: Вост. Лит. РАН, 1998. – 800 с. – С. 7-222.
- Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. М.Б. Колесниковой. – СПб.: Гуманит. акад., 2004. – 416 с.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Валгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. – СПб.: Асаd, 1994. – 406 с.
- Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
- Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков). – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.
- Хахалова С.А. Нетрадиционная метафора в тексте: на материале современного немецкого языка: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – Петрозаводск, 1986. – 16 с.
- Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 1998. – 235 с.
- Хахалова С.А. Метафора как стимул к восприятию мира: модель фрактального дерева // Язык и межкультурная компетенция: сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Язык и межкультурная компетенция». – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. – С. 81-84.
- Хахалова С.А. Возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология». – 2008. – № 4. – С. 96-101.
- Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
- Чернейко Л.О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. – 1996. – № 6. – С. 42-53.
- Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М.: Языки русской культуры, 1996. – 400 с.
- Шаховский В.И. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В.И. Шаховский, В.В. Жура // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 38-56.

Список использованной литературы

- Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – М.: Наука, 1976. – 175 с.
- Шичалин Ю.А.* Статус науки в орфико-пифагорейских кругах // *Философски-религиозные истоки науки.* – М.: Мартис, 1997. – С. 12-43.
- Шмелев А.Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // *Язык. Семиотика. Культура* – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 111-125.
- Шопенгауэр А.* Мысли. – СПб.: Азбука-Классика, 2006. – 192 с.
- Эко У.* Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. с итал. Веры Резник и Александра Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.
- Этносемиотрия* ценностных смыслов: [коллектив. моногр.]. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008. – 529 с.
- Якобсон Р.* Избранные работы по лингвистике. – Благовещенск: Изд-во БКГ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 448 с.
- Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
- Ясперс К.* Язык // *Философия языка и семиотика:* [сб. ст.] – Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 1995. – С. 184-203.
- Adam J.-M.* Linguistique textuelle. Des genres de discours aux textes.– Paris: Nathan Université, 1999. – 208 p.
- Aláez Corral B.* Nacionalidad y ciudadanía desde la perspectiva de la soberanía democrática // *Extranjería e inmigración: aspectos jurídicos y socioeconómicos.* – Valencia: Tirant lo Blanch, 2004. – P. 43-69.
- Beaugrande R. de.* Einführung in die Textlinguistik / R. de Beaugrande, W. Dressler // *Konzepte der Sprache und Literaturwissenschaft.* – Tübingen: Niemeyer, 1981. – S. 3-13.
- Brinker K.* Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. – Berlin: Erich Schmidt, 1997. – 163 s.
- Chinara C.S.* The Worlds of Possibility. Modal Realism and the Semantics of Modal Logic. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 350 p.
- Coupland N.* Introduction: Towards discourse stylistics // *Styles of discourse.* – London: Croom Helm, 1988. – P. 6-74.
- Culture Matters: how values shape human progress* /ed. L.E. Harrison, S.P. Huntington. – New-York: Basic Books, 2000. – 348 p.
- Dijk T. A. van.* Cognitive psychology and discourse: recalling and summarizing stories / T.A. van Dijk, W. Kintsch // *Current Trends in Textlinguistics.*– Berlin: Walter de Gruyter, 1978. – P. 8-19.
- Dijk T.A. van.* News as discourse. – New-York: Hillsdale, 1988. – 200 p.

Список использованной литературы

- Dijk T.A. van.* Social cognition and discourse // Handbook of language and social psychology. – New York: Academic Press, 1990. – P. 163–168.
- Donaldson T.* Values in Tension: Ethics Away from Home // Harvard Business Review. – 1996. – V. 74. – № 5. – P. 48–62.
- Eco U.* Semiotics and the Philosophy of Language. – Bloomington: Indiana University Press, 1984. – 242 p.
- Edgerton R. B.* Traditional Beliefs and Practices – Are Some Better than Others // Culture Matters: how values shape human progress/ ed. L.E. Harrison, S.P. Huntington. – New-York: Basic Books, 2000. – P. 126–140.
- Fairbanks M.* Changing the Mind of a Nation: Elements in a Process for Creating Prosperity // Culture Matters: how values shape human progress/ ed. L.E. Harrison, S.P. Huntington. – New-York: Basic Books, 2000. – P. 268–281.
- Fleischer W.* Stilistik der deutschen Gegenwartssprache/ W. Fleischer, G. Michel, G. Starke. – Frankfurt-am-Maine: Peter Lang, 1993. – 379 s.
- Fleischer W.* Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Berlin: Akademie, 1979. – 394 s.
- Foucault M.* Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines. – Paris: Gallimard, 1966. – 400 p.
- Foucault M.* Power // Knowledge. Selected interviews and other writings 1972 – 1977. – New-York: Ed. Gordon, 1980. – 157 p.
- Fraas C.* Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen. Die Konzepte «Identität» und «Deutsche» im Diskurs der deutschen Einheit. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996. – 285 s.
- Fukuyama F.* Social Capital // Culture Matters: How Values Shape Human Progress / ed. L.E. Harrison, S.P. Huntington. – New-York: Basic Books, 2000. – P. 98–111.
- Girnth H.* Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation // Germanistische Arbeitshefte. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag. – 2002. – № 39. – 127 s.
- Greimas A.-J.* Sémantique structurale. – Paris: Larousse, 1966. – 262 p.
- Gurevitch M.* Political Communication Systems and Democratic Values / M. Gurevitch, J.C. Blumler // Media Power in Politics/ ed. D.A. Graber. – 4th ed. – Washington, D. C.: CQ Press, 2000. – P. 24–36.
- Heinemann M.* Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. – 315 s.
- Jäger M.* Fatale Effekte. Die Kritik am Patriarchat im Einwanderungsdiskurs. – Duisburg: Edition DISS, 1996.– 213 s.

Список использованной литературы

- Kearny E. K.* The American Way / E. K. Kearny, M. A. Kearny, J. Crandall. – New-York : New -York Eaglewood Cliffs and New -York Prentice Hall, 1984. – 243 p.
- Kerbrat-Orecchioni C.* L'énonciation. De la subjectivité dans le langage. – Paris: Librairie Armand Colin, 1980. – 326 p.
- Keller R.* Diskursforschung. Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. – Opladen : Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. – 183 s.
- Lakoff G.* Metaphors. We Live by/ G. Lakoff, M. Johnson. – Chikago: University of Chicago Press, 1980. – 216 p.
- Lakoff G.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought // G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999. – 624 p.
- Les valeurs des Français* / sous la direction de P. Bréchon. – Paris: Armand Colin, 2003. – 352 p.
- Lewis D.* On the Plurality of Worlds. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 276 p.
- Lindsay S.* Culture, Mental Models, and National Prosperity // Culture Matters: how values shape human progress / ed. L.E. Harrison, S.P. Huntington. – New-York: Basic Books, 2000. – P. 282–295.
- Lippmann W.* Public opinion. – New-York : Harcourt, 1992. – 327 p.
- Ljung M.* Reflections on the English Progressive // Gothenburg Studies in English. – 1980. – Vol. 46. – P. 48–127.
- Macionis J.J.* Society. The Basics. – 6th ed. – New Jersey: Prentice Hall, 2002. – 513 p.
- Mermet G.* Francoscopie 2007. Qui sont les Français? Faits, chiffres, comparaisons, analyses, tendances. – Paris: Larousse, 2008. – 510 p.
- Montana P.J.* Management / P.J. Montana, B.H. Charnov. – 3rd ed. – New-York: Barrons, 2000. – 541 p.
- Moreno D.* Síntesis del derecho constitucional. – México: Univ. Autónoma de México, 1965. – 61 p.
- Morris Ch.* Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science. – 1938. – Vol. 1. – № 2. – Chicago : University of Chicago Press. – 59 p.
- Motsch W.* Ebenen der Textstruktur: Sprachliche und kommunikative Prinzipien. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996. – 332 s.
- O'Driscoll J.* Britain. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1997. – 224 p.
- Où vont les valeurs?* Entretiens du XXI-e siècle / Sous la dir. de Jérôme Bindé. – Paris: Editions UNESCO: Albin Michel, 2004. – 509 p.
- Ramella P. A.* Nacionalidad y ciudadanía. – Buenos Aires: Depalma, 1978. – 117 p.

Список использованной литературы

- Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. – New Jersey: Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27-47.
- Schröter M. Vom politischen Gebrauch der Rede. Wort. Text. Diskurs. Eine Einführung / M. Schröter, B. Carius. – Frankfurt am Maine: Peter Lang, 2009. – 157 s.
- Searle J.R. Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge; New -York: Cambridge Univ. Press, 1985. – 277 p.
- Tatsukawa K. Du sens. Le (post-) saussurisme et son autre // Histoire. Epistémologie. Langage. – Paris: PUV St-Denis, 1989. – P. 9 -102.
- Vetancourt F. Nacionalidad, Naturalización y Ciudadanía en Hispano América. – Caracas: El Cojo, 1957. – 369 p.
- Warnke I. Wege zur Kultursprache. Die Polifunktionalisierung des Deutschen im juridischen Diskurs (1200–1800). – Berlin, New -York: De Gruyter, 1999. – 179 s.
- Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 487 p.
- Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. – Berlin; New -York: Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.
- Wodak R. Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität / R. Wodak, R.de Cillia, M.Reisigl, K.Liebhart, K.Hoffstätter, M.Kargl.– Frankfurt am- Maine: Peter Lang, 1998. – 294 s.

Словари и справочные издания

- Большой толковый словарь русского языка /гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – 1536 с.
- Бочкарев А.Е. Семантический словарь. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003. – 200 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] Т. 4: Р-V. – [Репр. изд.]. – М.: Рус. яз. Медиа, 2005. – 683 с.
- Краткая философская энциклопедия / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: Прогресс, 1994. – 576 с.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект. – 2001. – 990 с.
- Франция: лингвострановедческий словарь / Л.Г. Веденина, С.В. Боботов, И.С. Вдовина и др. ; под ред. Л.Г. Ведениной. – М.: Интердиалект+: АМТ, 1997. – 1040 с.
- Шиммарев В.Ф. Словарь старофранцузского языка: к кн. для чтения по истории фр. яз. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 274 с.
- Delas D. Dictionnaire des idées par les mots. – Paris: Le Robert, 1979.– 608 p.
- Diccionario de la Lengua Castellana. La Academia Española. – Madrid: Francisco de Hierro, 1734. – 716 p.

Список использованной литературы

- Diccionario de la Lengua Castellana compuesto por la Real Academia Española.* – 4 ed. – Madrid: Joaquín Ibarra, 1803. – 929 p.
- Diccionario de la Lengua Castellana compuesto por la Real Academia Española.* – 9 ed. – Madrid: Imprenta Real, 1843. – 761 p.
- Diccionario de la Lengua Castellana compuesto por la Real Academia Española.* – 10 ed. – Madrid: Imprenta Nacional, 1852. – 730 p.
- Diccionario de la Lengua Castellana compuesto por la Real Academia Española.* – 11 ed. – Madrid: Grerorio Hernando, 1869. – 812 p.
- Diccionario de la Lengua Castellana compuesto por la Real Academia Española.* – 3 ed. – Madrid: Hernando y Compañía, 1899. – 1050 p.
- Diccionario de la Lengua Castellana compuesto por la Real Academia Española.* – 14 ed. – Madrid: Hernando y Compañía, 1914. – 1080 p.
- Diccionario de la lengua española. Real Academia Española.* – 18 ed. – Madrid: Espasa-Calpe, 1956. – 1370 p.
- Diccionario de la lengua española. Real Academia Española.* – 19 ed. – Madrid: Espasa-Calpe, 1970. – 1422 p.
- Diccionario de la Lengua Castellana compuesto por la Real Academia Española.* – 22 ed. – Madrid: Espasa-Calpe, 2001. – 1614 p.
- Diccionario de la Lengua Castellana compuesto por la Real Academia Española.* – Avance de 23 ed. – URL: www.rae.es.
- Dubois J. Dictionnaire étymologique / J. Dubois, H. Mittérand, A. Dauzat.* – Paris : Hachette, 2001. – 1078 p.
- Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd.: neu bearb. und erweiterte Auflage / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion.* – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999. – 4800 s.
- Littré E. Dictionnaire de la langue française: en 4 t. // conçu par J.-J. Pauvert.* – Paris : Gallimard, Hachette, 1958. – 2122 p.
- Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française.* – Paris: Dictionnaires LE ROBERT, 1979. – 2171 p.
- Robert P. Dictionnaire du français primordial / sous la direction de Paul Robert.* – Paris: Dictionnaires LE ROBERT, 1971. – 1208 p.
- Robert P. Dictionnaire historique de la langue française. T. 2: F-Pr / sous la direction d'Alain Rey.* – Paris: Dictionnaires LE ROBERT, 1992. – 2910 p.
- Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten / von Prof. Dr. Hans Schemann u. Mitarb. von Renate Birkenhauer.* – Stuttgart ; Dresden: Klett Verlag fuer Wissen und Bildung, 1991. – 428 s.

Список источников примеров

- А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин: избр. соч. / [редкол. Г. Беленький и др.]; вступ. ст., сост. О. Смолы. – М.: Худож. лит., 1991. – 702 с.
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – 1536 с.
- Великие мысли великих людей / сост.: А.П. Кондрашов, И.И. Комарова. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 1216 с.
- Есенин С.А.. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Стихотворения, поэмы. – М.: Современник, 1991. – 477 с.
- Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. С.Н. Голубова и др. – 2-е изд. – М.: ГИХЛ, 1960. – 560 с.
- Мудрые мысли на все времена: антология современного афоризма XIX – XX в.в. / [сост.: И.И. Комарова, А.П. Кондрашов]. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2007. – 436 с.
- Пословицы русского народа: сб. В. Даля: в 3 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1984. – 638 с.
- Пушкин А.С. Пир во время чумы // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 5. – С. 411–423.
- Распутин В. Деньги для Марии. Повести. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. – 328 с.
- Фадеева О.М. Афоризмы Э.М. Ремарка (Опыт сопоставит. словаря нем.-рус. вариантов)/отв. ред. Р.Р. Чайковский. – Магадан: Кардис, 2000. – 175 с.
- Bossuet J.-B. Oraisons funèbres. – Paris: Flammarion, 1865. – 214 p.
- Brayfield C. Pearls. – London: Penguin Books, 1998. – 694 p.
- Brown S. Chill Factor. – New York: Pocket Star Books, 2005. – 497 p.
- Camus A. La Peste. – Moscou: Editions du Progrès, 1969. – 334 p.
- Corneille P. Le Cid // Oeuvres.– Paris: Flammarion, 1886. – P. 37–117.
- Fowles J. The Collector. – New York: A Laurel Book, 1963. – 255 p.
- Francis D. For Kicks. – London: Pan Books, 1983. – 236 p.
- Greene G. The Heart of the Matter. – New York: Bantam Books, 1956.– 244p.
- King S. Bag of Bones. – New-York: Pocket Books, 1998. – 732 p.
- La Bruyère J. de. Les caractères ou les moeurs de ce siècle. – Moscou: Editions du Progrès, 1967. – 223 p.
- La Fayette Mme de. La Princesse de Clèves. – Paris: Gallimard, 1973. – 237 p.
- La Rochefoucauld. Réflexions. Sentences et maximes morales. – Paris: Garnier Frères, 1887. – 218 p.
- Ludlum R. The Holcroft Covenant. – New-York: Bantam Books, 1989.– 500 p.
- Martin du Gard R. Les Thibault. – М.: Editions en langues étrangères, 1960. – 1494p.

Список использованной литературы

- Meyer A. de.* Announcing the «Advanced Management Programme» from the International Business School // *Harvard Business Review.* – 1996. – Vol. 74, № 5. – P. 33.
- Molière J.-B.* *Tartuffe ou l'imposteur.* – Paris: Bookking International, 1996. – 89 p.
- Pascal B.* *Pensées.* – Moscou: Editions du Progrès, 1967. – 254 p.
- Priestley J.B.* *Angel Pavement.* – M.: Progress Publishers, 1974. – 503 p.
- Racine J.* *Phèdre.* – Paris: Hachette, 1859. – 86 p.
- Smith J.* *The Polka Dot Nude.* – New York: Jove Books, 1989. – 203 p.
- St. Augustine.* *De Musica.* A synopsis by Knight / ed. W.F. Jackson Knight. – London: The Orthological Institute, 1949.
- The Wellcome Trust Annual Record 1997/1998.* – London: The Wellcome Trust Publishing Department, 1999. – 44 p.
- 尔雅注疏·郭璞注, 邢昺疏» 中华书局1983年10月版.
- «尔雅译注». 胡奇光、方环海 上海古籍出版社1999年9月版
- «诗经词典». 向熹撰 四川人民出版社1997年7月版.
- «尚书综述». 蒋善国撰 上海古籍出版社1983年3月版.
- «基础汉字形义释源» 邹晓丽 北京出版社 1990 年.

Условные сокращения, принятые в данном издании

АЭМР	Фадеева О.М. Афоризмы Э.М. Ремарка (Опыт сопоставит. словаря нем.-рус. вариантов).
БМЕ	Блок А., Маяковский В., Есенин С. Избранные сочинения.
БТС РЯ	Большой толковый словарь русского языка.
ВМВЛ	Великие мысли великих людей.
ММ	Мудрые мысли на все времена. Антология современного афоризма. XIX – XX в.в.
ПРН	Пословицы русского народа.
DE	Dictionnaire étymologique.
DN	Dictionnaire historique de la langue française.
MR	Micro Robert.
RAE A 1734	Diccionario de la Lengua Castellana. La Academia Española.
RAE U 1803	Diccionario de la Lengua Castellana compuesto por la Real Academia Española.

Авторский коллектив

1. *Серебренникова Евгения Федоровна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Иркутского государственного лингвистического университета;
2. *Антипов Николай Петрович*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и переводоведения Иркутского государственного лингвистического университета;
3. *Викулова Лариса Георгиевна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета;
4. *Ладыгин Юрий Алексеевич*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Иркутского государственного лингвистического университета;
5. *Малинович Юрий Марцелиевич*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Иркутского государственного лингвистического университета;
6. *Плотникова Светлана Николаевна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Иркутского государственного лингвистического университета;
7. *Тарева Елена Генриховна*, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики обучения иностранным языкам Института иностранных языков Московского городского педагогического университета;
8. *Хахалова Светлана Алексеевна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Иркутского государственного лингвистического университета;
9. *Казыдуб Надежда Николаевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета;

10. *Литвиненко Татьяна Евгеньевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры испанского и итальянского языков Иркутского государственного лингвистического университета;
11. *Семенова Татьяна Ивановна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета;
12. *Готлиб Олег Маркович*, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры китаеведения Иркутского государственного лингвистического университета;
13. *Малинович Мария Васильевна*, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической лингвистики Иркутского государственного лингвистического университета;
14. *Шарунов Александр Иванович*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информатики Иркутского государственного лингвистического университета.
15. *Кулагина Ольга Анатольевна*, аспирант кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета;

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЭТНОСЕМИОМЕТРИЯ КАК СПОСОБ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АКСИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	7
Аспекты аксиологического лингвистического анализа	7
Ключевые понятия аксиологического анализа	27
Семиометрия как способ аксиологического анализа	41
ГЛАВА II. ЭТНОСЕМИОМЕТРИЯ ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ	49
Диахроническая семиометрия французского слова « <i>la valeur</i> »	49
Дискурсивное пространство как аксиологическая система	58
ГЛАВА III. СЕМИОМЕТРИЯ МОДУСОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА	77
Иерархия ценностей внешнего мира и внутреннего мира человека	77
Борьба против идентичности: ненависть в свете теории множественности миров	99
Феномен <i>Другого</i> в концептуализации внутренней сферы человека	117
Ценностные смыслы в семантическом пространстве причинности	128
ГЛАВА IV. СЕМИОМЕТРИЯ ЦЕННОСТНЫХ КООРДИНАТ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	145
Измерение и анализ прекрасного	145
Ценностные аспекты концепта <i>valeur</i> (на материале произведений французских писателей)	175
ГЛАВА V. СЕМИОМЕТРИЯ ЦЕННОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СФЕР ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА	196
Семиометрия рефлексии о ценностях современного общества	196
Динамика ценностных смыслов лингводидактики	231
Проблемы функционирования системы ценностей в современной отечественной педагогике	246
Латиноамериканский конституционный интертекст в свете проблем кодификации специальной лексики языка	262
ГЛАВА VI. СЕМИОМЕТРИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ МИРОВ	281
Аксиологические характеристики пространства и времени в языковой картине мира древних китайцев (на материале главы «Небеса» словаря «Эр'я»)	281
Дискурс симпатии и его этносемиометрические показатели	295
Список использованной литературы	332
Авторский коллектив	349

Научное издание

Серебренникова Евгения Федоровна, Антипьев Николай Петрович,
Викулова Лариса Георгиевна, Ладыгин Юрий Алексеевич,
Малинович Юрий Марцелиевич, Плотникова Светлана Николаевна,
Тарева Елена Генриховна, Хахалова Светлана Алексеевна
Казыдуб Надежда Николаевна, Литвиненко Татьяна Евгеньевна
Семенова Татьяна Ивановна, Готлиб Олег Маркович,
Малинович Мария Васильевна, Шарунов Александр Иванович
Кулагина Ольга Анатольевна

**ЛИНГВИСТИКА И АКСИОЛОГИЯ
ЭТНОСЕМИОМЕТРИЯ ЦЕННОСТНЫХ
СМЫСЛОВ**

Коллективная монография

Редактор Л.Г. Викулова
Компьютерная верстка И.В. Макарова

Подписано в печать 20.05.2011. Формат 60x88 ¹/₁₆. Печать цифр. Бум. офсет.
Гарнитура Bookman Old Style. 22п.л. Тираж 1000 экз. Заказ 0121.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.002373.03.06 от 24.03.2006 Федеральной службы по надзору
в сфере защиты прав потребителей и благополучия
человека РФ

Научно-исследовательское, информационно-издательское
предприятие «ТЕЗАУРУС»
121248, Москва, Украинский бульвар, 3/5, корп. 2, комн. правл.

Отпечатано в типографии издательства «ТЕЗАУРУС»
Тел./факс 8 (499) 252 14 31